



33.893 KM. CEDIDOS POR TRATADO DE PAZ DEL 21-VII-38

136.225 KM. RECONOCIDOS POR TRATADO DE PAZ DEL 21-VII-1938

110.700 KM. OCUPADOS POR PARAGUAY EN 1934

Царьков О.Е.
ЧАКО
1928-1938

Неизвестная локальная война

TOM II

12+

Олег Царьков

**Чако 1928-1938. Неизвестная
локальная война. Том II**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Царьков О. Е.

Чако 1928-1938. Неизвестная локальная война. Том II /
О. Е. Царьков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вторая часть книги про Чакскую войну и события вокруг неё. Второй том охватывает кампании 1934-1935 годов и историю Боливии и Парагвая в последующие годы. В приложениях дан перечень частей и соединений армий, а также список русских белоэмигрантов - участников войны.

Содержание

Часть IV. 1934 год.	5
1. Война в воздухе	5
2. Кампо Виа.	23
3. Перемирие и после него.	33
4. Первая половина 1934 года.	47
6. Смещение Даниэля Саламанки	76
7. Чакская война и мировое сообщество.	86
8. Война за пустыню.	101
1. Бои в предгорьях Анд.	117
2. Последние залпы.	127
3. Перемирие.	139
4. Тыл в годы войны.	152
5. Военные берут власть.	165
6. Через тернии к миру.	184
7. Тоталитарный Парагвай	199
8. Боливия на пути к революции.	212
Вместо заключения: уроки и последствия Чакской войны	219
ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЛИ АПОЛОГИЯ АВТОРА	233
Библиография	241

Часть IV. 1934 год.

1. Война в воздухе

Разведывательно-бомбардировочная авиация. Истребители. Учебные и транспортные самолеты. Авиационное вооружение. Динамика противостояния.

Перед началом конфликта командованием обеих противников рассматривала авиацию как фактор, определяющий исход войны. Труднопроходимое, лишенное воды Чако легко можно было пересечь на аэроплане, который сочетал в себе возможности как для атаки, так и обороны. Поэтому обе стороны, находясь под влиянием теории генерала Дуэ, стремились обеспечить за собой господство в воздухе. Первой гонку воздушных вооружений начала Боливия, имевшая к 1928 году 20 самолетов первой линии против 8 у Парагвая. Удачная бомбардировка Баия-Негры в 1928 году вызвала определенный шок у парагвайского главного командования, осознавшего опасность, нависшую над всеми водными коммуникациями страны. Всего за время войны Боливия приобрела и использовала 71 боевых, 16 тренировочных и 12 транспортных самолетов, а Парагвай, соответственно, 32, 12 и 9.

Важную роль в создании боевой составляющей ВВС Парагвая сыграл аргентинец Винсенте Альмонадас Альмонасид, известный как *El Cóndor Riojano*. Он родился в 1882 году в аргентинской провинции Ла Риоха в Аргентине. Он поступил на инженерный факультет Университета в Буэнос-Айресе, после окончания которого работал в провинции Буэнос-Айрес. После чего был послан во Францию для планирования системы водоснабжения. Во Франции прошел обучение в школе Фармана и в 1913 году получил патент пилота. В августе 1914 года поступил добровольцем во Французский Иностранный легион. Через 2 месяца он был переведен в авиацию, в 1915 году одержал победу в воздушном бою и получил звание сержанта. Войну Альмонасид закончил в звании капитана и стал кавалером Ордена Почетного Легиона.

По протекции полковника А.Швейцера Альмонасид был принят на парагвайскую военную службу и занял должность начальника Управления Аэронавтики. На этом посту он занялся созданием двух первых авиационных эскадрилий – разведывательно-бомбардировочной и истребительной. При этом он уделил большое внимание подготовке их личного состава, ряды которого дополняли пилоты из Аргентины и Уругвая. Вместе с ними он лично принял участие в боях за *Бокерон*. В апреле 1933 года он из-за разногласий с Генеральным Штабом он подал в отставку и покинул Парагвай. Основной причиной отставки был конфликт, связанный с приёмом на службу в парагвайские ВВС трёх итальянских пилотов, перегонявших закупленные самолёты. За годичный срок своего пребывания на посту начальника Управления Аэронавтики Альмонасид создал вполне эффективные воздушные силы, которые были вполне способны противостоять Авиационному корпусу Боливии. Немаловажным фактором, позволившим парагвайской авиации удерживать паритет в воздухе, были парковые мастерские, которыми на протяжении пяти лет руководил русский инженер Георгий Шмагайлов.

Разведывательно-бомбардировочная авиация Боливии в самом начале конфликта имела на вооружении 20 боевых машин (по шесть самолетов *Фоккер С-Vb*, *Вуккерс* Тип 149 *Vespa III* и *Breget 19* и 2 *De Haviland D.H.9*). Первые боевые самолеты, попавшие на вооружение боливийских ВВС, были многоцелевые бипланы *Breguet XIX*. Первый *Бреге* появился в небе страны в августе 1924 года. 6 августа следующего года прибыл второй самолет. 21 октября 1926 года на вооружении находились уже четыре французских биплана-разведчика. С нарастанием проти-

воречий в Чако были приобретены еще три дополнительных машины за счет средств Комитета пропаганды и обороны, а еще один был даром оловянного магната Симона И.Патиньо. Заказанные машины прибыли 15 сентября и 3 октября, соответственно. Эти надежные самолеты сыграли очень важную роль в ходе противостояния в Чако в 1928-32 годах. Они использовались для облета неисследованных районов и воздушной разведки парагвайских позиций. Так, 18 января 1928 года один из *Бреге* участвовал в авианалете на долину реки Парагвай. Из-за усиленной эксплуатации к 1932 году в боевом состоянии оставались только три французских биплана, которые в октябре были переброшены с боливийской авиабазы Эль Альто в *Муньос*, где один из них погиб. После эвакуации Чако три *Бреге* базировались на Ла-Пас и выполняли роль дальних разведчиков.



Основа бомбардировочной авиации Боливии была заложена, когда в 1925 году в страну при посредничестве *Aircraft Disposal Company* (ADC) прибыли два списанных британских бомбардировщика *De Havilland D.H.9*, которые первоначально использовались для перевозки правительственных грузов в северных и восточных департаментах страны. Их пилотировали британские подданные Дж.Р.Дж.Кинг и Дж.Клэпхэм. В 1930 году они были переданы в состав авиашколы, а пилоты поступили на военную службу. Эти тихоходные самолеты накануне войны все еще обслуживали восточные военные гарнизоны до тех пор, пока не был исчерпан их моторесурс. 12 января 1925 года технический директор авиашколы капитан Р.Варгас Гусман заказал в Голландии шесть первых настоящих бомбардировщиков *Фоккер С-V*. Пять из них прибыли в Боливию в 1926 году, а шестой через год. Как и *Бреге*, *Фоккеры* приняли активное участие в конфронтации в Чако и сильно износились. Так, один из них участвовал в воздушном налете на Консепсьон 18 января 1928 года, но больше в военных действиях не применялись. К началу 1932 года на вооружении боливийского Авиационного Корпуса оставалось только два биплана, которые действовали в Чако вплоть до конца 1933 года. При отступлении они были сожжены.

При получении в 1927 году займа развития правительством Э.Силеса были заказаны на заводах *Виккерс* шесть бомбардировщиков *Vespa III* тип 149. Они прибыли в Ла Пас между 23 марта и 25 июля 1929 года и обошлись казне в 34340 фунтов. Как и остальные самолеты *Виккерса*, они строились специально для высокогорных условий и полетов в разреженной атмосфере. Уже в июне 1932 года они составили боевую группу Авиационного корпуса. 18 июля три самолета были сведены в разведывательную эскадрилью и переброшены в Вилью Монте. Подкрепленная другими самолетами, она сразу включилась в борьбу за господство в воздухе

и понесла первые потери. В конце июля *Веспа* N5 была сбита огнем ПВО и совершила вынужденную посадку у *фортина Акино*. Ее экипаж попал в плен, а сам биплан был захвачен и восстановлен парагвайцами. В августе-сентябре *Веспы* приняли активное участие в боях за *Боке-рон*, а с октября по декабрь – на 7 километре. После прибытия на фронт новых самолетов из США *Веспы* были выведены в резерв и переданы молодым пилотам. 25 февраля 1933 года один из британских бипланов был сбит парагвайскими ПВО, другой самолет погиб во время аварии, а третий упал в районе Сан-Антонио во время защиты Бальвивьяна 8 июля 1934 года. К 1935 году в составе боливийских ВВС оставалась только одна *Веспа*, снятая с вооружения только в 1940 году.



Помимо боевых самолетов для нанесения бомбовых ударов могли использоваться приобретенные в 1930 году *Юнкерсы* модели W 34сi. Однако, из-за отсутствия необходимого вооружения они использовались, в основном, в транспортных целях. В 1933 году боливийское правительство решило приобрести три таких самолета в военном варианте K43 с двойным комплектом вооружения. Эта сделка была совершена при посредничестве шведской фирмы АВ Flygindustri, зарегистрированной в Лимхамне. Одним из ее условий была передача самолетов после войны в состав ЛАБ. Заказ поступил в Боливию зимой 1934 года. Перелет совершался через Колумбию. Перелетом руководил британский летчик Т.В.Смит, поступивший на службу в боливийские ВВС. В сентябре *Юнкерсы* были включены в состав эскадрильи *Пунта де Алас* (Раскрашенные крылья), базировавшаяся в Куруренде. Помимо K43 в нее входили довооруженные W34 и один *Оспри*. Эскадрилья сразу была брошена в бой над Пикуйбой и потеряла одну из машин (K43). Самолеты эскадрильи участвовали в боях над Эль Кармен, наносили

бомбовые удары по Камачо, а затем участвовали 24 января в налете на парагвайские позиции у Чарагуа.

В ходе войны действия боливийских бомбардировщиков оказались менее эффективными, чем парагвайских. Несмотря на меньшее количество боевых машин последняя оказалась опасным оружием, особенно в первый год военных действий. Первые бомбардировщики были приобретены Парагваем в Италии. Это были бипланы фирмы *Ансальдо* SVA-5 и SVA-10. Они были получены правительством в период гражданской войны 1922-23 годов и сыграли в ней выдающуюся роль. Последние две итальянские машины состояли на вооружении до 1932 года, когда их пилоты пересели на *Потезы*.



Приобретение французских машин стало результатом гонки вооружений, развернувшейся в Южной Америке с конца 20-х годов. Узнав о прибытии 15 самолетов *Виккерса* в Боливию, Парагвай предпринял меры для усиления своей авиации. 10 января 1928 года через французскую миссию были заказаны семь новейших бипланов Potez 25 A-2. Их стоимость вместе с доставкой через Монтевидео составляла 1482326 франков или 211618 франков за самолет. Две машины прибыли в Асунсьон 9 октября 1928 года, но со всей поставкой не уложился в срок (22 марта 1929 года), поскольку один из самолетов второй партии (5 самолетов) был поврежден при перегрузке в бухте Монтевидео. Его замена прибыла только после 1 июня 1932 года

Прибывшие самолеты были доставлены на единственный подготовленный парагвайский аэродром в Нью-Гуасу, где была развернута 1 разведывательно-бомбардировочная эскадрилья в составе шесть *Потезов* (NN1-6). Здесь в 1929-32 годах были подготовлены 25 пилотов и 18 авиамехаников. Результат усиленных тренировок привел к аварии одного из *Потезов* (N2) и износу обоих *Ансальдо*. В конце июня 1932 года, когда была закончена ВПП Исла-Тагуато три самолета перебазировалась туда. Однако из-за неготовности полосы боевые вылеты начались только 20 августа. Тем временем, в Исла-Пой, где находилась главная база парагвайской армии, было закончено строительство еще одной ВПП. Базируясь на нее, все пять *Потезов* с 9 по 29 сентября совершили 12 бомбовых ударов по противнику и 27 разведывательных полетов. 29 сентября во время одного из них произошел бой между *Потезам* и *Воспой*. В октябре два

парагвайских биплана во время налета на *фортин Акре* столкнулись с двумя *Бреге* противника. *Потезы* продолжали свою активность до 4 декабря, когда самолет N65 был сбит боливийской *Скаутом* капитана Р.Пабона.

Парагвайское военное руководство высоко оценило роль авиации во время осады *Боке-рона* и запросило правительство об организации второй легкомоббардировочной эскадрильи. Для решения этой проблемы президент Э.Айяла обратился к аргентинскому военному атташе полковнику Швейцеру. По его указанию аргентинская военная миссия в Париже разместила заказ на поставку пяти Потезов модификации 25 ТОЕ (N7) для аргентинской армии по цене 211750 франков. Деньги были выделены Аргентиной в рамках секретного займа 1932 года. Вскоре число машин было увеличено до семи. Хотя один из ТОЕ участвовал в боях над *Нанавой* в январе 1933 года, доставка машин из-за эмбарго растянулась до марта 1933 года, когда была создана 2 бомбардировочно-разведывательная эскадрилья. В нее поступили вновь прибывшие *Потезы* модели ТОЕ, а в состав 1 были включены 1 А-2 (прибывший на замену потерянного в Монтевидео). В снабжении осажденного фортина приняли участие четыре самолета (N3, 4, 5, 7) доставивших за 14 рейсов 1610 кг боеприпасов. С появлением *Фиатов* на вооружении истребительной авиации позволило активизировать действия бомбардировщиков, число которых достигло 12. Так, 3 июня 6 *Потезов* ТОЕ при поддержке двух *Фиатов* атаковали войска противника у *Платанильоса*, сбросив на него тонну бомб. При посадке в Исла-Пой на машине N14 сдетонировали две несброшенные бомбы. В результате экипаж самолета погиб, а биплан был так разрушен, что не подлежал восстановлению. Эта потеря оказалась в 1933 году не последней: *Потез* N8 потерпел аварию и был направлен в Сайонию на восстановление. Хотя парагвайская авиация проявляла активность в августе и, особенно, октябре 1933 года, когда развернулись бои у Кампо Виа, эти потери оказались единственными. В начале 1934 года 2 эскадрильи была пополнена построенной из обломков машиной N15 и перелетела на ВПП в Кабезоне, где приняла участие в боях над *каньядами* Стронгест и Эль Кармен. В этом районе состоялся самый крупный воздушный бой войны, во время которого 10 парагвайских самолетов (8 *Потезов* и 2 *Фиата*) в течение 20 минут отбивались от 11 боливийских (*Оспри* и *Хок*) и без потерь вернулись на базу. Несколько дней спустя 8 июля 4 *Потеза* (N5, 10, 13, 15) с высоты 900 метров неожиданно атаковали *Бальвивьян*, на который сбросили 120 бомб.

12 августа на долю *Потеза* N11 выпал небывалый успех: в воздушном бою над Чако его пилотам удалось сбить *Оспри* боливийского асса Р.Пабона. С падением *Бальвивьяна* в сентябре парагвайские самолеты были переброшены на новые ВПП в Пикуибе, Камачо и Ирендаге и приняли участие в нескольких воздушных боях и бомбардировках. 12 декабря в бою с Пунта де Алас был сбит *Потез* N13, экипажу которого удалось спастись. Несмотря на разборку последних *Вибо*, моторы которых были использованы для ремонта *Потезов*, к началу 1935 году в составе действующей авиации в среднем находилось только шесть (из девяти) машин, базировавшихся на передовом аэродроме в Ибамиранте. Это сказалось на действиях парагвайской авиации, которая старалась компенсировать свою малочисленность активностью. Так, четыре самолета приняли участие в бомбардировке города Чарагуа, а 14 июня (за день до прекращения огня) сделала 15 вылетов на следующий день два из них эскортировали парагвайскую миссию, прибывшую на *Бреде* 44 в Вилью Монте для ведения переговоров.

К моменту заключения мира в строю оставались только 4 самолета (N5, 7, 9, 11), составившие 1 разведывательно-бомбардировочную эскадрилью *Нью-Гуасу*. Остальные были потеряны в бою (№6 и 13), а прочие потерпели аварии или остались без запасных частей. Машина №7 с генералом Эстигаррибией на борту потерпела аварию в 1940 году, а последние 3 *Потеза* были сняты с вооружения в 1943 году. Эта статистика указывает на удачный выбор модели самолета, сделанный парагвайским командованием. Особняком в ВВС стоял самолет Кэртиса D-12 Falcon, который ранее принадлежал конституционалистам Сан-Паулу. Он (без вооружения) был перехвачен истребителями над Восточным Парагваем при перелете из Чили в Бра-

зилию. После посадки он был конфискован, вооружен двумя 7.7 мм пулеметами *Виккерса* и включена в состав 1 эскадрильи под номером 17. Эта самая мощная машина, в основном, использовалась как президентский самолет, хотя известны случаи, когда *Фалькон* выполнял разведывательные полеты. Он был снят с вооружения в 1943 году вместе с *Потезами*.

Превосходство *Потезов*, выявившееся в 1932 году, заставили боливийское командование искать альтернативу *Веспам*. Они были найдены в США на заводе фирмы Кэртис-Райт в Сент-Луисе. Им стал самолет С14 *Bolivian Osprey*. Эта модель появилась на латиноамериканском рынке в середине 1931 года, когда две машины приобрела Панама. За 1932-3 годы фирма продала еще 9 бипланов (по 2 в Сальвадор, Венесуэлу, Эквадор и 3 в Колумбию), но главным их покупателем стала Боливия, которая получила в общей сложности 20 машин. Первая партия из 12 машин прибыла в Ла-Пас частями с конца 1932 года по 31 января, а еще шесть – в мае 1933 года. В сентябре были заказаны еще девять машины, но из-за введения эмбарго экспортированы из США только три. Две из них прибыли в Боливию, а третья была задержана таможней Чили и конфискована. Столь крупный объем поставки привел к назначению фирмой Кэртиса своего сотрудника Бергера представителем по приемке самолетов. Первая сделка была заключена весной 1932 года через подставных лиц – чилийских граждан Ф.Панчо Эченике и Куэто Посо. Когда государственный контролер республики увидел цифры их комиссионных, он 9 февраля направил президенту доклад, в котором призвал вступить в прямые переговоры с президентом Curtiss-Wright exports С.В. Уэбстером, что и было сделано. Следствием этого стало назначение на смену Бергеру С.К.К. Трэвиса, сыгравшего важную роль в становлении ВВС.



Первые *Оспри* появились на фронте в конце декабря 1932 года и поступили в распоряжение начальника Авиационного корпуса полковника-лейтенанта Бернандино Бильбао Риохи, составив 3 боевую эскадрилью. 2 января они совершили первый боевой вылет. Они приняли активное участие в бомбардировках *Нанавы*, *Баия Негры* и *Тоledo*, в ходе которых понесли большие потери. Так, в феврале огнем ПВО противника были сбиты два самолета (у фортинов *Карайя* и *Тоledo*), а у фортина *Флорида* разбилась еще одна машина, а три потерпели серьезные аварии. К 24 марта в строю осталось только шесть самолетов из дюжины прибывших с первой партией. Пять из них находились в аварийном состоянии и требовали ремонта. По предложению

нию Трэвиса боливийское командование заказало в США ремонтное оборудование и запасные части для ремонта машин и 18 парашютов для обеспечения безопасности летчиков. В конце марта 1933 года во время разведывательной миссии над рекой Парагвай был сбит на высоте 1000 футов (300 м) единственный боеспособный *Оспри*. Наблюдатель впервые в истории войны использовал парашют и спасся, но пилот и самолет погибли. Однако к этому времени начали работать авиаремонтные мастерские, где работали несколько бывших механиков фирмы Кэртис. Они были зачислены в вооруженные силы Боливии, где получили воинские звания. Так, начальник авиамастерских Д.Донели стал капитаном ВВС с окладом \$75 в неделю на полном содержании.

К концу марта шесть *Оспри* были восстановлены и вступили в строй и прибыли в *Муньос*. 27 апреля они совершили крупный авианалет на Пуэрто-Касадо. После этого боливийские летчики приняли участие в боях над Чако, в которых потеряли еще три *Оспри* (в сентябре 1933 года, 22 мая и 12 августа 1934 года). В 1934 году самолеты состояли на вооружении эскадрильи *Оспри*, базирующейся на Ингави и Пуэрто-Суарес и двух смешанных авиагрупп (в Куэво – Чарагуа и Вилье Монтес – Якуйбе). Два самолета были потеряны боливийскими ВВС в 1935 году, а еще 5 в авариях. К концу войны в составе Авиационного корпуса находилось только 3 *Оспри*. Их должны были сменить более мощные самолеты Кэртиса-Райта *Cyclon Falcon*. Эти самолеты поступили только в сентябре 1934 года. Однако два из них потерпели аварии по поступлению на фронт, а третий от вражеского огня на ВПП в Вилье Монтес. Два других погибли в апреле при патрулировании боливийского воздушного пространства. Тем не менее, оставшиеся машины пробыли на вооружении до 1 января 1949 года. На последнем этапе войны, во время эмбарго, боливийская авиация стала испытывать недостаток в боевых машинах. В этих условиях старые самолеты были возвращены в строй. Однако это не увеличило активность Авиационного корпуса, поскольку, по свидетельству командира Авиационного Корпуса в 1935 году Бильбао Риохи, «летчики боялись летать на этих гробах». Комплектация боливийских авиационных подразделений однотипными американскими и немецкими машинами чрезвычайно облегчили техническое обеспечение и снабжение авиаполевых частей, а также обучение персонала. Несмотря на относительно высокую стоимость материальной части качество самолетов фирм *Кэртис-Райт* и *Юнкерса* выгодно отличалось от английских моделей. Наличие неплохо оснащенной ремонтной базы позволяло боливийцам сохранять относительное превосходство в воздухе с начала 1933 года. Выбор моделей и создание боеспособной бомбардировочной авиации являлось безусловной заслугой начальника Авиационного корпуса Бернардино Бильбао Риохи.

В конце войны, не надеясь победить на земле, боливийское правительство заказало фирме Кэртис-Райт пять громадных по тем временам бомбардировщиков *Кондор*, радиус действия которых должен был достигать Асунсьона. Эмбарго на поставки оружия и недостаток средств задержали их строительство и не позволили принять участие в войне. Впоследствии *Кондоры* были проданы Перу, где использовались в гражданской авиации в качестве грузопассажирских самолетов. Их конструирование дало первотолчок к созданию стратегической авиации США. Многие элементы конструкции *Кондоров* впоследствии были использованы при проектировании знаменитых «летающих крепостей» В-17.

Слабость парагвайской бомбардировочной авиации была настолько очевидной, что в 1934 году, невзирая на финансовые трудности, агенты Асунсьона начали переговоры с миссис Виктор Брюс, которая предложила продать шесть снятых с вооружения британских бипланов *Фэйри Фокс* по цене 1000 фунтов стерлингов за машину. Эти легкие дневные бомбардировщики были спроектированы по аналогии с машинами *Кэртиса* и теоретически могли составить достойную конкуренцию противнику. Самолеты должны были поступить через Аргентину к середине 1935 года. Как в последствии выяснилось, эти машины были приобретены агентами

поставщика на свалке авиазавода по 50 фунтов стерлингов за штуку. Только прекращение огня в Чако сорвало заключение этой сделки.



Наличие значительных открытых водных пространств определило необходимость использования Парагваем гидропланов. Перед войной в составе речной флотилии было сформировано звено для патрулирования верхнего течения реки Парагвай. Оно состояло из двух гражданских машин (CANT 10 ter и Savoia S59bis), которые не могли решать боевые задачи. Парагвайское командование переоценило угрозу со стороны Диего-Суареса и заказало два боевых гидросамолета MACCHI M18AR. В феврале 1933 года они поступили на вооружение под номерами R-3 и R-5. Гидропланы приняли активное участие в боевых операциях и вплоть до конца 1934 года несли боевую службу. В середине 1934 года они были переброшены на Рио Пилькомайо для усиления авиационной поддержки войск под Вилья-Монтес. В начале 1935 года обе машины были отправлены на ремонт в Сайонию и вернулись в строй в мае. В августе один из гидропланов (R-3) потерпел аварию. Вторая машина оставалась в строю до 1 июля 1943 года, когда была зачислена в резерв. Она использовалась в разведывательных целях в революции 1947 года и в том же году была сдана на слом (31 октября).

Истребительная авиация Боливии возникла в 1926 году, когда на ее вооружение поступил первый самолет – победитель французского конкурса 1925 года на лучший истребитель – Gourdou-Leseurre LGL.32 C-1. В 1927 году в Великобритании были заказаны шесть самолетов *Виккерса* тип 143. Bolivian Scout. Стоимость контракта составила 30433,12 фунтов. Эти самолеты прибыли в Ла-Пас весной 1929 года. В 1930-32 годах две британские машины потерпели аварии, а LGL был снят с вооружения, поэтому Боливия вступила в войну только с 4 современными истребителями. Вследствие своей малочисленности *Скауты* не могли активно противодействовать парагвайской авиации. Однако их пилоты одержали ряд побед. Так, капитан Рафаэль Пабон сбил *Потез* №6 над *Сааведрой*, а через год – капитан Луис Эрнст новейший парагвайский *Фиат*. В 1933 году боливийцы в авариях потеряли два самолета, а в следующем году – еще один. К концу войны в составе боливийских ВВС оставался только один *Скаут*, в составе авиационной группы у Куруренды.



Во время инцидента в Вангардии налетам авиации противника мог противодействовать только один парагвайский истребитель *Савойя* S52. По предложению французской миссии, боливийской авиации должны были противостоять 7 парагвайских истребителей Wibault Тип

73 С.1. В том же году они были заказаны во Франции за 1815272 франка (120000 долларов). Заказ прибыл в точку назначения в июле 1929 года. В предвоенные годы был потерян только один самолет, а остальные были направлены на театр военных действий. Таким образом, в начале войны семи парагвайским истребителям (6 *Вибо* и *Савойя*) противостояли только четыре боливийских. Французские истребители оказались скоростнее британских машин, состоявших на вооружении противника. Однако они имели серьезный недостаток – ненадежный мотор.



Уже в начале войны часть *Вибо* была вынуждена задержаться при перебазировании в Исла-Тагуато из-за неисправности моторов. В ходе боев за *Бокерон* были безвозвратно потеряны вследствие неисправности двигателей два истребителя. Оставшиеся к концу 1932 года в строю четыре французских самолета и *Савойя* активно использовались парагвайским командованием в борьбе с противником, который потерял два самолета. Парагвайские истребители оказались непригодными при борьбе с *Оспри*, превосходившими их в скорости и маневренности, а *Савойя* в результате аварии 8 мая 1933 года окончательно вышла из строя. В последний год войны три самолёта были разобраны на запасные части для более эффективных *Потезов*. К 1935 году в строю оставался только один *Вибо №7*, который принял участие в параде Победы 20 августа.

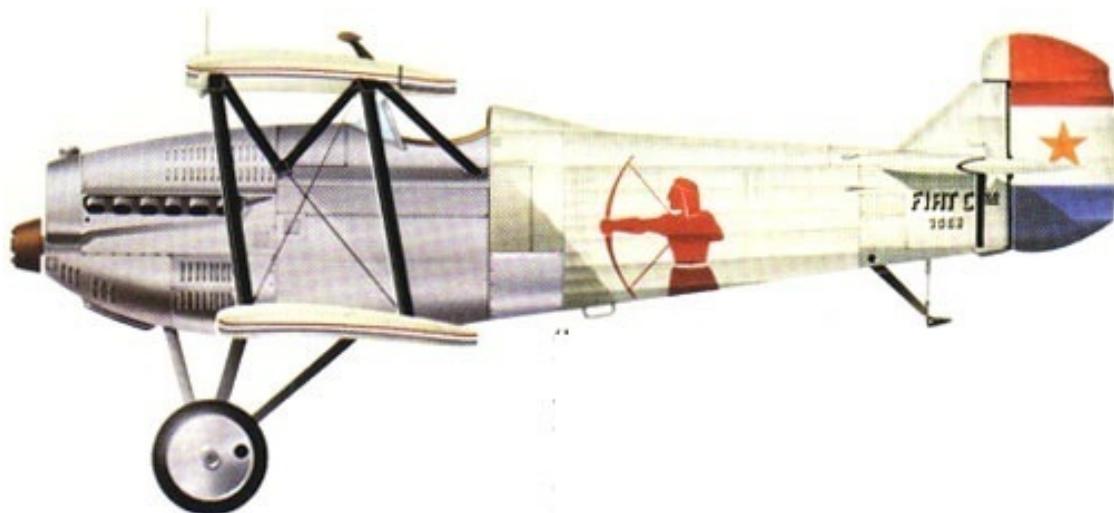
Руководство ВВС обеих противников искало новые модели и поставщиков, которые могли бы обеспечить господство в воздухе. Уже в начале 1932 года боливийские военные заинтересовались моделью Кэртиса Hawk II, которую в 1928-29 годах рекламировал Дж. Дулитл. Однако тогда под влиянием генерала Г.Кундта и его окружения предпочтение было отдано моделям *Виккерса*. С развитием конфликта президент Д.Саламанка, которому легло на стол сообщение о почти двойном превосходстве парагвайской истребительной авиации, дал согласие на размещение заказа в США на поставку новых самолетов. Первые четыре *Хока* модификации 35А прибыли в Боливию 19 декабря 1932 года. Эффект их появления на фронте побудил боливийское руководство заказать еще несколько машин. Благодаря возросшим финансовым возможностям страны фирме *Кэртис* были заказаны еще пять *Хоков* и три более мощных

Sea Hawk II модификации 65. Шесть самолетов должны были доставить в Ла-Пас 18 июля 1934 года, а два *Си Хока* девять дней спустя. Однако Боливии достигли только пять машин, поскольку два самолета были арестованы перуанской таможней 27 июля 1934 года, а один – чилийской.



Таким образом, за годы войны Боливия получила 8 самолетов модификации 35А (один поврежденный) и только один 65. Первый *Хок* появился в небе над Нанавой 2 января 1933 года, и с этого момента господство в воздухе над Чачо перешло к боливийской авиации. Одним из успехов новых самолетов было уничтожение 11 декабря 1934 года *Потеза* N13 у Капиренды. В ходе войны Боливия потеряла три самолета, но только один из них был сбит. Это произошло 26 декабря 1934 года у Мачерити, когда лейтенант К. Лацо де ла Вега попытался штурмовать парагвайские позиции у *фортина Пуэсто Сентраль* и был сбит зенитным огнем. К середине 1935 года в составе боливийских ВВС числились пять *Хоков*. Большинство из них состояли на вооружении вплоть до конца II мировой войны.

В начале 1933 года парагвайские летчики-истребители очень быстро обнаружили, что на своих тихоходных Wibault Тип 73 С.1 не могут угнаться за *Оспри* и уступают *Хокам*. Для ВВС требовались новые машины. Еще в 1930 году итальянцы рекламировали истребители *Фиат* CR. 20, указывая на их прекрасные летные характеристики. В 1932 году аргентинцы информировали Асунсьон о боливийской авиационной программе. Тогда было принято решение возобновить переговоры с итальянцами. Соглашение о поставке 7 самолетов было заключено в рекордные сроки и вызвало панику в американском посольстве, которое приложило все усилия, чтобы сорвать доставку заказа по месту назначения. Однако правительству дуче было безразлична позиция США и в марте 1933 года 5 бипланов Fiat CR.20bis и две летающие лодки *Масчи* были выгружены в Монтевидео и доставлены в Парагвай. Однако итальянские рекламные данные оказались сильно завышенными по сравнению с их реальными летными характеристиками, а самими машины очень капризными. Тем не менее, итальянские самолеты составили основу 11 истребительной эскадрильи “Los Indios” (*Индейцы*) в составе Действующей авиации (Aviación de Camrapa) страны на втором этапе войны. 25 мая эскадрилья перелетела в Концепсьон. Во время перебазирования на Концепсьон эскадрилья потеряла два самолета (№7, 9), которые потерпели аварии не успев вступить в бой. В июне *Индейцы* перелетели в Исла-Пой, предоставив учебно-истребительной эскадрилье, укомплектованной оставшимися в строю *Вибо* (№3, 5, 6, 7) защищать Восточный Парагвай.



11 июня 1933 года четыре *Оспри*, безнаказанно бомбивших Исла-Пой, были вынуждены быстро ретироваться при виде итальянских *Фиатов*. На следующий день здесь появились девять боливийских самолетов (3 *Хока*, 5 *Оспри* и *Скаут*), которые тотчас были атакованы всеми тремя итальянскими бипланами. В ходе боя боливийские самолеты ретировались, оставив *Скаут* капитана Л.Эрнста на растерзание. Однако боливийскому немцу удалось не только уберечь свой самолет, но и сбить один из истребителей противника (N1), пилот которого погиб. Однако к этому времени в Сайонии был восстановлен *Фиат* N7. Он пополнил ряды *Индейцев*, восстановив прежнее количество боевых машин. Их число сократилось вновь 4 марта 1934 года, когда разбился биплан N3. Тем не менее, парагвайские летчики-истребители постарались компенсировать свою малочисленность повышенной боевой активностью. Во время одного из рейдов им удалось перехватить у Куруренды два *Оспри* и повредили один из них. Оба оставшихся истребителя пережили войну и приняли участие в Параде Победы. Таким образом, аварийность *Фиатов* была следствием не столько технического несовершенства этих машин, сколько результатом недостаточной подготовки лётчиков. Именно поэтому большинство пилотов эскадрилии «Индейцы» были иностранцами, такими как Уолтер Гуин, Яков фон Застроф и Владимир Александрович Парфёненко. Последнего нельзя рассматривать как идейного переселенца в Парагвай. Скорее это был профессионал-наёмник, служивший там, где его услуги были востребованы. Об этом хорошо говорит его послужной список.

В 1916 г. он служил на Чёрном море, затем получил специальность морского лётчика и продолжил службу на Балтике. Какое-то время он служил большевикам, но затем поддался уговорам капитана А.Крашенинина (Торрика), работавшего на белофиннов. За перегон самолета каждому из лётчиков было обещано 100 тысяч марок и жалование 3 тысячи марок в месяц. 11 апреля 1918 г. Парфёненко, совместно с М.И.Сафоновым, И.Н. и О.Н.Зайцевскими, а также капитаном А.Крашенининым и супругой М.И.Сафонова перелетели в Финляндию на двух "Ньюпорах-10" и двух "Ньюпорах-11". В финских источниках упоминается также старший лейтенант Михаил Шаблович, но в списках офицеров флота 1916-1917 гг., офицер с такой фамилией отсутствует. В целях конспирации на финской службе В.А.Парфёненко числился как капитан Вальдемар Адлерхейм (взяли псевдонимы и другие авиаторы). С июня по сентябрь 1918 г. он преподавал в авиационной школе в Утти, готовивших первых финских пилотов. Правда, карьера Парфёненко и других русских пилотов в финской авиации оказалась недолгой. Они были отправлены в отставку уже в 1919 году. Вскоре после увольнения пути лётчиков разошлись. Вскоре Парфёненко оказался в весьма стесненных финансовых обстоятельствах и вместе с братьями Зайцевскими отправился в Швецию. откуда они надеялись попасть

на территорию, подконтрольную правительству Колчака. Здесь они оказались вовлечёнными в «*Лигу убийц*», организованную полковником Хаджи-Лаше, бандитской шайки вымогателей, убийц и грабителей, сколоченной полковником русской службы Магомед Хаджи-Лаше в Стокгольме из белоэмигрантского и иностранного сброда. В эту организацию вошли безработные белые офицеры: лейтенанты Щенснович и Парфёненко, поручик Биттенбиндер, капитан Ларский, поручики Игорь и Олег Зайцевские с женами Ольгой и Валентиной, генерал-майор Гиссер с сыновьями, вдова белого офицера Анна Потулова, американец Реджинальд Лерс, шведы Оссиан Улльгольм и Аниан Эрикссон, датский купец Вальдемар Ларсен. Целью Лиги были объявлено убийство большевиков, но в реальности она занималась банальной уголовщиной, да еще и зверствами, о чём свидетельствуют материалы уголовного процесса по убийству Кальве, Левицкого и Ардашева. За три зверских убийства, грабежи и подлоги на сентябрьском процессе Хаджи-Лаше получил 10 лет тюрьмы, другие члены Лиги – от 3 до 8 лет, а Ларский и Ларсен были высланы из Швеции. В.А.Парфёненко получил восемь лет тюрьмы и в конце 20-х оказался в Вене, откуда уехал в Асунсьон. О его службе в Парагвае известно немного – он воевал в составе истребительной эскадрильи, но ничем особенно не отличился. Согласно воспоминаниям А.Г. Экштейна-Дмитриева, Парфёненко позже был пилотом санитарного самолёта. По окончании боевых действий Парфёненко пережил войну служил лётчиков-инструктором в лётном училище. В 1938 году он заболел туберкулезом и вернулся в Европу. Его друзья добились от финского правительства для него пенсии, но больной пилот умер в Вене, не дождавшись перевода денег.

Тренировочные самолеты обеих стран состояли из самолетов различных моделей. Так, боливийский парк включал самолеты пяти типов. Первые учебные самолеты боливийских ВВС были 4 Morane-Saulnier 35, приобретенные в 1923 году. Через два года их дополнили 6 самолетов Caudron C97 и C59. На них швейцарская миссия обучала будущих участников войны полётам. Последний C97 был снят с вооружения в 1934 году. 3 самолета фирмы *Виккерс* типа 155 Vendace III стоимостью 9997,19 фунтов стерлингов сменили старые *Мораны* при переобучении на британские машины. Учебный парк в после инцидента в Вангардии пополнили 3 *Юнкерса* A50, находившиеся в распоряжении авиакомпании ЛАБ. Они использовались для учебных полетов в окрестностях Кочабамбы, а потом были переброшены в *Муньос*. Учебные *Виккерсы* и *Юнкерсы* использовались не только по своему прямому назначению. Часто они выполняли функции самолетов связи и разведки. Еще до войны в результате аварий во время тренировки был потерян один *Виккерс*, а в 1933 году – *Юнкерс*. После этого обе немецкие машины и одна британская были перебазированы на север. Второй *Виккерс* базировался в *Сааведре* и служил в качестве самолета связи. При ее сдаче в конце 1933 года он был сожжен своими при отступлении. Таким образом, к концу 1933 года в распоряжении летной школы оказалось только три современных тренировочных самолета. Выбывшие самолеты заменили 3 машины *Кэртис-Райт* CW-16E, которые составили костяк авиационной школы в Эль Альто. Американские самолеты были заказаны в сентябре 1933 года, когда выяснилось, что многих боливийских лётчиков надо переобучать на машинах *Кэртиса*. Однако из-за эмбарго CW-16 прибыли только в начале 1934 года. 19 мая 1934 года один из них разбился в окрестностях Вилья-Монтес, а остальные прослужили до 1945 года.

Парагвайцы обладали еще более разношерстным учебным парком. Их пилоты обучались на тренировочных самолетах пяти типов. Первые два аэроплана (Saml A3 S-1) поступили на вооружение ВВС в 1922 году и прослужили до 1927 года. Им на смену пришли 5 машин (3 Hanriot HD-32EP2 и 2 Morane-Saulnier моделей 35 и 139), прибывших вместе с первой партией *Потезов*. В канун войны парк авиашколы пополнился 5 аэропланами аргентинского производства (Fleet Model 2), которые сменили устаревшие *Анрио*, детали которых пошли на ремонт *Потезов* и *Вибо*. В годы войны через Аргентину были закуплены еще 5 учебных машин (2 немецких *Юнкерса* A50, 2 британских De Havilland DH60 “Moth” и схожий с ними америка-

нец Cant 26). Оба британских *Mot* были приобретены при посредничестве местного представителя компании *де Хэвилленд* Сирила Тэйлора и прибыли в Парагвай в начале октября 1932 года. Первоначально комиссией по авиационному вооружению планировалось приобрести у *Юнкерса* пять самолетов, о чем сообщило 7 апреля 1933 года германское посольство. Однако по неизвестным причинам сделка сорвалась. По мнению некоторых исследователей, контракт был расторгнут при прямом вмешательстве Эрста Рёма, который к тому времени занимал высокие посты в III Рейхе. В ходе войны были потеряны в авиакатастрофах только 4 самолета (*Fleet Model 2*, *Юнкерс А50*, *Mot* и *Cant 26*). Таким образом, к концу войны парагвайская учебная авиация обладала восьмью исправными машинами против пяти боливийских.



Fleet Model 2

Помимо военной контрабанды авиация противников пополнялась и более экзотическими способами. Так, первый действительно боеспособный истребитель Парагвая *Savoia S.52* вообще прибыл в страну как демонстрационная модель, а гидроплан *Savoia S.59*, как исследовательский самолет. Это произошло в 1927 году. Транспортная авиация Боливии возникла 7 марта 1928 года после конфискации 3 учебных и 10 транспортных *Юнкерсов* (шесть F13 и четырех Ju-52) и 1 *Форд 5-АТ-Д* у гражданской авиакомпании ЛАБ (*Lloyd Aereo Boliviano*). Один из наиболее мощных самолетов Парагвая *Кэртис D-12 "Falcon"*, принадлежавший бразильским конституционалистам, появился в ВВС вследствие его перехвата парагвайскими истребителями. Два самолета *S-6000-B*, использовавшихся впоследствии как санитарные, просто «перелетели» в 1933 из Буэнос-Айреса в Нью-Гуасу. Самолет *Waco* модель *C* был приобретен в Аргентине в январе 1933 года для частной компании Пинаско, но уже в марте состоял на вооружении парагвайских ВВС. Другой тайной военной контрабанды является появление на вооружении парагвайской авиации штатного самолета ВВС США *PT-11* и трех *Curtiss Model 50 Robin (C-10)* производства фирмы *Кэртис*. Они составили звено связи и состояли на вооружении до 1943 года.

Curtiss Model 50 Robin (C-10)



В Чакской войне *транспортная* авиация Боливии превратилась в отдельный род войск. Причиной этого стала растянутость боливийских коммуникаций в начале войны. Для того, чтобы обеспечить себя необходимыми срочными грузами, Генеральный штаб Боливии еще до войны планировал иметь 20 транспортных самолетов. При этом боливийские военные опирались на опыт действий бомбардировочной авиации корпуса морской пехоты в США. Поэтому после объявления в 1928 году осадного положения весь парк ЛАБ, включавший 11 самолетов (6 гидропланов Ю-13, 4 Ю-52 и Форд 5-АТ-Д), был мобилизован. В 1929 году два Ю-13 потерпели аварию, а остальные использовались для связи в бассейне Амазонки и Парагвая. К ним в 1934 году присоединился гидроплан Сикорского S-38В. Он был передан ВВС компанией Патиньо Vol-Inca Mining Corporation, в распоряжении которой находилось три таких машины. Таким образом, транспортная авиация Боливии во время войны оперировала 10 транспортными самолетами, из которых только 5 могли садиться на твердый грунт.

В начале войны парагвайцы могли использовать для решения транспортных задач 2 гидроплана (CANT 10ter, снятый с вооружения в 1933 году, и Savoia S59bis) и самолетом связи Breda 15s. Последний был приобретен для нужд правительства в Италии в 1929 году.



В 1933 году парк вспомогательной авиации пополнился самолетом аргентинского производства Waco модель С. Он был приобретен International Products Corporation для нужд парагвайских ВВС. Однако уже к лету 1933 года оба самолета погибли в авариях. В результате лихорадочных усилий парк самолетов связи пополнился 2 санитарными самолетами S-6000-B и 2 самолетами связи (*Кэртис* “Robin” и PT-11 (21-C)), все производства США. Все они были закуплены Лью Вэйдом на имя компании *Три-Америкэн Авиэйшн* и доставлены в Аргентину. Самолеты связи были проданы Хуану Кассинере, который их перегнал на территорию Парагвая и передал на вооружение транспортной эскадрилий. Контракт с Вэйдом предусматривал поставку еще двух *Робин*ов, но они были задержаны по настоянию посольства США. Санитарные самолеты прибыли в Аргентину морским путем, где проданы сеньору Эспиносе. 17 мая Хилкот перегнал один из S-6000-B из Сан-Фернандо в *Нью-Гуасу*, а следом прибыл и второй самолет. Таким образом, несмотря на потери, во второй половине 1933 года парагвайская вспомогательная авиация насчитывала 4 самолета (2 связи и 2 санитарных), а также один гидроплан (Савойя). В 1933 году в страну прибыла из Италии Breda 44, которая расширила транспортные возможности Парагвая. Однако транспортные возможности парагвайских ВВС намного уступали противнику.



Авиационное вооружение обеих сторон зависело от комплектации поставщиков. Так, самолеты американского производства оснащались пулеметами калибра 0.3". Помимо них *Си Хоки* были вооружены одним пулеметом калибра 0.5". Английские и итальянские самолеты, как и французские *Бреге* имели на вооружении авиационные пулеметы фирм: стационарные Виккерса и турельные Льюиса калибра 0,303" или 7,7 мм. Немецкие *Юнкерсы* и *Фоккеры* были вооружены пулеметами калибра 7,62 и 7,9 мм. соответственно *Потезы* имели на вооружении пулеметы *Мадсена* калибра 7,65 мм. 14 из них были специально произведены в авиационном варианте. Они же были установлены в передней части фюзеляжа *Фиатов*. В соответствии со стандартами того времени на каждый пулемет приходился боезапас в 500 выстрелов. Самолеты выпуска 30-х годов были оснащены радиосвязью. Так, самолеты голландского, немецкого и французского производства имели радиостанции *Телефункен*, а американские – *Вестингауз*. В зависимости от страны-поставщика отличались и авиабомбы. Так, боливийцы использовали англо-американские (20, 30, 50, 110 и 120 фунтовые), немецкие (50 кг) и французские (100 кг) бомбы. Последний вид бомб боливийцы могли использовать только с *Бреге* или *Юнкерсов*. Парагвайская авиация использовала бомбы французского образца весом 10 и 14 килограммов. Большинство из них были местного производства.

Несмотря на трехкратное превосходство в бомбардировочной авиации и наличие сильного авиационного транспорта боливийскому командованию не удалось решить главную задачу – уничтожить судоходство на реке Парагвай, прервать коммуникации противника и помешать выдвижению его резервов на ТВД. При переходе неприятеля в наступление боливийская авиация оказалась неспособной не только оказать существенную помощь наземным войскам, но даже обеспечить наблюдение за его передвижениями. Низкая роль авиации объясняется не только сложностью ТВД и недостаточным числом самолетов, но и активностью парагвайской истребительной авиации и дипломатическим вмешательством Аргентины, препятствовавшей бомбардировкам портов на реке Парагвай. И все же главной причиной малой результативности ВВС в войне было несовершенство военной техники и, в первую очередь, авиационных двигателей. Большинство машин выходили из строя не в результате боевых столкновений, а вследствие неисправностей. Ремонт, в зависимости от его степени, обходился достаточно дорого

даже для боливийцев, располагавших авиамастерскими, оснащенными по последнему слову техники: от 100 до 400 долларов на летательный аппарат.

Миф о тотальном превосходстве боливийских ВВС до сих пор достаточно популярен. На самом деле это не совсем так. Действительно в 1929 году Парагвай мог противопоставить 21 боевому самолёту Авиационного корпуса Боливии ((КАБ) только три пригодные машины. Однако уже в 1932 году это соотношение изменилось как 15 к 12. Причём в истребителях парагвайцы имели явное преимущество: 7 к 4. В 1933 году состояние дел несколько изменилось: против 10 парагвайских машин КАБ имел 17, а в 1934 – 16 против 19. Однако уже через год сказались преимущества боливийской экономики: в небе находилось 19 бомбардировщиков и 6 истребителей. Парагвайские ВВС в это время насчитывали только 11 машин, из которых 4 являлись истребителями. Всего же за время боевых действий боевые потери КАБ составили 17 машин, включая один истребитель. Большинство из них были уничтожены зенитным огнём во время атак позиций парагвайских войск и только 2 *Оспри* погибли в воздушных боях. Парагвайские ВВС потеряли семь самолётов. Пять из них были уничтожены в воздушных боях. Однако эти потери не значительны по сравнению с авариями и *авиаканнибализмом* – разборкой самолётов на запчасти. Эта участь постигла 36 боливийских и 19 парагвайских машин. Всего же в годы конфликта 1929-1935 в составе КАБ в разное время числилось 78 боевых машин, в том числе 16 истребителей. В ВВС Парагвая в эти годы имелось только 33 машины, из которых 13 были истребителями.

Результативные воздушные бои во время войны были редкостью. В 1932 году состоялся только один бой, в котором 4 декабря боливийский истребитель *Викрс Скаут* майора Р.Пабона, сбил парагвайский *Вибо*. 12 июня 1933 года боливийские ВВС одержали очередную победу, сбив парагвайский *Фиат*. 1934 год был звёздным часом майора Р.Пабона, который стал самым результативным лётчиком войны: 18 июня и 12 августа он сбил два *Потеза*, но и сам погиб в последней схватке. Два других боя были выиграны, соответственно, парагвайцами (8 июля) и боливийцами (11 декабря). В них каждая сторона потеряла по самолёту (*Оспри* и *Потез*, соответственно)



2. Кампо Виа.

Планирование операций летней кампании. Второе сражение под Алихуатой и Кампо Виа: окружение и капитуляция 4 и 9 боливийских дивизий.

Подготовка к новому наступлению в КОМАНСУР началось в конце октября 1933 года. Для этого имелись все предпосылки: в тылу были сформированы четыре новые дивизии – 6,7,8 и резервная. Это соединение была создано за счёт резервных формирований и полков, выводимых в тыл для пополнения. Соединения должны были прибыть на фронт в конце ноября 1933 года. В своей директиве полк.Х.Ф.Эстигаррибия от 20 октября приказывал направить их против 9 боливийской дивизии. Для артиллерийской поддержки выделялись 1 и 3 артиллерийские группы. Всего для наступления были сосредоточены до 27000 солдат (включая 1 и 3 корпуса). Две трети из них и львиная доля всей полевой артиллерии должны были быть сосредоточены у *фортина Фалькон (Рохас Сильва)*. Для обеспечения прокладывались четыре новые рокадные дороги и строились два десятка колодцев. Эти подготовительные работы тщательно маскировались: боливийские пилоты фиксировали только небольшие колонны солдат и отдельные грузовики, обеспечивающие жизнедеятельность войск.

Для прикрытия сосредоточения вновь прибывших дивизий I и III корпуса целый месяц проводили демонстративные атаки, которые вселили в командира 9 боливийской уверенность в собственных силах. 10 ноября он в своей телеграмме на имя президента Саламанки заверял в отличном боевом духе и победоносном настроении своих солдат. Генералы Кундт и Клюг, готовивший новый удар по *Нанаве*, не были усыплены бодрими сообщениями К.Банцера и поэтому направили к нему резервы из состава 4 и 7 дивизий, расположенных у *Гондры* и *Нанавы*. С июля по ноябрь в состав 9 дивизии вырос с 2 полков и отдельной роты до 9 полков. Однако, они были очень малочисленны и измотаны. Пользуясь этим, парагвайцы стали обтекать левый фланг 9 дивизии, прокладывая войсковые пути в направлении *Чараты*. После неудач у Кампо Гранде и Посо Фаворито, К.Банцер забеспокоился и 28 ноября запросил у генерала Кундта дополнительных подкреплений и указал на опасное положение на своём левом фланге. Боливийский командующий и его штаб теоретически рассматривали возможность отхода к Сааведре на 7-й километр с оставлением Алихуаты, но в силу политических резонов решили оставить 9 дивизию на прежних позициях. Начинался сезон дождей, который мог приостановить боевые действия и дать возможность пополнить войска. В своём ответе генерал Кундт повторил приказ удерживать позиции и обещал выставить в районе Пуэсто Морено, но было уже поздно. В тот же день Эстигаррибия отдал приказ командиру I корпуса полковнику Айяле о переходе в наступление.



Патапилас на марше

В ночь на 1 декабря 1933 года передовые посты 4 и 7 боливийских дивизий были разбужены громким шумом двигателей грузовиков, раздававшихся со стороны парагвайских позиций. Для войсковой разведки это означало, что противник перебрасывает войска. К середине следующего дня штабу I боливийского корпуса стало ясно, что главный удар будет наноситься на участке 9 дивизии. На пополнение ее частей были направлены полторы тысячи только что прибывших на фронт резервистов. Генерал Г.Кундт в докладе президенту сообщал, что считает положение на фронте устойчивым и полагает, что дополнительные пополнения для его фронта не нужны. Это выглядело несколько странным на фоне потерь его войск за кампанию 1933 года. На 1 декабря их численность снизилась на 25%, достигнув 14929 человек. Тем временем, в ожидании скопившихся в *Сааведре* пополнений полковник К.Банцер послал в свой левофланговый 41 пехотный полк последний резерв – сорок тыловиков. 2 декабря парагвайские части спокойно обошли позиции этого полка с запада. Во второй половине дня они появились в дивизионном тылу и атаковали штаб 5 кавалерийского полка и обоз дивизии. Полковник К.Банцер парировал атаку противника, введя сводную роту из 120 саперов, ординарцев и поваров. Положение было стабилизировано, но для укрепления обороны были необходимы свежие резервы. Пока командир 9 дивизии пытался создать оборону, его штаб истерически требовал у корпуса подкреплений для поддержки 41 полка. Однако немедленно командование корпуса смогло выслать из Гондры только 60 солдат 34 пехотного полка под командованием майора Синфорано Бильбао Риохи. Причиной этого стали демонстративные атаки III парагвайского корпуса отвлекли внимание генерала Г.Кундта. Только в ночь на 3 декабря в *Алихуату* стали перебрасываться 6 пехотный полк *Камперо* из 4 дивизии и 1 кавалерийский полк *Абароа* из состава 7 дивизии.

3 декабря генерал Х.Ф.Эстигаррибия покинул свой командный пункт в *Рохас Сильве* и прибыл в штаб I корпуса и взял на себя непосредственное руководство наступательными операциями. Командующий посчитал, что командир корпуса полковник Х.Б.Айяла слишком осторожен. Исходя из сложившейся ситуации на фронте, он направил в обход левого фланга дивизии К.Банцера всю 7 пехотную дивизию (2 пехотных полка и части усиления) подполковника Х.А.Ортиса. Он усилил её тремя (1,2 и 7) кавалерийскими полками. Несмотря на проливной дождь затруднявший движение, 3300 *патапилас* задавили числом растянутые тонкой линией

подразделения 41 боливийского пехотного полка и заняли район Кампо 31. В 14:30 авангард Х.А.Ортиса перерезал дорогу *Зентено – Сааведра*, расчленив дивизию К.Банцера. Ее главным силам, расположенным на укрепленных позициях *Алихуаты – Зентено*, оставался только один путь отхода – на восток, к *Посо Негро*. С этого момента все усилия командования 9 дивизии свелись к удержанию этой дороги, перерезать которую противник стремился всеми силами. Для её патрулирования был выделен эскадрон из полка *Ланса*.

4 декабря Синфорано Бильбао Риоха получил приказ очистить дорогу на Кампо 31 от неприятеля, но его немногочисленным солдатам это оказалось не под силу. 4 дивизия, правый сосед К.Банцера, помочь в удержании этого пункта не могла: она была обескровлена фронтальными атаками III парагвайского корпуса и насчитывала только 1355 человек. У полковника Г.Квинта не хватало пехоты: один батальон приходился на 10 километров. Командир 4 дивизии очень рассчитывал на огонь своих батарей, размещенных таким образом, что их огонь мог перекрывать все возможные направления атаки парагвайцев. Однако к 3 декабря большая часть их боезапаса была растрачена при отражении демонстрации Р.Франко. Г.Квинт хотел последовать примеру Банцера и оттянуть артиллерию от *Гондры*, но генерал Г.Кундт запретил ему это делать, обещая прислать снаряды для его пушек с первой оказией. Однако этого не произошло. К концу ноября в Вилье Монтес вместо 2000 тонн необходимого снаряжения имелось только 11. Затребованные в срочном порядке артиллерийские и авиационные боеприпасы прибыли в Боливию только в первой декаде декабря, когда сражения были в самом разгаре. Причиной такого положения со снабжением стало желание Д.Саламанки вести войну, не касаясь гражданской жизни страны. Это было важным фактором его внутренней политики, и генерал Г. Кундт принял эти правила. Зная позицию президента, он запрашивал у военного министерства минимум необходимого, часто намеренно занижая требования своих подчиненных. Вследствие такой позиции высшего военно-политического руководства и растянутости коммуникаций боливийские войска в Чако оказались в весьма невыгодном положении. Когда президенту стало ясно, что военная кампания затягивается, а отношение общества к нему сильно изменилось, Д.Саламанка решил победить во что бы то ни стало и ультимативно потребовал это от командующего. Однако к этому времени накопленные довоенные запасы почти закончились, а новые заказы требовали срочной оплаты. Из-за продолжающегося экономического кризиса во второй половине 1933 года боливийское казначейство испытывало нехватку иностранной валюты. Отсутствие средств платежа затормозило выполнение ряда военных контрактов, и боливийские пушки оказались безмолвными в самый ответственный момент сражения.

Вечером 6 декабря Посо Негро был атакован 2200 парагвайцами и окончательно взят: вокруг 9 дивизии замкнулось кольцо окружения. В 2 часа ночи сублейтенант полка *Ланса* Хайме Урриолагоитиа доложил генералу Банцеру о появлении парагвайцев на дороге, ведущей в Сааведру. Только после этого полковник отдал приказ об отступлении. В ночь на 7 декабря главные силы дивизии Банцера (7000 человек – 3, 5, 8 пехотные и 3 саперный полки с 2 батареями) оставили *Алихуату* и начали отход, прорываясь на юго-восток. Для прикрытия отступления на позициях *Зентено* были оставлены солдаты 2 кавалерийского, 7 и 18 пехотных полков. Выполняя воинский долг, оставленный гарнизон продержался двадцать дней и сдался только 24 декабря. Защищая *Зентено*, боливийские солдаты сковали целую дивизию противника и перекрыли прямую дорогу на Сааведру, значительно затруднив снабжение действовавших южнее частей I корпуса противника. Прорыв частей 9 дивизии из окружения проходил по маршруту Посо Энканто, Посо Эсперанса и Кампо 31. Принимая это решение, полковник К.Банцер даже не знал о жестоких боях, происходящих на фронте соседней 4 дивизии. Штаб корпуса также забыл его проинформировать об этом. По приказу парагвайского командования части Х.А.Ортиса, отошла на юг даже не вступив в бой с колонной 9 дивизии. Этим маневром 7 парагвайская дивизия закрывала частям К.Банцера дорогу на *Сааведру* и *Муньос*. Не встречая

сопротивления, боливийская колонна беспрепятственно достигла *Кампо 31* и в 8:00 встретила солдат 4 дивизии.

Х.Ф. Эстигаррибия вернулся из I корпуса в *Рохас Сильву* в ночь на 4 декабря. Утром здесь состоялось совещание командиров парагвайских соединений. Согласно выработанной на ней диспозиции, 1 дивизии поручалось атаковать и опрокинуть 4 дивизию противника. По парагвайским разведанным, фронт обороны дивизии был сильно растянут и это давало шанс на успех. 7 декабря в 1:00 ночи два парагвайских пехотных полка атаковали 26 пехотный полк. Накануне атаки в нём насчитывалось только двести штыков, из которых 120 были зелёными рекрутами. Его растянутая 10 километров по фронту оборона состояла из системы взводных опорных пунктов. Многие из них подверглись внезапным ночным атакам превосходящих сил противника и были уничтожены. Оставшиеся подразделения оказались изолированы в своих укреплениях и не могли оказать серьезного сопротивления частям Р. Франко. Поздним утром 7 декабря 1933 года 26 боливийский полк был окончательно расчленен и перестал существовать как боевая единица. В 15:00 подполковник Пареха доложил генералу Кундту о прорыве тысячи *патапилас* через линию обороны у Гондры. Для его ликвидации был послан полковник Фриас, в распоряжение которого было только 170 человек. Понимая, что их недостаточно его отряд усилили охраной штаба. Однако этих сил было недостаточно, чтобы остановить наступление войск Р.Франко.

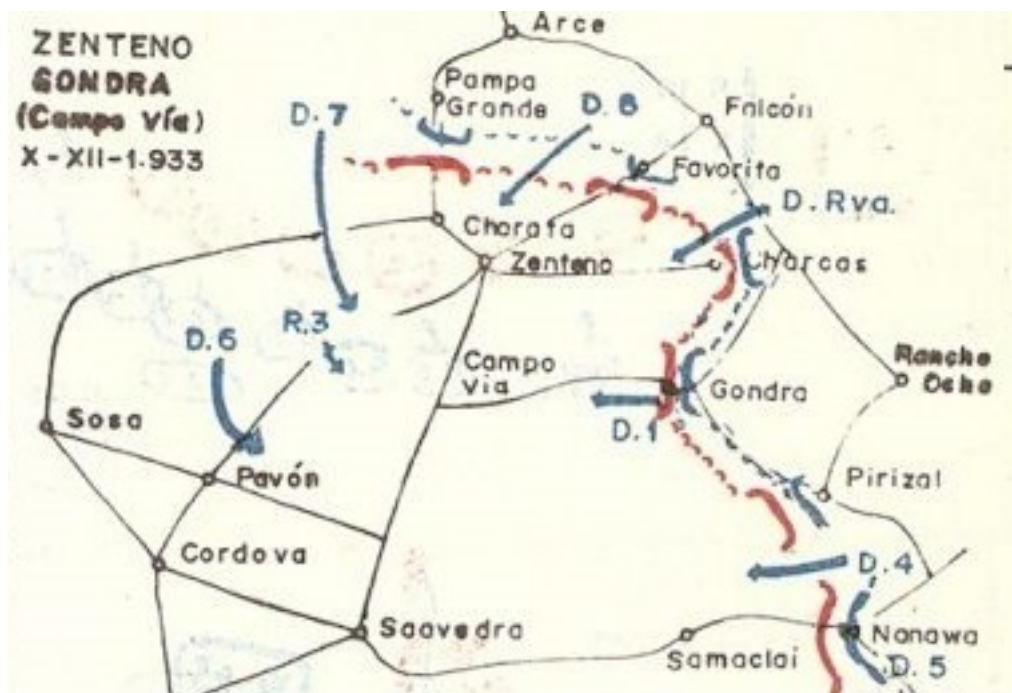
В это же время парагвайские части начали атаку *Алихуаты* и вскоре овладели ею. Майор В.Брандт возглавлял отряд из двухсот новобранцев, который был из Пуэсто-Павона направлен в помощь защитникам *Алихуаты*. Попав под дождь, его колонна задержалась в пути и неожиданно для себя столкнулась с 9 кавалерийским полком *кан.Бадо* под командованием майора Н.Корсакова, лейб-гвардейский улан. При формировании полка он вооружил своих солдат вместо сабель, которых был дефицит, мачете, заточив их как палаши. Задачей полка было прикрытие правого фланга I дивизии, преследовавшей отступающего на юг противника. Оценив обстановку, майор Н.Корсаков приказал атаковать в конном строю. В скоротечном бою она оказалась разгромлена и потеряла 80 человек. Боливийская колонна рассеялась, а майор Брандт с группой солдат пробился в расположение своих войск.



Парагвайские солдаты в Алихуате

Утром 8 декабря Эстигаррибия доложил президенту об освобождении Алихуаты. Тем временем передовые части дивизии Р.Франко достигли дороги *Алихуата – Сааведра*, где встретили патрули дивизии Х.А.Ортиса. В 11:00 Банцер прибыл на командный пункт 4 дивизии, где выяснил, что полковник Г.Квинт не имеет прямой связи с *Сааведрой*. Сообщение о соединении обеих дивизий у Кампо Виа легло на стол генерала Г.Кундта только в 16:00, который впервые признал положение на фронте очень серьезным. К этому времени всем стало ясно, что основные силы 4 и 9 боливийских дивизий оказались отрезаны от тылов I корпуса. Предусматривая заранее такой ход развития событий, штаб 4 дивизии заранее планировал создание дополнительного маршрута отступления. Боливийские саперы начали прорубать в зарослях запасную дорогу на *Сааведру*. Однако к 7 декабря она еще не была закончена. Сорок сапёров К.Банцера, пополнившие периметр обороны 4 дивизии, были направлены на достройку этой «козьей тропы» шириною всего пять метров, на конце которой скопилось свыше сотни грузовиков обеих дивизий. Их охрану обеспечивал кавалерийский полк *Ланса*. Несмотря на телеграммы командиров окруженных дивизий генерал Г.Кундт полагал, что у него есть время на организацию деблокады. Он справедливо считал, что припасов у 4 и 9 дивизий вполне достаточно, и, поскольку 7 декабря прошел сильный дождь, нет недостатка в воде. Вместе с тем он упустил из вида вопрос командования окружённых войск: полковник К.Банцер совершил ошибку и не воспользовался своим правом старшинства для подчинения частей Г. Квинта. Такое дуальное управление войсками вскоре губительно сказалась на организации обороны. В условиях отсутствия единого командования отдельные части стали самостоятельно выходить из окружения, используя бреши в парагвайской линии обложения. Первым это сделал майор Сельсо Камачо, выведший из окружения 220 солдат полка *Перес*. Ночью по проложенному им пути последовал батальон 34 пехотного полка под командованием капитана Рене Санта Круса.

Уже вечером 9 декабря 6 парагвайская дивизия в составе 5 и 8 пехотных полков преодолела никем не защищаемый 7 километр и достигла северных подступов *Сааведры*. Осознав опасность, Г.Кундт 10 декабря назначил полковника Э.Пеньяранду командующим 9 дивизией, подчинив ему её части, избежавшие окружения: полки *Камперо* и *Флорида*, а также группу полковника Фриаса. К нему были добавлены подразделения численностью в 700 человек, взятые из-под *Нанавы*, а также вновь прибывающие пополнения. Генерал Г.Кундт приказал новому комдиву удерживать 22 километр дороги Сааведра-Арсе. Боливийская авиация, базирующаяся на *Муньос*, должна была организовать воздушный мост.



Операция у Кампо Виа

Штаб Кундта планировал обеспечить окружённым войскам доставку необходимых припасов по воздуху. Тем временем, обстановка у Кампо Виа продолжала резко ухудшаться. Над окруженными постоянно висели парагвайские *Потезы*, сбрасывавшие на их головы бомбы и листовки с призывами к капитуляции, а 105мм гаубицы методически обстреливали их осколочными снарядами. Парагвайские патрули нашли «козью тропу» Г. Квинта и стали обстреливать прокладывавших ее сапёров. Вследствие этого утром 10 декабря работы по ее прокладке были прекращены. К этому времени в Кампо Гранде начали заканчиваться запасы воды, что означало скорую капитуляцию. Поэтому, несмотря на то, что боеспособность солдат, не выживших три месяца из боев резко упала, полковники К.Банцер и Г.Квинт решили прорываться из окружения. Днем 10 декабря боливийская авиаразведка донесла, что в расположении окруженных войск видны дымы. Это не вызвало никакой реакции в штабе I боливийского корпуса. Они были идентифицированы, как дымы полевых кухонь: на самом деле окруженные, готовясь к прорыву жгли лишнее имущество. В 17:45 Г.Кундт информировал президента о сложившейся на фронте ситуации.

10 декабря парагвайская разведка перехватила и расшифровала сообщения К.Банцера о гибельном положении войск в Кампо Виа и подготовке выхода из окружения. Получив эту информацию, генерал Эстигаррибия приказал перебросить к планируемым местам прорыва 12, 14 и 15 пехотные полки *Рубио Ну*, *Ломас Валентинас* и *Серро Кора*, а также приказал III корпусу усилить давление на 7 дивизию. После того, как из неё были взяты около тысячи солдат, она не была в состоянии противостоять III корпусу и отошла на вторую линию обороны. Тем временем, солдаты Пеньяранды и отдельные боливийские части вели бои на дороге Сааведра-Арсе. Не имея связи с Пеньярандой, Кундт полагался на сообщения авиаразведки, которая зафиксировала бои сразу в трёх местах: на 26-м, 18-м и 16-м километрах. Штаб I корпуса сделал вывод о том, что группа Э.Пеньяранды сама подверглась нападению и отходит, о чём доложил генералу Г.Кундту. Тот немедленно связался с Банцером и приказал прорываться на юг.

10 декабря в 17:00 две боливийские колонны при поддержке 22 минометов атаковали части Р.Франко, составлявшие внутреннее кольцо окружения. С воздуха их поддерживали все базирующиеся на *Муньос* боливийские самолеты. Обе колонны были составлены из солдат 4 дивизии, еще сохранивших боеспособность. В первую из них вошли бойцы 12 и 15 пехотного полка, а во вторую – ветераны 5 кавалерийского полка и остальные подразделения пехотного полка *Мургуи*. 1, 4, 20 и 34 полки дивизии Г.Квинта также атаковали противника в юго-западном и западном направлении. Однако вследствие слабой координации их действий, прорыв представлял собой удар растопыренными пальцами. Боливийские атаки на многих участках сорвались. Успеха добились только кавалеристы *Ланзы* и пехотинцы *Мургуи*. Они при поддержке бомбардировщиков, использовавших бомбы большой мощности, пробили узкую брешь в обороне полков *Курупаити* и *Итороро*. При этом 2-й батальон полка *Мургуи* под командованием капитана Антесаны Вильяграна попали под собственные бомбы и не поддержали атаку. Следовавший за наступающими 20 пехотный полк из 4 дивизии также не поддержал атаку. В тот же день эскадрон кавалерийского полка *Сан-Мартин* захватил оба боливийских *Виккерса*, застрявших на дороге.

На ликвидацию коридора Х.Б.Айяла направил все имевшиеся в его распоряжении резервы. К концу дня парагвайцам удалось ликвидировать прорыв, но подразделениям 15, 20 и 34 пехотных и 5 кавалерийского полков во главе с полковником Э.Агирре удалось прорваться в *Сааведру*. При прорыве очень пострадал полк *Ланса*, первым атаковавший противника. Прикрывая выходящих из окружения солдат, он понес большие потери, а его арьергардный эскадрон удерживал брешь до последней возможности и был полностью уничтожен. Из пятисот солдат полка в *Сааведру* прорвались только 123. После его уничтожения кольцо вокруг 4 и 9 боливийских дивизий окончательно замкнулось. Благодаря подходу подкреплений парагвайские боевые порядки уплотнились. Когда в 5:00 боливийцы попытались повторить атаку в том же месте, где прорвалась группа Агирре, они наткнулись на плотную оборону противника. 20 пехотный полк и *Колорадос*, составлявшие костяк ударной группы, были дезорганизованы вследствие вывода из строя их командиров: майор С.Флорес был убит, а С.Бильбао Риоха был тяжело ранен. К утру 11 декабря парагвайцы стали сжимать кольцо вокруг частей 4 и 9 дивизий, обстреливая окруженных из орудий и минометов.



Дорога на Сааведру, 1933

Несмотря на то, что утром 11 декабря Э.Пеньяранда имел в распоряжении значительные силы – всего до двух с половиной тысяч человек, он не поддержал прорыв частей 4 и 9 дивизий из окружения. Причин для этого было несколько. Во-первых, 60% из них представляли собой плохо обученных и необстрелянных резервистов, а во-вторых, у него не было радиосвязи со штабом корпуса. Для поддержки солдат Э.Агирре были направлены только 2 броневых автомобиля, которые попали в засаду 7 кавалерийского полка противника. Обладая ограниченной проходимостью и обзором, экипажи не могли долго сопротивляться и сдались в плен вместе с исправными броневиками, которые потом много лет прослужили асунсьонской полиции. Когда стало ясно катастрофическое положение окруженных, Г.Кундт отдал приказ об отходе 7 дивизии к Мургуе. Реакция президента выразилась прежде всего в призыве к солдатам 4 и 9 дивизий совершить «героические усилия и спасти нацию от несчастья и бесчестья». Но было уже поздно: боевой дух боливийцев пал, в госпиталях имелось до 2000 больных и раненых, боеприпасов и воды было недостаточно, а надежды на спасение не было. В 10:00 часов К.Банцер получил приказ Кундта, разрешавший капитуляцию при условии уничтожения вооружения. В это же время на позиции 26 полка прибыли парагвайские парламентарии, предложившие от имени Р.Франко почётную капитуляцию. После недолгих переговоров войска 4 и 9 дивизий сдались, уничтожив и повредив перед этим часть своего вооружения. Около восьми десятков грузовиков, бывших в распоряжении К.Банцера, были сохранены. Это было инициативой Р.Франко, который известил К.Банцера о том, что у парагвайцев нет транспорта для подвоза воды пленным и эвакуации больных и раненых боливийцев в тыл.



Капитуляция боливийских частей

Из 9000 солдат, входивших в состав 4 и 9 дивизий, *Сааведры* достигла, примерно, шестая часть – полторы тысячи солдат. 4856 боливийцев, включая 250 офицеров, сдались в плен под *Алихуатой* и у Кампо Виа, а остальные 2686 погибли от пуль парагвайцев, болезней, голода и жажды. Всего же с начала наступления противника боливийская армия потеряла не менее 8000 ветеранов. Поражение в центральном Чако, приведшие к потере значительной части кадровой армии Боливии, объясняется следующими факторами:

- ошибочность военной доктрины и серьезные просчеты в оперативном планировании и развертывании на начальном этапе войны;
- стремление политического руководства вести войну ограниченными силами и как следствие этого плохая организация системы снабжения и боевого обеспечения;
- недооценка сил и возможностей противника как военными, так и политическими лидерами;
- неспособность командующего генерала Г.Кундта организовать управление войсками на ТВД;
- слабая боевая и физическая подготовка войск и солдат к ведению боевых действий в условиях Чако.

В 14:30 генерал Эстигаррибия известил президента Э. Айялу о капитуляции 4 и 9 боливийских дивизий у Кампо Виа. Помимо почти сотни (из них 80 исправных) автомобилей, парагвайцы захватили свыше 8000 винтовок, 800 единиц автоматического оружия, 25 минометов и 20 артиллерийских орудий. Эти богатые трофеи позволили резко повысить боеспособность армии и пополнить ее истощившиеся материальные ресурсы. Парагвай был спасен. Победа у Кампо Виа закончила противостояние между КОМАНСУР и Генеральным Штабом. На место командующего парагвайской армией был назначен, получивший генеральские погоны, Х.Ф.Эстигаррибия. После этого отпала надобность в существовании КОМАНСУР, штаб которой слился с Генеральным. Поскольку ближайший сподвижник и помощник нового командующего полковник Э.Гарай стремился в действующую армию, его работой стал руководить полковник А.Мена. Генералы М.Рохас был включен в состав Военного Совета, а И.Т.Бе-

ляев назначен координатором программы переселения белоэмигрантов. Чтобы подсластить ему пилюлю, парламент принял акт, определяющий условия колонизации и определивший места и размеры будущих колоний. Н.Ф.Эрн, сумевший сохранить хорошие отношения с новым начальством, естественно, остался. Полковники Х.Б.Айяла и Л.Иррасабаль по настоянию нового командующего получили должности в тылу и на фронте больше не появились. Одной из причин такого отношения была патологическое стремление нового командующего не иметь конкурентов. Генерал ловко апеллировал к президенту, указав на оппозиционное отношение этих корпусных командиров к фракции Э.Айялы. Таким образом, герои *Толедо* и *Нанавы* вместо дальнейшего участия в операциях просидели всю оставшуюся войну в тылу.

ДОРОГИ В СЕКТОРЕ ДЕКАБРЬСКОГО ПАРАГВАЙСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ



3. Перемирие и после него.

Отступление I боливийского корпуса и отставка генерала Г.Кундта. Перемирие. Восстановление боливийского фронта. Продолжение наступления. Баливьян и каньяда Тариха.

Капитуляция при Кампо-Виа не вызвала той паники в высших боливийских сферах, как падение *Бокерона* годом раньше. По-видимому, Д.Саламанка уже не надеялся на германских советников и был внутренне готов к такому повороту событий. «Я понимаю, что ситуация деликатна», – писал он Кундту, – «Если нужны большие пополнения, я их вам дам». Несмотря на очевидные последствия сражения, ответ немецкого генерала обескуражил президента: «Мне не надо более солдат для победы, чем я имею». В представленном президенту докладе Г.Кундт признавал свою вину за окружение солдат 4 и 9 дивизий, но приукрасил меры, предпринятые для их спасения. Он информировал, что сильная колонна под командованием Пеньяранды, идет им на помощь и есть надежда на выход из окружения 3200-3500 солдат. На самом деле действия Пеньяранды сводились к сбору вырвавшихся из парагвайского кольца отдельных солдат 4 и 9 дивизий для обороны *Сааведры*. Президент был настолько дезориентирован сообщениями своего командующего, что, получив сообщение Кундта о том, что Э.Пеньяранда смог прорваться к *Сааведре*, он вызвал обеих дочерей полковника в Паласио Кио Квемадо, сообщил им о «чудесном спасении их отца» и поздравил их с присвоением ему чина генерала. К 11 декабря в составе I корпуса находилась группа Э.Пеньяранды, составленная из остатков 4 и 9 дивизий, 7 дивизии, полутора тысяч пополнений, группы танков и пяти артиллерийских батарей. Оценив обстановку, генерал Г.Кундт отдал приказ об оставлении *Сааведры*.

В несчастные для боливийского оружия дни Кампо Виа на фронте с инспекционной поездкой пребывал военный министр Х.А.Кирога в сопровождении полковника Д.Торо. В докладе от 11 декабря, который составил Д.Торо, президенту ситуация в I корпусе выглядела совсем не так, как в сообщениях Кундта. Из документа следовало, что героем операции был именно полковник Э.Пеньяранда, который смог вывести основную массу войск из окружения. При этом генерал Г.Кундт назывался главным виновником поражения.

Безусловно, Д.Торо приукрасил положение на фронте: 7 дивизия и остатки 4 и 9 дивизий по численности примерно равнялись количеству солдат, капитулировавших в *Кампо Виа*. Приказ Г.Кундта об отступлении к *Муньосу* также подвергся критике со стороны столичных эмиссаров. После прибытия Х.А.Кироги и Д.Торо в столицу Д.Саламанка выслушал их обвинения в адрес Г.Кундта и вызвал его в Ла-Пас. Временным командиром I корпуса был назначен бригадный генерал Э. Пеньяранда.

14 декабря незадачливый немецкий генерал и несколько сопровождавших его немецких офицеров отбыли из действующей армии. На аэродроме *Муньоса* его приветливо провожала толпа солдат, которые любили Г.Кундта за заботу о них. Забравший генерала *Юнкерс* привез долгожданные артиллерийские снаряды и пополнения. В течение последующих трех дней в Чако было переброшено более трехсот солдат и несколько тысяч снарядов. Однако они не могли повлиять на исход боев за *Муньос*. Генерал Г.Кундт ещё два месяца находился на боливийской службе и был официально отправлен в отставку только 16 февраля 1934 года. В своем заключительном докладе правительству республики он попытался объяснить причины своих неудач и частично переложить ответственность на других. В частности, он указывал на желание многих старших командиров управлять своими частями по телефону, не выезжая на рекогносцировки. Другим фактором, приведшим к поражению, по его мнению, стало создание командирами дивизий частных резервов, что «уточало» линию фронта обороняющихся частей. Однако если рассмотреть этот вопрос объективно, в этом был виноват сам Кундт

не имевший оперативного резерва. В условиях прерывистого фронта отсутствие оперативных резервов на уровне корпуса породило у дивизионных командиров желание иметь хоть что-то под рукой для парирования обходных маневров противника. Третьим фактором неудач, по его мнению, стал недостаток авиационных и артиллерийских боеприпасов.



Генерал Г.Кундт

Генерал Г.Кундт во время своего командования, длившегося почти год, много сделал для поднятия боеспособности боливийской армии. Оперативные идеи, выработанные его штабом, были не столь плохи, как о них говорят, особенно в первой половине 1933 года (*Нанава-Платанильос* и *Гондра – Толедо*), и могли привести к оперативному окружению главных сил парагвайской армии. Однако недооценка боевых качеств и силы сопротивления противника, завышение возможностей своих войск, выделенных для этих операций, и игнорирование климатических и природных условий не позволили его замыслам реализоваться.

К февралю 1934 года шестидесятипятилетний генерал, нервы которого были расшатаны безвременной смертью жены, мучился болезнью сердца и желудка. Д.Саламанка не хотел его отпускать на излечение, справедливо полагая, что Г.Кундт должен остаться в Боливии до окончания войны. Однако состояние здоровья немецкого генерала, на которое неблагоприятно влиял воздух Альтиплано, побудили президента отпустить Г.Кундта. Перед его отбытием Д.Саламанка обещал генералу объективно расследовать все детали битвы под Кампо-Виа, но даже не попытался этого сделать. Г.Кундт и группа его коллег через Чили добрался до своей родины. Оттуда отставной генерал перебрался в Лугано, где умер в возрасте 71 года одиноким и забытым, не дожив всего одного дня до начала Второй мировой войны. В своём последнем интервью прессе, сделанным им после подписания мира, он отдал должное своему противнику и особенно подчеркнул роль русских офицеров в организации парагвайской армии.



С убытием Г.Кундта новым командующим на театре военных действий стал генерал Э.Пеньяранда. Он сразу же вступил в конфликт с президентом из-за назначения генерала Х.Л.Ланзы начальником штаба армии. После долгих пререканий с Д.Саламанкой новый командующий настоял на назначении в свой штаб виновника Питиантуты О.Москосо. Полковник Д.Торо получил в командование I корпус, сведенный в две (4 и 7) дивизии. Начальником штаба у него стал героический командир Ланзы майор Герман Буш, сын немецкого колониста и индианки. Его действия под Бокероном и Сааведрой были высоко оценены начальством. Начальником II корпуса, в который по-прежнему входили 3 и 8 дивизии, вместо генерала Осорио был назначен Бернандино Бильбао Риоха. В департаменте Санта-Крус началось формирование III корпуса. Для пополнения войск был объявлен призыв резервистов 1917-1920 и 1934 годов.

Тем временем, I парагвайского корпус продолжал боевые операции. Его 7 дивизия осаждала *Алихуату*, 2 обороняла *Фернандес*, а 6 и 8 пехотные дивизии быстро продвигались на юг в направлении *Муньоса*. К нему же с запада двигался весь III корпус: 4 и 5 пехотные дивизии с частями усиления. 7 дивизия осаждала *Алихуату*, а 2 обороняла *Фернандес*. 1 пехотная и 1 кавалерийская дивизии были отведены в резерв на переформирование и составили ядро II корпуса, начальником которого был назначен полковник Р. Франко. Военнопленные были перевезены за реку Парагвай, а им навстречу поступали новые рекруты. За неделю наступления парагвайские войска заняли боливийские фортыны *Сааведра*, *Корралес*, *Чаньяр*, *Мургуя*, *Сорпреса*, *Тинфунки*, *Самаклай* и *Куарто Виентос*. В *Сааведре* парагвайцы натолкнулись на сопротивление противника, которого поддержал майор Кён на своей танкетке. Когда кончился боезапас его огнемёта, он покинул свою боевую машину и был скошен пулемётным огнём противника. Очистив Сааведру от противника, патепилас обнаружили на взлётной полосе сожженные остовы двух боливийских самолётов *Виккерс*. Генералу Э.Пеньяранде катастрофически не хватало времени консолидировать свои боевые порядки для того, чтобы создать стойкую линию обороны. Его войска отступали, оставляя на пути неисправную технику, включая четыре танка *Виккерс* 6-тонн (три пулеметных и один артиллерийский).

Чтобы сбить темпы парагвайского наступления Д.Саламанка ухватился за предложение VII Межамериканской конференции, проходившей с 3 по 26 декабря 1933 года в Монтевидео,

прекратить огонь к 24:00 15 декабря. Эта резолюция была внесена госсекретарем США К. Хэллом. Реакция Асунсьона намеренно была замедленной. Его политики понимали, что они попадут в полную международную изоляцию, если проигнорируют предложение из Монтевидео. Парагвайское военное командование во главе с Х.Ф.Эстигаррибией настаивало на продолжении наступления с целью нанесения максимального урона противнику. Президент Э.Айяла вынужден лавировать между членами своего кабинета и нашёл компромисс, дав указание максимально затянуть ответ Межамериканской конференции. Только 17 декабря парагвайский военный министр официально запросил Х.Ф.Эстигаррибию о возможности и желательности перемирия для его наступающих войск. Парагвайский командующий сообщил, что ему нужно 48 часов для того, чтобы взять *Муньос* – передовую базу снабжения I корпуса противника. В тот же день парагвайский министр иностранных дел информировал конференцию о согласии прекратить огонь 19 декабря в 24:00.

Резолюция К. Хэлла вызвала определённые иллюзии у боливийского руководства, которое рассчитывало остановить наступление парагвайской армии и удержать *Муньос*. Генерал Э.Пеньяранда честно доложил президенту о состоянии дел: он не имел сил и средств, чтобы остановить вдвое превосходящие его силы противника. Когда ему стало ясно, что Асунсьон намеренно задерживает ответ, чтобы занять как можно больше территории, он отдал приказ об эвакуации *Муньоса*. В тот же день, 15 декабря 1933 года, его полевой штаб покинул *Муньос* и переместился в *Баливьян*. За последующие три дня из фортины были выведены почти все войска и вывезена часть военного имущества. После получения информации о том, что Асунсьон прекращает огонь 19 декабря 24:00 на десять дней, у боливийского командующего появилась надежда удержать этот важный пункт, обладавший хорошим полевым аэродромом. Утром боливийские патрули сообщили, что обнаружили сильную колонну противника, которая быстро продвигается к фортину. Когда штабу I корпуса стало ясно, что парагвайцы могут занять *Муньос* до вступления в силу соглашения о прекращении огня, он распорядился перебазировать авиацию на полевой аэродром у фортины *Баливьян*.

Несмотря на то, что оставшийся гарнизон был невелик, командование 7 боливийской дивизии решило оказать сопротивление. После того, как пулеметы защитников *Муньоса* отразили атаку парагвайского авангарда, противник подтянул резервы. Для переброски войск к стратегически важному фортину использовались все виды транспорта – от ослов до автомобилей. Из частей снабжения были изъяты даже водовозы. При поддержке авиации гарнизону *фортина* удалось отразить еще несколько атак противника. Бой продолжался больше двенадцати часов, когда немногочисленные боливийские солдаты оставили свои позиции. Это произошло 19 декабря в 23:00. Войска III парагвайского корпуса, занявшие *Муньос* обнаружили на взлетной полосе разбитый *Виккерс*. Его отправили в Асунсьон, где выставили на центральной площади. На этом военные действия прекратились.



Вьючная артиллерия на марше

Критики Х.Ф.Эстигаррибии впоследствии обвиняли его в том, что они пошли на поводу у политиков и согласились на прекращение огня с 19 на 20 декабря 1933 года, остановившее преследование разбитого противника. Однако они не учитывают, что парагвайцы нуждались в передышке даже в большей степени, чем их противник. Отступая к северо-западу, не потерявшие боеспособность боливийские войска приближались к своим тыловым базам и постепенно сравнялись по численности со своими преследователями. Тыловые коммуникации последнего вдвое растянулись, тыловые парки отстали, а боезапасы были почти на исходе. Гарнизон *Алихуаты* продолжал обороняться, не только сковывая лучшую дивизию, но и мешал организовать прямую линию снабжения корпуса. Многие части поредели в жестоких боях, а солдаты устали. Кроме того, существовала определённая угроза со стороны II боливийского корпуса, который мог ударить во фланг наступающим парагвайским войскам. Пополнение войск солдатами и вооружением после ожесточенных боев 1933 года было жизненно необходимо.

Прекращение огня позволило парагвайскому командованию организовать тыл и провести реорганизацию своих войск для того, чтобы продолжить наступление. Помимо этого, они получили короткий отдых и наладили свои линии снабжения, распределили боливийские трофеи среди своих войск и пополнили свой автомобильный парк за счёт новых поставок из Европы и США. В 1932-33 годах в армию было призвано до 80000 человек. Примерно четверть из них находилась в тылу на излечении или в учебных лагерях, а остальные числились в действующей армии и на военном производстве. Боливийские трофеи позволили избавиться от овьедских винтовок в войсках первой линии и увеличить количество автоматического оружия и минометов в полках: оснастить пехоту и артиллерию пистолетами-пулеметами (по одному на роту и батарею). Захваченная во время боев у Кампо Гран бронетехника (танк и 2 броневые автомобили), была отправлена в тыл, поскольку ее некому было эксплуатировать. За счет трофеев количество грузовых автомобилей в парагвайской армии превысило три сотни единиц. Это позволило полностью моторизовать обозы и артиллерию. Вместе с тремя узкоколейными железными дорогами они обеспечивали связь речных портов на Парагвае с корпусными парками. Увеличение объема перевозок привело к появлению в составе речной флотилии еще двух транспортов: таким образом, количество судов речной флотилии достигло 16 единиц.

Захват богатых трофеев позволил качественно улучшить не только вооружение, но и полевую связь: только количество полевых телефонов в войсках увеличилось в четыре раза. Усилиями интендантов войска были обеспечены обмундированием на 86% и обувью – на 26%. На все это требовалось время, которое обеспечило перемирие декабря 1933 года. К его концу в рядах парагвайской армии состояли почти тысяча триста офицеров и 31300 солдат. 23000 из них были развернуты в Чачо и представляли собой сплоченные, обстрелянные части. На их вооружении числилось 30 тысяч винтовок, более 1000 единиц автоматического оружия, около сотни минометов и орудий. С этого момента для Парагвая начался новый этап Чакской войны.

Если для военно-политического руководства Парагвая декабрьское перемирие было желательным, то для боливийского оно было жизненно необходимым. К этому времени Боливия уже мобилизовала 77000 своих граждан. Около 14000 из них погибли, 6000 дезертировали и были интернированы в Аргентине, 10000 попали в плен, а более 32000 были эвакуированы в тыл по ранению или болезни. В 1933 году армия лишилась 12000 винтовок, 900 единиц автоматического оружия, 25 минометов и 20 пушек, которые попали в руки парагвайцев. Многие из раненых после выздоровления старались уклониться от военной службы или попасть в тыловые или резервные части. Бригадный генерал Э. Пеньяранда оказался довольно решительным военачальником и извлёк максимум выгоды из перемирия. Благодаря его энергичным мерам, численность войск в Чачо на 1 января 1933 года составила 15482 солдат (На 1 декабря у Г.Кундта было 14929). Примерно половина из них обеспечивала коммуникации от Вильясона до фортина *Бальвиан*, а остальные находились в передовых линиях. Численность тыловых гарнизонов, включая выздоравливающих, превышала 15 тысяч человек, (больше численности действующей армии). Таким образом, даже в феврале боливийская армия уступала парагвайцам, число которых на фронте насчитывалось 23 тысячи. Чтобы пополнить действующую армию были мобилизованы призывники 1917-20 и 1934 годов. В начале февраля численность действующей армии достигла 20000 человек, разбитых на четыре дивизии и 2 корпуса, примерно равных по численности. Учитывая ошибки прошлых боев и слабую военную подготовку призывников, генерал Э. Пеньяранда, стремился довести численность полков действующей армии до 1900-2000 человек. Таким способом он планировал компенсировать низкое качество солдат численностью. Уже в марте количество бойцов на фронте удвоилось и достигло сорока тысяч. В их числе было менее двух тысяч офицеров, пятисот военных чиновников, пять дюжин врачей и свыше четырех тысяч унтер-офицеров. Впервые с начала войны число боливийских солдат на фронте превысило силы противника. К этому времени из-за границы поступили тысячи винтовок, сотни пулеметов, десятки артиллерийских орудий и минометов. По данным военного министра к 1 марта на вооружении действующей армии, в арсеналах и на складах находились более 70000 винтовок, полторы тысячи пулеметов и две сотни артиллерийских орудий и минометов. По мнению военных экспертов, этих военных материалов должно было хватить не только для эффективного сопротивления парагвайцам, но и победоносного завершения войны.



Боливийская миномётная батарея

Внешнеполитическая линия Ла-Паса после потери целой армии в дебрях Чако смягчилась, поскольку это изменила отношение *роски* и *чоло* к войне, как к футболу. Армия уже не состояла из двадцатилетних юношей, стремящихся быть героями. Многие семьи уже потеряли своих сыновей, а *роска* уже не видела своей выгоды в войне за Чако: экономическое положение страны в связи с окончанием Великого кризиса стало выправляться. Теперь призванные в армию *чоло*, используя все возможности, стремились устроиться в тылу, при военном министерстве или в штабах тыловых дивизий: никто не хотел умирать. Даже сын президента, образца нации служил адъютантом при своем отце. Следствием такого обскурантизма среди высшего и среднего класса боливийского общества, стало возрастание в процентном отношении притока *колоко* в ряды действующей армии. Индейцы Альтиплано должны были стать пушечным мясом. Однако кечуа и аймара тоже не хотели идти на фронт и воевать за чуждые им интересы. Во многих местах призыв проходил под дулами ружей и пулеметов. Многие из призывников так и не доходили до своих частей. Так, согласно сообщениям военного министерства, из отряда 102 дезертировали 150 человек при следовании в Тариху. Отряд 113 при выдвижении к фронту таким же образом лишился 300 рекрутов. Боливийское правительство испытывало недостаток в квалифицированных офицерских кадрах. Оно начало вербовать офицеров не только в Европе, но и в соседних странах. Так, в 1934 году на боливийской службе 53 чилийских офицера.

Рост антивоенных настроений наблюдался в обеих воюющих странах. Многие иностранные обозреватели видели в событиях у Кампо Виа возможность полностью прекратить войну в Чако. В конце декабря посол США в Асунсьоне Ничолсон сообщал в госдепартамент о настроениях среди жителей столицы: «Здесь, бесспорно, преобладает желание заключить мир на гребне военных успехов». Конец войны ждали, но он не наступил. Победа при Кампо Виа и успешное продвижение парагвайской армии вглубь Чако побудили правительство Э.Айялы, где первую скрипку во внешней политике играл Х.Зубизаретта, отказаться от принятия доктрины Мендосы. В Монтевидео парагвайские дипломаты потребовали отвода войск противника на линию Вилья Монте – Роборе. При этом они продемонстрировали явное нежелание отводить свои войска за реку Парагвай. Они полагали, что победы их армии позволяют выставить эти условия. Естественно, что они были совершенно неприемлемы ни для Боливии. Парагвайские делегаты рассчитывали на то, что их контрагенты пойдут на уступки и достигнут компромисса,

но этого не произошло. Госсекретарь К.Хэлл дал чёткую инструкцию своим подчинённым поддерживать Ла Пас. До 26 декабря, когда VII Межамериканской конференции закончила работу, парагвайские дипломаты подвергались прессингу со стороны США и их марионеток, которые открыто лоббировали интересы Боливии. Стало ясно, что переговоры в этом формате не дадут ни к какому результату. 24 декабря капитулировал гарнизон *Алихуаты*, и судьба его солдат стала причиной новой серии бесплодных переговоров. Все шло к возобновлению военных действий. Однако, к Рождеству боливийская армия не закончила реорганизацию, а парагвайские коммуникации в Чако не были налажены. В канун нового 1934 года боливийский и парагвайский МИД договорились о продлении перемирия еще на неделю, после чего парагвайская армия продолжила наступление. В феврале 1934 года Лига Наций предложила обеим сторонам отвести свои войска на линии реки Парагвай и Вилья-Монтес – Роборе, сократить численность их армий до 5000 каждая и обменяться пленными. Спор о принадлежности Чако предлагалось отдать на рассмотрение Международного Суда в Гааге. Тем не менее, нежелание отводить свои войска за реку Парагвай было ясно продекларировано парагвайской дипломатией как на VII Панамериканской конференции в Монтевидео, так и в Лиге Наций.

Положение фронта в начале зимней кампании 1934 года



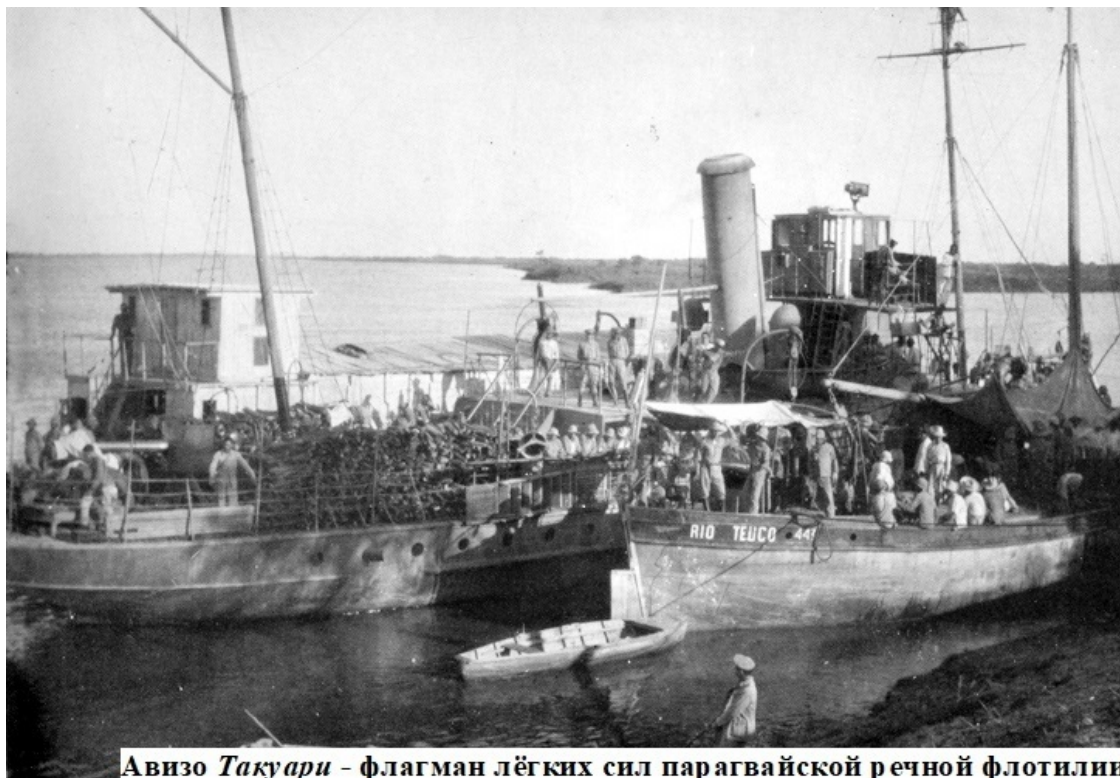
Возглавив парагвайскую армию Х.Ф.Эстигаррибия занялся реорганизацией действующей армии. Она по-прежнему состояла из трех корпусов. I корпус полковника Г.Нуньеса был развернут в районе *Эрреры (Фернадеса)* и являлся самым сильным парагвайским соединением. Он включал три (2, 7 и 8) пехотные дивизии общей численностью 9500 человек. Севернее его действовал II корпус полковника Р.Франко, переведенного после блистательной операции у Кампо Виа с должности командира 1 дивизии. Он состоял из 4000 солдат и включал 1 кавалерийскую и 6 пехотную дивизий. В Муньесе развернулся III корпус полковника Х.Брисуэлы, заменившего Луиса Иррасабала. Он состоял из наиболее пострадавших в кампании 1933 года 1, 4, 5 пехотных и 2 кавалерийской дивизий и насчитывал всего 5500 человек. В составе каждого корпуса находились артиллерийская группа. 3 дивизия, насчитывавшая в своем составе около 2000 солдат, по-прежнему прикрывала район Баия-Негры – Фуэрте-Олиμπο. За время перемирия генералом Х.Ф.Эстигаррибией был создан оперативный резерв величиной с дивизию в составе 14 и 15 пехотных и 1 кавалерийского полков и батальона *Куарента*, представлявшего моторизованный кавалерийский полк. К этому времени было закончено формирование

на базе инженерных батальонов полков. Полки состояли из 2 батальонов (пехотный штат 1932 года). Они имели на вооружении по 18 единиц автоматического оружия (12 ружей-пулеметов и 6 пистолетов-пулеметов) и 214 винтовок. Полку придавались пулеметный и минометный взводы. По штату он насчитывал 581 солдата (32 офицера, и 109 сержантов). В начале января по одному полку было придано каждому корпусу, а четвертый составил армейский резерв.

7 января истек срок прекращения огня, и I парагвайский корпус перешёл в наступление на *Платанильос*, который пал в тот же день. Не теряя темпа движения, авангард полковника Нуньеса выступил в направлении фортинов *Лоа* и *Яюкубу*. II корпус начал наступление из района *Корралеса* и овладел 8 января *Камачо*. Солдаты Р.Франко с обоих флангов обтекли позиции Б. Бильбао Риохи, который отдал приказ отступать на север. Боливийское верховное командование планировало остановить наступление противника на линии *Магариньос-ла Чина*, где в течение трёх недель была построена полоса укреплений. Она шла по дуге к северо-востоку и упиралась на юге в реку Пилькомайо. Её передовые позиции проходили в 11 километрах северо-востоку от фортина и имели длину около 32 километров. Блиндажи с пулемётными гнёздами, *чананы* и глубокие траншеи были соединены друг с другом ходами сообщения. По мнению немецких инженеров, строивших эту линию её укрепления должны были компенсировать слабый опыт боливийских новобранцев, которые в настоящее время составляют большинство I корпуса. Однако, парагвайцы не собирались штурмовать эту позицию в лоб. Сосредоточив часть сил III корпуса, его основные силы повели наступление на *фортин Ла Чина*, расположенный в 80 километрах по прямой к северу от Магариньоса. Для того, чтобы парировать эту угрозу командование I боливийского корпуса было вынуждено разделить свои силы и направить на север значительную часть своих сил. Центром снабжения был пункт *Ла Чинита*, расположенный в 117 километрах от *Магариньоса* и 125 – от *Ла Чины*. Таким образом, для манёвра войсками боливийскому командованию приходилось оперировать на расстоянии 242 километра.

10 февраля парагвайские войска провели демонстративную атаку на боливийские позиции у *Магариньоса* и к своему удивлению обнаружили, что пулемётный огонь противника не эффективен, а солдаты плохо обучены. В 2 часа пополудни *пататилас* перешли в штыковую атаку и заняли триста метров траншей первой линии. После этого боя командиру 1 дивизии полковник К.Фернандесу стало совершенно ясно, что новые боливийские новобранцы больше не похожи на тех, с кем они сражались яростно в Нанаве, Гондре или Толедо всего год назад. Не теряя времени, полковник стал расширять прорыв и быстро продвинулся вперёд на 7 километров. Его передовой отряд вышел на дальние подступы форта *Магариньос*, почти не встречая сопротивления. Между тем тысячи боливийских солдат остались в своих траншеях в его тылу. Все происходило так быстро и неожиданно, что другие парагвайские дивизии, не зная, что происходит на участке 1 дивизии, не смогли воспользоваться ситуацией. Продвижение 1 дивизии было приостановлено штабом корпуса из-за наступившей темноты и незнания местности. Воспользовавшись заминкой командование I-го боливийского корпуса решило покинуть 35-километровую полосу укреплений под *Магариньосом*. 11 февраля боливийцы взорвали *фортин* и в полном порядке отвели свои войска к фортину *Баливьян*. В ночь на 12-е парагвайские патрули продвинулись на 30 километрах на запад, но противника не догнали. В боях за Магариньос и при отступлении боливийцы потеряли всего 60 человек убитыми и ранеными, а парагвайцы – 10 убитых и 27 раненых. Таким образом, активные действия двух парагвайских корпусов сорвали планы генерала Э.Пеньяранды удержать укрепленную позицию Магариньос – Ла Чина. Вскоре пали фортины *Лоа*, *Боливар*, *Пальмар* и *Устарес*. После достижения этих рубежей парагвайское наступление остановилось, поскольку тылы I и II корпусов вновь оказались сильно растянутыми. Вследствие этого боевые действия приостановились до конца января 1934 года. Пользуясь моментом, Х.Ф.Эстигаррибия распорядился подготовить операцию 3 дивизии на *Диего-Суарес*. В последних числах января он лично посетил фортин

Баия Негра. Начальник отряда *авизо* В.Канноников и шеф навигационной службы Я.Туманов совместно доложили командующему, что фарватер реки Парагвай не позволяет использовать канонерки в операции, а использование только авизо и барж при господстве боливийской авиации в воздухе ставит под сомнение успех десанта. Это заставило генерала Х.Ф. Эстигаррибию отказаться от задуманного.



Авизо Такуари - флагман лёгких сил парагвайской речной флотилии

К концу февраля 1934 года положение боливийской армии резко улучшилось. В армию поступили значительные военные материалы: десятки пушек с 30000 снарядов, около двадцати тысяч винтовок и ружей-пулеметов и более сотни станковых пулеметов с миллионами патронов, большое количество ручных гранат. За это время численность боливийской армии выросла до 65 тысяч человек, более трети из которых была на фронте. *Баливьян*, расположенный на Пилькомайо, играл важную роль в военно-стратегических планах Д.Саламанки. По его мысли, он должен был играть роль нового *Бокерона*. Этот план был предложен генералом Ф.Осорорио в самом начале войны и предусматривал вести оборонительные действия на дальних подступах к *фортину Баливьян*. К концу лета 1933/34 года здесь сосредоточилось 18000 отборных солдат I корпуса полковника Д.Торо. Они имели на вооружении 600 единиц автоматического оружия и 20 пушек. Своевременный подвоз подкреплений и припасов обеспечивался транспортным батальоном из 200 грузовиков. Оборона I корпуса представляла собой тройную линию окопов, укрепленную пулеметными блокгаузами, связанными телефонными линиями с артиллерией, расположенной на закрытых позициях. Боливийские солдаты прикрыли траншеи колючей проволокой, укрепляли пулеметные гнезда стволами деревьев, постоянно расчищали сектора обстрела. Периметр фортина постоянно патрулировался пешими и конными патрулями и авиацией. Оборона постоянно совершенствовалась, поскольку Саламанка требовал удержания *Баливьяна* любой ценой – он считал, что до окончательного формирования новой армии этот фортин должен стать опорой Боливии в Чако. Д.Торо настолько уверенно чувство-

вал за укреплениями *Бальивиана*, что начал искать возможные способы контратаки парагвайской армии, части которой постепенно продвигались на север.

Понимая бессмысленность лобовых атак *фортина* генерал Х.Ф.Эстигаррибия решил его обойти. Главные силы парагвайской армии развернулись на север. На этом направлении парагвайское командование постоянно наращивало силы I корпуса, которые выводились из-под *Бальивиана* и заменялись подходившими с юга частями III корпуса. Продвигаясь к Пикуибе парагвайские войска последовательно заняли фортины *Ла Чина*, *Ла Чина Нуэва*, *Хордан*, *Лас Тортугас*, *Кабезон*. В это время главные силы III корпус медленно продвигался вверх по долине Пилькомайо и вышел на подступы к *Бальвиану*. Его войска заняли эвакуированные противником фортины *Линарес*, *Трес Посос*, *Ла Сеньора*, *Эстерос*, *Лас Лагунас* и *Санта Елена*. Концентрическое продвижение парагвайских частей к Бальвиану оставило их левый фланг повисшим в воздухе: его на обширном пространстве центрального Чако прикрывал II корпус Франко.

Несмотря на титанические усилия Д.Саламанки в обеспечении армии всем необходимым, его отношения с офицерским корпусом продолжали ухудшаться. Их неприязнь к президенту зародилось уже во время пребывания Г.Кундта на посту командующего. Вероятно, многие распоряжения германского генерала намеренно саботировались старшими офицерами, включая даже его любимчика Д.Торо. Новым поводом для недовольства стало присвоение Д. Саламанкой себе чина генерал-капитана. Предвкушая победу у стен фортина *Баливьян* высшие боливийские офицеры и генералы во главе с полковником Д.Торо не хотели делить лавры победы со своим президентом. Следует отметить, что боливийский президент ясно осознавал роль и влияние этого офицера в офицерской фронде. Еще в начале января 1934 года, он предостерегал Э.Пеньяранду от влияния этого офицера: «Я подчеркиваю, что...влияние подполковника Торо, чьи предыдущие действия всегда вызывали опасные ситуации, может подтолкнуть сделать Вас неверные шаги, чего я сильно опасуюсь. С другой стороны, я не хочу снизить обороноспособность нашей страны, отстранив Д.Торо от военной службы...». Однако генерал Э.Пеньяранда не услышал (или не захотел) предупреждения, вследствие чего Д.Торо получил звание полковника и был назначен командиром I корпуса. Он продолжил плести интриги, стремясь исключить влияние Д.Саламанки на военную политику страны. В середине февраля генерал Э.Пеньяранда предложил президенту отказаться от контроля за военными операциями. «Правительство предоставило Вам все полномочия по руководству кампанией, – последовал ответ Д.Саламанки, – и ничего не может дать более...».

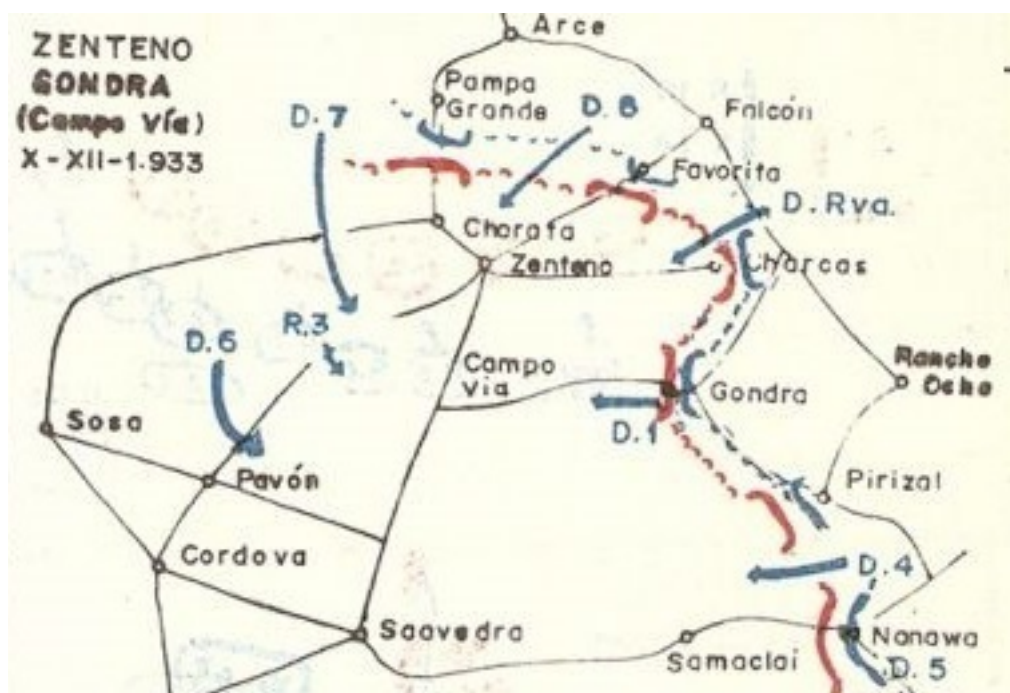
Усилиями генерала Х.Лансы в феврале-марте на базе полков *Кастрильо* и *Монтес* была восстановлена 9 пехотная дивизия, которая расположилась в районе Карандаити. Ее новым командиром был назначен полковник Ф.Пенья. Еще 20 февраля патрулями I корпуса была выявлена тропа, прорубаемая частями II корпуса полковника Р.Франко западнее *Бальивиана*. Для отражения обходного маневра парагвайцев во фланг I корпусу генерал Э. Пеньяранда приказал Ф.Пенье выделить из состава своей дивизии летучий отряд под командованием подполковника Бавии численностью в полторы тысячи солдат. В него вошло все три батальона полка *Монтес*, разведывательный эскадрон дивизии и батарея 65мм пушек. Подполковнику Бавии была поставлена задача организовать жесткую оборону северного края *каньяды* Тариха, который было необходимо удержать до подхода частей II корпуса. Боливийский отряд достиг указанной позиции ранее парагвайских патрулей и закрепился. Однако расположившись вдоль северного края *каньяды* Тариха, полковник Бавия сильно растянули свою оборону, повторяя прежние ошибки.

Командир II парагвайского корпуса полковник Р.Франко направил к *каньяде* Тариха 6-ю дивизию подполковника Фредерико У. Смита. 20 марта он попытался сломить сопротивление противника, но не смог преодолеть плотный пулемётный огонь. Штаб 9 боливийской дивизии находился в Карандаити, расположенном в 250 километрах к северу. Его начальник, майор Хуан Бельмонте, не имел другой возможности как общаться с подполковником Бавией

по радио. Парагвайская служба радиоперехвата, укомплектованная офицерами речной флотилии, смогла взломать боливийский код. В результате этого подполковник Смит и его начальник имели точное представление о количестве и действиях противника.



В ночь с 24 на 25 марта парагвайцы перешли в наступление. Полковник Пенья подробно информировал штаб дивизии о своих действиях, что позволило Ф.Смиту легко ориентироваться в боевой обстановке. К концу следующего дня 5 и 8 парагвайские полки обошли боливийцев с тыла и захватили их муниционную колонну. Утром 27 марта подполковник Бавия доложил в штаб о потере связи с одним из своих батальонов, который отступил на *Гаррапаталь*. В ходе артиллерийской дуэли шальной парагвайский снаряд уничтожил передовой боеприпасов отряда. Испытывая в них недостаток, Бавия попытался вырваться из кольца окружения. Когда же это не удалось, младшие офицеры отряда выкинули белый флаг. Их командир неудачно пытался застрелиться, но только тяжело ранил себя. В тяжёлом состоянии он был доставлен в госпиталь, где скончался 5 апреля. Победа при *каньяде* Тариха принесла не только трофеи и около 1000 пленных. В штабе Бавии парагвайским офицерам удалось обнаружить карты западных районов Чако, о которых они не имели никакого представления. В частности, на ней была нанесена дорога, связывавшая Кампо Хурадо с Вильясоном, а также колодцы к северу от Гаррапаталья и Карандаити. Их наличие существенно упростило планирование боевых операций в этом районе.



Операция у Кампо Виа

Сражением у *каньяды* Тариха закончился коренной перелом Чакской войны. За полтора года она вышла далеко за рамки обыкновенного пограничного конфликта и привлекла к себе внимание мировой общественности. На этом этапе Парагвай одержал победу. Это выразилось в громадных трофеях и несопоставимом количестве пленных. Так, с начала военных действий парагвайцы взяли в плен свыше 14000 солдат и 350 офицеров противника против своих 4 офицеров и 140 солдат. Их трофеи составили 22000 винтовок, около 1800 пулеметов, до сотни грузовиков, 30 артиллерийских орудий различных калибров и 25 минометов. Миллионы патронов, тысячи снарядов и бомб, медикаменты и инженерное оборудование, захваченные в ходе боев у Боливии, стоимостью до 4000000 долларов США, оказались волшебным подарком истощенному борьбе Парагваю. Они не только восполнили потери вооружения и прочей военной техники, понесенные парагвайскими войсками в ходе 20 месяцев непрерывных боев, но и использовать их для формирования новых боевых частей. В качестве символа победы на главной площади Асунсьона были выставлены трофейный танк и самолёт, произведённые фирмой *Виккерс*.

Поражение при *каньяде* Тарихе гораздо сильнее повлияла на боевой дух боливийцев, чем поражение у Кампо Виа: среди них стала распространяться «боязнь окружения». Генерал Э.Пеньяранда тоже сделал выводы и перешёл к исключительно оборонительной тактике, построив её на укреплениях *Баливьяна*. Так, совершенно неожиданно, мнение офицерского корпуса совпало с общественным мнением в стране.

Вместе с этим отступление на линию фортин Баливьян-Пикуиба положительно сказалось на состоянии войск. За последующие два месяца новобранцы прошли базовую военную подготовку и научились не бояться противника. Боливийские позиции вокруг *Баливьяна* были укреплены и обеспечены боеприпасами. Сокращение линий снабжения привело к улучшению снабжения фронтовых частей. 470 грузовиков обеспечивали практически бесперебойное снабжение 36000 боливийской армии. Для вытягивания машин из рытвин и ям на трассах появились тракторы *Катерпиллер*. По парагвайскому образцу многие грузовики, обслуживавшие

боевые части, были обшиты металлическими листами. Кроме этого, основные дороги стали патрулироваться бронев автомобилями.



Трофейный танк на площади в Асунсьоне

4. Первая половина 1934 года.

Будни тыла. Активизация военных действий. Каньяда Стронгест. Военнопленные. Боливийцы пробуют захватить инициативу. Альгодонал и Ингави.

Недовольство президентом Д.Саламанкой постепенно нарастало в боливийской столице и вылилось в восстание кадетов *Colegio Militar*. 5 апреля они вышли из казарм и потребовали прекращения вмешательства штатских в военные дела. Путчисты захватили бараки военной полиции и штаб национальной полиции, но были быстро окружены карабинерами. В стычках погибли один полицейский и один кадет. При посредстве генерала Х.Л.Ланзы кадеты сдались и были амнистированы. Получив точные сведения о событиях в столице, генерал Э.Пеньяранда прислал президенту примирительное письмо, откревтившись от действий восставших. Кажалось кризис в отношениях президента и армейских офицеров миновал, и, чтобы укрепить своё влияние в армейской среде, Д. Саламанка решил покинуть свой дворец *Квемадо* и посетить войска в Чако. 27 апреля Д. Саламанка со свитой и министром обороны прибыли на фронт.



Даниэль Саламанка в Вилье Монте

Невысокого президента, облаченного в черный фрак, встретил долговязый Э.Пеньяранда, одетый в полевую форму. После встречи с почетным караулом глава государства посетил окопы и направился в штаб для разрешения насущных проблем фронта и тыла. Армейское командование потребовало от президента принятия срочных мер против антивоенной пропаганды и введения военной цензуры, увеличения снабжения топливом армейского автопарка до миллиона литров в месяц и призыва новых резервистов. Очень существенным оказался вопрос аргентинской границы, закрытой для боливийцев и «прозрачной» для парагвайских патрулей. Ее близость также способствовала росту случаев дезертирства. В свою очередь, пре-

зидент сообщил, что хочет ввести в армии должность инспектора для улучшения связи между армией и правительством. Однако предложенная им кандидатура доктора Хоакина Эспады вызвала негативную реакцию присутствующих на собрании офицеров. Начальник штаба I корпуса О.Москосо не стесняясь выражений выступил против предложений президента и на месте был отстранен от занимаемой должности. Под давлением военных на его место был назначен полковник Ф. Ривера, хотя президент предлагал назначить на этот пост генерала Х.Л.Лансы или полковника Б. Бильбао Риоху. Главной причиной отклонения этих кандидатов стало открытое противодействие полковника Д.Торо. По своей давней привычке он действовал из-за спины генерала Э.Пеньяранда. Враждебное отношение старших офицеров, группировавшихся вокруг Д.Торо, лишили Д.Саламанку поддержки сторонников конституции. Возможно, их своевременное назначение Х.Лансы и Б.Бильбао Риохи на ключевые посты в армии позволили Д.Саламанке удержаться у власти, а Боливии выиграть эту несчастную войну. Когда президент садился в свой трех моторный *Юнкерс* он искренне считал, что преодолел сопротивление офицерского корпуса и тем самым ликвидировал пропасть между армией и правительством. На деле Э.Пеньяранда, Д.Торо и большинство офицеров из их окружения были озлоблены заявлением президента, что он, если надо, готов отправить двадцать офицеров в отставку. Они составили группу, которая стала готовить военный путч.

Ещё до поездки на фронт президент сомневался в компетенции своих офицеров. Поэтому он 19 марта направил президенту Чехословакии Масарику письмо, в котором просил прислать генерала для замены уехавшего Кундта. Сделать этот выбор Д.Саламанке помогло его окружение, которое попало под влияние представителя *Зброёвки Брно* Моравека. Его деловые контакты, в основе которых лежал меркантильный интерес, охватывали широкие круги высших чиновников, начиная от секретаря военного министра до председателя аудиторской палаты. Вероятно, под их влиянием Д.Саламанка полагал, что чешские офицеры, чьи подвиги в российскую гражданскую войну были разрекламированы пропагандой, будут управой на битых ими русских. Посредником в этой затее выступал вездесущий Моравек. К этому времени он уже покинул Ла Пас и пребывал в Праге, где вместе со своими хозяевами искал путь как обойти эмбарго на поставку оружия в Боливию.

8 мая 1934 года между Чехословакией и Боливией был подписан договор о военной помощи. Это был хитрый дипломатический ход, позволяющий обойти эмбарго Лиги Наций. В этом договоре были кровно заинтересованы *Зброёвка Брно* и *Селье и Бело*, поскольку с подписанием можно было поставлять в обход санкций оружие в Боливию. Договор предусматривал направление военной миссии в Боливию для обучения боливийской армии. В нём было оговорено, что советники находятся на содержании боливийского правительства. Они не будут участвовать в военных действиях и не могут быть использованы для выполнения заданий за пределами Боливии. 24 мая пять офицеров чехословацкой армии выехали из Праги в Бремен, где сели на пароход, идущий в Чили. Их возглавлял бригадный генерал Вилем Плачек, которому недавно исполнилось 57 лет. Это был кадровый офицер Австро-Венгерской армии. После распада империи Габсбургов он перешёл в чехословацкую армию и на момент командировки занимал должность начальника 2 горнопехотной бригады. В отличие от своих подчинённых он не был легионером. Его в Боливию сопровождали пехотный полковник Рудол Белин, подполковник Генштаба Ченек Кудлачек, артиллерийский майор Богумил Подлезл и пехотный капитан Теодор Покорны. Чтобы не нарушать законы республики, все они были уволены из чехословацкой армии 8 июня 1934 года и должны были содержаться за счёт Боливии. Кроме того, что казначейство этой страны выдало им на дорогу по 300 фунтов, они получали ежемесячное жалование: простые члены миссии – 150 фунтов, а их шеф – вдвое больше. 25 июня пять уже бывших чешских офицеров сошли на берег в Арике и сели на поезд, ведущий в Ла Пас.

Уже само их прибытие, а вслед за этим инспекционные поездки негативно сказались на настроениях многих лояльных к главе государства боевых офицеров. Многие из них считали,

что, избавившись от одних *гринго*, боливийская армия сразу же посадила себе на шею вдвое больше получили. Многие оппозиционные Саламанке журналисты задавали себе резонный вопрос: разве чехи отличились в мировой войне? И давали на него закономерный ответ: «Да! Они сдавались в плен без потерь!» Тем не менее прибытие чехов позволило президенту лучше ориентироваться в военной обстановке. Постепенно функции чешских военных специалистов стали более определёнными. Генерал Плачек вошёл в состав Военного Совета и принял участие в планировании операций. Капитан Покорны был прикомандирован к оперативному отделу Генерального Штаба и тесно сотрудничал с полковником А.Родригесом. Полковник Белин и майор Подлезл выполняли функции инспекторов пехоты и артиллерии, а подполковник Кудлачик координировал работу миссии и занимался вопросами военных поставок. В целом, миссия работала довольно успешно и оказала неоценимую помощь боливийской армии и оборонной промышленности своей страны, обеспечив ей заказы на один миллион фунтов стерлингов.



Освоение чешского оружия

Экономическое состояние противников во многом отражалось на интенсивности боевых действий. Сильная зависимость военных операций от снабжения оружием и боеприпасами из-за рубежа, сезонный характер путей сообщения, внешнеэкономическая конъюнктура были основополагающими факторами Чакской войны. Обладая хорошим кредитным рейтингом, Боливия после поражения у Кампо Виа переоснастила свою армию современным оружием, забыв при этом о солдатах. Они страдали от отсутствия медикаментов, одеял, палаток, накомарников и ёмкостей для воды. Отсутствие этих столь необходимых предметов, низкая индивидуальная подготовка и слабый боевой дух снижали боеспособность подразделений до нуля. Только бои у *кангьяды Тариха* привели боливийское верховное командование к осознанию этих проблем. С ростом численности армии росла и стоимость ее содержания, как в относительном, так и абсолютном исчислении. Если в годы первой мировой войны содержание и оснащение одного солдата европейских армий составляло 100-200 долларов США в год, то через десять лет оно выросло примерно до уровня 1000-1500 долларов. К 1933 году она составляла уже 2000-2500 долларов США, а через год – 3000-4000 долларов США. Такое удорожание было вызвано не столько снижением золотого содержания доллара во время Великого кризиса, сколько с удорожанием военных технологий, широкого распространения наземного и воздушного транспорта, средств связи и обнаружения, а также их последующее содержание и ремонт. Особенно сильно это сказывалось в области авиационной техники. Так, вследствие морального и технического старения летательных аппаратов, Боливия с начала конфликта четырежды

обновляла парк своих боевых самолетов, а Парагвай – трижды. При этом значительно возрастала роль технически подготовленных кадров, которые надо было обучать или нанимать. Хотя, обе стороны в конфликте почти не применяли дорогостоящих видов оружия (за исключением самолетов), их расходы в годы войны достигали примерно 200-300 долларов США на военнослужащего. Если величину военных расходов соотнести с численностью действующих армий, то парагвайцы тратили в год 300-350 долларов США на бойца, а боливийцы втрое больше. При примерно одинаковом вооружении войск, последняя цифра объясняется большими потерями боливийской армии в людях и вооружении. Так или иначе, военные расходы сторон возрастали из года в год, из месяца в месяц. Формирование новых частей и соединений обходилось дороже, чем содержание и комплектование новых.

Поэтапное изменение характера операций сторон в зависимости от состояния их финансов. На первом этапе (весна 1932 года) парагвайскому командованию вследствие более быстрой, «интегральной» мобилизации удалось сосредоточить превосходящие силы под *Бокероном*, которые оказались неспособными быстро разгромить его значительно более слабый гарнизон. Последующее продвижение, натолкнувшись на сопротивление противника на *7 километре*, захлебнулось из-за недостатка оружия. Захваченные в ходе этого короткого наступления трофеи оказались незначительными, но они показали степень оснащенности войск противника. Следствием этого стал поиск и заказ необходимого военного снаряжения, которое поступило осенью 1933 года.

Боливийскому командованию, оправившемуся от шока *Бокерона* и *Арсе*, удалось сосредоточить летом 1932/33 годов качественно лучшие войска, цвет армии, с помощью которых оно планировало истощить ресурсы противника, и принудить его к отступлению. Были учтены недостатки в организации снабжения и технического обеспечения. Однако неумелое использование новых видов оружия, слабая оперативно-тактическая подготовка и недооценка моральной стойкости противника привели к тому, что первыми боезапас истощился у самих боливийцев: к середине весны 1933 года у артиллерии закончились снаряды. Переход в наступление парагвайцев не был совершенно неожиданным, однако сила их ударов превзошла ожидания противника. Это наступление – краткая концентрация всех парагвайских ресурсов в течение месяца боев – увенчалось перемирием, накануне которого победителям достались значительные трофеи, позволившие им развернуть еще четыре дивизии и продолжить военные операции после его прекращения. Следует отметить, что в плане распоряжения своими ресурсами, парагвайское командование оказалось на высоте. Это объясняется не только компетентностью их верховного командования, но и единством военно-политического руководства страны. Боливийское верховное командование, наоборот, не представляло финансовых проблем правительства и часто неоправданно щедро тратило ресурсы, находящиеся в его распоряжении. Даже генерал Кундт, имевший представление о стоимости войны, не считался с финансовыми проблемами правительства Даниэля Саламанки, хотя и декларировал это.

Если Боливия покрывала свои потери, в основном, за счет роста стоимости своего экспорта и иностранных кредитов, то парагвайские источники оказались сколь скудны, столь и разнообразны. Располагая ограниченными доходами от внешней торговли, Асунсьон смог извлекать из нее относительно больше средств, чем его противник, установив через Бюро обмена валют принудительный курс песо. Это позволило концентрировать в своих руках больше половины экспортной выручки страны. Другим важным источником покрытия военных расходов стал печатный станок: если в Боливии стоимость национальной валюты – боливиано, по отношению к доллару упала в полтора раза, то в Парагвае произошло пятикратное снижение курса *песо фьюрте* по отношению к *золотому песо*. Создание министерства экономики и мобилизация промышленности под выполнение военных заказов, расширение производства на арсенале в Сайонии позволили сократить зависимость снабжения армии от поставок из-за рубежа, а также снизить военные издержки. Так, производство одного патрона в Парагвае сто-

ило в два раза дешевле, чем Боливии. Еще одним важным источником компенсации военных издержек Парагваем стали военные трофеи. Ко времени рождественского перемирия 1933/34 года суммарные трофеи оценивались самими парагвайцами более чем в пять миллионов долларов США. Если к этому добавить почти бесплатный труд двадцати тысяч военнопленных, принудительные займы среди патриотически настроенного населения, а также ту небольшую, но существенную иностранную помощь, то можно получить ясное представление о принципах финансирования войны аграрной страной в начале XX века.

ПАРАГВАЙСКИЙ БЮДЖЕТ В ГОДЫ ВОЙНЫ

	Доходы			Расходы		
	Обычные	Экстра	Всего	Обычные	Специальные	Всего
1932-33	201,8	389,7	591,5	257,0	385,6	642,6
1933-34	191,4	335,1	526,5	233,5	336,7	557,2
1934-35	144,5	291,5	436,0	125,7	295,8	421,5

Миллионы песо фуэрте

Парагвайское правительство, несмотря на успешное завершение кампании, также находилось на распутье. Зимой 1934 года стало ясно, что ресурсы страны практически на исходе. Даже полное использование боливийских трофеев не могло поправить положение. Ведение активных боевых действий осуществлялось за счет «интегрального» подчинения хозяйства страны нуждам фронта. К этому времени министерство экономики поставило его под свой полный контроль и смогло аккумулировать на военные нужды 30 миллионов золотых песо. Бюро обмена валют в Асунсьоне и хозяйственное управление армии в Кампо-Гранде аккумулировали практически все финансовые и материальные ресурсы страны. В сельских районах нельзя было сыскать даже битого стеклышка, а изделия из металла продавались на вес. После выпуска песо фуэрте на шесть миллионов долларов произошло его резкое обесценение. Цены на импортные товары выросли в 30-35 раз, даже продукция местной промышленности вздорожала в 12 раз. Одновременно происходила милитаризация повседневной жизни гражданского населения. Пропаганда и цензура, наряду с военной разведкой, постепенно становились неотъемлемыми элементами жизни Асунсьона. Контроль за иностранцами осуществляло специальное бюро. Внутренний порядок в стране обеспечивали мальчишки, инвалиды и старики, призванные на службу в полицию вместо ушедших на фронт. Многие важные объекты, а иногда и улицы патрулировались солдатами учебных рот.

По свидетельству английского военного корреспондента Томпсона, во многих зажиточных домах были развернуты минигоспитали. В них за выздоравливающими и легкоранеными ухаживали парагвайки. Это произошло из-за неспособности Центрального госпиталя обслужить всех жертв войны. Несмотря на наличие медицинского факультета в Университете Асунсьона выявилась нехватка военных хирургов – их после мобилизации оказалось не более четверти сотни. Квалификация большинства мобилизованных парагвайских врачей, по отзывам иностранцев, соответствовала уровню европейского фельдшера. В этих условиях парагвайское

правительство старалось привлечь иностранных специалистов, многие из которых, как впоследствии выяснилось, также не обладали нужной квалификацией. В 1932 году вследствие низкой квалификации хирургов в армейских госпиталях было проведено только 400 операций, что никак не удовлетворяло практические потребности. Те немногие квалифицированные специалисты вынуждены были специально проводить дополнительные занятия с медицинским персоналом. Довольно быстро удалось наладить обучение медицинских сестер, которые во многом спасали ситуацию. Среди них были и русские.

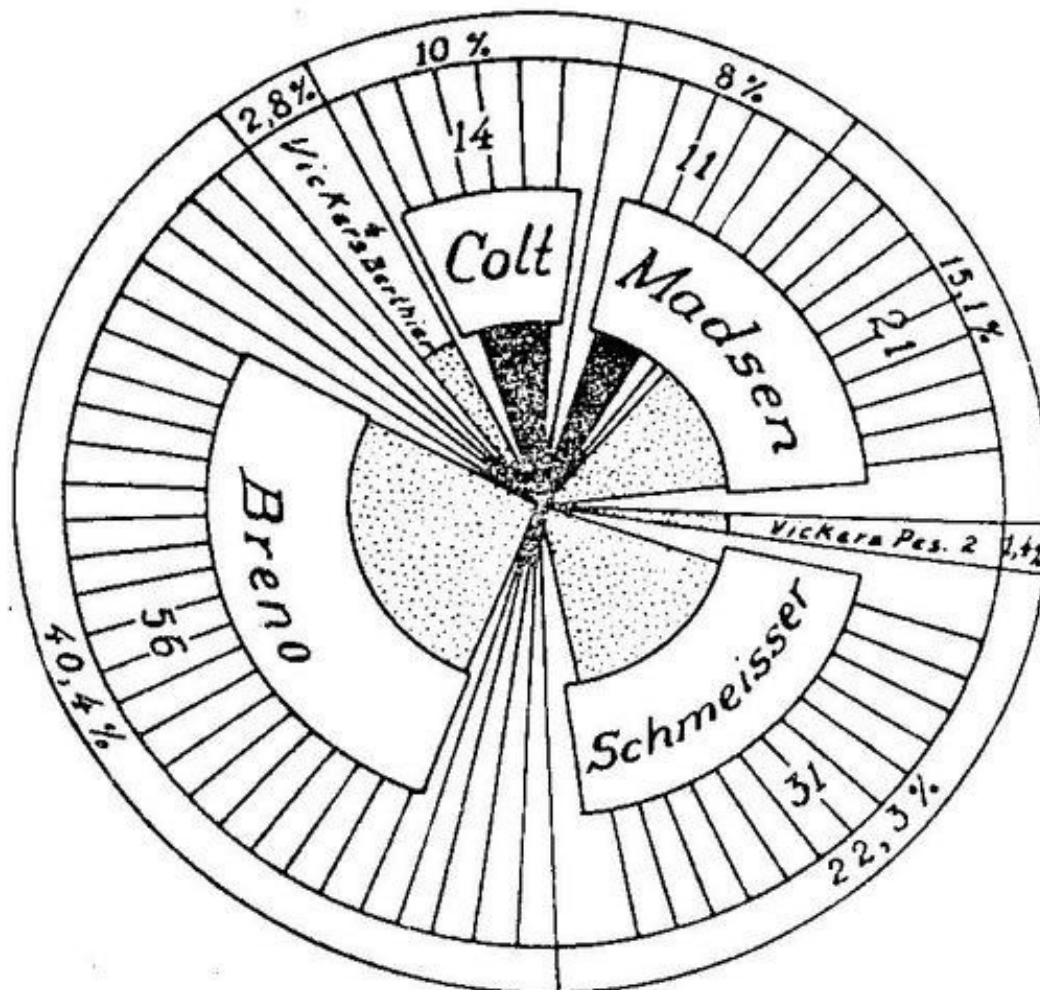


Помимо, ранений парагвайским медикам приходилось бороться с туберкулезом, дизентерией, очагами тифа, тропической лихорадки и малярии. В канун 1933 года страну посетила эпидемия гриппа, которым переболела половина армии. Трудность лечения заключалась в том, что парагвайцы избегали принимать лекарства через рот и требовали инъекций. В наибольшем почете у врачей и больных была глюкоза. Несмотря на относительно развитую систему здравоохранения, не существовало специального министерства (оно было создано только после войны в 1936 году на базе департамента здравоохранения МВД и армейских медицинских учреждений). Интенсивный труд на благо родины способствовал росту сердечных заболеваний среди работников тыла. Недостаточное питание привело к росту детских инфекций: коклюша, кори и скарлатины. Бичом военного и послевоенного Парагвая стала проказа. Ослабленные недоеданием и усталостью солдаты становились жертвами этих инфекционных заболеваний. Были моменты, когда до четверти парагвайских военнослужащих одновременно находились в госпиталях. Всего же через них прошли 150000 парагвайцев (сравним с 140000 призванных под ружье). Примерно три тысячи из них умерли и столько же потеряли трудоспособность. Этот результат удивителен для такой отсталой страны, как Парагвай. Одной из его причин является тот факт, что правительство не экономило на приобретении лекарств и медицинских препаратов. За время войны расходы на медицину и гигиену составили четверть всех военных расходов или 7.5 миллионов золотых песо.

За годы войны на фронт было поставлено снаряжения и продовольствия на общую сумму в 30 миллионов золотых песо. Пяту часть этой суммы составило продовольствию, Обеспечение фронта сильно сказалась на снабжении продовольствием столицы. Обычной пищей местного населения стал маниок и кукуруза. Мясо стало представлять в рационе простых парагвайцев большую редкость. Даже *канья*, традиционный алкогольный напиток, в годы войны стал недостижимой роскошью вследствие роста цен. Одновременно с этим в богатых кварталах столицы свободно за иностранную валюту продавался американский виски. Те незначительные дотации, которые получали солдаты на фронте не могли угнаться за падением стоимости *песо фуэрте*, подешевевшего за 1933 год в два с половиной раза, а индекс потребительских цен на 60%. Министерство экономики предпринимало значительные усилия для того, чтобы поднять уровень производства продовольственных и экспортных товаров. Так, несмотря на крайнюю нужду фермерам, были выделены кредиты в несколько десятков миллионов песо фуэрте. Вследствие этого за три года войны на 20% выросло поголовье молочных коров и втрое – площади под хлопком. Другой проблемой повседневной жизни страны стала проблема бензина, который ввозился из-за границы и требовался армии во всё более возрастающих количествах. Чем больше растягивались коммуникации, тем больше его требовалось. Всего за годы войны армия получила нефтепродукты на 1200000 золотых песо, что составило только 4% от общих расходов.

В канун драматического конфликта между президентом Боливии и его офицерами, армии противников были вновь готовы к возобновлению активных боевых действий. К этому времени боливийцы развернули на фронте в Чако пять своих дивизий. 4 и 7 дивизии I корпуса продолжали защищать *Баливьян*. Усиленные инженерными заграждениями позиции корпуса протянулись от берега Пилькомайо до *каньяды де лос Монос*. В 60 километрах к востоку от нее у *каньяды* Эсперанса была развернута 8 дивизия II корпуса. 3 дивизия того же корпуса разместились в 40 километрах севернее от нее. Ее позиции располагались вдоль *каньяды* Стронгест. Это название было дано в честь лучшего футбольного клуба Ла-Паса, члены которого всем составом записались в добровольцы. Возрожденная 9 дивизия, командиром которой был назначен полковник Франсиско Баррос, находилась в оперативном тылу на севере Чако, защищая фортин *Пикуба* и центр снабжения войск в Карандайти.

Автоматическое оружие, состоящее на вооружении 8 пехотной дивизии



Парагвайское командование, окрыленное победой у *каньяды Тариха*, подготовило план глубокого обхода позиций противника у *Баливьяна*. В случае успеха операции войска противника должны были оставить свои укрепленные позиции и полностью очистить всё Чако. К этому его подталкивали политическое руководство страны. Решающая победа была необходима, поскольку призыв 1934 года уже попал на фронт и, согласно докладу парагвайского министерства обороны, ни на какие новые призывные контингенты до конца года нельзя было рассчитывать. Обеспокоенный общей ситуацией в ставку Х.Ф.Эстигаррибии под Баливьяном прибыл президент Э.Айяла, который настаивал на возобновлении наступления. Ко времени его очередного появления на фронте усилиями инженеров было проведено 7 новых дорог длиной свыше 1250 километров (с 1932 года). К марту логистическая сеть позволяла бесперебойно обеспечивать действующую армию всем необходимым и разместить армейскую передовую базу снабжения под *Баливьяном*. Целью новой операции была выбрана 8 боливийская дивизия, расположенная к северо-востоку. По оценкам начальника штаба полковника Д.А.Мена I корпус противника был занят строительством укреплений и не мог вести активных действий. Разбитая у *каньяды Тариха* 9 дивизия вообще не принималась штабом в расчет. Между тем её численность к началу мая была доведена до 14000 солдат.



Для наступления был выделен отдохнувший I корпус полковника Г. Нуньеса. К концу апреля 1934 года он состоял из 2, 7 и 8 дивизий (9 полков) общей численностью в 6000 солдат. Части полковника Г.Нуньеса должны были сначала окружить и разгромить 8 дивизию противника, а потом продвигаться на северо-запад с целью выйти к аргентинской границе. В этом случае лучший корпус противника должен был сдаться или отступить на аргентинскую территорию и разоружиться. Сковать его с фронта должен был III корпус, в то время как II корпус Р.Франко выводился в резерв на пополнение. Его планировалось использовать на втором этапе операции при преследовании противника, отступающего на север. Таким образом, к маю 1934 года в составе парагвайской армии имелись три корпуса, состоявшие из двух кавалерийской, резервной и восьми пехотных дивизий. Некоторую тревогу командования вызывало состояние парагвайских ВВС: 4 марта разбился еще один *Фиат* и число боеготовых истребителей снизилось до двух.

Наступление корпуса полковника Г.Нуньеса началось 10 мая с охвата обеих флангов 8 дивизии, которой командовал полковник Менахо. Пять с половиной тысяч *паматилас* атаковали вдвое слабейшего противника, но не смогли добиться видимого успеха. Вскоре они осознали насколько хорошо боливийцы изучили урок Кампо Виа и *каньяды* Тариха. Все возможные пути обхода были перехвачены боливийскими укрепленными заставами, связанными со штабом II корпуса. Обладая необходимой информацией о противнике, боливийское командование впервые за время войны проявило небывалую активность и решительность. 15 мая Э.Пеньяранды приказал шести полкам 9 дивизии нанести удар по левому флангу парагвайцев. Её командир полковник Ф.Баррос оставил прикрывать Карандаити только один 16 пехотный полк, а остальную часть своих сил перебросил на грузовиках на юг. С воздуха марш прикрывала боливийская авиация, которая не только отгоняла самолёты противника, но и вела глубокую разведку. Одновременно, приказ на переход в наступление получила 3 дивизия, расположенная на правом фланге Ф.Барроса. Замысел Э. Пеньяранды и его штаба заключался в том, что обе дивизии должны были одновременно перейти в наступление и ударить по открытым флангам I парагвайского корпуса и заставить его отступать на северо-восток в безводные дебри Чако. Однако, опасаясь за успешный исход операции 18 мая он приказал перевести

полевой штаб в Самайхуату, расположенную в 123 километрах к северу от *Баливьяна* и 105 километрах к югу от Вильи Монте. Не имея даже малейшего представления о нависшей над ними угрозе, четыре полка 2 парагвайской дивизии подполковника Р. Веры медленно обтекали северный фланг 8 дивизии противника. Её три полка с трудом отражали фронтальные атаки трёх полков 7 парагвайской дивизии подполковника Х.А.Ортиса. Наступление 2700 солдат Р.Веры замедлялось опорными пунктами боливийцев, налетами их самолетов и труднопроходимой местностью. Под давлением 7 дивизии боливийцы медленно отходили на северо-запад, цепляясь за каждый рубеж обороны. Неожиданно для себя, действовавшая на левом фланге 8 парагвайская дивизия обнаружила концентрацию превосходящих сил противника. Её начальник полк.Ф.Кабрера приостановила наступление и известил об этом штаб корпуса. По собственной инициативе он перешёл к обороне, чтобы прикрыть коммуникации корпуса с юга. Несмотря на явную угрозу левому флангу наступающих, Х.Ф.Эстигаррибия приказал подполковнику Р.Вере продолжать операцию по охвату 8 дивизии с северо-востока. По-видимому, он рассчитывал на обычную медлительность противника и предполагал завершить разгром 8 дивизии раньше, чем начнется боливийское контрнаступление. Этому авантюристическому плану не довелось сбыться. Это произошло, в первую очередь, из-за отсутствия информации о противнике. Эскадрилья боливийских *Хок* господствовала в небе над *каньядой*. За последующие с 19 по 24 мая парагвайской авиаразведке ничего не удалось выяснить о положении войск полковника Г.Нуньеса. Радиоперехват почти ничего не давал, а выехавший для рекогносцировки командир 3 пехотного полка Н.И.Гольшмидт попал в засаду и застрелился.



19 мая 9 боливийская дивизия при поддержке авиации, базировавшейся на Вилья Монте, перешла в контрнаступление. Полковник Ф.Баррос разделил свои части на две колонны. Первую из них возглавил полковника А.Ривас. В нее вошли 5 и 16 пехотные полки, усиленные

эскадром 5 кавалерийского полка. Вторая колонна под командованием майора Д. Роха включала 18 пехотный полк и оставшуюся часть 5 кавалерийского полка. В резерве командира дивизии находился 1 кавалерийский полк, артиллерия и сапёры. На север перешли в атаку перешли два полка 3 боливийской дивизии *Хордан* и *Лоа*. Они атаковали войска Р.Веры и остановили их продвижение. Наступление колонны майора Д.Роха сразу застопорилось. Солдаты 18 полка наткнулась на занявший круговую оборону батальон двадцатитрёхлетнего капитана Эстигаррибии, дальнего родственника парагвайского командующего. Как только были получены сообщения о начале наступления противника, полковник Н.Нуньес приостановил операцию и приказал подполковнику Р. Вере оттянуть свою дивизию в исходное положение. Считая приказ командования преждевременным, командир 2 дивизии, далеко обогнавший своего левого соседа – 7 дивизию, настаивал на продолжении наступления. Он полагал, что ему удастся охватить противника раньше, чем 9 боливийская дивизия прорвется в тыл. Только настоятельное требование штаба командующего, считавшего отступление единственным маневром, который может спасти 2 дивизию, заставило подполковника Р.Веру остановиться.

Утром 20 мая колонна А.Риваса вышла на дороге Камачо – Санта-Фе в 60 км северо-западнее Камачо, а ее патрули продвинулись еще дальше. Один из них организовал засаду, в которую к полудню попала колонна парагвайских водовозов. Осознав, грозящую его корпусу опасность полковник Г.Нуньес приказал командирам 2 и 7 дивизий оттянуть все наличные резервы в тыл и восстановить связь с 8 дивизией. Полковник Г.Нуньес планировал нанести встречные удары с юга и севера по выдвигающимся в разрыв между дивизиями его корпуса колоннам полковника Ф.Барроса. Еще два батальона из резерва корпуса были выдвинуты для блокирования “тропы Франко”, по которой можно было атаковать Камачо с запада. Тем временем, стали прибывать резервы. Первым в район боев прибыл батальон *Куарента* из II корпуса. Для ускорения передвижения батальону выделили 50 грузовиков, он был вынужден оставить свои полевые кухни на месте прежней дислокации. По пути батальон подвергся атакам боливийских *Оспри* и смог прибыть к месту боев только 22 мая, укрепив фронт I корпуса, но было уже поздно.

За день до появления *Куаренты* на фронте командир 7 парагвайской дивизии подполковник Х.А.Ортис получил приказ начать отступление. Путь навстречу ему «прорубал» 1 саперный полк, срочно выдвинутый из армейского резерва. К востоку от отметки 64 километр саперы наткнулись на артиллеристов 1 группы, расчищавших тропу им навстречу. В 16:00 того же дня части 7 дивизии начали выходить из окружения. Первым вышел из окружения 17 полк *Ита Ибате*, а затем остальные части (11 *Рубио Ну* и 12 *Ятаити Кора*) и дивизионный обоз с артиллерией. К 3:30 следующего дня позиции 7 дивизии опустели. В 9:00 вся 7 парагвайская дивизия проскользнула к юго-востоку от позиций противника и установила связь с 8 дивизией. Вышедшие из окружения части сосредоточилась к северо-востоку от нее. Выводя свои полки из мешка, полковник Х.А.Ортис не сообщил своему северному соседу Р.Вере, о своем маневре. В это время на правом фланге 2 парагвайской дивизии появились части 3 дивизии противника. Ее колонна, состоящая из двух пехотных полков, обошла позиции Р.Веры с тыла и встретила с частями 8 боливийской дивизии, занявшими к этому времени район расположения частей Х.А.Ортиса. К 17:20 вся 2 дивизия, состоявшая из 1, 3, 10 пехотных и 9 кавалерийского полков попала в неплотное кольцо окружения. Для того, чтобы ослабить жажду окруженных, парагвайское командование направило в расположение частей 2 дивизии три *Потеза* (№7, 10 и 13), которые сбросили окруженным несколько глыб льда, а батальон Куарента попытался пробиться с юга. Его атака успеха не принесла, но отвлекла внимание противника В ночь на 22 мая 10 пехотному полку, составившему авангард 2 дивизии, удалось нащупать брешь в кольце окружения. 22 мая в 2:00 сюда стали выдвигаться остальные полки, включая 12 грузовиков дивизионного обоза. Через два часа парагвайский авангард наткнулся на заградительную позицию противник 3 дивизия и ввязался во фронтальный бой. Он до рассвета. Опасаясь налета

самолетов противника командир дивизии приказал обозу рассредоточиться. 9 кавалерийский и 10 пехотный полки продолжали бой на отсечной позиции, а 1 пехотный полк застрял к северу от нее. Тогда Р.Вера приказал 3 пехотному полку обойти слева позицию противника. Во время боя командир *Корралеса* выбыл из строя, и полковник сам повел полк в обход. Однако вместо того чтобы атаковать противника командир дивизии двинулся на юг, бросив на произвол судьбы остальные полки своей дивизии. 23 мая основные силы 3 полка и штаб дивизии во главе с майором А.Росой достигли парагвайских позиций. Следом за ними вышел 1 пехотный полк, которому удалось обойти позиции противника, привлеченного боем у заграждений.



В течение всего 22 мая боливийское командование подтягивало резервы и уплотняло кольцо вокруг остатков 2 дивизии: 9 кавалерийского и 10 пехотных полков. К концу дня командование 8 боливийской дивизии осознало, что основные силы противника выскользнули из мешка, и приступило к уничтожению остатков 2 дивизии: Когда окруженным стало ясно, что фланговой атаки *Корралеса* не будет, а командир дивизии бежал, солдаты пали духом. Их небольшие группы попытались просочиться сквозь кольцо окружения, а остальные 24 мая выкинули белый флаг и капитулировали. Еще через день, 25 мая, сдались в плен остатки батальона капитана Х.Эстигаррибии – 11 офицеров и 190 солдат. Только несколько его солдат с гранатами в руках прорвались к своим через позиции 18 боливийского пехотного полка. Победа принесла Ла-Пасу осязаемые результаты. В плен были захвачены 67 офицеров, старший из которых был майором, и 1389 солдат парагвайской армии, а также значительные трофеи, включая 3 75мм пушки Шнейдера и 4 75мм английские пушки системы Виккерс-Максим. Соотношение солдат и офицеров в парагвайской армии (1 к 21) сильно удивило боливийское командование.

Всего I парагвайский корпус потерял в боях у *каньяды* Стронгест 1800 человек или 30% своего состава, несколько десятков грузовиков и артиллерию 2 дивизии. Это не только подняло

боевой дух и престиж боливийских военных, которые показали, что умеют воевать без помощи гринго Г. Кундта. Однако следует отметить ряд ошибок боливийского командования, которое сосредоточило силы почти двух дивизий против одного батальона капитана Х.Эстигаррибии и позволило ускользнуть из мешка 7-й парагвайской дивизии. Если бы маневр 8 дивизии у 60 километра был бы осуществлен на сутки раньше, то 1 и 3 парагвайские пехотные полки также не смогли бы выскользнуть из мешка. В этом случае победа при *каньяде* Стронгест привела бы к полному разгрому I корпуса и, возможно, окончанию войны на условиях *status quo ante bellum* – у парагвайского командования не осталось бы достаточно сил, чтобы удерживать в своих руках оперативную инициативу, и готовить войска к реваншу.

Военнопленные этой войны, шагавшие по пыльным дорогам Чако в тыл своего противника, не испытали тех ужасов, которые принесла II мировая война. Это произошло потому, что для солдат и правительств Чакской войны не было строгих идеологических, расовых или классовых установок. Несмотря на национализм, охвативший два этих латиноамериканских государства с разным культурным укладом, политическими традициями и экономикой, ни одна из сторон не допускала массовых убийств или издевательств над пленными. Конечно, бывали случаи, когда пленных убивали во время партизанских рейдов, но это не стало традицией. Отношение фронтовых парагвайских частей к пленному противнику было корректным: часто победители предлагали сдавшимся воду, сухарь или сигарету. Отношение к военнопленным этой войны напоминало кодекс чести XIX века. По-видимому, это объяснялось еще и тем, что обе страны не могли оказать помощь своим попавшим в плен солдатам по линии Красного Креста из-за бедности и нехватки средств в общественных фондах.

Пленные боливийцы направлялись пешим порядком к Исла-Пой и далее к конечной станции узкоколейки, откуда перевозились по железной дороге в Пуэрто-Касадо. Оттуда транспортные суда перевозили в Асунсьон. Во время марша только некоторые смельчаки бежали навстречу опасностям чакских дебрей. Отсутствие воды и дорог, болезни и голод не позволили многим из них достичь спасительной аргентинской границы или линии своих патрулей. Первоначально, многие из военнопленных были размещены в парагвайских тюрьмах, тяжесть содержания в которых была преувеличена боливийской прессой с подачи официального Ла-Паса. После Кампо Виа, когда парагвайские лагеря военнопленных оказались переполнены, правительство начало направлять боливийцев на работу в семьи, пославшие на фронт своих кормильцев. Колоко быстро освоились с привычным для них сельским трудом. Проживание на фермах позволяло им не только лучше питаться по сравнению с лагерем военнопленных, но и сохранить свою жизнь. Впоследствии, некоторые из них остались в Парагвае, который с XIX века страдал излишком женщин. Несколько тысяч военнопленных парагвайцев оказались в еще более хороших условиях, чем их боливийские товарищи по несчастью. Офицеры перевозились в Ла-Пас самолетами, размещались в *Colegio militar* и попадали под опеку Генерального Штаба, изучавшего «секреты» противника. Солдаты на автомобилях были также переброшены под Ла-Пас, по которому они прошли маршем, доказывая зевакам успехи боливийской армии.



Трофеи, захваченные у каньяды Стронгест

5. Падение Баливьяна

Бои в долине Пилькомайо. Блицкриг Р.Франко. Попытка Д.Торо перехватить инициативу. Даниэль Саламанка и военные. Чешская военная миссия. Новое наступление парагвайцев. Эль-Кармен. Сдача Бальивиана.

Не прошло трех дней со времени капитуляции остатков 2 дивизии, как парагвайское командование начало новую операцию. 28 мая резервная дивизия, усиленная 2 саперным полком, вместе с 6 пехотной дивизией начали новое наступление при поддержке авиации и артиллерии. Во время одного из авианалетов 6 парагвайских самолетов (4 *Потеза* и 2 *Фиата*) были атакованы 11 боливийскими *Оспри* и *Хок II*. После воздушного боя, длившегося 20 минут, парагвайским авиаторам удалось оторваться от противника. Продвинувшись по дороге Франко до отметки 128 километр (от Камачо), обе парагвайские дивизии неожиданно атаковали позиции 3 боливийской дивизии. Эта атака имела ограниченный успех: парагвайцам удалось отбросить передовые посты противника на 4 километра от дороги. Отступив к своей главной позиции, 3 дивизия смогла закрепиться и отбила все атаки противника. Большую помощь 3 дивизии в отражении атак противника оказала смешанная эскадрилья майора Х.П.Коэлье, состоявшая из нескольких *Оспри* и *Хок II*. Она базировалась в Куруренде, всего в 30 километрах от места боев. Авианалеты боливийских самолетов несколько раз исправляли критические ситуации. К 8 июля боевой порыв парагвайцев стал выдыхаться, а через два дня они вовсе прекратили свои атаки. Это неудачное наступление, получившее название боя у Кондадо, стоило парагвайцам 1700 человек.



Победители у каньоны Стронгест

8 июля в наступление на *Баливьян* перешел III парагвайского корпус, который с воздуха поддерживали 4 *Потеза*. В этот день на *фортин* были сброшены 120 бомб, треть из которых повредили ВПП и четыре самолёта. Хотя во время налета на полевом аэродроме находилось 7 самолетов *Кэртис-Райт*, они оказались не готовы к перехвату. Другие бомбы полностью разрушили склады горючего, оставив на некоторое время транспорт боливийцев в неподвижности. Парагвайцы перешли в наступление и смогли вклиниться в оборону I боливийского корпуса на участках пехотных полков *Перес* и *Манчего*, но своевременно переброшенные подкрепления ликвидировали прорыв. Контратаки боливийцев проводились при поддержке авиации, базировавшейся на Куруренду. Несмотря на то, что положение было восстановлено, состояние духа боливийского гарнизона становилось все более угрожающим. Это было связано с тем, что парагвайские войска с востока нависали над его основной коммуникацией – дорогой на Вилья-Монтес.

После этих боев военный министр Х.А. Кирога прибыл в *Бальивиан* с инспекцией. С 14 по 18 июля он изучал систему укреплений, проводил смотры и беседовал с защитниками фортина, что вызвало недовольство командира корпус. Истинной целью прибытия военного министра на фронт стало выяснение мнения офицеров и солдат I корпуса по вопросу оставления *Бальивиана*. Это предложение отстаивала чешская военная миссия, прибывшая по приглашению президента на смену немцам. Она настоятельно рекомендовала оставить фортин и тем самым сократить линии снабжения, что освободило бы значительное количество задействованных в этом солдат. Свободные силы можно было направить на создание мобильных резервов и усиление только что сформированного III боливийского корпуса. Главным противником эвакуации был командир I корпуса и комендант *Бальивиана* полковник Д. Торо, который противился любому ослаблению подчиненных ему войск. Поскольку в условиях Латинской Америки количество подчиненных генералу войск определяло его политический вес, Э.Пеньяранда, Д.Торо и их клика всячески препятствовали увеличению сил III корпуса, которым командовал верный Саламанке генерал Х.Л.Ланса. Его корпус, в задачу которого входило обеспечение северного направления по силе уступал взятым в отдельности дивизиям первых двух корпусов. Несмотря на распоряжение президента, в него в последнюю очередь направлялись подкрепления. Здесь же оказалась последняя боевая единица боливийской бронетехники – танкетка Карден Ллойд,

управляемая двумя чилийскими наёмниками. Она только изредка использовалась по назначению, но – чаще охраняла артиллерийские позиции и использовалась как трактор.



**Танкетка Карден Ллойд
перевозит гаубицу**

Тем временем, остановленный на *тропе Франко* II корпус не оставил попыток глубоко охватить боливийские войска под *Бальвианом*. 28 июля его инженеры закончили строительство новой дороги к Пикуибе, откуда открывался путь к реке Парапители. Вскоре сюда была выдвинута 6 парагвайская пехотная дивизия, а следом и весь II корпус. В его состав была включена наименее пострадавшая в предыдущих боях 8 пехотная дивизия из состава I корпуса, а также резервная дивизия. Общее число солдат в распоряжении полковника Р.Франко достигло 8000 человек. 31 июля генерал Х.Ф.Эстигаррибия перенёс свою ставку в Камачо, показывая тем самым, что острие парагвайского наступления переносится из сектора Пилькомайо на северо-запад.

По плану парагвайского командования марш-маневр II корпуса должен был прикрываться с воздуха почти всеми боеспособными парагвайскими самолетами, базировавшимися на *Комачо* и *Муньос*. Это привело к новым столкновениям в воздухе. Боливийская авиация к этому времени была разделена на две боевые группы, базирующиеся в Вилле Монте (Grupo Aereo) и Карандаити (Grupo Aereo Santalla). Обе ВПП располагались примерно в 150 километрах от линии фронта и активно вели воздушную разведку. 12 августа у фортина *Флорида* произошел бой между *Оспри* N78 майора Рафаэля Пабона и парагвайским *Потезом* N11, в котором оба самолета были повреждены. Однако если парагвайскому летчику удалось довести свой самолет до базы, то боливийский самолет упал и разбился, а сам знаменитый пилот погиб. Его гибель негативно повлияла на боевой дух Авиационного корпуса, что проявилось в снижении его активности.

С начала августа основные силы парагвайской действующей авиации перебазировались из *Муньоса* севернее. В ходе кампании 1934 года она использовала три ВПП: Пикуиба, Камачо и Ирендага. Налетам парагвайских *Потезов* стали подвергаться боливийские позиции у Лобрего, Эль Кармен, Карандаити и Ирендагой. Однако удары парагвайских ВВС все менее и менее становились эффективными – превосходство боливийской авиации в воздухе все возрастало. В сентябре Авиационный корпус, который возглавил полковник Р.Хордан, получил новые мощные многоцелевые самолеты *Кэртиса Сайклон Фалкон*, заменившие старые *фоккеры* и *бреге*. Основные силы истребительной эскадрильи первоначально базировалась далеко за линией фронта в Эль-Альто, главной базе ВВС. С возрастанием интенсивности боев *Фаль-*

коны были переброшены ближе к фронту. В боях приняли участие только 5 машин, а остальные были потеряны в различных авариях. Благодаря их наличию, двух оставшихся в строю парагвайских *Фиатов* и единственного *Фалькона* было явно недостаточно, чтобы бороться за господство в воздухе. Они могли лишь совершать разведывательные вылеты и эскортировать оставшиеся исправными *Потезы*. Последние использовались для нанесения локальных бомбовых ударов. Очевидная слабость истребительной авиации заставила парагвайское командование вернуть в строй оставшиеся боееспособными *Вибо*. Правда, до конца войны они использовались исключительно для эскортных миссий.

13 августа корпус полковника Р.Франко перешёл в наступление из района *Гаррапаталья*. Его целью был захват форта *27 ноябрь*. Боливийское командование не придавало этому направлению никакого значения и держало в этом районе редкие заслоны. Это отношение зафиксировал полковник Анхель Родригес из генерального штаба Боливии. В марте он писал, что пустынная местность на севере Чако является лучшей защитой от любого продвижения противника в этом секторе. Поэтому он предложил использовать для снабжения III корпуса дорогу Санта Крус-Корумба и сосредоточить его основные силы гораздо восточнее – у фортов *Ингави* и *Аякучо*.

15 августа 6 парагвайская пехотная дивизия, продвигаясь по дороге *Камачо* – Вилья-Монтес, атаковала отряд полковника В. Мендеса, прикрывавший эту дорогу на север. Вместе с ней находился командир II корпуса подполковник Р. Франко. Хотя ветеран Чако полковник Мендес имел в своём распоряжении около шестисот бойцов, он не смог оказать действенного сопротивления и был наголову разбит. Сто пятьдесят его солдат погибли, а три сотни попали в плен. Эта быстрая и лёгкая победа открыла II корпусу путь вглубь боливийской обороны: в тот же пала Пикуиба, где было захвачены трофеи и пленные. Безостановочно продвигаясь вперёд парагвайские авангардные части захватили врасплох и взяли в плен еще не менее двухсот боливийских солдат. 17-го августа авангард II корпуса захватил форты *27 ноябрь*, а части 6 дивизии заняли Ирендагу и Эль Крус. Таким образом, полковник Р.Франко выполнил поставленную перед его корпусом задачу всего за пять дней. За это время его солдаты ценой небольших потерь продвинулись на 120 километров и захватили богатые трофеи и 450 пленных. Х.Ф.Эстигаррибия и его штаб с удивлением обнаружили, что захватили боливийское командование врасплох и решили использовать момент. Направление наступления для моторизованных моторизованным колонн Р. Франко было изменено: он получил приказ повернуть на запад и овладеть Карандаити, а затем на реку Парापити и овладеть нефтепромыслами Камири. Корпус продолжил безостановочное движение в указанном направлении, захватывая трофеи и пленных. 20 августа 14 пехотный полк *Серро Кора* преодолел в 100 километров и достиг перекрестка у Хуйрапитинди. Он располагался всего в 45 километрах от реки Парापити. Южнее полка на запад продвигалась 6 пехотная дивизия. За 13 дней с начала наступления она прошла по пустынной местности 160 км за 13 дней. 22 августа она вышла к Альгодоналу, который защищал сводный отряд под командованием майора В.Брандта, оставшегося на боливийской службе после отъезда генерала Г.Кундта.

Первоначально боливийские силы в Алгодонале насчитывали 600 человек, но затем возросли до 1216. Первоначально они состояли из сводного батальона, составленного из остатков 18 пехотного полка *Монтес*, двух эскадронов кавалерийского полка *Кастрильо* и остатков гарнизона Пикуибы, находившимися под командованием ветерана Чако лейтенанта Уго Рене Пола. Вечером 21 августа отряд был усилен сапёрным батальоном и маршевой ротой, переброшенными из Ирендаги. Хотя майор В.Брандт и его офицеры знали о движении 6 парагвайской дивизии к Алгодоналу, они беспечно отнеслись к угрозе и не организовали должного охранения. Утром 22 августа майор Брандт уехал на встречу с генералом Санхинесом, а две сотни новобранцев были выведены из казарм и приступили к строевым занятиям. Тем временем, командир 6 пехотной дивизии П.Антола приказал открыть по ним миномётный огонь.

В это время боливийская авиация, обнаружив с воздуха обходную парагвайскую колонну и сообщила об этом временно командующему гарнизоном лейтенанту Полю. Он направил двести солдат на перехват этой колонны, но она попала под перекрестный огонь и была рассеяна. Тогда лейтенант Пол увёл оставшиеся пять сотен солдат на юг, чтобы пробраться в Карандаити на соединение со своими войсками. Страдая от жажды и голода, многие его люди дезертировали или сдались в плен. После нескольких дней скитаний по дебрям лейтенант Пол вышел к парагвайцам и сдался. Вместе с ним оставалось только 68 человек. Не задерживаясь в Алгодонале майор Антола продолжил наступление на Карандаити. 27 августа его авангард остановился в пяти километрах от него. Его интенданты, изучившие трофеи, обнаружили большое количество совершенно нового оружия: оно лежало нераспакованным прямо в ящиках.



2 сентября наступление II парагвайского корпуса окончательно выдохлось. За двадцать дней его солдаты продвинулись на 250 километров и заняли 14 *фортинов*. Делая по 12-15 километров дней, войска выдохлись и остановились. Результатом этого «блицкрига» стали обширные территории Чако, относительно небольшие трофеи: 185 единиц автоматического оружия и 35 обшитых металлическими листами броневикиков и 2000 пленных, среди которых оказался майор В.Брандт. Дальнейшая его судьба интересна: он был отпущен под честное слово в Германию, где сделал подробное описание этой войны в немецком военном журнале “*Militar-Wochenblatt*”. В нем он анализировал тенденции развития автоматического оружия и рьяно защищал пистолет-пулемет, как основное оружие пехоты. Его эссе привлекло внимание нацистской военной верхушки и способствовали широкому внедрению пистолетов-пулеметов в вермахт.

Как только Д.Саламанка узнал о стремительном продвижении войск противника на север, он в сопровождении нескольких министров срочно выехал в ставку генерала Э.Пеньяранды. Командиры корпусов и другие видные военачальники уже прибыли в *Самайхуату* и

стали обсуждать планы контрудара. На этом совещании было решено использовать растянутость наступающих частей II корпуса и нанести ему решительное поражение. Для его осуществления было решено привлечь II и III корпуса общей численностью в 20000 человек. Главная роль отводилась II корпусу, имевшему в своем составе 7000 отборных солдат. По плану, предложенному чехословацкими военными советниками, его ударная группа в составе двух артиллерийских батарей, трех кавалерийских и четырех пехотных полков наносила удар по открытому правому флангу противника в то время, как два пехотных полка генерала Х.Л. Лансы при поддержке всей артиллерии корпуса сковывали 6 парагвайскую дивизию с фронта. Реализация этого замысла привела бы весь II парагвайский корпус к разгрому. Жаждавший лавров победителя Д.Торо при поддержке своего друга, начальника оперативного отдела штаба армии полковника А. Родригеса добился своего перемещения с поста коменданта *Баливьяна* на должность командующего ударной группой. Командиром I корпуса был временно назначен «герой» Питиантуты полковник О.Москосо. Его вступление в должность было ознаменовано неприятностью: в секторе *каньяда* дель Кармен парагвайцам удалось овладеть важной позицией Байянекера. Это произошло 2 сентября, а 5 началось боливийское контрнаступление на фронте II корпуса. Х.Ф.Эстигаррибия понимал, что Р.Франко не обладает достаточными силами, чтобы сдержать противника и санкционировал его отступление на исходные позиции.



Пока обе парагвайские дивизии медленно отходили на юго-восток пехота генерала Лансы атаковала с фронта 6 пехотную дивизию противника, а кавалерия Д.Торо перерезала дорогу Карандаити –Пикуиба и захватила в плен семерых пленных. 8 сентября майор П.Антола со своей дивизией оказался окружён у Пуэсто Бурро. Д.Торо сообщил в своей реляции штабу армии о победе, новом Танненберге. Ознакомившись с этим докладом, друг Д.Торо полковник Родригес иронически заметил, что для того, чтобы победа стала Танненбергом, кавалерийскому корпусу надо взять в пятьсот раз больше пленных. Однако боливийской ударной группе

не хватало сил, чтобы взять парагвайцев в тесное кольцо окружения. Боливийские самолёты сбрасывали окружённым парагвайцам листовки, призывая сдаваться. Пока боливийцы чего-то выжидали, солдаты 6 дивизии рубили тропу. Им навстречу выдвигались 8 и резервная дивизии, которым удалось восстановить связь. Стояла страшная жара, и в связи с этим парагвайское командование сосредоточило на этом направлении более сотни грузовиков для полноценного снабжения отступающих войск II корпуса. За время боёв он потерял 450 человек убитыми, 106 единиц автоматического оружия и несколько миномётов. Положение для парагвайских частей складывалось настолько тяжело, что Х.Ф.Эстигаррибия запросил министра иностранных дел о возможности прекращения огня. Не желавший упустить победу полковник Д.Торо отбыл в Карандаити за подкреплениями. За время его отсутствия положение парагвайцев немного исправилось: отсеченная от основных сил II корпуса 6 дивизия смогла расчистить тропу в обход позиции боливийской ударной группы. При полном бездействии со стороны авиации противника, парагвайцы двинулись на восток и соединились со своими частями. В руки торжествующего противника попали 41 пленных, 7 разбитых орудий и остовы 24 сожженных грузовиков. 10 сентября майор Ичазо доложил начальнику оперативного отдела полковнику Анхелю Родригесу, что операция по окружению 6 дивизии противника потерпела неудачу. В конце доклада он высказал мнение, что, принимая во внимание проблемы материально-технического обеспечения в условиях пустынной местности, целесообразно сосредоточить основные силы корпуса в районе Альгодонала с сильными резервами в районе Санта-Фе и провести частную операцию против фортин 27 ноября. Д. Торо ознакомился с предложением и его отклонил. Это произошло потому, что в этой операции ему отводилась второстепенная роль. После соединения части трех потрепанных дивизий II корпуса отошли от Ирендаги к Алгодоналу. После месяца напряженных боев они испытывали недостаток буквально во всем. Однако на их вывод на переформирование у парагвайского командования не было времени: их стали пополнять прямо на линии фронта. Тем временем, полковник Д.Торо добился подкреплений и реорганизации своей ударной группы в отдельный кавалерийский корпус. Его части были укомплектованы 7000 отборных поголовно грамотных солдат, ветеранов войны в Чако. Входящие в корпус полки составляли армейскую элиту, были полностью моторизованы и, вследствие этого, обладали на порядок более высокой подвижностью, чем измотанные в боях части Р.Франко.

22 сентября кавалерия Д.Торо в районе Альгодонала перехватила коммуникации уже всего II корпуса, попавшего в новое окружение. Только наличие в обозе 20 грузовиков с водой на время спасло солдат Р.Франко от жажды, хотя выдача воды снизилась до половины литра на человека. Для помощи II корпусу Х.Ф.Эстигаррибия стянул все свои наличные резервы, артиллерию и активизировать действия своей авиации. 12 сентября парагвайским самолетам (*Потез* и два *Фиата*) удалось отогнать два боливийских *Оспри*, летевших бомбить окруженные части II корпуса. В тот же день после пятиминутной артиллерийской подготовки боливийские позиции атаковал 1 кавалерийский полк, составлявший армейский резерв. Он прорвал неглубокую внешнюю оборону противника и быстро продвинулся на северо-восток, где установил связь с частями Р.Франко. В пробитый узкий коридор устремились парагвайские транспортные колонны, доставившие II корпусу боеприпасы, продовольствие и воду. На обратной пути они брали назад тяжелое оружие, раненых и больных. К вечеру к месту прорыва в окрестностях фортин 27 ноября были собраны свежие боливийские части. После нескольких часов упорного боя они ликвидировали прорыв. Солдаты 1 кавалерийского полка отошли на исходные позиции, прикрывая последнюю колонну грузовиков, следовавших на юг. Лихая операция 1 кавалерийского полка спасла части II корпуса от капитуляции. Пробившиеся вместе с всадниками *Валуа Риваролы* грузовики доставили Р.Франко все необходимое для продолжения борьбы в окружении. Боеспособность солдат Р.Франко возросла. Теперь в сложной ситуации оказался Д. Торо, который был зажат между I и II парагвайскими корпусами. Его корпусу едва хватило сил блокировать основные дороги в этом районе Чако. Тем временем, Р.Франко начал готовить

свои войска к выводу из окружения: его сапёры стали расчищать дорогу в районе позиций кавалерийского полка противника *Чукисака*. 23 сентября части II корпус при поддержке авиации начали прорыв на этом участке. На помощь обороняющимся частям кавалерийского корпуса вылетели два *Оспри*. При подлете к цели они были перехвачены двумя парагвайскими *Фиатами* и обратились в бегство. Один из боливийских самолетов был сильно поврежден пулеметным огнем в ходе последнего воздушного столкновения Чакской войны и совершил аварийную посадку. Его экипаж в составе лейтенанта А.П.Солдана и альфереса С.Морено спасся. Лишившийся авиационного прикрытия полк *Чукисака* был полностью разгромлен и бежал, оставив на поле боя все свое вооружение, более 250 убитых и около сотни пленных. После этого все части корпуса в полном порядке отошли на юг к Ирендаге.



Водовоз – первый по значению вид транспорта в кампании

Августовские и сентябрьские бои проходили при сорокаградусной жаре и недостатке воды. Противостоящие стороны были сильно измотаны, особенно это относилось к солдатам Р.Франко, которые прошли пустынные области Чачо в прямом и обратном направлении. Несмотря на их усталость, семь тысяч ветеранов корпуса Д.Торо, несмотря на значительное превосходство в выучке, маневре и вооружении не смогли уничтожить II парагвайский корпус. Ответственность за провал плана окружения лежит не на самом полковнике, который блестяще осуществил запланированный маневр, а на командовании II и III боливийских корпусов, не оказавших нужного давления на противника с фронта и фланга. Не на должной высоте проявил себя и начальник Штаба полковник А.Родригес, выпустивший из своих рук координацию операций всех трех боливийских корпусов. В свою очередь Р.Франко проявил инициативность и незаурядную изобретательность при маневрировании.

23 сентября боливийский президент и его новый военный министр Фернандо Гуачалья прибыли в Тариху на очередное совещание с генералом Э.Пеньярандой и его штабом. Поводом для встречи стало обсуждение положения под Алгодоналом, где ситуация складывалась уже не в пользу боливийского оружия, хотя военное командование не хотела признать это.

Д. Саламанку очень волновала судьба *Баливьяна*. Если в начале 1934 года он настаивал на удержании фортины любой ценой, то под влиянием чешских военных советников его мнение кардинально изменилось. На встрече в Тарихе он стал требовать максимального ослабления гарнизона фортины с целью создания маневренного резерва. Генерал Э.Пеньяранда резонно заметил, что гарнизон Бальивиана сдерживает лучшие части парагвайской армии, а подвижный резерв уже создан – это кавалерийский корпус. 24 сентября стороны так и не пришли к окончательному решению по этому вопросу. Безусловно, гарнизон *Бальивиана* сковывал шесть парагвайских дивизий, которые не могли двинуться на север Чако не опасаясь удара во фланг и тыл, но с другой стороны части двух парагвайских корпусов нависали над единственной коммуникационной линией с Вилья-Монтес. При недружественном нейтралитете Аргентины это грозило Седаном.

Президент прибыл в *Самайхуату* с явным намерением сместить с поста начальника штаба личного друга Э.Пеньяранды, полковника Ф.Риверу, который, по мнению генерала Плачека, не соответствовал занимаемой должности. На этот раз Д. Саламанку и его министра сопровождал большой отряд карабинеров. Президент мог рассчитывать на их полную лояльность, поскольку полицейское руководство уже давно конкурировало с военными в борьбе за политическую власть в стране. Таким образом, выделив для охраны президента значительные силы, высшие полицейские чины, рассчитывали ослабить вышедшую из-под контроля армейскую верхушку. В отличие от обывателей Тарихи, тепло встретивших традиционно одетого в черное президента, военные приветствовали его с холодной корректностью. Сопровождение со старшими офицерами проводилось в префектуре на центральной площади. Несмотря на весну и поздравительные выкрики из толпы, собравшейся на площади, на встрече господствовал дух недоверия и взаимной антипатии.

С первых минут совещание превратилась в перепалку между президентом и командующим о вопросах субординации, а также праве назначать начальника штаба боливийской армии. Этот разговор происходил в присутствии членов кабинета и нескольких офицеров штаба. Несколько раз собеседники переходили на повышенный тон, но вмешательство министра обороны снижало накал страстей. В конце концов, было принято решение сменить начальника оперативного отдела штаба армии полковника А. Родригеса. На следующий день в Тариху прибыли вице-президент Л.Техада Сорсано и начальник штаба полковник Ф. Ривера, которые включились в обсуждение военной обстановки. Совещание началось с изучения репортажа Д.Торо об овладении Алгодоналом. Даже невоенным специалистам было ясно, что операция по окружению III корпуса потерпела полную неудачу. Этот доклад вызвал у главы государства вопрос о том, кто назначил полковника на должность командира кавалерийского корпуса без санкции президента. Э.Пеньяранде и Ф.Ривере с большим трудом удалось отстоять своего влиятельного союзника. Зато им пришлось уступить в вопросе о смене руководства штабом. По согласованию сторон, начальник оперативного отдела полковник А. Родригеса получал чин генерала и назначался командиром 2 пехотной дивизии, размещенной в столице, а Ф. Ривера должен был подготовить дела для передачи О.Москосо.

24 сентября Д.Саламанка улетел назад в Ла-Пас так и не решив не одного вопроса. При его проходах дух военного путча прямо витал в воздухе. Ирония судьбы заключалась в том, что неудачный «Танненберг» Д.Торо под Алгодоналом отложил его на неопределенное время, поскольку успехи парагвайской армии роняли престиж военных и усиливали власть президента. 27 сентября в расположенную между Вильей Монтес и *Баливьяном* ставку Э.Пеньяранды в *Самайхуате* прибыл вице-президент Л.Т.Сорсано для участия в совещании высших армейских офицеров. Это было первое посещение им театра военных действий. На этом совещании присутствовали генерал-квартирмейстер Х. Санхинес, командиры корпусов и штабные офицеры. Старшие офицеры в очередной раз потребовали прекратить вмешательство президента в ведение боевых операций и отменить приказ о переводе полковника А. Родри-

геса. В совместном заявлении офицеров главе государства предлагалось осуществлять руководство вооруженными силами исключительно через командующего армией, генерал-квартирмейстера, начальника штаба и министра обороны. Основным аргументом для отстранения гражданской администрации от контроля над военными стала «неясность целей войны». Оказавшись перед лицом военной оппозиции Л.Т.Сорсано сробел и пообещал отстаивать точку зрения руководства армии перед президентом. На следующий день от отбыл в Ла-Пас.

29 сентября вице-президент изложил ультиматум *Самайхуаты* в Квемадо. Выслушав доклад Л.Т.Сорсано Д.Саламанка проявил свойственную ему решительность. Он немедленно издал приказ о переводе А. Родригеса во 2 дивизию и обратился к народу с декларацией о цели войны. Главными из них были полное отвоевание Чако и занятие порта в судоходной части реки Парагвай. В случае начала мирных переговоров с Парагваем президент ставил перед своими дипломатами задачу при любых обстоятельствах получить Пуэрто-Пачеко (Баия-Негру). Опубликование этой декларации не стало неожиданностью ни для армии, ни для всей нации, поскольку неоднократно комментировалось в прессе. Выдержанное в ультимативном тоне оно стало прекрасным аргументом парагвайской стороны в Лиге Наций. Несколько обескураженные решительными шагами президента, фронтеры из *Самайхуаты* продолжали игнорировать его распоряжения: А.Родригес проигнорировал приказ о переводе в Ла-Пас и остался исполнять обязанности начальника оперативного отдела полевого штаба. Неожиданно для себя президент обнаружил, что не может заставить собственных военных исполнять приказы. Тем временем, офицеры из Самайхуаты становились все самоувереннее по мере того, как снижалась интенсивность атак противника. Только неожиданное падение *Ингави* на время обезопасило президента. Эта частная операция была задумана штабом Х.Ф.Эстигаррибии для того, чтобы превентивно сорвать атаку Баия Негры из района Равелло. По его приказу 1 кавалерийская дивизия выделила 150 человек из гарнизона Питиантуты. На пяти грузовиках они преодолели 220 километров и внезапно овладели *фортином*. Парагвайским кавалеристам достались сотни пленных и большое количество оружия. Военное равновесие на фронте вновь было восстановлено.

В конце сентября штаб парагвайской армии сообщил правительству о дефиците автотранспорта: для продолжения наступления были необходимы ещё полтысячи грузовиков. 1 октября президент Э.Айяла президент лично сообщил Х.Ф. Эстигаррибии о неисполнимости его требований. Через пять дней он лично прибыл в Камачо. Во время их встречи обсуждались положение на фронте. Особенно тревожным была ситуация на севере Чако. С появлением подвижного корпуса Д.Торо операции в этом районе приняли строго оборонительный характер, несмотря на все тактическое мастерство полковника Франко. Парагвайской армии и народу требовалась новая победа на фронте. Местом удара был выбран район *каньяды* Эль Кармен, а целью – Резервный Корпус. Он прикрывал разрыва в 80 километров между I и II корпусами. В его состав вошли 1 и 2 резервные дивизии, имевшие по другим данным порядковую нумерацию 10 и 11) в составе 9000 солдат и офицеров. Командиром корпуса был назначен переведенный из *Баливьяна* О.Москосо. Сил для прикрытия всего пространства не хватало: дивизии занимали примерно 20-километровую полосу обороны на наиболее вероятном направлении наступления противника: к востоку от *каньяды* Эль Кармен. Ближайшие части соседей О.Москосо располагались в 30 километрах к северу и югу от его позиций. По мнению полковника А. Родригеса, Резервный Корпус создавал угрозу правому парагвайскому флангу, выдвинутому далеко на север, в то время как левый застрял у *Баливьяна*. Согласно его плану, после того, как обозначится успех кавалерии Д.Торо полковник О.Москосо должен был ударить во фланг отступающему противнику и овладеть Камачо. Оперативным отделом армии предполагалось, что частям Резервного Корпуса противостоит потрепанная в предыдущих боях резервная дивизия, численностью до трех тысяч человек.

Находясь в Камачо президент Э.Айяла настаивал на проведении наступательные операции в долине Пилькомайо. Несмотря на его настойчивые требования Х.Ф.Эстигаррибии наотрез отказался вторично штурмовать *Баливьян* в лоб. Вместо этого он предложил провести операцию по уничтожению Резервного Корпуса. Х.Ф.Эстигаррибией и его штаб резонно считали, что с его разгромом проблема *Баливьяна* будет решена, поскольку.Прорыв боливийской обороны у *каньяды Эль Кармен* ставил под угрозу связь фортина с тылом и грозил окружением всему I боливийскому корпусу. Ознакомившись с планом операции у *Эль Кармен*, президент Э.Айяла высказал большие сомнения в её успехе. Его консультанты из Совета обороны скептически относились к этой операции, резонно считая, что кавалерийский корпус Д.Торо и гарнизон *Баливьяна* нанесут встречные удары и легко рассекут парагвайские клещи. Они также не разделяли уверенность командующего в низком боевом духе солдат противника. После сражения у *каньяды* Стронгест и второго боя у Альгодонала многие иностранные военные наблюдатели стали склоняться к мысли, что наступательный порыв парагвайских войск закончился и на фронте наступил перелом. К этой мысли склонялись и чешские военные эксперты. По их мнению, интенсивные бои, растянувшиеся с июля по сентябрь, обескровили противника и поставили его снабжение на грань краха. Это мнение вызвало определенное умиротворение в окружении генерала Э.Пеньяранды. Несмотря на настойчивые требования Д.Саламанки он рассчитывал переформировать свои войска и возобновить активные боевые действия летом 1934/35 года.



Генерал Х.Ф. Эстигаррибия и президент Э. Айяла на фронте

В течение дождливого октября 1934 года противники готовились к возобновлению активных операций на севере Чако. Боливийская военная верхушка нуждалась в военной победе, чтобы нейтрализовать президента, и активно занималась подготовкой новой операции у Ирен-

даги. Кавалерийский корпус полковника Д.Торо состоял из двух вновь сформированных кавалерийских дивизий, командирами которых были назначены подполковники А.Риваса (1) и А.Айороа (2). Численный состав корпуса вырос вдвое и в октябре достигло 14000 человек. Во всех полках лошади и мулы были заменены грузовиками, так что корпус был скорее моторизованным, чем кавалерийским. Весь месяц корпус Д.Торо методично выдвигался на подступы к Ирендаге, готовясь к решающему броску. За октябрь солдаты Р.Франко укрепились в Ирендаге и нашли новые колодцы. Это позволило снять грузовики с доставки воды и направить на снабжение войск. Благодаря искусной маскировке штаб Р.Франко дезинформировал противника о состоянии своих войск. Полковник А.Родригес уверенно информировал Д.Торо о том, что его кавалерии противостоит только 6 парагвайская пехотная дивизия, а резервная дивизия всё ещё находится у *Эль Кармен*.

Боливийское наступление на Ирендагу было задержано до 6 ноября из-за сильных дождей. Обильные осадки сделали дороги в Чако непроезжими, а моторизованные части кавалерийского корпуса малоподвижными. Наступление началось 9 ноября. Оно осуществлялось двумя колоннами. Южную составила 1 кавалерийская дивизия подполковника А.Риваса, а северную – 2 пехотных полка 3 дивизии и 2 кавалерийская дивизия подполковника А.Айороа. Им противостоял II корпус Франко, из состава которого была забрана 8 пехотная дивизия. Оставшиеся в его распоряжении резервная и 6 пехотная дивизии насчитывали пять тысяч солдат.

План Д.Торо состоял из нескольких этапов. В начале боя пехота 3 дивизии при поддержке артиллерии должна была сковать с фронта части противника. В то же время обходные колонны кавалерийских дивизий должны были обойти позиции противника, разгромить их тылы и перерезать их коммуникации. Выставив небольшой отряд для отражения попыток деблокады главные силы обеих дивизий должны были нанести удар по частям Р.Франко с тыла и заставить их капитулировать. 8 ноября в 4:00 кавалерийские колонны атаковали II парагвайский корпус.

В авангарде частей А.Риваса наступал полк *Ингави*, а А.Айороа – *Кастрильо*. После упорных боев кавалерийские дивизии замкнули кольцо окружения к вечеру 9 ноября. Во время их встречи произошла досадная ошибка: кавалеристы авангардных полков вступили друг с другом в перестрелку и понесли тяжелые потери. На помощь II корпусу Х.Ф.Эстигаррибия перебросил 2 саперный полк и отряд *Сосса*. Однако, несмотря на дезорганизацию боливийским частям удалось отбить все атаки деблокирующей колонны. Однако парагвайская атака сделала свое дело, оттянув значительные силы противника от внутреннего кольца окружения. На следующий день на единственную боливийскую роту с севера навалились более 5000 *патапилас* Р.Франко. После скоротечного рукопашного боя в наскоро отрытых боливийцами траншеях путь на Пикуибу был открыт. Д.Торо удалось нагнать хвост колонны и захватить отставших солдат. Всего же частями корпуса в ходе боев было захвачено примерно 400 пленных и 50 грузовиков. Эта небольшая победа усыпила бдительность боливийцев. Части 2 корпуса продолжили отступление на юг, заваливая дороги. 27 ноября они заняли новые оборонительные рубежи у Пикуибы. Действия Р.Франко оттянули на себя все подвижные части боливийцев и два их лучших корпуса (2 и кавалерийский), развязав руки Х.Ф.Эстигаррибии в долине Пилькомайо.

Парагвайское командование с конца сентября готовилось к уничтожению Резервного Корпуса: в районе каньяды Эль Кармен расчищались тропы, прокладывались дороги, рылись колодцы. Пока силы Торо сражались под Алгодоналом и Ирендагой парагвайские саперы под строжайшим секретом прорубили тропу, выводящую их прямо в тыл Резервного Корпуса. Параллельно с ними разведывательные партии выискивали наиболее удобные маршруты движения обходных колонн. В самом конце октября к югу от *каньяды* Эль Кармен был выслан разведывательный патруль, которым командовал лейтенант Х.Видал. Его сопровождали только два бойца. Их задачей была глубокая разведка на фланге противника. После пяти дней поис-

ков Видал обнаружил 25-километровую брешь между 1 резервной дивизией и частями I боливийского корпуса. На север от каньяды были высланы два патруля, один из которых наткнулся на сильную заставу противника. Другой патруль, которым командовал лейтенант Эскобар проник в глубокий тыл противника и достиг дороги V. 7 ноября обе разведывательные партии в полном составе вернулись в расположение своих войск и доложили обстановку. Только после этого штаб Х.Ф.Эстигаррибии дал согласие на проведение операции. Для её маскировки штаб в Камачо усилил радиообмен, открытым текстом посылая ложные приказы о переброске несуществующих частей в район Ингави.

Несмотря на критическое положение у Ирендаги, парагвайское командование сосредоточило у *Эль Кармен* весь I корпус под командованием полковника Х.Фернандеса в составе 1, 2 и 8 дивизий. В конце октября его соединения скрытно сменили резервную дивизию, которая была переброшена на помощь полковнику Р.Франко. Штаб Х.Ф.Эстигаррибии считал, что против войск Х.Фернандеса сосредоточены около 6000 человек. Согласно плану, 2 и 8 дивизии корпуса общей численностью в четыре с половиной тысячи человек должны были охватить фланги противника и окружить его. Этим сил должно было хватить для того, чтобы быстро ликвидировать окружённую группировку и начать продвижение в тыл гарнизону *Баливьяна*. Однако в этот раз парагвайская разведка «проглядела» сосредоточение дивизии полковника Мурильо, расположившейся позади основной позиции.

6 ноября перед самым началом операции у боливийцев произошла досадная неприятность: на взлёте разбился *Оспри*, использовавшийся для целенавешения *Юнкерсов*. Ослабленные боливийские ВВС не смогли разведывать с воздуха концентрацию войск противника. Не имея точных данных о противнике, командование боливийской армии было вынуждено действовать вслепую. Начальник оперативного отдела полковник А.Родригес, подписывая директиву о переходе в наступление в полосе Резервного Корпуса, по-прежнему считал, что позиции к югу от *Эль Кармен* занимает одна резервная дивизия. Опираясь на эти данные полковник О.Москосо стал готовится к операции и стал усиленно вести разведку. Когда его заставы засекли патрули к северу от позиций корпуса, он сообщил об этом в штаб армии. Для изучения этой проблемы О.Москосо послал своего помощника майора Г.Буша.

Командир I корпуса полковник К.Фернандес не мог медлить с началом операции, поскольку мог потерять эффект тактической внезапности. Для этих соображений имелось целых три причины:

во-первых, корпус Р.Франко с трудом сдерживал противника у Ирендаги. При дальнейшем промедлении или неудаче операции обеим парагвайским корпусам грозил разгром по частям;

– во-вторых, вторая резервная дивизии полковника В.Мендеса не закончила свое формирование и насчитывала около трёх тысяч солдат недавно переведённых из *Баливьяна*. Она не смогла наладить систему обороны, а её фланг не имел контакта с соседом и висел в воздухе;

– в-третьих, рано или поздно боливийская разведка могла вскрыть сосредоточение I корпуса и принять ответные меры.

В ночь с 10 на 11 ноября соединения К.Фернандеса перешли в наступление. Согласно плану 2 и 8 дивизии выступили из районов сосредоточения и двинулись в обход флангов противника, в то время как 1 дивизия подполковника Х.Барриоса завязала фронтальный бой с 1 резервной дивизией, которой командовал подполковник Закариас Мурильо. В его распоряжении было три пехотных полка, кавалерийский эскадрон и артиллерийская группа общей численностью в 5000 человек. Этим сил было вполне достаточно, чтобы удержать основную позицию. На следующий день у боливийцев случилась новая неприятность: солдаты батальона *Куарента*, наступавшего в авангарде 8 дивизии, захватили в плен начальника штаба 1 резервной дивизии майора К. Камачо. Пленник немедленно выдал штабу К.Фернандеса дислокацию войск и планы оборонительных позиций корпуса. О пленении своего начальника штаба Зака-

риас Мурильо узнал очень быстро. Он сообщил об этом в штаб корпуса и отдал приказ об отводе частей дивизии на вторую линию обороны. Однако полковник О.Москосо, страдавший при принятии ответственных решений нерешительностью, решил посоветоваться с Э.Пеньярандой и отменил приказ. Штаб Резервного Корпуса приказал полковнику У.Мендесу выдвинуть свои части навстречу парагвайцам, обтекающим северный фланг дивизии Мурильо. Это решения оказались губительными для корпуса.



8 парагвайская дивизия совершала глубокий обход позиций Резервного Корпуса с северо-востока, когда натолкнулась на солдат Мендеса и завязала с ними бой. Тем временем, 2 дивизия подполковника Аристида Ортелладо обошла южный фланг Резервного Корпуса по маршруту, проложенному лейтенантом Видалом. 13 ноября она достигла до необозначенного на картах колодца. После небольшого отдыха 3 пехотный полк *Корралес* занял восточный край каньяды Эль Кармен, протянувшейся в тылу противника на 30 километров с юго-востока на северо-запад, и, тем самым, отсек путь отхода противника на запад. Парагвайцы захватили командный пункт полковника Мурильо, который в спешке бежал на восток. Здесь были обнаружены не только его личные вещи, но и важные документы. В результате обе дивизии Резервного Корпуса оказались изолированы и потеряли связь друг с другом. Мурильо прибыл в расположение своих войск и собрал ударную группу. На следующий день в 11:20 она при поддержке артиллерии и миномётов атаковала *Корралес*, но был отбита с большими потерями. После шестидесятикилометрового марша солдаты Э.Гарая достигли дороги V и вошли в соприкосновение с солдатами 2 дивизии. 16 ноября кольцо окружение вокруг главных сил Резервного Корпуса замкнулось.

Окружения смог избежать только 16 пехотный полк *Бени*, отошедший к каньяде Оруро. Чтобы деблокировать свои войска, полковник О.Москосо начал стягивать сюда все наличные резервы, включая боеспособных тыловикиков. Вместе с ускользнувшими из мешка подразделениями ему удалось наскрести более 2000 человек и прикрыть дорогу Бальвиан– Ибибобо. К.Фернандес и следивший за ходом операции Х.Ф.Эстигаррибия были сильно удивлены отсутствием войск на рубежах у Эль Кармен. Вначале они посчитали, что из-за задержки продвижения 2 дивизии противник ускользнул из их клещей, вследствие опоздания дивизия Гарая.

Пока солдат Резервного Корпуса искали на юго-западе, они оказались прямо перед 1 дивизией. Утром 14 ноября частям 2 резервной дивизии полковника Вальтера Мендеса удалось разорвать тонкое кольцо парагвайских заслонов вокруг 1 резервной дивизии. Однако вместо того, чтобы удержать брешь для прохода через нее частей Мурильо, части Мендеса пошли на соединение и сами вошли мешок, который окончательно замкнулся после того, как части 2 и 8 дивизий встретились у *Эль Кармен*.

Мендес и его солдаты, присоединившись к окруженным солдатам 1 дивизии, уплотнили её оборону. К.Фернандес приказал своим солдатам не атаковать противника. Его артиллерия и немногочисленная авиация постоянно наносили удары по расположению противника. Полковник Мендес предпринял несколько неудачных попыток прорыва кольца окружения. В то же время многие солдаты из дивизии Мурильо бросали оружие и сдавались в плен. Дезорганизация частей росла и выражалась в упадке дисциплины и повальном мародёрстве. Исчерпав все возможности сопротивления и запасы воды, обе окруженные дивизии Резервного Корпуса капитулировали 17 ноября 1934 года. Победителям захватили в плен 4000 боливийских солдат и офицеров, а еще 2669 человек остались лежать у *каньяды Эль Кармен*. Корпус полковника К.Фернандеса в боях потерял всего 100 солдат.

Появление на *каньяде Оруро* частей I корпуса, переброшенных из фортин *Баливьян*, не позволило I парагвайскому корпусу развить успех. Натолкнувшись на сильную оборону *патамплас* завязли в боях и остановились. Другой причиной, вызвавшей ослабление напора парагвайцев у Оруро стало очередное наступление корпуса Д.Торо у Пикуибы. Положение было настолько серьезным, что Р.Франко была возвращена 8 дивизия. Третьим фактором, затруднившим развитие успеха, стало проявление на фронте новой эскадрильи *Punta de Alas (Раскрашенные Крылья)*, вооруженную Юнкерсами. Она приняла свое боевое крещение в боях над Эль-Кармен с 13 по 22 ноября. Появление этих бомбардировщиков в воздухе Чако серьезно затруднило наступление парагвайцев. За один вылет *Раскрашенные Крылья* вываливали на головы противника до 2 тонн авиабомб. Эти самолеты наносили бомбовые удары с высоты недоступной для парагвайских ПВО и были практически неуязвимы.

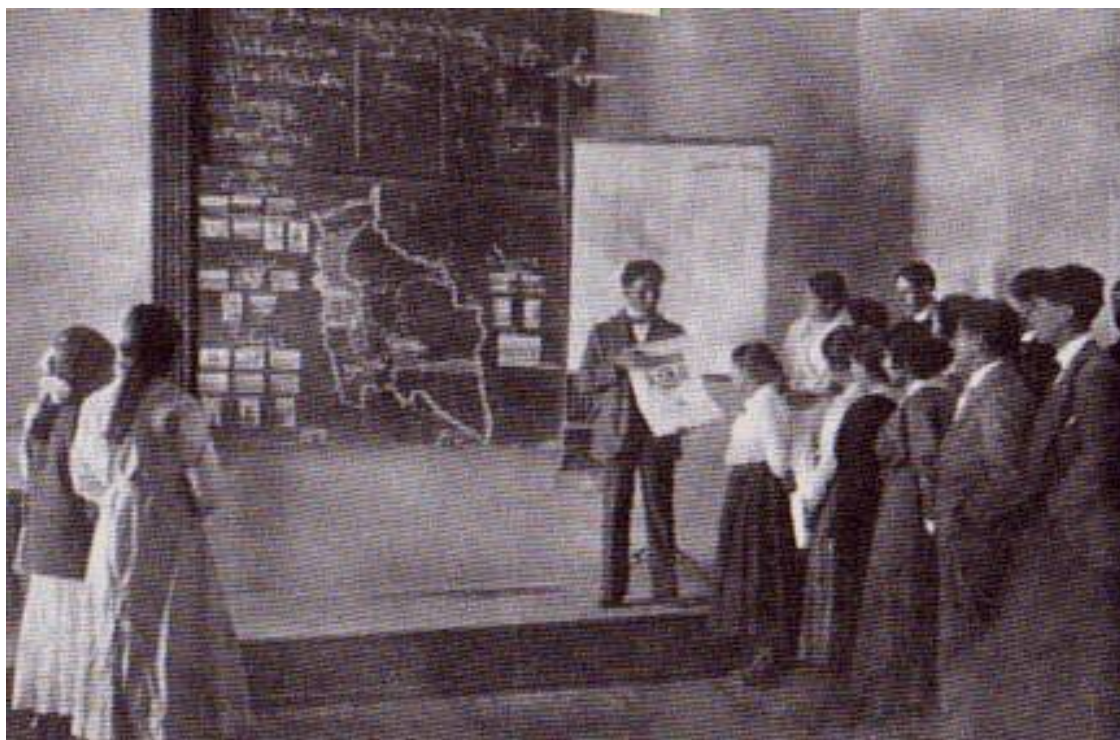
Поражение у Эль Кармен в корне изменило обстановку на фронте. Парагвайцы получили необходимые трофеи и использовали их для восполнения потерь вооружении, понесенных в боях под Баливианом, Алгодоналом и Ирендагой. Парагвайские авангарды с северо-востока близились к дороге Вилья Монтеc – *Баливьян*. Эта опасность привела Э.Пеньяранду к неприятному для него решению об эвакуации фортин. Приказ был отдан 16 ноября, накануне капитуляции Резервного Корпуса. Военная цензура не дала просочиться в прессу информации о реальных размерах катастрофы у Эль Кармен, сосредоточившись на манёвре у *Баливьяна* и успешных боях кавалерийского корпуса, очистившего север Чако от вторгнувшихся туда войск противника. На фоне успехов Д. Торо прессе удалось сгладить реакцию боливийской общественности на падение боливийского форпоста в Чако – *Баливьяна*. Отступление I, II и остатков Резервного корпусов прикрывала 8 дивизия майора Германа Буша при поддержке авиации. Когда их солдаты проходили по дороге мимо Самайхуаты, то видели трёхсотфутовый курган, составленный из пивных бутылок. Все они были потреблены офицерами штаба Пеньяранды за предыдущий год.

Когда 17 ноября торжествующие солдаты III парагвайского корпуса вошли в *Баливьян*, выяснилось, что противник, уничтожив все свои запасы и сооружения, отступил в полном порядке. Высланные патрули сообщили полковнику Дельгадо, что колонна Г.Буша сильно оторвалась от преследователей. Штабу Х.Ф. Эстигаррибии стало ясно, что сковать с фронта отступающие части противника не удастся и, следовательно, операция на полное окружение невозможна. Оценив обстановку, Х.Ф.Эстигаррибия приказал III корпусу наступать на северо-запад вдоль реки Пилькомайо в направлении Вилья Монтеc. 21 ноября части полковника Дельгадо

6. Смещение Даниэля Саламанки

Каса Стад. Кадровая политика Х.Ф.Эстигарриби. Вербовка белоэмигрантов. Культ личности Х.Ф.Эстигарриби.

Если поражение при Кампо Виа рассматривалось многими боливийскими офицерами как личное поражение гинго Кундта, то Эль Кармен действовало на них обескураживающе. Стараясь скрыть размах поражения Э.Пеньяранда только 16 ноября сообщил президенту о событиях у Эль Кармен. На следующий день он информировал Ла-Пас о том, что около 2/3 солдат Резервного Корпуса избежали окружения. Однако после парагвайского сообщения о пленении двух дивизий его цифра снизилась до 50%. Проанализировав доклады, поступавшие из Самайхуаты, офицеры чешской военной миссии указали президенту Боливии на их неполноту. Дальнейший ход событий в долине Пилькомайо: оставление *Бальивиана* и отход войск к северу, еще больше убедил Д.Саламанку в его правоте. В этих условиях он решил пойти на открытую конфронтацию с военными, считая, что все козыри против Э.Пеньяранды и его приспешников у него на руках. Он рассчитывал, что поражение на фронте ослабит офицерскую фронтонду и позволит сменить командующего. На его место он прочил генерала Х.Лансу.



Не обладая военными знаниями и талантами, Д.Саламанка во время своего президентства столкнулся с проблемой высших командных кадров. Начиная с 1933 года, он занимался поисками толкового командующего, позволившего выиграть войну. После ошибок генералов К.Куинтанильи и Ф.Осорио во время осады *Бокерона* глава государства под давлением *роски* возвратил на военную службу Г.Кундта. Как впоследствии оказалось, выбор был во многом правилен – немецкому генералу удалось организовать боеспособную армию, но его опера-

тивно-тактические таланты оказались не на высоте. Вместе с тем вознесение гринго на высший военный пост настроило против президента часть высших офицеров. При всей своей честности, Г.Кундт слишком высокомерно относился к таким толковым боливийским офицерам, таким как Б.Бильбао Риоха и Г.Буш, регламентируя каждый тактический маневр. Отставка Г.Кундта и назначение на его место слабовольного Э.Пеньяранды только усилило антипрезидентские настроения среди офицеров. По совету Д.Торо и А. Родригеса новый главнокомандующий старался дозировать информацию о положении на фронте. В этих условиях Д. Саламанка нуждался в объективном анализе военной ситуации и пригласил чешскую военную миссию. Это еще более укрепило позиции фракции Д.Торо. Демагогия полковника увлекла значительную часть офицеров первоначально лояльных к президенту. Её ряды резко расширились после мобилизации 1934 года. С ростом армейских рядов многие низшие командные должности были заняты не кадровыми офицерами, а резервистами, среди которых преобладала городская интеллигенция – учителя и инженеры. При всём своём патриотизме они не обладали специальными военными знаниями и скептически относились к политике президента. Их среда оказалась питательной для популизма Д.Торо, стремившегося к власти.

Экспрессивное поведение президента, нарушавшего установившиеся веками традиции, вызывало неудовольствие *роски*. Его подогревали недовольные генералы и опальные политики. Ещё в начале 1933 года начал формироваться заговор, в который вошли деятели Либеральной партии и некоторые офицеры, целью которых было возвращение к старым порядкам. Пutschисты предполагали свергнуть президента и изолировать генерала Х.Лансу, единственного человека в окружении президента, который мог организовать и возглавить сопротивление. Для сохранения стабильности и видимости конституционности власть должна была быть передана вице-президенту Л.Техаде Сорсано, который считался «управляемым». После того, как Д.Саламанка выдвинул Рафаэля де Угарте кандидатом в вице-президенты на следующий срок, 1 ноября Л.Сорсано Техаду посетили сенаторы-либералы Х.М.Зальес и Х.А.Прадо, которые прямо предложили организовать пutsch. Несмотря на то, что вице-президент отказался, он не известил об этом предложении главу государства...

Та часть кадровых офицеров, которая поддерживала конституционный строй, и не была связана с *роской* после приглашения генерала Плачека стала относиться к президенту с обидой и подозрительностью. Среди этих кругов укреплялось мнение, что Д.Саламанка – марионетка в руках гринго: немцев, американцев, англичан, чехов. Своими опрометчивыми действиями Д.Саламанка не смог их привлечь на свою сторону, сделав их пассивными участниками противостояния дворца Квемадо с Самайхуатой. Это же касалось и немногих кадровых солдат, которые помнили порядок и заботу о них во время командования Г.Кундта. В случае военного путча президент мог рассчитывать на охрану дворца, карабинеров и военизированные части полиции, которые могли разогнать плохо вооружённую толпу, но не противостоять имеющим боевой опыт войскам.

25 ноября Даниэль Саламанка отбыл в Вилью Монтес вместе с вновь избранным вице-президентом Рафаэлем де Угарте, его шурином. Их сопровождали военный министр Д.Канелас, генерал Х.Л. Ланса и нескольких других офицеров. Президент был настолько уверен в своих силах, что вместо отряда карабинеров его сопровождали только 8 охранников. В Вилье Монтес его встретил генерал-квартирмейстер Х.Санхинес, сохранявший лояльность к президенту. Он проводил прибывших столичных гостей в Каса Стадт, который представлял собой швейцарское шале, построенное для высших чиновников *СОКОБ*. Сюда почти сразу же прибыл начальник оперативного отдела А.Родригес. Он хотел проинформировать президента и кого-то из свиты о состоянии дел на фронте. Однако Д.Саламанка отказался слушать доклад, напомнив, что пару месяцев А.Родригес игнорировал его о назначении начальником 2 дивизии. Начальнику оперативного отдела пришлось представить свое сообщение генералам Х.Лансе и Д.Канеласу. После этого он направился в штаб полковника Д.Торо, которому пожаловался на

обструкцию со стороны президента. Вечером того же дня генерал Э.Пеньяранда получил приказ прибыть в Вилью Монтес. Его штаб-квартира в Самайхуате не подозревала о намерении президента полностью сменить армейское командование и отнеслась к приглашению, как очередной инспекции. Во время обеда Д.Саламанка проинформировал присутствующих о том, что на следующее утро он подпишет приказ об отставке генерала Э.Пеньяранды, которого сменит генерал Х.Ланса. Это было для него неожиданностью. Он прекрасно знал, что не пользуется популярностью в офицерском корпусе и назвал кандидатуру полковника Бильбао Бильбао Риохи. Однако президент заупрямился и не захотел менять своего решения. Затем он сообщил о другой перестановке: начальником армейского штаба должен был стать подполковник Луиса Аньеса.



El Presidente Salamanca y el General en Jefe

Президент Д. Саламанка и генерал Э. Пеньяранда



**Л. Техада
Сорсано**

В эти решающие для Д.Саламанки дни все зависело от позиции полковника Д.Торо, части которого находились в непосредственной близости от Вильи Монтес. Из Вильи Монтес в штаб кавалерийского корпуса были командированы Р. де Угарте и генерал Д.Канелас. Их целью было убедить Д.Торо не препятствовать смещению Э.Пеньяранды. В разговоре с ними хитрый полковник не возражал против смены командующего, но резко воспротивился назначению Х.Лансы. Несмотря на это эмиссары президента оптимистично доложили о позитивной реакции Д.Торо. Днем 26 ноября Э.Пеньяранда, Г.Буш и группа офицеров прилетели из Самайхуаты на аэродром Вильи Монтес, где их встретил генерал Х.Санхинес. Он сообщил о решении президента и пригласил офицеров штаба проследовать на доклад.

Пока Д.Саламанка и генерал Х.Лансой знакомились с оперативно-тактической обстановкой в Чако, генерал Э.Пеньяранда решился на организацию путча. Как оказалось, его силы были минимальны. В распоряжении верного ему начальника гарнизона Вильи Монтес было всего пять дюжин солдат комендатуры и десятков техников из персонала аэродрома. В поисках подкреплений Э.Пеньяранда послал своего начальника штаба полковника Ф.Риверу на железнодорожную станцию. Он привел оттуда две сотни солдат 4 артиллерийской группы и две пушки. Тем временем, генерал Х.Ланса и подполковник Л.Аньес прибыли в 6:00 на аэродром, чтобы вылететь в Самайхуату и принять командование армией. Однако один из двигателей самолета забарахлил, и они решили вернуться и позавтракать в Касе Стадт. Около 7:30 они вернулись к резиденции президента и обнаружили, что дом окружен солдатами. Полковник Г.Буш приказал несостоявшимся командирам сдать оружие. Х.Ланса попытался оказать сопротивление, но был насильно разоружен. Через некоторое время Х.Лансу и Л. Аньеса силой отконвоировали на аэродром Вильи Монтес. На звук прибывших к Касе Стадт грузовиков вышел президент. Он сразу понял в чём дело и, не теряя духа, поздравил генерала Э.Пеньяранду с единственной удачной операцией. Когда ему предложили сдаться, Д.Саламанка заявил, что не относится к тем людям, которые бегут из окружения.

Законно избранного президента Боливии не пугали угрозы физической расправы – в то время он был тяжело больным человеком и периодически испытывал адские боли. Поэтому, находясь под домашним арестом в Каса Стад, президент отказался лично встречаться с путчистами. Однако, он понимал всю опасность положения страны, которая могла попасть меж двух огней в случае эскалации гражданского конфликта. Поэтому Д.Саламанка поручил Р. де Угарте вести переговоры. После полудня президента посетила группа офицеров во главе с генералом Техадой Фаринасом. Он предложил Д.Саламанке отказаться от своего поста по состоянию здоровья. После долгих уговоров и угрозы заключить мир с Парагваем на любых условиях он согласился уйти с поста президента.

По свидетельству многих очевидцев, Д. Саламанка оставил свой пост с целью сохранения единства армии и нации во имя победы. Отстраняемый от власти президент требовал твердых гарантий от своего преемника и военного командования, что они не пойдут на заключение мира с Парагваем до тех пор, пока не будут выполнены основные задачи войны и Боливия получит порт в судоходной части реки Парагвай. Генерал Э.Пеньяранда с легкостью согласился на них. Его главной способностью были не столько военные знания, сколько умение лавировать между различными фракциями офицеров, преследующими те или иные политические, личные и карьерные интересы. Для подтверждения легитимности своих действий новый командующий захотел, чтобы все старшие офицеры подписали телеграмму в Ла-Пас, свидетельствуя о «добровольной» отставке президента. Для этого с фронта были вызваны Д.Торо и Б.Бильбао Риоха. Путчистам было особенно важно придать их путчу конституционный характер: в Лондоне были готовы к отправке военные материалы еще на 400000 фунтов стерлингов. В случае неконституционных действий они могли быть задержаны на неопределенный срок. Большинство присутствующих в Каса Стад офицеров согласились это сделать. Исключением были только два старших офицера сохранили лояльность избранному президенту – Б.Бильбао Риоха и О.Москосо.

28 ноября в 2:00 во дворце Квемадо собрались высшие чиновники страны для обсуждения событий прошедших в Вилье Монтес. Среди них были действующий вице-президент Луис Техада Сорсано, министры администрации – Х.А. Кирога, финансов – Х. Эспада, образования и сельского хозяйства – Х.М.Сайнс, иностранных дел – Д.Алвестегуй, развития и связи – Г.К. Отеро и командующий резервами, бывший президент генерал К. Бланко Галиндо. Зная натянутые отношения Д.Саламанки с Э.Пеньярандой, большинство собравшихся ставило под сомнение добровольную отставку президента, хотя генерал К.Б.Галиндо настаивал на достоверности сообщения. Однако более важным при решении этого вопроса оказалось мнение олигархов – «оловянных баронов» и латифундистов, которые требовали сохранения стабильности страны. Под давлением *роски*, вице-президент пошел на уступки: в 7:30 он согласился принять на себя президентские полномочия, как только лично убедиться в свободе действий Даниэля Саламанки.

Пока высшие правительственные чиновники колебались, армейские подразделения, расквартированные в окрестностях столицы, в течение дня заняли все ключевые пункты Ла-Паса. Их ударную силу составляли кадеты офицерской и сержантской школ. Они находились в состоянии боевой готовности с 24 ноября и готовы были действовать по первому сигналу из *Самайхуаты*. Их маневры были облегчены переходом на сторону военных майора Бустаманте – командира карабинеров, который получил приказ усилить охрану президентского дворца, но не выполнил его. Единственным, кто пробовал оказать сопротивление путчу был префект Ла-Паса, верный сторонник Д. Саламанки Х.Креспо Гутьерес. 28 ноября в 14:00 он приказал своим подчиненным взять под контроль арсенал, но встретил ожесточенное сопротивление карабинеров. Связавшись с майором Бустаманте, он потребовал выдать полицейским винтовки, но тот отказал. Спустя немного времени арсенал заняли армейские части, а казармы столичной полиции были блокированы. К этому времени политики, заседавшие в Квемадо были уже проинформированы о событиях на улицах Ла-Паса. В 19:00 Л.Техада Сорсано информировал армию и народ о том, что принял на себя президентские полномочия. 3 декабря Д.Саламанка и Р. де Угарте были перевезены из Вилье Монтес в Санта-Крус и помещены под домашний арест. Через некоторое время смертельно больной раком желудка Д.Саламанка был отпущен из-под стражи. Он вернулся в родную Кочабамбу, где умер 17 июля 1935 года в возрасте 67 лет. Это произошло ровно за сутки до заключения соглашения о прекращении огня, положившему конец Чакской войне. Как это не иронично выглядит, но боливийские военные сдержали обещание, данное ими Д.Саламанке Каса Стад: не прекращать войны до победы. Смерть президента освободила их данного обязательства. 6 декабря генерал Х.Ланса

был отправлен в отставку: это был первый боливийский офицер, уволенный не из-за некомпетентности или участия в мятеже, а из-за верности законно избранному правительству. События в Каса Стадт впервые привели к власти боливийскую военщину, поставившую «честь мундира», кастовое самосознание, выше конституции. События в Каса Стадт заслонили очередное отступление на фронте: 26 ноября была эвакуирована *Самайхуата* «во избежание захвата аэродрома и штаба противником».

Боливийское командование, преувеличивая бедственное положение своего противника, требовало всего лишь подкреплений и невмешательства гражданских властей в ход операций. Полковник А.Родригес в своем докладе новому президенту Л.Техаде Сорсано сообщал, что армии для полной победы не хватает 15000 солдат и 500 грузовиков и требовал обеспечить своевременное финансирование и снабжение войск продовольствием и боеприпасами. К этому времени экономическое положение Боливии резко улучшилось. С окончанием депрессии начался стремительный рост цен на олово, и появилась возможность широкого финансирования войны. Л.Техада Сорсано не был «ястребом» и скорее был склонен найти компромисс с Э.Айялой, к которому, по свидетельству английского военного корреспондента Р.В. Томпсона, испытывал искреннюю симпатию. Он был озабочен усилением вмешательства военщины во внутреннюю политику, справедливо опасаясь стать марионеткой в их руках. Несмотря на это и очередную серию военных неудач, Л.Техада Сорсано уступил мнению *роски* и решил оказать посильную помощь армии, чтобы нанести один короткий решительный удар по растянутой в предгорьях Анд тонкой цепочке парагвайских полков. Вместе с тем, он потребовал допустить для участия в планировании операций офицеров чешской военной миссии. По его мнению, их главной задачей было указать верховному командованию на недоработки в плане операций. Одновременно с этим была усилена подготовка пополнений для фронта. В конце 1934 года состоялся ускоренный выпуск младших офицеров. Это дало армии более тысячи командиров, имевших представление о современной войне.



Боливийские военачальники

Генерал Х.Ф.Эстигаррибия сделал должные выводы из поражения при *каньяде* Стронгест. Бои показали изменения происшедшие с боливийскими солдатами и офицерами со времени Кампо Виа. Он осознал опасность обхода превосходящих сил противника с фланга. В тактическом плане была выявлена настоятельная потребность в улучшении связи как на дивизионном, так и корпусном уровне. Удачная работа 1 саперного полка, позволившего вывести всю 7 пехотную дивизию из мешка положила начало широкому использованию этих частей в боевой работе. Постепенно организация парагвайской дивизии упрощалась, при этом резко улучшалась ее маневренность. К концу войны штатный состав дивизии предусматривал наличие трех полков (пехотных или кавалерийских) и дивизионной роты, включавшей инженеров, связистов и автотранспорт. Артиллерия продолжала действовать в составе 4 артиллерийских групп. Были проведены новые перестановки в высшем военном командовании парагвайской армии, но, в целом, кадровая политика командующего не изменилась: ни один коренной парагваец за годы войны не получил звания генерала. Полковники командовали корпусами, представлявшими собой скорее бригады, а подполковники – дивизиями, фактически – полками. За редким исключением, командиры полков имели чин майоров, а батальонов и групп – капи-

тана. Роты и батареи возглавлялись первыми лейтенантами, а взводы – вторыми лейтенантами или старшими сержантами. Вместе с тем, обладая чрезмерным тщеславием, Х.Ф.Эстигаррибия старался избавиться от потенциальных конкурентов на славу победителя в войне. Так, он последовательно убрал с важных постов почти всех героев первого периода войны полковников Л.Иррасабалю и Х.Айялу.

Генералу Х.Беляефу была поручена вербовка поселенцев в среде белоказаков и сопровождение комиссии Лиги Наций. И.Т.Беляев успешно справился с поставленными ему задачами. В 1934-35 годах в Парагвае были основаны шесть русских земледельческих колоний, а общее число иммигрантов достигло двух тысяч.

К сожалению, неуживчивый характер генерала и разнородность переселенческого контингента стали причиной дразг и раздрая. Вскоре выяснилось, что 90% «казаков» непривычны к сельскохозяйственному труду и ищут работу в городах. Из шести русских земледельческих колоний на земле Парагвая жизнеспособными оставались только три. Попытки И.Т.Беляева пристроить своих соотечественников на государственную или военную службу довольно часто оборачивались против него: офицеры, претендовавшие на батальоны и полки, часто получали взводы и роты, а то и вовсе направлялись в тыл для обучения рекрутов. Несответствие представления о Парагвае, как рае для белоэмигранта, с реальностью вызывало озлобление против инициатора проекта. Появились альтернативные организации, занимавшиеся переселением. Так сложилось, что их лидеры встали в оппозицию к генералу. Раздрай и дразги отразились не только на внутреннем положении общины, но и привели к изоляции И.Т.Беляева в даже внутри русской колонии. Его проект создания «Русского очага» был скомпрометирован неблагоприятными отзывами таких беспардонных писак как Парчевский и Шостковский и добит известным впоследствии русским литератором М.Каратеевым. Всё это было использовано против генерала и его переселенческого проекта как русскими, так и местными недоброжелателями, среди которых был Х.Ф.Эстигаррибия. Его откровенно раздражало, что в его армии значительное число командных постов занимают русские, и он стал постепенно избавляться от них. Исключение составили только технические специалисты и офицеры, приближённые к генералу Н.Ф.Эрну.

Изменение отношения к русским привело к реэмиграции части переселенцев, несмотря на то, что в 1935 году был принят специальный указ, предоставляющий им ряд преимуществ при занятии государственных должностей. Вместе с тем их медицинские дипломы и офицерские звания не признавались, создавая определённые сложности при получении практики и пенсий. В результате этого часть белоэмигрантов разочаровалась в Парагвае и вернулась в Европу, но большинство рассеялось по странам Южного Конуса.

Новый подход замещения должностей, который с подачи генерала Н.Ф.Эрна стал практиковать Х.Ф.Эстигаррибия, уменьшил социальный разрыв внутри командного состава и сделала возможным продвижение по службе талантов из народа. Примером этого может послужить карьера первого генерала-гуарани И.Мориниго. Это сильно демократизировало армию и, вместе с тем, укрепляла исключительное положение Х.Ф.Эстигаррибии, как творца победы. Создание культа личности генерала не нравилось многим профессиональным военным и способствовала росту бонапартистских настроений в их среде. Игнорируя мнение своего офицерского корпуса, правительство Э.Айялы шло на поводу своего победоносного военачальника и само подготовило конец ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЕ в истории Парагвая.



Генерал Х.Ф.Эстигаррибия и офицеры его штаба

7. Чакская война и мировое сообщество.

Торговля оружием и военная контрабанда. Чешские поставки оружия. Панамериканизм в действии. Боливия и США выступают единым фронтом. Сенатор Хью Лонг. Лига Наций против Парагвая.

Введение эмбарго на ввоз оружия в воюющие страны и применение экономических санкций против них, в теории, должно было вести к истощению противников и затуханию военных действий. Это наивное мнение господствовало среди политиков XX века. История показала ошибочность этой оценки. Применение санкций затрудняло ведение военных действий, но не останавливало их. Страны, обладающие собственной индустриальной базой и ресурсами, в условиях экономической блокады создают собственную военную промышленность и начинают стремиться к автаркии, слаборазвитые страны прибегают к помощи контрабандистов. Боливия и Парагвай относились как раз ко второй категории государств. Их различие заключалось, в основном в том, что Боливия обладала большим количеством иностранной валюты, чем ее соперник, и могла приобретать более высокотехнологическое оружие: цельнометаллические самолёты, бронемашины, танки и огнемёты.

Имеющиеся в нашем распоряжении цифры показывают в какой малой степени местное производство обеспечивало нужды воюющих сторон и, если Парагвай пополнял свой арсенал за счет трофеев, которые к концу войны составили 39000 винтовок, 900 единиц автоматического оружия, сотни грузовиков, десятки орудий и минометов, миллионы патронов и тысячи снарядов, то Боливия, восполняя свои потери, сильно зависела от поставок из-за рубежа. Помимо главных поставщиков: английского *Виккерса*, американских *Кэртис-Райт* и *Америкэн Армамент корпорэйшн*, чешских *Шкоды* и *Зброевки Брно*, австрийского Штейра и швейцарского *Золотурна у Ла-Паса* были и другие контрагенты, часто действовавшие на свой страх и риск. Особенно это касалось посредников эйбарских оружейников, производивших аналоги стрелкового оружия даже без лицензий, например, Э. Аростеги, М.Сулаика и их дочерняя фирма Бейстеги Эрманос. В аналогичной ситуации находился и Асуньсьон. Если на первом этапе Чакской войны. Его основными контрагентами были датский *Мадсен*, заводы *Фабрик Насьональ* в Льеже и Херстале, эйбарские оружейники, аргентинский арсенал, итальянские и французские самолетостроительные фирмы, то впоследствии и его стали снабжать оружием «торговцы смертью», как тогда называли частных поставщиков оружия.

Значительная часть оружия была получена Асуньсьоном до начала военных действий, поэтому более важным фактором становилась поставка запасных частей к нему. Как правило, на эти поставки санкции не распространялись. Особенно сильно от этих поставок зависел Парагвай, которому были необходимы запасные части для ремонта трофейного оружия. Асуньсьон находился в несколько другом положении. В начале войны он использовал схожие с Боливией схемы: менялась страна посредник. Так, основная часть самолетов *Потез-25* была получена из Франции через Монтевидео. По мере ухудшения международной обстановки: введения санкций и объявления агрессором, Парагвай все чаще был вынужден прибегать к услугам частных торговцев оружием. Впоследствии при введении общего эмбарго на поставки оружия участникам Чакской войны к услугам последних стал обращаться и Ла-Пас. К этому его вынудили большие потери на фронте. Ла-Пас за годы войны посетило не менее полутора тысяч таких дельцов, а Асуньсьон – семь сотен. Их происхождение и национальность были различными.

В то время как нищий Асуньсьон вынужден был довольствоваться услугами уругвайских и аргентинских контрабандистов, правительство Боливии, обладая большими валютными

ресурсами и кредитом, при закупке оружия предпочитало работать с североамериканскими и европейскими поставщиками. Главными из них были *Виккерс*, *Кэртис-Райт* и *Зброевка Брно*. Каждая из этих оружейных компаний имела своё лобби, обеспечивавшее приоритет при заключении контрактов. Однако, следует отметить, что если доля Боливии в англо-саксонских заказах была незначительна, и они с легкостью могли пренебречь, то для чешских оружейников ситуация была совершенно иной. Боливийский рынок для них открылся в 1928 году, когда президент Э.Силес и его немецкий советник генерал Г.Кундт посчитали, что запасов стрелкового оружия недостаточно и обратились к представителям *Зброёвки Брно*, которая с 1922 года начала осваивать латиноамериканский рынок. Первоначально картельное соглашение между Шнейдер-Крезо и Шкодой распространялось только на пять стран: чехи снабжали оружием Мексику, а французы – Аргентину, Чили, Бразилию и Перу. Пять лет спустя *Зброёвка Брно* заключило аналогичное соглашение с бельгийской Фабрик Насьональ. Основными чешскими представителями в Южной Америке в 1926 году были Е.Колина в Аргентине, Уругвае и Перу, и гамбургская компания *Шульбах, Тьемер & Со* – остальных странах Южной Америки. В 1929 году сеть агентов компании расширилась. Кроме Шкоды они представляли интересы компании *Селье и Бело*, крупнейшего производителя патронов, и Янечека, делавшего ручные гранаты.

Контакты с чешских оружейников с Ла Пасом завязались во время посещения министром обороны Боливии генералом Ф. Кузманом Великобритании, где он вёл переговоры с компанией *Виккерс*. Сначала это были представители заводов *Шкода*, предложивших тяжёлое оружие. После коротких переговоров они получили отказ. Там, где представители Шкоды потерпели неудачу, выиграли агенты *Зброевки*: они смогли доказать, что их винтовки *Маузера* лучше тех, которые предлагает арсенал *Овьедо*. Особую роль в этих переговорах сыграла *Шульбах, Тьемер & Со*, установившая доверительные отношения с одним из членов боливийской делегации генералом Пола. В результате этого в начале 1928 года был заключён контракт на поставку 36000 7.65 мм винтовок vz24. К каждой из них прилагался ремень, штык и ремонтный комплект. По слухам, при заключении этого контракта генерал Г.Кунт получил взятку. На это следует возразить, что, как это уже отмечалось выше, чешская продукция оказалась лучше испанской. В октябре заказанное оружие было принято боливийскими представителями и направлено в Ла Пас. Несколько позже туда было доставлено оборудования для небольшой патронной фабрики, в которой стали работать три чешских техника Дворачек, Немечек и Фидлер.



VZ26



VZ24

Образцы чешского оружия, поставляемого в Боливию

Не считая себя связанными с Боливией особыми обязательствами, чехи предложили своё оружие Парагваю. Они искали новые рынки сбыта для своего оружия: в Европе всюду разразился экономический кризис, военные расходы сокращались, а оружейные заводы простаивали. Посредником в этой сделке выступил Йозеф Ханзлик, владелец механической мастерской. 4 марта 1931 года в Асунсьон из Бразилии прибыл инженер Фр. Чешка. Он предложил капитану Боцано 10000 карабинов vz24, 500 пулемётов vz26 и 100 автоматических ружей ZH29 калибра 7.65 мм, десять миллионов патронов к ним и 10000 гранат. Он в скором времени пообещал представить образцы, но 25 апреля неожиданно для него переговоры были приостановлены. Причиной этого стало подозрение, что Чешка работает на боливийскую разведку. Несколько позже образцы предложенного *Зброевкой* оружия были протестированы: в результате предпочтение было отдано льежскому заводу. Чехи попытались вести переговоры через парагвайского посла в Париже Кабальеро де Бедойю, предложив ему взятку в размере 4.25% от суммы контракта, но безуспешно. Контакты представителя Зброёвки Мануэля Ферейры с парагвайскими властями возобновились после первых крупных побед парагвайской армии, которая нуждалась в запасных частях для ремонта трофейного оружия. Ситуация осложнялась тем, что Парагвай практически не имел валюты для оплаты чешских поставок. После долгих и трудных переговоров удалось достичь соглашения, по которому запасные части обменивались на табак и хлопок. В какой-то момент количество чешского оружия, состоящего на вооружении парагвайцев, составило более половины. Этим решил воспользоваться М.Ферейра, предложивший доставить все необходимые запасные части бесплатно, при условии, что у Зброёвки будут приобретены 500 пулемётов. К этому времени Сайония уже наладила ремонт трофейного оружия, и министерство обороны отказалось рассматривать этот вопрос. Тогда Ферейра

снизил число пулемётов до 300, но было тщетно. Вскоре после этого Парагвай вообще перестал приобретать запасные части для чешского оружия.

Тем временем, богатый промышленник полковник Фердинанд Штепан сообщил руководству Зброёвки, что боливийская армия хочет приобрести значительное количество вооружения: винтовки, пулемёты разных типов, каски, ручные гранаты, миномёты, горные орудия и даже самолёты. Несмотря на то, что большая часть списка полковника оказалась плодом его воображения, рациональное зерно в нём нашлось во время приезда новой боливийской военной миссией по закупкам, которую возглавлял полковник Мерино. Вместе с ним в Европу прибыл Председатель Боливийского Патриотического Комитета депутат парламента Мамерт Уриолаготи, который распоряжался финансами. При посредничестве Ледерера, бывшего сотрудника фирмы Шульбах, в марте 1933 года *Зброевка* получила заказ на поставку 200 лёгких пулемётов с необходимым оборудованием и запасными стволами. Несколько позже при помощи того же Ледерера размер контракта был увеличен до 600 единиц. В дополнение к ним были заказаны 5000 винтовок. Поскольку посредник претендовал на исключительные контакты с заказчиком, руководство Зброевки направило в Южную Америку своего сотрудника Яна Моравека. Он вошёл в контакт с боливийским послом в Аргентине Хулио Гутьерресом и уже 12 декабря 1933 года оказался в Ла Пасе. Моравек обладал всеми необходимыми качествами и полномочиями, чтобы вести переговоры с боливийскими заказчиками. Уже по прибытии он сразу дал взятку секретарю военного министра в размере 300 фунтов, подарил семи высшим боливийским офицерам дорогие винтовки. Ещё один карабин получил председатель Аудиторской Палаты Эмилио Лопес. Его действия возымели желаемый эффект. Уже 5 января им было подписано новое соглашение о поставках 10000 чешских винтовок со штыками, ремнями и ножнами. Девятнадцать дней спустя размер поставок был увеличен на 15000 единиц. Затем последовал контракт на 5000 кавалерийских карабинов и большое количество пулемётов, из которых 200 должны были быть поставлены на станках, 40 телефонных коммутаторов и 80 аппараты, 1400 км кабеля...



Озабоченные активностью Моравки, полковник Мерино и Ледерер приехали в Брно. Они ультимативно потребовали отзыва представителя *Зброёвки* из Ла Паса и перевода 5% от суммы заключённых контрактов на специальный счёт в Лондоне. В противном случае они обещали прекратить приёмку оружия. Дирекция *Зброёвки* решила не портить отношения с полковником, которому стали выплачивать по 4 фунта за пулемёт и 2% от суммы остальных заказов, и в марте отозвала Моравека на родину. К этому времени он установил все нужные контакты и передал их Карелу Хорачеку, новому представителю *Зброёвки* в Ла Пасе. Тот сделал так, что Ледерер остался не у дел. 1 июля 1934 года *Зброёвка* прекратила с ним все отношения. Одним из вопросов, который лоббировал Хорачек было снабжение боливийской армии патронами

производства *Селье и Бело*. С ним конкурировали другие производители такие, как Ремингтон(США), Рауфос(Норвегия), Хиртенбергер (Австрия), Фабрик Насьональ(Бельгия) и Производители Машин Верхнего Рейна (Франция). Для того, чтобы выиграть конкуренцию чехам пришлось покупать порох на заводах Бофорс: только он мог сохранять свои свойства при перепаде температур с -5°C до $+40^{\circ}\text{C}$, не распадаясь на фракции. Уже Моравеку удалось договориться о продаже 10 миллионов патронов. Хорачек смог убедить боливийских военных приобрести у *Селье и Бело* 14 миллионов патронов, а затем ещё 30. Кроме них военное министерство дополнительно заказало через Хорачека 500 лёгких пулемётов с магазинами е ним, 2000 винтовок, различные запасные части к оружию, 200 биноклей и 1000 километров телефонного кабеля. Многочисленные боливийские заказы были большим подарком для безработных чешских оружейников.

После целого года взаимовыгодного сотрудничества в отношениях между Зброёвкой и Ла-Пасом произошёл серьёзный сбой. Он был связан с задержкой оплаты военных поставок. В середине декабря 1934 года, когда на фронте случился кризис, задолженность боливийского казначейства *Зброёвке* составила 171225 фунтов стерлингов. Тогда дирекция завод распорядилась приостановить разгрузку транспортов в Арике. На их борту находилось 17 миллионов патронов, 10000 винтовок и 440 пулемётов. Финансовый кризис был преодолён исключительно за счёт связей Моравки. Оружие было доставлено в Ла Пас, а платежи поступили в начале января следующего года. Это событие не омрачило тесных контактов между чехами и их боливийскими контрагентами. Только в январе и феврале они заключили контракт на 10000 винтовок, 80 лёгких пулемётов и 16 миллионов патронов. После частичной предоплаты были сделаны 5000 винтовок и пулемёты, а для производства остальных требовалась банковская гарантия. Она была предоставлена только после того, как деловые круги Канады предложили боливийскому правительству кредит в 20 миллионов долларов США. Условием его предоставления стала фиксация экспортной цены на олово в размере 50 фунтов стерлингов за тонну. Таким образом, боливийское правительство располагало ресурсами, позволяющими ему вести военные действия еще два-три месяца и разместить новые заказы на оружие. Сразу после размещения депозита у *Селье и Белло* были заказаны ещё 12 миллионов патронов. Они поступили уже после окончания войны. Всего в 1934–35 годах *Зброёвка* поставила Боливии от 55 до 62 тысяч единиц стрелкового оружия, 2982 единицы автоматического оружия и 82 миллиона патронов.

Географическое положение и позиция соседей определяло существенное различие маршрутов доставки оружия обоим бelligерентам. Боливия использовала для транзита оружия, в первую очередь, порты Тихоокеанского побережья (Икике, Арику, Антофагасту). Аргентинский и бразильский маршруты вследствие разных причин имели для Ла-Паса второстепенное значение. Парагвайское правительство долгое время имело доступ к портам Атлантического побережья (Монтевидео, Буэнос-Айрес). Стандартная схема несанкционированной правительством переброски оружия в Боливию состояла для *Кэртис-Райт экспортс* из двух этапов: перевозки самолета в разобранном состоянии на завод фирмы в Сантьяго (Чили) «для демонстрации или предпродажной подготовки» и доставки его в Ла-Пас. Правда, в некоторых случаях, самолеты не доходили до заказчика: как правило, это происходило во время каких-либо политических маневров, когда временно ужесточался контроль за транзитом военных грузов. Поскольку стрелкового оружия у Асунсьона было много за счет трофеев (впоследствии он часть их продал испанским республиканцам) парагвайское военное министерство с 1933 года стали больше интересоваться запасные части к нему, а также боеприпасы и оборудование для их производства.

Если запасные части к стрелковому оружию было достаточно легко приобрести через посредников или даже изготовить самим, то покупка и доставка боеприпасов, материалов для их выделки и станков для их производства, особенно артиллерийских снарядов и мин, была

постоянной головной болью служб снабжения обеих воюющих сторон. Мировая практика того времени связывала размещение заказа и приобретение военных материалов с «легальным» заказом какого-либо правительства. В тридцатые годы наиболее широко распространенным способом получения документа, предоставляющего право на экспорт оружия или боеприпасов из страны-производителя оружия, была договоренность с каким-либо китайским милитаристом или латиноамериканской республикой. В условиях Чацкого конфликта, когда все страны Нового Света в той или иной степени участвовали в его разрешении, с 1934 года последний вариант почти перестал срабатывать. Поэтому военные контрабандисты стали все чаще использовать фиктивные документы, выданные тем или иным провинциальным милитаристом из Китая. Однако с 1933 года это стало накладным делом из-за начала японской агрессии в Маньчжурии. Впоследствии эти хорошо разработанные «торговцами смертью» схемы широко использовались для организации поставок оружия испанским республиканцам в 1935-39 годах. Резолюции Лиги Наций о прекращении огня и наложенное в мае 1934 года эмбарго на поставку оружия бelligерентам оказались неэффективными: они не смогли остановить эскалацию военных действий в Чако. Следует вспомнить, что эта организация была создана не для сохранения мира, а для охраны Версальской системы и тон в ней задавали европейские великие державы – Франция и Великобритания.

Понимание необходимости прекращения войны все более охватывало общественность и правящие круги соседних стран. Чили, Уругвай, Аргентина, Бразилия и Перу нуждались в стабильности на своих границах. Вашингтон стремился воспользоваться удачным стечением обстоятельств и перевести умиротворение в рамках доктрины Монро на региональный уровень. Для этого, начиная с конца 1933 года, он планировал разрешить конфликт в Чако на уровне Панамериканского Союза. Если рассматривать панамериканизм в историческом плане, то в нем заключены две диаметрально противоположные тенденции: стремление стран и народов Латинской Америки к национальной самостоятельности и стремление администрации США превратить Новый Свет в свою сферу влияния. Следует отметить, что, начиная с Боливара, который в 1826 году созвал в Панаме первый Межамериканский Конгресс, страны Латинской Америки стремились достичь политического единства. Попытки создания политического союза предпринимались в 1844, 1856, 1864 и 1880 годах. Однако они оказались безрезультатны, и инициатива перешла к госдепартаменту США.

2 декабря 1823 года президент Монро, продолжая политику Джефферсона, провозгласил свою доктрину:

«...американские континенты в результате свободного и независимого положения, которое они у себя установили и поддерживают, отныне не должны считаться объектами дальнейшей колонизации какими-либо европейскими державами... Поэтому искренние и дружественные отношения, существующие между Соединенными Штатами и этими державами, обязывают нас заявить, что всякую попытку с их стороны распространить свою политическую систему на какую-либо часть нашего полушария мы будем рассматривать как угрозу нашему спокойствию и безопасности... Но что касается правительств, которые провозгласили свою независимость и сумели ее сохранить и независимость которых мы признали по зрелом размышлении и согласно с принципами справедливости, то мы не можем рассматривать вмешательство в их дела со стороны какой бы то ни было европейской державы с целью стеснить их свободу или вообще оказать какое-либо воздействие на их судьбу, иначе как проявление недружелюбного отношения к Соединенным Штатам».

Поддержанная Каннингом и одобренная Боливаром, доктрина Монро была с воодушевлением воспринята всеми вновь образовавшимися республиками Америки. Однако это была лишь декларация. На протяжении XIX века европейские державы много раз вмешивались в дела Латинской Америки: Колумбия – 1824 год, Эквадор, Перу и Венесуэла – 1846 год, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас – 1848-1849, 1856-60 годы, Мексика – 1838, 1862-67 годы, Венесуэла

эла – 1876, 1880, 1881, 1884 и 1887 годы, Доминиканская Республика – 1861-65 и 1905 годах, Чили, Перу, Эквадор и Боливия в 1864 году, Аргентина – 1830, 1842-49, 1902-03 годы. Ещё долгих шестьдесят лет после провозглашения доктрины Монро в Латинской Америке безраздельно господствовала Англия, которая обладала крупнейшим морским флотом и являлась «мастерской мира». С 80х годов ее позиции серьёзно пошатнулись из-за экспансии США. Ещё с мексиканской войны Вашингтон ставил перед собой совершенно чёткие задачи – расширить свою территорию на весь Северо-Американский континент, экономически подчинить народы Латинской Америки и вытеснить британский империализм. С этого момента весь Новый Свет становится ареной противостояния двух империалистических хищников, а также участием в этой борьбе игравших вторые роли империалистов Германии, Франции, Италии и Японии. Чакская война стала, по-видимому, одной из последних политических поражений США в Южном Конусе.

Первая попытка США перехватить политическую инициативу в Новом Свете состоялась в 1881 году, когда по инициативе госдепа была созвана конференция американских государств. Однако в тот момент у него не хватило авторитета, чтобы она стала действовать на постоянной основе. Только в 1889 году бывший госсекретарь Джеймс Блейн при поддержке госдепартамента основал «Бюро по вопросам торговли между американскими республиками». Эта организация стала родоначальником Панамериканского Союза. В том же году прошла долгожданная конференция 18 американских государств, учредивших политическую организацию с центром в Вашингтоне. Это событие можно считать Рубиконом американской политике в Новом Свете. Во время Венесуэльского кризиса 20 июля 1895 года госсекретарь Олни дал свою, новую интерпретацию доктрины Монро:

«... в настоящее время Соединенные Штаты фактически пользуются суверенными правами на этом континенте и решение их является законом во всех случаях, когда они хотят вмешаться...».

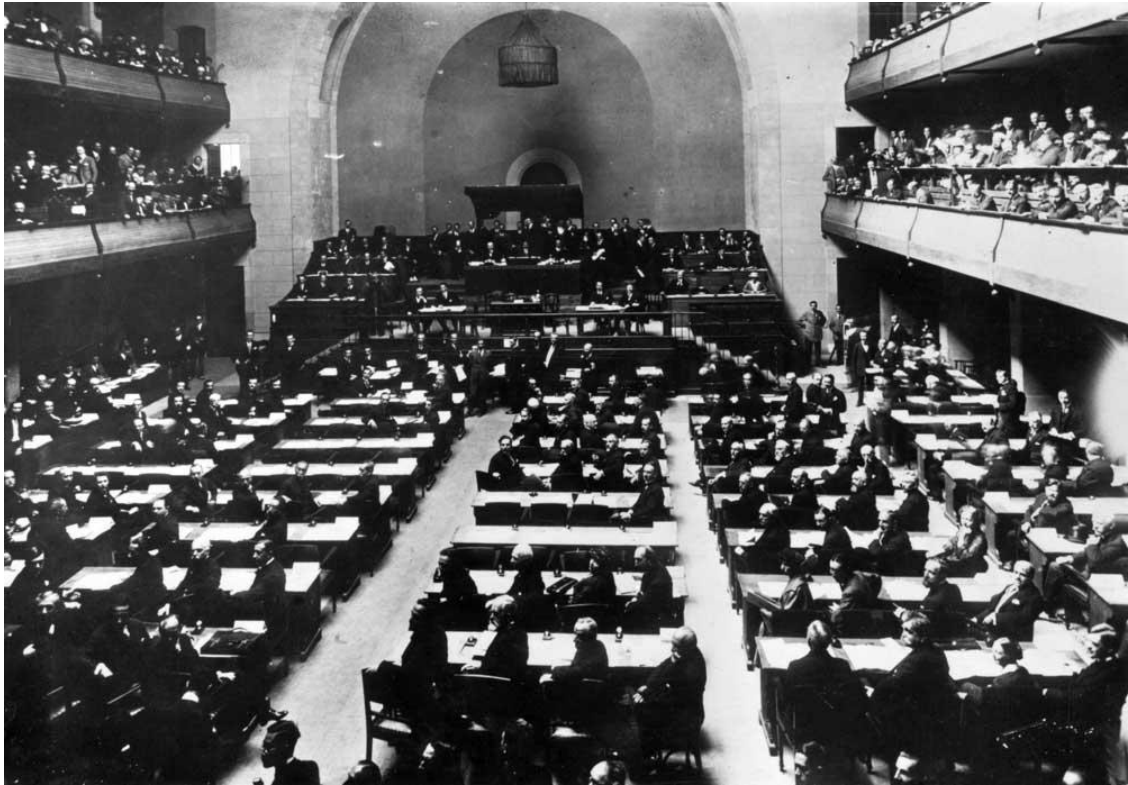
Последующие сорок лет доктрина Олни лежала в основе политики США в Латинской Америке. Организация Панамериканского Союза стала началом решительного наступления США на политические позиции Лондона в Южной Америке. Форин Офис с самого начала расценивал его как орудие экспансии Вашингтона. Латиноамериканские государства, традиционные союзники Великобритании, такие как Чили, Аргентина и Бразилия, сами претендовали на ведущую роль в Латинской Америке при прямой поддержке Лондона часто саботировали конференции Панамериканского Союза и отказывались от ратификации многих его резолюций. На это накладывалось прохладное отношение патриотически настроенных кругов латиноамериканских республик к практике панамериканизма. С 1823 по 1945 годы состоялось 208 панамериканских конференций, на которых было подписано более 100 договоров и только один из них был ратифицирован двадцать одной республикой.

На II Панамериканской конференции в Мехико (1901-02 гг.) бюро было переименовано в Международное американское бюро и получило организационно-административные функции. Бюро возглавил руководящий совет, составленный из латиноамериканских дипломатов, аккредитованных в Вашингтоне, под постоянным председательством госсекретаря США. На следующей, III конференции в Рио-де-Жанейро (1906 год) его политические полномочия были расширены, а совет стал постоянной комиссией конференции. На IV конференции (1910 год) бюро получило новое название – Панамериканский Союз. V Панамериканская конференция состоялась в столице Чили только в 1923 году. В Сантьяго был заключен континентальный договор о мирном разрешении споров между американскими государствами. Однако его практическое значение было ничтожно. Еще через пять лет, в 1928 году, на VI конференции в Гаване дипломаты из США встретились с единым оппозиционным фронтом латиноамериканских республик. На ней были внесены изменения в Устав Панамериканского Союза: в его состав были допущены все латиноамериканские государства независимо от того, признают их США или

нет, а председатель совета стал избираемым. Положение делегации США на этих двух конференциях было чрезвычайно затруднительным, поскольку лицемерные заявления о братстве и сотрудничестве американских народов стояли в явном противоречии с грубо насильственной, открыто захватнической политикой канонерок.

Уже принятие этих положений указывало на политическое поражение США. В Гаване делегации США с большим трудом удалось отклонить резолюции, осуждавшие таможенную политику Вашингтона и вмешательство американских государств в дела друг друга. Следствием этого стал переход на VII Панамериканской конференции от политики «большой дубинки» к политике «доброго соседа». Помимо бесплодных усилий по прекращению Чако-ского конфликта в Монтевидео была единогласно принята конвенция о правах и обязанностях американских государств, осуждавшая вмешательство одного государства во внутренние дела и внешнюю политику другого, а также оккупацию чужой территории хотя бы в качестве временной меры. Данная конвенция не могла быть применена к спорной территории в Чако и, следовательно, не могла прекратить конфликт. Тем не менее, с этого момента деятельность Союза резко активизировалась, ибо формально не существовало противоречий между США и другими странами континента. Тем не менее, озабоченность развитием военного конфликта на северной границе стала все больше охватывать военно-политическую верхушку Аргентины. Она стала побаиваться резкого усиления Парагвая. Особенно опасным для нее мог стать захват нефти Камири. Имея независимый доступ в океан, Асунсьон мог составить конкуренцию для аргентинских энергоносителей, добываемых в предгорьях Анд, и обрести экономическую независимость от Буэнос-Айреса. Рост фашистских настроений и соперничество с другим претендентом на доминирование в Южном Конусе заставляли правительство Аргентины форсировать события и стремиться к прекращению огня в Чако. Аналогичную озабоченность высказывали Уругвай, Чили и Перу, которые боялись дальнейшего ослабления своих соседей. Своеобразной была позиция Бразилии, которая полагала, что поражение Боливии в войне заставит Ла-Пас переориентироваться на Рио-де-Жанейро.

Начиная с Рождества 1933 года мировое сообщество предпринимало многочисленные попытки прекратить кровопролитие в Чако. Но они наталкивались на непонимание, а, иногда, на открытое сопротивление обеих воюющих сторон. Если парагвайцы отказывались очистить занятые ими территории, то боливийцы не соглашались исключить территорию арбитража Хейеса и требовали предварительного разграничения Чако. Окончание перемирия и стремительное парагвайское наступление к *фортицу Баливьян* вызвали недоумение в Лиге Наций. Её новый председатель Жозеф Луи Авенол искренне полагал, что само присутствие комиссии Лиги прекратит военные действия, как это было пять лет назад. Однако военные действия продолжались. Уже в марте 1934 года комиссия Лиги Наций по урегулированию конфликта, расположившаяся в Монтевидео, считала свое существование ненужным, поскольку не могла найти компромисс между Ла-Пасом и Асунсьоном. В самой организации также не было единого мнения о способах решения конфликта. В двойственном положении оказалась Чехословакия, которая с одной стороны была заинтересована в упрочении системы коллективной безопасности, поскольку ей уже угрожала нацистская Германия, а с другой была заинтересована в поставках оружия в Боливию, приносящие ей сотни миллионов крон. Её дипломаты так маневрировали на заседаниях комиссии по эмбарго, что фактические поставки чешского оружия Ла Пасу не прекращались. Единственные случаи задержки поставок были зафиксированы только тогда, когда пустело боливийское казначейства. Примерно такой же тактики придерживались и остальные экспортёры оружия. Не имея представления, как повлиять на конфликт Авенол вынес на майское заседание Лиги вопрос о введении эмбарго как для Парагвая, так и Боливии. На этом его вмешательство в далёкий южноамериканский конфликт завершилось.



Оставленное Лигой место решил занять аргентинский министр иностранных дел Сааведра Ламас. На первых порах Ла-Пас принял его инициативу, но при этом поставил обязательным условием заключения перемирия признание его прав на порт в судоходной части реки Парагвай. Он начал консультации с парагвайским министром Х. Зубизареттой, но вскоре выяснилось, что все его попытки были обречены на неудачу. Ко всем внешнеполитическим инициативам аргентинского министра крайне отрицательно относился госдепартамент США. Боливийская дипломатия пошла в фарватере американской политики и отвергла посредничество Ламаса. Формальной причиной для этого являлись поставки аргентинского оружия в Парагвай.

Средства массовой информации, подконтрольные США, намеренно раздували её размеры, закрывая глаза на аналогичные действия США, Перу и Чили в отношении Боливии. Активная внешнеполитическая позиция Боливии, откровенное подтасовывание фактов, безответственная демагогия и агрессивная пропаганда сыграли свою роль: мировое общественное мнение стали гораздо больше доверять Ла-Пасу, чем к малоизвестному Парагваю. Мировому сообществу с легкой руки военных обозревателей и военных корреспондентов было непонятно, как «цивилизованная», почти европейская страна может терпеть поражения от «полу-диких» парагвайских индейцев. Учитывая, что почти весь 1934 год парагвайская армия наступала, а «вестерн» становился популярным кинофильмом, многие американские обыватели относились к Чакскому конфликту, как очередной индейской войне, где кровожадные дикари хотят разрушить оплот цивилизации. «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта в Латинской Америке отразился и на политике США в «Чакском вопросе». Дальнейшее затягивание войны, а тем более заметная роль госдепартамента в ее развязывании подрывали престиж и влияние Вашингтона среди стран Южного конуса. Однако, как и вся политика «добраго соседа», отношение американских дипломатов к конфликту за Чакко, имело много общего с их предыдущей позицией. «Новый курс» только сглаживал углы под лозунгом панамериканской солидарности. Не к месту для госдепартамента оказались разоблачения сенатора от Луизианы Хью Лонга, который во

время своих выступлений в верхней палате Конгресса привел данные об участии рокфеллеровской «Стандарт Ойл» в развязывании Чакской войны. По его данным, «Стандарт Ойл» обеспечила размещение боливийского внешнего займа на Нью-Йоркской фондовой бирже в обмен на обещание предоставить компании по окончании войны порт на реке Парагвай. Бывший губернатор Луизианы Хью Лонг являлся популистом и преследовал этим выступлением свои цели. Его демагогическая программа «равного раздела» привлекла множество отчаявшихся во время Великого кризиса американцев. Однако он не представлял серьезной политической силы: его манера поведения, стремление к применению насилия и тоталитаризму, привели к тому, что через год, 10 сентября 1935 года он был убит в Батон-Руже. Тем не менее, его заявления были с удовлетворением услышаны в Асунсьоне и Буэнос Айресе.

В мае 1934 года президент Ф.Д. Рузвельт поддержал решение Лиги Наций и также запретил поставки оружия Боливии и Парагваю. Госсекретарь Хэлл объявил, что с 28 мая американским компаниям запрещается поставлять вооружения Ла-Пасу и Асунсьону. Это решение государственного департамента предусматривало сохранение обязательств по поставкам в счет ранее произведенных платежей. Такое решение вызвало разочарование в Асунсьоне, связавшим это с желанием США продлить вооруженный конфликт. Поскольку основную часть оружия Боливия получала у Американской корпорации вооружения (American Armaments Corporation), возглавляемой братьями Альфредом и Игнасио Миранда, и Кэртис-Райт экспортерс, их адвокаты подали иск в Верховный Суд США с требованием признать эмбарго на военные поставки в Боливию неконституционными. Впоследствии обе компании просто игнорировали этот запрет, поставляя американское оружие через третьи страны. Таким образом, объявленное Вашингтоном эмбарго было лишь данью мировому общественному мнению, возмущенному самим фактом поставок современного оружия воюющим сторонам. Хотя в данном вопросе США впервые пошли на сотрудничество с Лигой Наций, «исключения» в пользу Боливии фактически подрывали его действенность. В результате этой позиции госдепа США Чакская война затянулась на целый год. Тем не менее эмбарго, торжественно объявленное госсекретарем Хэллом, помогло государственному департаменту реабилитировать свою политику в глазах Латинской Америки. В дальнейшем все усилия Белого Дома по мирному урегулированию конфликта в Чако преследовали цель укрепления панамериканского единства и повышения собственного престижа у своих латиноамериканских партнеров при одновременной дискредитации Лиги Наций. В частной беседе с американским послом, состоявшейся в июле, Э.Айяла пытался найти приемлемый для всех сторон компромисс. Он принципиально соглашался на передачу Боливии порта на реке, указывая на то, что взамен Парагвай получит дешевый бензин. Однако то к чему склонялся президент, и то чего хотели его соратники по правительству и противники, сильно отличалось. Общественное мнение страны считало, что уступка хоть части земли, политой парагвайской кровью, равна национальному предательству. Кроме того, они уже не верили американцам. На это имелись определённые резоны. А. Кэртис Уилгус в своей книге «The development of Hispanic America», изданной в 1939 году, так охарактеризовал общие настроения, господствовавшие в латиноамериканском обществе: «Южная Америка ненавидит Соединенные Штаты за фальсификацию выборов в этой стране, за мошенничество в торговле, за их нелепого полковника Рузвельта, за их бесцеремонную дипломатию, за профессоров, которые пишут о Латинской Америке, обнаруживая полное невежество, за потопление крейсера «Мэн», за появление на свет Панамской Республики, за установление контроля над финансами Гондураса и за захват таможен Доминиканской Республики, за пролитую ими кровь и за ликвидацию независимости Никарагуа, за инспирированную ими революцию в Мексике, за вторжение в Вера-Крус, за вздорные претензии к Венесуэле, за так называемый иск Олпсона к Чили, за их посягательства (которые США не слишком стараются скрывать) на Галапагосские острова, принадлежащие Эквадору, и острова Чинча, принадлежащие Перу, за постоянные утверждения, что аргентинская статистика не заслуживает доверия, за попытки помешать

Бразилии повысить цены на кофе, за захват Пуэрто-Рико, за «поправку Платта» к конституции Кубы, за превращение своих телеграфных агентств и газет в орудия дискредитации всех испано-американских республик, за агрессивную империалистическую политику, за действия против стран Латинской Америки в течение последних 50 лет».

В конце августа 1934 года попытку остановить бойню предприняли собравшиеся в Буэнос-Айресе лидеры католической церкви из Перу, Чили, Аргентины и Бразилии. Они обратились с призывом к обоим бelligерентам и крупнейшим католическим странам Нового Света: Аргентине, Бразилии и США. Однако их призыв остался без ответа.

Успешное ноябрьское контрнаступление боливийской армии, несмотря на поражение у *Эль Кармен* и фатальное отступление от Ирендаги, возродило надежды политиков на приемлемое для Боливии решение проблемы раздела Чако. Начиная с первых дней войны, когда парагвайцы шли от победы к победе, у Ла Паса не было более удобного, по мнению его дипломатов, стечения внешних обстоятельств, чем после Альгодонала. Однако заключению перемирия в то время мешал целый ряд факторов: позиция президента Боливии Д.Саламанки, желание военных «отыграться» и жесткая позиция Асунсьона.



1 Сааведра Ламас

Несмотря на свое миролюбие, президент Э.Айяла не мог контролировать своих военных и ястребов из своей фракции. Х.Ф.Эстигаррибия преподнес ему поражение под Алгодоналом, как частную неудачу, которую затмила победа под *Эль Кармен* и падение *Бальивиана*. Последовавшие вслед за этим победа у *Ирендаги* и громадные трофеи (вооружение двух корпусов) вообще поставили под сомнение необходимость перемирия. Его позицию разделял и глава аргентинской военной миссии в Асунсьоне генерал Швейцер. Он подначивал аппетиты парагвайской военщины, убеждая её в необходимости захвата нефтяных месторождений в Камири. Пользуясь правом прямого доступа к президенту Аргентины генералу Агустину Педро Хусто, Швейцер всячески пытался отстранить С. Ламаса от вмешательства в Чакский конфликт. Его всячески поддерживал вице-президент страны Рока-младший, лоббировавший английские интересы. За ним стояла кучка *портеньо*, зарабатывавших на перепродаже парагвайского мяса англичанам в рамках соглашения 1933 года. Более миролюбивую позицию занимали Бразилия и Уругвай, торговые круги также наживались на парагвайском экспорте. Главным фактором, определявшим их политическую позицию в 1934 году, было желание ограничить влияние Аргентины после окончания войны. Остальные латиноамериканские страны либо занимали индифферентную позицию, либо поддерживали Боливию.

Несмотря на сопротивление союзника, интриги коллег по кабинету и дипломатическую изоляцию, аргентинский министр С. Ламас выдвигал всё новые и новые предложения о мирном урегулировании. Все они торпедировались госсекретарем Хэллом. Убедившись в obstructивной позиции госдепартамента, он выступил с инициативой мирного урегулирования при посредничестве Лиге Наций. Это предложение не понравилось госдепартаменту, но катастрофическое положение на фронте, сложившееся после битвы у *Эль Кармен* заставило Боливию изменить свою позицию. 24 ноября 1934 года президент Д.Саламанка направил в Лигу Наций письмо, в котором соглашался на арбитраж только при условии, что С. Ламас не будет посредником. Лига Наций немедленно приняла резолюцию, в которой призвала обе воюющие стороны немедленно прекратить огонь и отвести от линии фронта войска на 10 километров и в течение тридцати дней приступить к мирным переговорам, а урегулирование спора передать Международному суду в Гааге. Альтернативное предложение по урегулированию конфликта выдвинул СССР, но его политическая изоляция привела к тому, что эти предложения были приняты только частично, ибо ни США, ни Великобритания не были заинтересованы в росте коммунистического влияния в Южном Конусе. Следует отметить, что после провала миссии Южамторга Москва опасалась превращения Парагвая в оплот белогвардейцев в Латинской Америке и поддерживала Ла-Пас. Линия разграничения была проведена в соответствии с информацией, представленной дипломатами из Ла-Паса, и вовсе не соответствовала истине. На это указывал Асунсьон, который отказался ввести режим прекращения огня и выполнить резолюцию. В декабре 1934 года для изучения фактического положения дел на месте была отправлена специальная комиссия, к которой с парагвайской стороны был прикомандирован генерал И.Беляев. Он жёстко отстаивал позицию парагвайской стороны и своими честностью и принципиальностью вызвал немалое уважение со стороны Х.Зубизаретты. Лига Наций несколько раз пыталась выработать единую резолюцию по конфликту, но каждый раз не могла получить единогласного решения. Следует отметить, что статья 15 Устава предусматривала «легальную» войну. Согласно этому пункту, государства, между которыми возник конфликт имели право не принять совета Лиги. В этом случае они получали практически полную свободу действий. Если указания Совета были приняты простым большинством голосов, а не единогласно члены Лиги получали право действовать по своему усмотрению, защищая законность и справедливость. Направленная против нелегальной войны статья 16 была составлена в общей форме, что предусмотренные ею экономические санкции не могли дать серьезных результатов. Под «нелегальной» войной понималась такая, которая нарушает обязательства, предусмотренные Уставом Лиги, который предусматривал предоставление членам Лиги сво-

боду применения репрессий. Эти репрессии зависели от воли представителей великих держав и стоявших за их спиной поставщиков оружия – компаний *Виккерса* и *Кэртис-Райт экспортс*. А эти компании были заинтересованы в поставках оружия в зону конфликта

Члены Лиги Наций

Австралия	Греция
Австрия (принята в 1920, аннексирована Германией в 1938)	Дания
Албания (принята в 1920, аннексирована Италией в 1939)	Доминиканская Республика (принята в 1924)
Аргентина	Египет (принят в 1937)
Афганистан (принят в 1934)	Индия
Бельгия	Ирак (принят в 1932)
Болгария (принята в 1920)	Ирландия (принята в 1923)
Боливия	Испания (вышла в 1939)
Бразилия (вышла в 1926)	Италия (вышла в 1937)
Венгрия (принята в 1922, вышла в 1939)	Канада
Венесуэла (вышла в 1938)	Китай
Гаити (вышла в 1942)	Колумбия
Гватемала (вышла в 1936)	Коста-Рика (принята в 1920, вышла в 1925)
Германия (принята в 1926, вышла в 1933)	Куба
Гондурас (вышел в 1936)	Латвия (принята в 1921)
	Либерия

Литва (принята в 1921)	Ирландия
Люксембург (принят в 1920)	Союз Советских Социалистических Республик (принят в 1934, исключен в 1939)
Мексика (принята в 1931)	Турция (принята в 1932)
Нидерланды	Уругвай
Никарагуа (вышла в 1936)	Финляндия (принята в 1920)
Новая Зеландия	Франция
Норвегия	Чехословакия
Панама	Чили (вышла в 1938)
Парагвай (вышел в 1935)	Швейцария
Персия (Иран)	Швеция
Перу (вышла в 1939)	Эквадор (принят в 1934)
Польша	Эстония (принята в 1921)
Португалия	Эфиопия (принята в 1923)
Румыния (вышла в 1940)	Югославия
Сальвадор (вышел в 1937)	Южно-Африканский Союз
Сиама (Таиланд)	Япония (вышла в 1933)
Соединенное Королевство Великобритании и Северной	

К началу февраля 1935 года делегация Лиги Наций окончательно утратила свой авторитет в глазах парагвайского общества, которое окончательно разочаровалось в её объективности и главенстве международного права. Под его давлением официальный Асунсьон отказался передавать разрешение спора в Международный суд. 24 февраля 1935 года Парагвай официально вышел из Лиги Наций, отказавшись от ее посредничества. По уставу Лиги процедура выхода из нее занимала два года, но Асунсьон прервал свое членство немедленно. Сразу после этого и в связи с игнорированием миротворческих предложений и авторитета Лиги Парагвай был объявлен агрессором. За введение против него экономических санкций выступили Франция, Великобритания, СССР, Эквадор и Венесуэла. Уругвай настаивал на применение санкций к участникам войны.



ПАРАГВАЙ НА АМЕРИКАНСКОЙ КАРТЕ 1935 ГОДА

8. Война за пустыню.

Ирендага: поражение кавалерийского корпуса. Ибибобо. Атака Вилья-Монтес.

Несмотря на имевшееся всего распоряжении значительное количество техники и вооружения кавалерийский корпус Д.Торо к концу ноября снизил свою боевую активность. После многих дней непрерывной борьбы в дебрях северного Чако в условиях изнуряющей жары его солдаты выдохлись. Люди нуждались в отдыхе, а техника в ремонте. В очередной раз потеснив корпус Р.Франко, который незадолго перед этим занял *фортин* Ла Файе, кавалеристы достигли Пикуибы, где остановились, растянувшись по фронту на 42 километра. После отстранения Д. Саламанки их командир с головой окунулся в политические интриги. Полковник Д.Торо на фронте отсутствовал, постоянно разъезжая между штабом армии и столицей. Он требовал от командиров своих дивизий активизации боевых действий, однако они, ссылаясь на недостаток воды и резервов, игнорировали его распоряжения. Лето 1934-35 годов оказалось очень жарким и сухим. Вода становилась первой необходимостью для обеих противостоящих армий. Кавалерийский корпус получал ее из вырытых парагвайцами колодцев у Ирендаги, которая была занята 9 ноября. Однако её не хватало: вместо необходимых 102 тысяч литров воды в день войска кавалерийского корпуса получали из всех пяти скважин Ирендаги только 71 тысячу. Таким образом, каждый солдат Д. Торо получал в день примерно 7 литров воды вместо необходимых 10. Все это сказывалось на боеспособности войск. Не лучше обстояли дела в войсках полковника Р.Франко, который был вынужден поставить все свои 25 грузовиков на подвоз воды к Ла Файе.

Д.Торо прекрасно понимал уязвимость своей позиции и готовился к новому наступлению. Благодаря активному участию в смещении Д.Саламанки, он оказывал решающее влияние на Э.Пеньяранду. Благодаря этому, хитрому полковнику удалось увеличить свои силы. В состав корпуса была передана 7 пехотная дивизией из состава II корпуса и пехотные полки *Чорлоки* и *Монтес* из 3 пехотной дивизии. Получив подкрепление, Д.Торо продолжил наступление и 20 ноября легко взял Пикуибу. Чилийский офицер Аквилес Вергара Вилунья, состоявший волонтером в боливийской армии, считал оставление 6 парагвайской дивизией важный пункт было отвлекающим маневром противника.

Несмотря на полученное подкрепление и контрнаступление позиции кавалерийского корпуса были сильно растянуты. Положение усугубилось малочисленностью полков, растерявших своих бойцов в сражениях. Так, в 1-й кавалерийской дивизии насчитывалось 2264 человек. Она состояла из 3 и 4 кавалерийских полков *Чукисака* и *Ингави*, батареи Монхе. 2 кавалерийская дивизия была более многочисленной: в ней насчитывалось 4887 человек в составе 1, 5, 6 и 7 кавалерийских полков *Абароа*, *Ланса*, *Кастрильо* и *Чичас*. Из них на фронте находились три полка, а *Чичас* составили частный резерв на направлении к Ирендаге. Каждый из полков насчитывал от 1000 до 1125 солдат и офицеров. Исключение составлял *Кастрильо*: он меньше всего пострадал в предыдущей кампании и имел 1610 человек личного состава. Единственная на фронте батарея Монхе имела только 137 артиллеристов, вооружённых горными пушками. Позиции кавалерийских дивизий разделяла прикрытая патрулями восьмикилометровая *каньяда*, защита которой была возложена на 7 дивизию численностью 3343 солдат и офицеров, которой командовал майор Роберто Айороа. В неё входили 16 и 18 пехотный полки *Хордан* и *Монтес*, в которых было 1764 и 1579 солдат, соответственно. Всего в составе корпуса было 12318 солдат и офицеров, представлявших цвет боливийской армии.



Чако-Бореаль. Типичный пейзаж

В начале декабря выяснилось, что сложилось катастрофическое положение на правом фланге: II корпус Р. Бильбао Риохи под давлением превосходящих сил I парагвайского корпуса отходили к Карандаити в направлении на Санта Фе. Военные корреспонденты с каждым днём отмечали ухудшение положения на этом участке. Для парирования этой угрозы штаб корпуса имел в Карандаити 7 кавалерийский полк, разведывательный эскадрон и батарею Кирогги общей численностью в 1824 солдат и офицеров. Эта угроза заставила отложить атаку Ла Файе и начать переброску 7 дивизии на запад.

6 декабря солдаты 3 дивизии должны были покинуть позиции у *каньяды*. Через два их должен был занять 18 пехотный полк, выдвигаемый из резерва, а пока этот район должен был прикрываться патрулями 3 кавалерийского полка. Ирендагу защищал небольшой гарнизон под командой Вильярреала Её значение прекрасно осознавалось штабо Д.Торо: в случае потери колодцев, он должен был бы отступить далеко на север. Поэтому сюда планировалось выдвинуть резервный 7 кавалерийский полк. Информация о передвижении войск и старших офицеров противника предоставили Х.Ф.Эстигаррибии и Рафаэлю Франко уникальную возможность провести операцию по захвату Ирендаги. В Ла Файе были спешно переброшены 8 (из III корпуса) пехотная дивизия и маршевые подкрепления общей численностью в 5500 солдат. Их передвижение было выявлено боливийским командованием: 5 декабря генерал Э.Пеньяранда лично направил полковнику Д.Торо депешу, в которой сообщалось, что противник явно отозвал войска из сектора Пилькомайо.

Парагвайское командование прекрасно понимало роль кавалерийского корпуса и считало необходимым уничтожить его любой ценой. Вечером 3 декабря командир II корпуса полковник Р.Франко издал приказ №97 о переходе в наступление. В нём должны были принять участие 12000 солдат четырех (дивизий). 1 кавалерийская дивизия под командованием включала 2 и 4 кавалерийские полки *Толедо* и *Ака Карайя*, а также 3 пехотный полк *Корралес*. Это был цвет парагвайской армии. 6 пехотная дивизия майора Антолы вынесла на своих плечах всю тяжесть предыдущей компании. Она имела в своём составе 2, 5 и 8 пехотные полки *Итороро*, *Генерал Диас* и *Пиребубуй*, а также 3 артиллерийскую группу *полк. Эрмоса*. Резервная дивизия, получившая в ходе наступления порядковый номер 9, состояла из 1 и 7 кавалерийских *Валуа-Риварола* и *Сан-Мартин*, 15 пехотного *Ломас Валентинас* и 4 инженерного полков *Акибадан*. Главный удар был возложен на 8 дивизию полковника Э. Гарая, получившую новое, трофейное оружие, захваченное у *Эль Кармен*. В её состав входили 16 и 18 пехотные полки *Маршал Лопес*, *Питиантута* и батальон *Куарента* общей численностью 2700 солдат и офицеров. Они должны была пройти *каньяду* во время смены войск противника и после 50-кило-

метрового броска овладеть Ирендагой и ее колодцами. 6 и резервная дивизии должны были сковать обе кавалерийские дивизии на восточном фланге корпуса, а 1 кавалерийская дивизия – 7 пехотную дивизию противника на западном. *Каньяду* должен был прикрывать 3 кавалерийский полк. После захвата Ирендаги Э.Гарай должен был окопаться и удерживать позиции до подхода главных сил корпуса Р. Франко. Этот план мог бы считаться авантюрным, если боливийскому командованию удалось отстоять Ирендагу, однако парагвайское командование обладало точной информацией о противнике. Кроме того, разведке стало известно, что по утрам почти весь автопарк кавалерийского корпуса загружается в Ирендаге водой. Учитывая, что за всю весну в этом районе не выпало ни единого дождя, этот фактор становился решающим. Захват Ирендаги и отсутствие воды должны были привести к быстрой капитуляции боливийских солдат на Пикуибе. 4 декабря Р.Франко прибыл в штаб 8 дивизии и ещё раз обсудил с Э.Гараем поставленную перед ним задачу.



События в Каса Стадт сказались на проявлении абсентеизма среди командования корпуса. Так случилось, что командиры всех трёх боливийских дивизий последовали примеру своего непосредственного начальника и оказались в глубоком тылу. По-видимому, интриги Д.Торо и позиция генерала Э.Пеньяранды за контроль над военным командованием породило у них желание быть поближе к месту событий в надежде получить чины и повышения. Их самоуспокоение подкреплялось сводками из полевого штаба, в котором утверждалось, что противостоящие кавалерийскому корпусу 6 и резервная парагвайские дивизии обескровлены в предыдущих боях за Альгодонал. Эти данные соответствовали истине: солдаты майора Антолы имели все признаки физического и морального истощения. Опираясь на эти данные, Д.Торо стал готовить атаку Ла Файе – следующей группы колодцев, расположенной к югу от Пикуибы. В перспективе он хотел нанести удар на Камачо и глубоко охватить парагвайские корпуса, оперировавшие в долине Пилькомайо. В первых числах декабря он пригласил А.Родригеса и Г.Буша в Карандайти на совещание высших офицеров своего корпуса. Таким образом, 7 декабря единственным старшим боливийским офицером на фронте оказался начальник штаба

2 кавалерийской дивизии подполковник Феликс Табера. Таким образом, перегруппировка сил вдоль фронта корпуса оказалась практически бесконтрольной, что и послужило причиной катастрофы.

5 декабря дивизия Гарая выдвинулась в район Альваренги и изготовилась в ожидании приказа на марш. Перед выступлением каждый из её бойцов получил двухдневный паек и дополнительный боекомплект. Парагвайская радиоразведка своевременно получила информацию о положении в кавалерийском корпусе. Ей помогло то обстоятельство, что, находясь в Карандаити, за 160 километров от линии фронта, Д.Торо посылал приказы своим войскам самолетами, которые сбрасывали вымпелы в расположение штабов. Один из них подобрали парагвайские *герильерос* и доставили его в штаб Р.Франко. Получив необходимую информацию, командир корпуса распорядился начать операцию.

В полночь с 6 на 7 декабря солдаты 8 дивизии выступили из Альваренги на Ирендагу. Они шли быстрыми переходами, делая часовые привалы для отдыха. Во время одного из них авангардный батальон *Куарента*, при котором находился командир дивизии, чудом разминулся с арьергардом 7 боливийской дивизии. Хотя противники находились друг от друга всего в пяти километров, противники не заметили друг друга.

В предрассветной мгле она незаметно проскочила *каньяду*, разделяющую 1 и 2 кавалерийские дивизии противника. Следом в *каньяду* вошёл 3 боливийский кавалерийский полк. Его задача заключалась в том, чтобы до подхода подкреплений прикрыть *каньяду* от возможной инфильтрации разведывательных подразделений противника. Как позже выяснилось из штабных документов, парагвайцы точно угадали момент смены частей: именно в ночь с 7 на 8 декабря *каньяда* уже не патрулировалась солдатами 7 дивизии. Утром 7 декабря началась общая демонстративная атака остальных парагвайских дивизий. Особую роль Р.Франко отвёл 7 и 15 пехотным полкам резервной дивизии. Они должны были надавить на левый фланг 2 кавалерийской дивизии, чтобы отвлечь внимание противника от *каньяды*, где прошли солдаты Гарая. Их действия были настолько активны, что подполковник Ф.Табера принял его за генеральное наступление и запросил помощь. Удивленный активностью «разбитого» противника, Д.Торо приказал направить прикрывавший Ирендагу 7 кавалерийский полк *Чичас* к Пикуйбе. Пока на фронте II корпуса шли бои, колонна Э.Гарая скрытно продолжила свой марш. После первых тридцати километров марша по плотному грунту начались пески, замедлявшие движение. В 16:00 её авангардный батальон *Куарента* захватил два грузовика саперов 7 дивизии с продовольствием и водой. Их водители не ожидали появления противника в глубоком тылу, бросили машины и сбежали. Поскольку им удалось ускользнуть, Э. Гарай стал опасаться, что его движение будет вскрыто противником. Он отменил часовой привал и ускорил темп марша.



В 21:45: патруль 18 боливийского пехотного полка натолкнулся на следы парагвайских колонн, прошедших *канъяду* накануне. Его командир сообщил в штаб, что обнаружил следы «примерно батальона» противника, ведущие в направлении на север. Ф.Табера придал важное значение этому сообщению и распорядился разместить две засады вдоль пути, по которому двигалась колонна Э.Гарая в надежде перехватить противника. Д.Торо спросил мнения майора Айоры по этому поводу. Командир дивизии предположил, что это частная операция противника по окружению 3 кавалерийского полка, и посоветовал не придавать значения. Тем временем, к подполковнику Ф.Табере доставили пленного парагвайского офицера, случайно захваченного патрулем. Он сообщил, что на рассвете 8 декабря позиции кавалерийского корпуса будут атакованы по всему фронту пятью полками II корпуса. Подполковник отправил срочную депешу коменданту Ирендаги капитану Вильярреалу и поручил ему срочно известить Д.Торо о появлении свежих сил противника в районе Пикуйбы.

8 декабря в 3:00 авангардный батальон *Куарента*, командиром которого был майор Н.Ширков, атаковал расположенный к югу от Ирендаги корпусной госпиталь. После короткого обстрела начальник госпиталя доктор Эрнан Наварро быстро сдал своих подопечных в плен. Быстрый марш и неравномерное питание вызвали у многих солдат Э.Гарая колики, поэтому врачи 8 дивизии позаимствовали в захваченном госпитале необходимые лекарства. Комендант Ирендаги капитан Вильярреаль быстро установил, что госпиталь Э.Наварро захвачен противником и срочно сообщил Ф.Табере о появлении исчезнувшего парагвайского батальона. Он считал возможным удержать Ирендагу и просил прислать на помощь 7 кавалерийский полк. Ф. Табера, ожидавший атаки с фронта, полка не выслал, а рекомендовал запросить помощь в Курупаити, гарнизон которого насчитывал до 1500 солдат. Правда, он немедленно доложил обстановку Д.Торо и предложил отвести войска на запасную позицию у Эль Круса, расположенного в 30 километрах к северу от Пикуйбы. В 3:00 штаб корпуса приказал 7 кавалерийскому полку немедленно следовать к Ирендаге, а через час дал согласие на отвод войск к Эль Крузу. По его диспозиции первыми должны были выступить 1 кавалерийская и 7 пехотная дивизии, оставив 2 кавалерийскую в арьергарде.

Гарнизон Ирендаги, состоял из 130 солдат, однако боеприпасов хватало только для 60% из них. Солдаты Вильярреала, занимал легкие фортификационные укрепления, построенные еще парагвайцами. Во время боев за Альгодонал они были усилены боливийскими саперами системой траншей. Несмотря на это ночная атака батальона *Куарента* была отражена защитниками фортина. Э. Гарай прибыл с основной колонной дивизии только через несколько часов. Он сразу выдвинул свои полки для охвата флангов противника. Атака была назначена на рассвете, но ход событий ускорил ее начало. Неожиданно на территории фортина стали раздаваться взрывы: Вильярреаль выяснил численность *патапилас* и больше не надеялся удержать Ирендагу до подхода 7 кавалерийского полка. Поэтому по его приказу сапёры стали уничтожать склады и взрывать колодцы. Опасаясь за их судьбу, Э.Гарай немедленно приказал атаковать. Имея пятнадцатикратное превосходство в силах, парагвайцы смяли штыковой атакой немногочисленных защитников и овладели *фортином*. На рассвете 8 декабря укрепления и колодцы Ирендаги были захвачены. Кроме этого в руки Э.Гарая попал почти весь автомобильный парк кавалерийского корпуса: по ночам машины заправлялись водой. Среди трофеев и пленных победители обнаружили несколько десятков своих соотечественников, обслуживавших колодцы. Этот инженерный взвод был оставлен в Ирендаге и попал в плен во время отступления. Не имея под рукой собственных специалистов, боливийцы опрометчиво оставили пленных обслуживать колодцы. Именно они воспрепятствовали их уничтожению Вильярреалем. Единственное, что удалось сделать коменданту, это отослать грузовики корпуса в Альгодонал.

С занятием Ирендаги прямая связь между частями корпуса и его штабом была потеряна. Эль Крус соединяла с тылом дорога, шедшая через фортин 27 ноября, но она была вдвое длиннее. 8 декабря в 8:00 2 артиллерийская группа 2 кавалерийской дивизии начала сниматься со своих позиций и отступать вслед за частями 1 кавалерийской и 7 дивизий. Через полчаса за ней последовали основные силы Ф.Таберы. К 9:00 на позициях у Пикуибы оставались только арьергардные эскадроны кавалерийских полков 2 дивизии. Затем они также снялись с позиций, оставив на месте эскадрон 6 кавалерийского полка. Вскоре и он ушел с Пикуибы, взорвав укрепления и предав огню оставленные на месте склады. Частям кавалерийского корпуса предстояло 30-километровый марш на Эль Крус по пыльной дороге. Перед выступлением солдаты не получили воду и суточный рацион, который был захвачен Э.Гараем в Ирендаге. Вскоре выяснилось, что дорога на север забита перемешавшимися во время отступления частями кавалерийского корпуса. Это произошло потому, что командование каждой из дивизий корпуса самостоятельно назначало маршрут движения своим частям. Образовалась пробка, многие полки потеряли управление. По пути этой плохо управляемой массы на север ее настигло сообщение, что Ирендага в руках противника. В тыловых частях и штабах началась паника.

Тем временем, Ф.Табера, назначенный Д.Торо, командующим группой войск в Эль Кресе пробовал, опираясь на 7 кавалерийский полк организовать сопротивление. В 11:00 в Эль Крус прилетел самолет, который сбросил вымпел с приказом из штаба корпуса овладеть Ирендагой силами 1 кавалерийской и 7 дивизий. Двум полкам 3 пехотной дивизии предписывалось укреплять Эль Крус, куда должна была оттянуться арьергардная 2 кавалерийская дивизия. Доставку воды и бензина планировалось обеспечить через фортин 27 ноября. Туда же выехали отсутствующие командиры дивизий Кирого и Ривас. Д.Торо остался в Каарандаити «в виду плохого здоровья». Понимая, что если с ходу взять Ирендагу не удастся, то погибнет весь корпус, Ф.Табера не выполнил приказ Д.Торо и продолжил отступление в направлении на *фортин* 27 ноября. К этому времени большая часть 7 дивизии выскользнула из парагвайского кольца на запад и заняла позиции у Альгодонала. На ее помощь рассчитывать не приходилось, поскольку уже nasledующий день она оказалась под давлением 1 парагвайской дивизии. В 17:00 основные силы обеих кавалерийских дивизий достигли Эль Круса. При проверке выяснилось, что большинство солдат не имеют оружия или боеприпасов. В ночь на 9 декабря дезорганизован-

ные полки обеих кавалерийских дивизий начали 57-километровый марш. Преследовавшие их части 6 и резервной дивизий атаковали Эль Крус в 4:00 и легко выбили ослабленных жаждой солдат арьергарда. Однако они допустили ошибку: предположив, что противник отступает на Ирендагу. Обе дивизии двинулись на соединение с солдатами Гарая. Ошибка, выяснилась только через несколько часов, когда моторизованные патрули главных сил II корпуса проскочили до позиций 8 дивизии и не нашли ни одного солдата противника. Только вечером командованию II парагвайского корпуса удалось выяснить куда делась основная часть отступающего кавалерийского корпуса только вечером. 9 декабря в 5:00 2 саперный полк *Ген. Генес*, составлявший резерв корпуса, погрузился на грузовики двинулся на 27 ноября, преследуя отступавшего противника.

Колонна Ф.Таберы встретила обещанные Д.Торо 12 грузовиков с водой и продовольствием в двадцати километрах от *фортина 27 ноября*. Они завязли в сухом песке и не могли двигаться дальше. К этому времени корпус представлял собой дезорганизованную толпу, одуревших от жары, голода и жажды людей. С большим трудом офицерам удалось восстановить порядок и организовать раздачу воды и продовольствия. К вечеру 9 декабря Ф.Табера организовал из дошедших до *фортина* солдат кавалерийского корпуса подобие воинского соединения. По приказу Э.Пеньяранды он был назначен командиром боевой группы 2 кавалерийской дивизии и имел задачу удержать *фортин 27 ноября* любой ценой. Утром 10 декабря со стороны *Ингави* к *фортину* подошел 14 парагвайский пехотный полк *Серро Кора*. Он остановился на его подступах, ожидая выдвижения 2 саперного полка. Он перемещался на сорока грузовиках по маршруту Эль Крус – *фортин 27 ноября*. Его командир капитан Ларосса был потрясен видом погибших или умирающих от жажды солдат противника. Достигнув отметки 31 километр, он не выдержал и приказал передать грузовики для эвакуации боливийцев в тыл, а сам повёл свою часть пешим порядком. Его решение спасло несколько сотен жизней, но снизил темп наступления. Этот человеческий поступок стал достоянием гласности, благодаря тому, что в это время в Чако пребывала делегация Лиги Наций. Её члены были настолько тронуты поступком капитана, что широко освещали его рыцарский поступок. По-видимому, только это спасло его от военно-полевого суда, поскольку сапёры 2 полка достигли *фортин 27 ноября* только вечером 11 декабря.



Эвакуация пленных боливийцев

Следующей ночью прошёл дождь, который восстановил силы боливийцев, засевших в *фортине* 27 ноября, и они оказали отчаянное сопротивление. Целый день они удерживали *фортин*, позволяя эвакуировать склады и раненых. В конце дня они оставили свои и отошли в направлении Санта-Фе. На этом активная фаза боёв под Ирендагой закончилась. Во второй половине декабря полковник Д.Торо отвёл свои войска за реку Парापители и занял оборону на её западном берегу. За четыре дня операции его кавалерийский корпус потерял убитыми, ранеными и пленными 2384 из 7727 солдат и 60% вооружения, числившихся в нём на 7 декабря, включая 35 бронированных грузовиков и 800 ящиков с артиллерийскими снарядами. Из общего числа потерь 1-я кавалерийская дивизия недосчиталась 654 человек личного состава, 2-я – 651, а 7-я – 601. Сражение у Ирендаги на некоторое время вывела из борьбы лучшее соединение боливийской армии. Отступающие кавалеристы бросили на произвол судьбы своих соратников из 3 и 7 дивизий, которые были вынуждены отступать на запад в таких же условиях. Однако в отличие от элитных частей корпуса большинство солдат этих соединений уцелели и вскоре приняли участие в новых боях. Наиболее примечательным является тот факт, что среди 3000 пленным, захваченных парагвайцами в сражении у Ирендаги не было ни одного офицера: они либо погибли в бою, либо бежали, бросив своих солдат. Всего за время боевых действий на севере Чако с августа по декабрь 1934 года 2 корпусом в качестве трофеев были захвачены 200 автомобилей, 60 миномётов и 10000 выстрелов к ним, 79 станковых и 498 ручных пулемётов, 590 пистолетов-пулемётов и 11200 новеньких чешских винтовок.

Причиной поражения лучшего боливийского корпуса стала безответственность старших офицеров, которые увлеклись политическими интригами и в момент кризиса оказались вдали от вверенных им частей, а их заместители не оказались компетентны и решительны. Более того, когда выяснилось катастрофическое положение войск, командиры решили спасти свои части по одиночке, бросив своих менее выносливых соратников из пехотных частей на произвол

судьбы. Ещё больше хаоса внёс в командование полковник Д.Торо, пытавшийся руководить подразделениями с расстояния в 160 километров. Несмотря на то, что истинным виновником был этот политикан-полковник, генерал Э.Пеньяранда пошёл на поводу у своего начальника штаба полковника А.Родригеса и возложил вину за поражение на командиров дивизий.



Несмотря на это в офицерском корпусе имелось чёткое представление о роли Д.Торо в катастрофе и резко понизило его авторитет. Офицеры 8 дивизии даже бросили жребий кому вызвать полковника на дуэль. Он достался лейтенанту Гуалберто Виляроелю, но по какой-то причине не был реализован. Битва под Ирендагой показала слабую связь между командирами отдельных боливийских подразделений и их солдатами, которые быстро теряли дисциплину и впадали в панику, несмотря на то, что многие из них имели солидный военный опыт. Несогласованной оказалась работа штабов дивизий, допустивших создание пробки по дороге от Пикуибы к Эль Крузу, а также одновременную концентрацию всего транспорта корпуса в Ирендаге. Однако самым главным промахом боливийского командования стало отсутствие оперативных резервов в тылу. При наличии хотя бы одного боеспособного соединения, например, 2 кавалерийской дивизии, можно было подготовить контрудар и разбить 8 дивизию Гарая на подходе к Ирендаге. Авантюристическое решение Р. Франко, поддержанное Х.Ф.Эстигаррибией, при наличии сильных резервов легко могло обернуться крупным поражением для Парагвая.

В ноябре-начале декабря безвозвратные потери боливийской армии составили свыше 12000 человек. Всего, по данным из Асунсьона, парагвайцы захватили в плен более 8000 человек, остальные 4000 погибли на пыльных дорогах северного Чако. В руки парагвайцев попало значительное количество автотранспорта и снаряжения: обессиленные от жажды солдаты бросали не только ружья, но и ремни, патронташи и даже пустые фляги. Единственным светлым пятном, завершившим бои у Ирендаги, было уничтожение двумя Хоками, одного из парагвай-

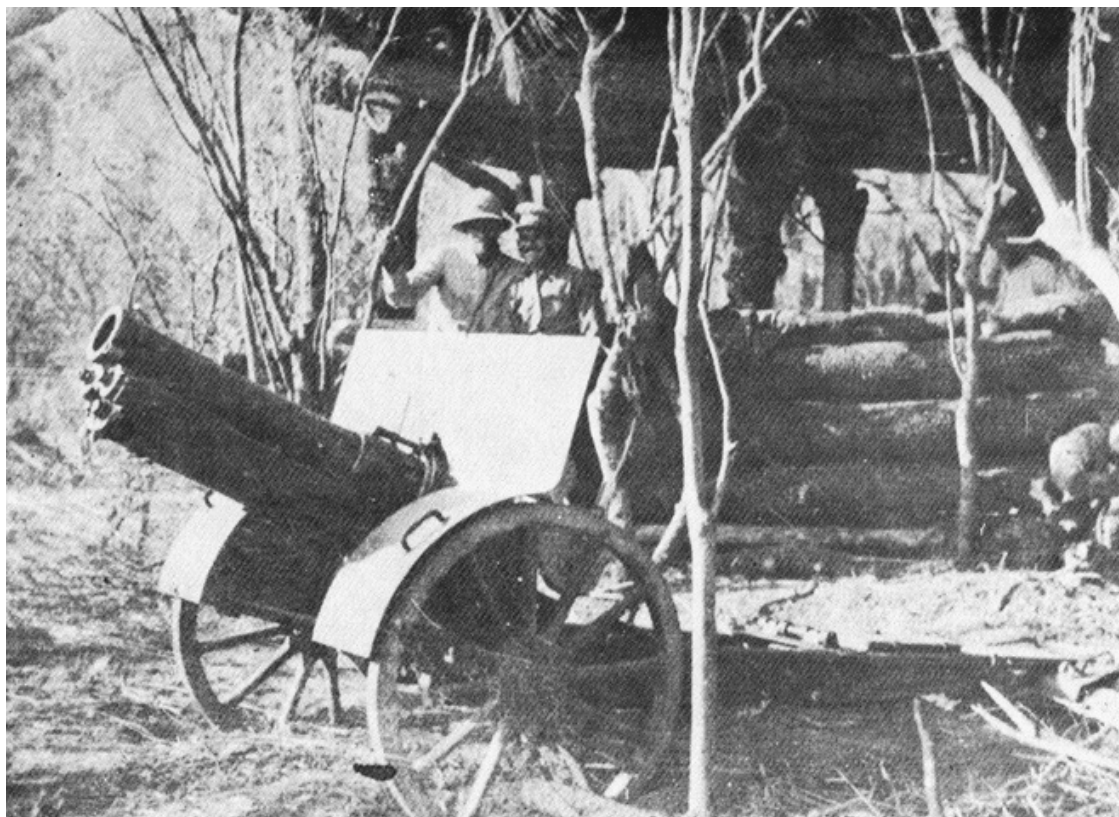
ских *Потезов*. Воздушный бой произошел 12 декабря, когда сопровождавшие *Юнкерсы*, боливийцы подверглись атаке одинокого *Потеза* с бортовым номером 13, пилотируемый Арсенио Васкиным. После непродолжительного боя парагвайский самолет загорелся, но экипажу удалось спастись. Этот бой был описан английским наемником Т.В. Смитом, пилотировавшим один из *Юнкерсов*. В тот же день парагвайские ПВО сбили над Вильей Монтес один *Сайклон Фалькон*, экипаж которого погиб. Таким образом, несмотря на явное качественное и количественное превосходство боливийской авиации ей не удалось добиться полного господства в воздухе. Потери сторон были примерно равны и, по мере их нарастания, количество боеготовых самолетов снижалось и, как следствие из этого, падала активность ВВС обоих противников.

После падения Ирендаги войска полковника Торо оказались разделены на две части:

– сохранившая боеспособность 7 пехотная дивизия и штаб корпуса с артиллерией отошли к Карандаити и сдерживала с фронта основные силы полковника Р.Франко, устремившиеся к захвату этого важного пункта.

– остатки обеих кавалерийских дивизий, которые из форта 27 ноября откатились к Парапиту. Когда эти соединения достигли реки, 1 кавалерийскую дивизию на грузовиках перебросили к Карандаити, а все боеспособные части 1, 5, 6 и 7 кавалерийских полков *Абароа*, *Ланса*, *Кастрильо* и *Чичас* и разведывательный эскадрон Германа Парада оставили для обороны реки. Полковник Луис Аньес, отвечавший за оборону сектора, сформировал оперативную группу пол начальством подполковника Таберы. В неё вошли 1 и 4 кавалерийские *Ингави* и *Абароа*, 18 и 20 пехотные *Хуниш* и *Кочабамба* полки, а также разведывательный эскадрон и резервный полк. Эти силы имели своей задачей не только удержать Санта-Фе, но и перейти в контрнаступление и освободить форты 27 ноября.

Для преследования остатков кавалерийских дивизий полковник Р. Франко направил отряд из 1100 солдат под командованием майора Басилио Кабальеро Ирала. В него вошли 14 пехотный полк *Серро-Кора* и 2 сапёрный полк *ген.Генес*. Его задачей было овладение пунктами Хуйрапитинди-Санта-Фе. Этот рейд являлся очередным авантюристическим решением полковника, поскольку группа Ирала не имела артиллерии и была слабо обеспечена боеприпасами и транспортом. Расчёт Р.Франко базировался исключительно дерзости операции, которая должна была ошеломить уставшего и павшего духом противника. Выступив 16 декабря из форта 27 ноября Ирала за три дня продвинулся на 70 километров и захватил в плен отставшие подразделения 18 боливийского пехотного полка *Хуниш*, включая их командира капитана Рауля Санта-Круз вместе с 19 солдатами. Войдя в соприкосновение с противником, майор Ирала выслал серию разведывательных партий, которые обнаружили, что группа Таберы занимает позиции в 20 километрах от Санта-Фе. Полоса обороны протянулась на 12 километров по фронту, что исключало какую-либо возможность её обхода.



Первый лейтенант А.Стресснер (слева) у орудия своей батареи

С выходом на Парапители для парагвайской армии открывался путь на север в провинцию Санта-Крус, которую защищал ослабленный III корпус противника. Однако движение через степи требовало поддержки местного населения. Тогда в Асунсьоне возник проект отторжения от Боливии всей провинции Санта Крус и создания там отдельного государственного образования. Парагвайские политики исходили из того, что *ориенталес* говорят на диалекте гуарани, а их интересы постоянно игнорируются *роской*, что привело несколько лет назад к крестьянскому восстанию. Действительно, в провинции Санта Крус имели место сепаратистские настроения, но они были приглушены пропагандой и силами безопасности Боливии. Тогда парагвайские политики сделали основную ставку на агитацию военнопленных-*ориенталес* и попытались привлечь к этому движению полковника К.Банцера, попавшего в плен у Кампо Виа, но он отказался. Хотя сепаратистская пропаганда имела определённый успех *ориенталес*, проект отделения провинции Санта-Крус оказался мертворождённым. Его не поддержали не только Перу и Чили, заинтересованные в том, чтобы Боливия обрела свой порт на реке Парагвай, но и Бразилия. Аргентинская разведка первоначально поддержала проект, приняв в нём деятельное участие, но затем быстро свернула свою помощь, выяснив дороговизну проекта. У самого Асунсьона не было собственных средств на поддержку сепаратистов, поэтому проект *Свободной Провинции Санта-Крус* к апрелю 1935 года совершенно заглох.

Разгромив войска противника в центре, Х.Ф.Эстигаррибия и его штаб решили не давать ему передышки. Расстроенные дивизии кавалерийского корпуса под давлением дивизий Р.Франко отступали на запад. Их солдаты уже третий раз шли по этому маршруту, пересекая пустынную местность между Пиикубой и Карандаити. 17 декабря парагвайская 6-я дивизия (ДП-6) вытеснила из Альгодонала разрозненные подразделения 1-й кавалерийской дивизии. Его было практически невозможно защитить вследствие обходных действий других парагвайских частей на севере и юге. Со следующего дня авангард II корпуса составила резервная

дивизия, наступавшая на Капиренду. Она продолжала преследование противника, пока II корпус подтягивал тылы и пополнял остальные дивизии. Накануне Рождества Франко перенёс свой штаб в Альгодонал и начал операцию по захвату Капиренды. Он разделил свои силы на 3 колонны: 8-я дивизия полковника Гарая должна была охватить противника с юга, перехватить дорогу на Капиренду и Мачарати и войти в соприкосновение с I корпусом. Центр занимала резервная дивизия, вышедшая на дальние подступы к Карандаити, где была остановлена возросшим сопротивлением противника. Для его преодоления она была подкреплена 3 артиллерийской группой *полк.Эрмоса*. 6 пехотная дивизия маневрировала к северу на дороге Ибамиранте-Ла-Виктория. Артиллерийская группа 3 (GA-3) была расположена за DRG. Эта операция с двойным охватом сил противника закончилась 23 декабря захватом Исипоренды, расположенной примерно в 25 км к северо-востоку от главной цели наступления. Боливийские войска выскользнули из подготовленного им мешка и отошли на запад, где заняли новые позиции. К ним постоянно прибывали новые подкрепления, увеличившие их численность до 30000 человек. В этих условиях II корпус оказался не в состоянии продолжать наступление. Чтобы продолжить активные операции, полковник Р.Франко должен сделать перерыв, подтянуть тылы и получить маршевые пополнения.

В конце декабря парагвайский фронт протянулся с юга на север и представлял собой выпуклую дугу, начинавшуюся у аргентинской границы на Пилькомайо и заканчивавшуюся в болотах верхнего Парагвая у бразильской границы. На крайнем юге этой дуги действовал III корпус полковника Дельгадо в составе 4 и 5 пехотных и 2 кавалерийской дивизий. Он продвигался вдоль правого берега Пилькомайо вверх по течению до тех пор, пока не упёрся в укрепления противника у Ибибобо. После этого штаб корпуса перебрался из Гуачаллы в местность под названием Эмпалме Виктория.

В секторе Эль-Кармен действовала 7 дивизия I парагвайского корпуса, состоявшая из 12 и 17 пехотных полков *Рубио Ну* и *Итаити Кора*. Они наступали в направлении *канъяды Оруро*, где закрепились остатки Резервного Корпуса. 1 дивизия корпуса К.Фернандеса наступала на Капиренду, но была остановлена в *Очо Позос* в 42 километрах к югу от своей цели. 2-я дивизия корпуса была выдвинута в промежуток между 1 и 7 дивизиями и совершала манёвр, чтобы охватить левый фланг I корпуса противника и овладеть Ибибобо ранее, чем там закрепиться противник. Ей это сделать не удалось. Наткнувшись на части II корпуса противника, она перешла к обороне.

Правый фланг I корпуса обеспечивала 8 пехотная дивизия из корпуса Р.Франко, наступавшая со стороны Ирендаги. Остальные его пехотные дивизии (6 и 9 пехотная) медленно продвигались в Карандаити, а 2 кавалерийская дивизия выдвинула свои передовые части к Парапити.

В секторе Ингави размещался отряд Мартинкича. Однако он был практически недееспособен вследствие эпидемии.

Баия Негра прикрывалась 3 пехотной дивизией, которая была укомплектована 20 и 21 пехотными полками *Ака Юаса* и *Умайта*, составленными из необстрелянных новобранцев, и речников из батальона *Ричуэльво*. В этом районе военные действия практически не велись, форты были разоружены, а все боеспособные подразделения были переброшены на фронт.

Таким образом, оперативная обстановка складывалась так, что наиболее удобным для нового наступления был сектор Пилькомайо, где действовали 4 и 9 дивизии I боливийского корпуса, командиром которого был полковник Э. Фриас. Отступив в предгорья Анд, его войска закрепились на новых позициях. 4-я дивизия заняла юго-восточный край реки Пилкомайо от *фортина д'Орбиньи*, расположенного на границе с Аргентиной, до Кабалло Намби. К ней примыкала 9 дивизия под командованием Хенаро Блакутта, развёрнутая фронтом на восток. Она состояла из 3 кавалерийского, 2 и 4 пехотных, а также 9 артиллерийской группы общей численностью в 2500 солдат и офицеров. Их позиции общей длиной в 18 километров проходили

по *серраньяс*– линии невысоких холмов, представлявших собой предгорья Анд. Они представляли собой цепь опорных пунктов, промежутки между которыми прикрывались патрулями и заставами. Так, между полками *Сукре* и *Лоа* существовал шестикилометровый разрыв. Далее к востоку располагались 8 дивизия II корпуса Бернандино Бильбао Риохи. У боливийского командования не было свободных резервов, чтобы усилить войска в секторе Пилькомайо, поскольку все наличные силы стягивались к Капиренде, на которую нацелилась 1 парагвайская дивизия 7 декабря её наступление было остановлено, но напряжение на фронте сохранялась, поскольку к позициям 8 дивизии II боливийского корпуса вышла 2 парагвайская дивизия. Для отражения её атаки Бильбао Риоха привлёк полки *Аякучо*, *Санта-Крус* и *Чорлоки*, а также некоторые подразделения *Лоа*.

Таким образом, полковник Х.Блакетт был предоставлен сам себе. 17 декабря 2 кавалерийский полк *Толедо* провёл демонстративную атаку на стыке 1 и 2 боливийских корпусов, обнаружив незащищённую брешь между ними, и саперы стали прорубать дорогу в обход позиций 9 дивизии. Работа шла медленно вследствие отсутствия материалов и транспорта. Боливийская авиаразведка почти сразу обнаружила работы, ведущиеся на фланге I корпуса. Однако, оперативный отдел штаба боливийской армии посчитал маловероятным наступление парагвайской армии на этом направлении из-за сильно пересеченной местности. Однако парагвайское командование посчитало иначе. Как только обходная тропа была закончена, командир III парагвайского корпуса полковник Н.Дельгадо решил провести частную операцию силами своего корпуса и разгромить 9 дивизию противника. Для этого он выделил части 2 кавалерийской и 5 пехотной дивизий под общим командованием майора Альфреда Рамоса. Охватывающую группу составили 2400 солдат 4, 5 и 7 кавалерийских *Ака Карайя*, *Ака Вера*, 7 и 13 пехотных *24 мая* и *Тушутти* полков. С фронта 9 дивизию должны были сковать остальные части корпуса – полторы тысячи солдат 6 пехотного *Бокерон* и 10 кавалерийских полков *полк.Овьедо*, усиленных разведывательным эскадром 5 дивизии. На 4 дивизию корпуса была возложена функции по сковыванию 4 дивизии противника.



Операция началась 28 декабря в 4:00 с неожиданного проникновения парагвайской кавалерии в тыл 9 дивизии. Под завесой дождя 5 кавалерийский полк *Ака Вера* майора Л. Гонса-

леса обошел с северо-запада вражеские позиции и вышел к берегу Пилькомайо. Следом за ним двинулся 4 кавалерийский полк *Ака Карайя* под командованием майора Ю. Бутлерова и пехотные полки *24 мая* и *Туцутти* майоров Фретеса и Андино. Тактическая внезапность привела к парализовала командование 9 дивизии. Не получая команды, солдаты ошарашено смотрели на неожиданно появившуюся парагвайскую конницу, которая атаковала их в конном строю. Более сотни из них бросились в воду, пытаясь переплыть Пилькомайо и достигнуть позиций 4 дивизии. Только после этого 4 пехотный полк *Лоа* при поддержке дивизионной артиллерии попыталась ликвидировать разрыв в обороне. Однако, часть артиллерии вместо того, чтобы поддержать атаку отошла с позиций, даже не сделав ни одного выстрела. Его атака была остановлена вовремя подошедшим полком *Туцутти* под командованием майора А.Фретеса.

В 17:00 всадники Л. Гонсалеса заняли восточный берег Пилькомайо и взяли полсотни пленных. Среди них оказался чилийский майор Мануэль Ирраваль Бенавенте. Он поступил на боливийскую службу в апреле 1934 года и исполнял обязанности начальника дивизионной артиллерии. Ночью майор Дельгадо перебросил в качестве подкрепления 6 пехотный полк *Бокерон* майора Л.Сантивиаджо. Вместе с ним прибыл 6 кавалерийский полк *Генерал Кабальеро* из состава 4 дивизии. Свежие части окончательно замкнули кольцо окружения, в которое попали штаб корпуса во главе с полковником К.Фриасом, кавалерийский полк *Арома*, большая часть пехотного полка *Сукре*, часть дивизионной артиллерии и разведывательный эскадрон дивизии. В первый день сражения парагвайцы потеряли только двух человек убитыми и двадцать два ранеными, в то время как их противник в десятки раз больше. Были захвачены большие трофеи, в том числе 11 грузовиков и 50 ящиков гранат.



Полковнику К.Фриасу энергичными мерами удалось навести порядок и организовать оборону. Полковник Х.Блакетт предпринял попытку оказать помощь и атаковал внешнее кольцо окружения у Пало Маракадо силами полка *Лоа* при поддержке дивизионной артиллерии. После того как атака сорвалась, он растерялся и утратил командование дивизией, вследствие чего парагвайцам удалось окружить вторую часть 2 пехотного полка. Окружение 9 дивизии вызвало хаос в тылу I корпуса, который продолжался до 31 декабря. Генерал Э.Пеньяранда направил из Вильи Монтес для деблокады 9 дивизии свежий пехотный полк, но быстрое течение перевернуло старую самоходную баржу, на которой находилось две сотни солдат. После того, как свыше сотни из них утонуло в стремнине Пилькомайо, командование отказалось от водного транспорта.

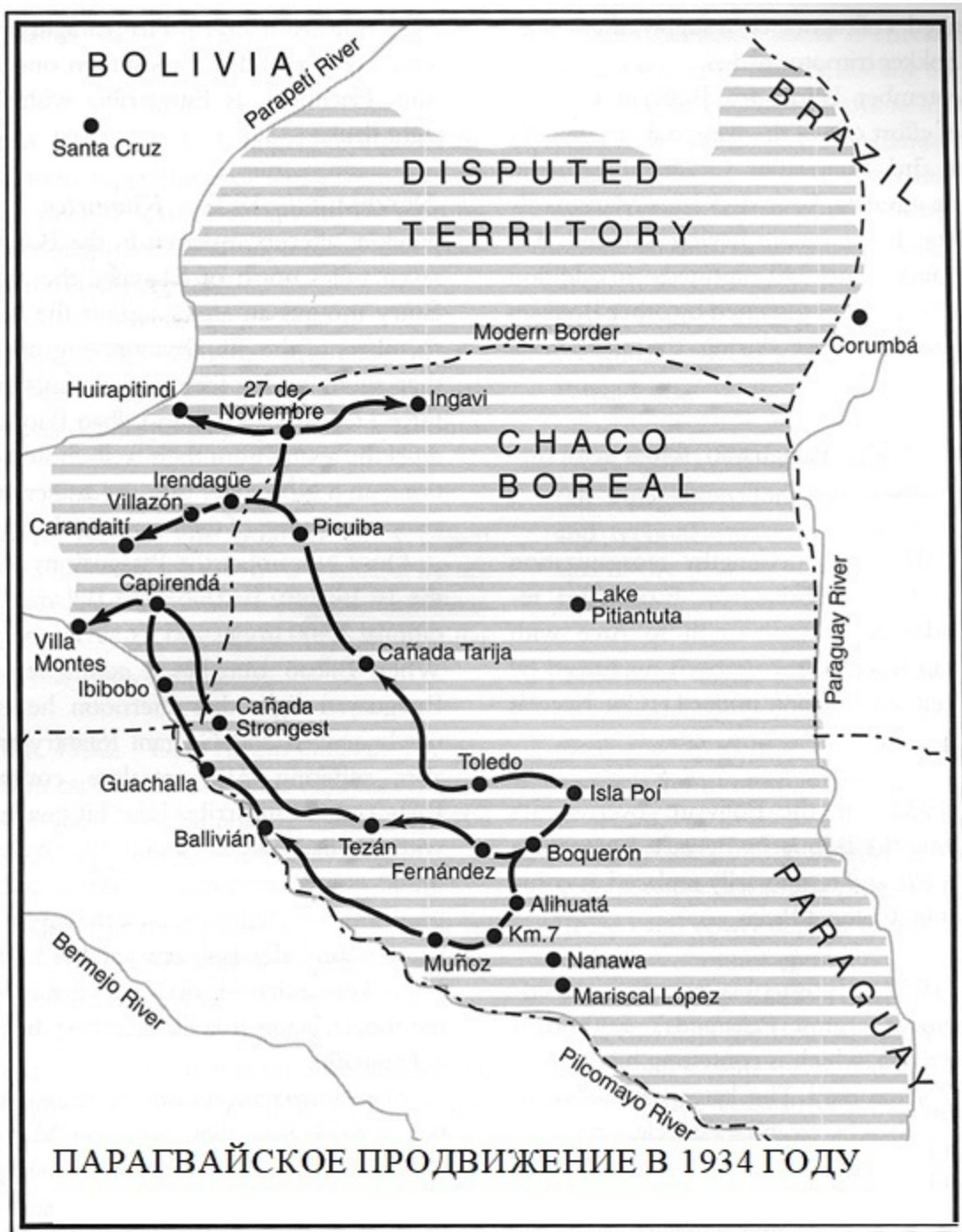
Когда у окруженных стало заканчиваться припасы полковник предпринял несколько попыток прорыва. Во время одной из них к своим удалось прорваться 280 всадникам 8 кавалерийского полка во главе с его командиром капитаном Э. Венде. Однако основной колонне, состоявшей из солдат 2 пехотного полка, этого не удалось, и она сдалась в плен. Помимо 28 пленных офицеров и 556 солдат в руки парагвайцев попали 7 станковых и 35 ручных пулемётов, 8 пистолетов-пулемётов и 637 винтовок и боеприпасы к ним. Тогда, собрав 600 солдат, полковник Фриас повёл их на прорыв в южном направлении через позиции 6 кавалерийского полка. Однако действия колонн оказались не согласованными, вследствие гибели штаба дивизии. Попав под огонь парагвайских пулеметов, полковник Фриас предпринял попытку прорваться сквозь огонь и поднял в гибельную атаку своих офицеров. Из атакующих мало кто уцелел, и только немногие солдаты 2 пехотного полка смогли прорваться через парагвайские позиции и вывести часть артиллерии дивизии. Сам полковник во время атаки пропал без вести. После гибели командира и его штаба оставшиеся в мешке части лишились централизованного управления и стали действовать по принципу «спасайся, кто может». Попытка их эвакуировать, используя паром, ходивший по Пилькомайо, не удалась: испугавшиеся обилия воды *колоко* перевернули единственное переправочное средство на середине реки.

В самый канун 1935 года деморализованными частями 9 дивизии капитулировали. В плен сдались 9 офицеров и 283 солдат. Их дух был настолько подорван неудачами: как выяснилось впоследствии, во время прорыва они потеряли только 200 человек убитыми и утонувшими. Парагвайские потери составили всего 60 человек: 20 убитых и 40 раненых. 3 января был закончен подсчёт трофеев, взятых III корпусом у Ибибобо. Согласно парагвайским источникам, они составили: 6 миномётов, 21 станковый и 75 ручных пулемётов, 25 пистолетов-пулемётов, 1600 винтовок с патронами, 2000 артиллерийских снарядов, 850 миномётных мин и 15 грузовиков. Боливийцы признали потерю только 29 человек из состава разведдивизиона, 668 человек из полка *Сукре* и 553 – из *Аромы*, т.е. 1250 человек. Из оружия они признали потерю только 4 миномётов, 12 станковых и 53 лёгких пулемётов, 1250 винтовок и 5 грузовиков. Вероятно, их данные ближе к истине.

После поражения у Ибибобо боливийское командование приказало I боливийскому корпусу эвакуировать фортин *дОрбиньи* и отвести свои войска к Вилье Монтес, оборону которой возглавил лично генерал Плачек. Тройное поражение у Эль Кармен, Ирендэге и Ибибобо существенно повлияло на характер войны. Крепко побитая, но не разбитая боливийская армия оказалась у порога собственного дома и готова была её защищать. Ее дислокация была следующей:

- I корпус прикрывал Вилью Монтес и противостоял III парагвайскому корпусу,
- II и резервный корпуса защищали Капиренду от атак I корпуса,
- кавалерийский корпус защищал линию реки Парापити от наступления корпуса Р.Франко,

– III корпус располагался в верховьях реки Парагвай, где ему противостояла 3 пехотная дивизия противника.



Часть
V
. Окончание войны.

1. Бои в предгорьях Анд.

Фронт в начале 1935 года. Северный берег Паракити. Оборона Вильи Монтес.

Боливийское военно-политическое руководство воспользовалось предоставленной природой и парагвайцами десятидневной передышкой. После Ибибобо президент Л. Техада Сорсано наконец сделал то, чего старался избежать его предшественник – объявил всеобщую мобилизацию. Его решение было поддержано *роской* и офицерским корпусом, который окончательно разочаровался в своем ставленнике – генерале Э.Пеньяранде. При полной поддержке общественности и военных президент Боливии отправил его в отставку. Несмотря на то, что Л. Техада Сорсано не имел серьезной политической базы, он оказался в эти кризисные дни центром, координирующим военные усилия страны. В частности, это отразилось на новых назначениях. Так начальником Генерального Штаба стал Д.Торо, поддерживаемый своей кликой, а I корпус возглавил один из наиболее компетентных боливийских офицеров – полковник Бернардино Бильбао Риоха.

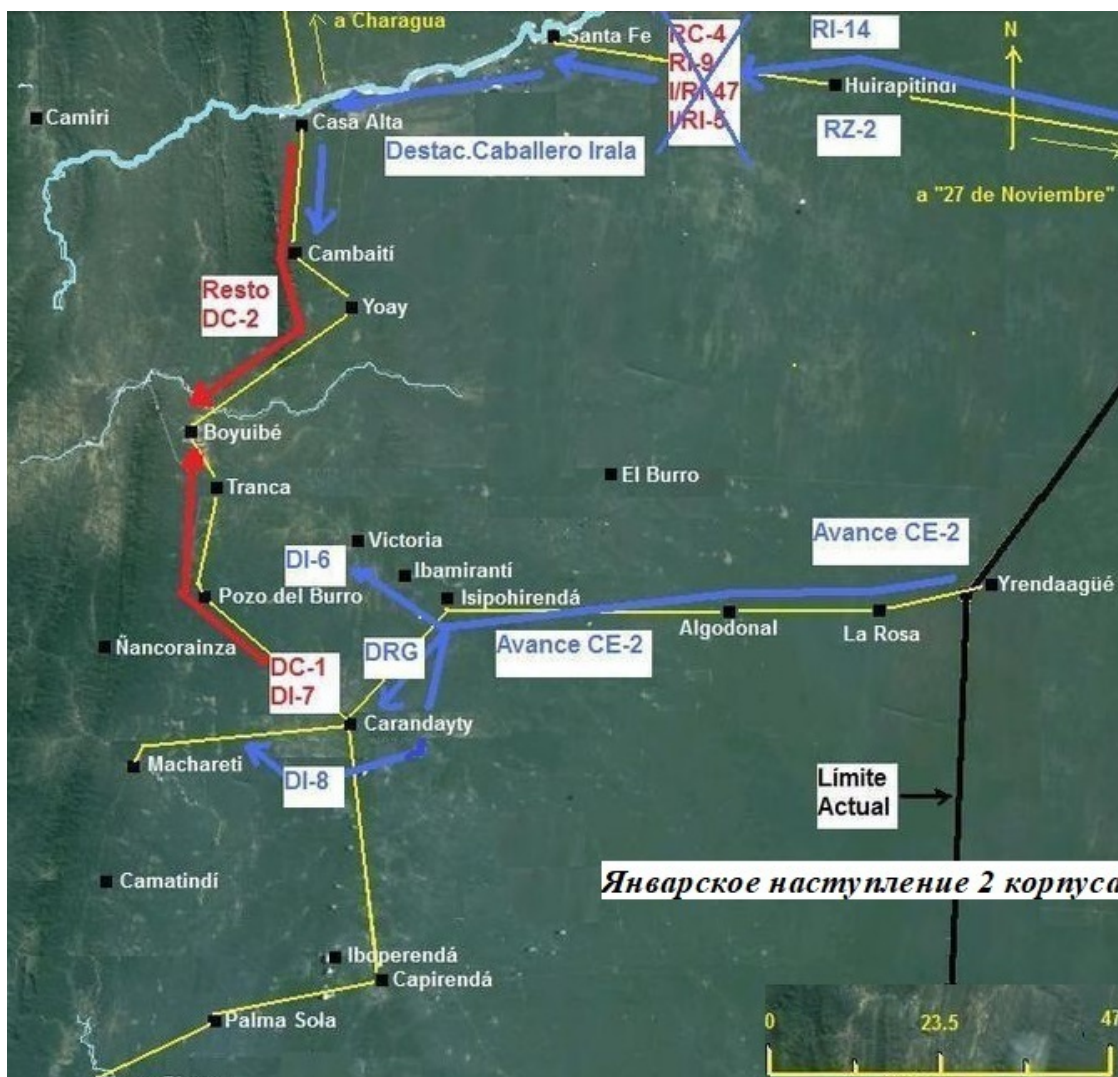
В состав его соединения входили 4 дивизии. 1 пехотная дивизия имела в своём составе 8 кавалерийский, 2 и 4 пехотные полки. Их поддерживала 1 артиллерийская группа. Всего в дивизии насчитывалось 4463 солдат и офицеров. 3 пехотная дивизия состояла из 16, 33 и 41 пехонных полков и 3 артиллерийской группы. Она имела в своём составе 4437 комбатантов. В 8 пехотную дивизию вошли 9 кавалерийский, 6 и 31 пехотные полки с 8 группой артиллерии. В их рядах насчитывалось 6514 человек. 2 кавалерийская дивизия состояла из 1 и 2 кавалерийских полков и конной группы Артеаги. Их поддерживала огнём 6 артиллерийская группа. Личный состав дивизии составил 4373 солдат и офицеров. Таким образом, вместе со штабом и интендантством корпуса (1000 человек) в распоряжении полковника Бильбао Риохи числилось 20787 человек.

Решающим фактором при распределении постов оказались личные амбиции Д.Торо, сделавшие его впоследствии совершенно неприемлемым кандидатом у *роски*. Его интриги и катастрофа кавалерийского корпуса привели к резкому снижению авторитета полковника в офицерской среде.

Несмотря на то, что командованию пришлось многое делать заново, энергичные меры позволили возродить боеспособность боливийской армии. В этом ему во многом помогла чешская военная миссия во главе с генералом Плачеком. К 10 января боевые соединения получили пополнение и достигли численности более 70000 солдат. Впервые с начала военных действий боливийцы численно превосходили войска противника. I армейский корпус, фактическое руководство которым было возложено на генерала Плачека, защищал район Вильи Монтес. Его правый фланг составила 4 пехотная дивизия, занимавшая правобережье Пилькомайо. Остатки 9 пехотной дивизии прикрывала левый берег этой реки в районе Гуаренды. К ней примыкала правифланговая (8 пехотная) дивизия II корпуса. Другая (3 пехотная) дивизия этого корпуса защищала Капиренду, на которую нацелился 1 парагвайский корпус в составе 1,2 и 7 пехотных дивизий. Её командир полковник А.Айороа смог во время битвы у Ирендаги сохранить костяк своего соединения и оказывал упорное сопротивление противнику, движение которого сильно замедлилось вследствие растянутости коммуникаций. Первую линию обороны, проходившую в двух-трёх километрах к востоку от Капиренды, занимали солдаты полков *Бени* и *Паракити*, а 33 полк *Чорлоки* развернулся позади городка на расстоянии 10 километров. Это была новая тактика, предложенная штабом кавалерийского корпуса, которая получила название «мобильная шахматная защита». По его задумке мобильные резервы, расположенные на удалении от передовой, должны были после выявления основных направлений атак противника быстро выдвинуться и его контратаковать на наиболее уязвимом участке.



2 января майор Ирала, у которого заканчивались продовольствие и бензин, очистил Санта Фе. Расположенные на реке Парापители части 2 кавалерийской дивизии вышли из соприкосновения противником и оказались предоставленными самим себе. По инициативе подполковника Ф. Таберы 4 кавалерийский полк *Ингави* переправился через Парапители и не встретив противника на южном берегу реки двинулся дальше и занял Санта-Фе. Следом за ним на южный берег был переброшен 18 пехотный полк *Хуни*. На следующее утро его авангард занял Хуирапитинди. Расположенные в этом районе войска были объединены под командованием подполковника Васкеса.



11 января части полковника Фернандеса атаковали боливийские позиции у Капиренды и окружили 47 полк. Контратаки, предпринятые 16 и 33 полками, оказался безуспешными. В результате *Парапиту* потерял 532 солдат, а дивизия оставила Капиренду и откатилась на 20 километров на запад – к селению Пальма Соле. . Только энергичные действия командира II корпуса генерала Куинтанильи помогли ей без больших потерь выскользнуть из окружения и отступить к Вилье-Монтес. Д.Торо и его штаб сделали виновником поражения командира 47 полка майора Рикардо Г.Монге. При этом они совершенно не учли, что тактика шахматной защиты совершенно не годится для необстрелянных подразделений. Падение Капиренды разорвало прямую связь между Вилья Монтес и Карандайти, сделав, по мнению нового начальника Генерального Штаба полковника Д.Торо, положение на фронте II корпуса «очень тревожным». Легко взяв город, полковник К.Фернандес разделил свои силы: он направил 7 пехотную дивизию преследовать солдат Айороа, 1 дивизия двинулась на Тапуку, а 2 дивизия выдвинулась к ранчо эль Мирадор, расположенному к юго-востоку от Капиренды. Здесь её продвижение остановила 8 боливийская дивизия под командованием полковника А.Ривольо. К северу от неё располагались пополненные до 9000 человек дивизии кавалерийского корпуса (1 кавалерийская и 7 пехотная), переименованные в отряд Карандайти. Они прикрывали реку Парапиту от Виктории до Куэво. Ближайшими частями к северу от них являлись 18 пехотный и 4 кавалерийский полки из группы подполковника Таберы. Они действовали к югу от реки Парапиту.

Оперативный резерв боливийского командования на этом направлении состоял из возрожденных пехотных дивизий резервного корпуса, получивших номера 11 и 12. Планы Э.Пеньяранды и его штаба на ближайшие месяцы были строго оборонительными.

Своей главной целью новый главнокомандующий считал восстановление боеспособности своих войск. Вместе с тем, он готовился к активному отражению парагвайского наступления. Так, с 10 января по распоряжению полковника Д.Торо из района Санта Фе начали выводиться части 2 кавалерийской дивизии. По приказу нового командира корпуса полковника Анзе они перебрасывались в Карандаити, удержанию которого боливийское командование придавало громадное оперативное значение. Подполковник Табера предупредил полковника об опасности, связанной с выполнением его приказа: для обороны Санта-Фе оставался отряд подполковника Донато Васкеса. Он уже предугадывал свою «мрачную судьбу»: в его распоряжении оставались разведывательный эскадрон Парада и сильно потрепанный полк *Хуни*. Анализируя группировку и действия противника боливийское командование и его чешские консультанты полагали, что главные операции развернутся у Вильи Монтес – основной базы снабжения боливийской армии на театре военных действий. Поэтому командующий Э.Пеньяранда сосредоточил большую часть боливийских войск в этом районе. На протяжении 150 километров от Пилькомайо до Сьерры Агуарагуе была сооружена сплошная линия полевых укреплений. Она была наиболее сильной вокруг Виллы Монтес, где на протяжении 20 километров были созданы: три линии траншей, защищенных колючей проволокой и рвами с кольями. Все три сектора обороны Вильи Монтес занимали 20000 солдат, имевших на вооружении 43 миномета, 167 станковых и 816 легких пулеметов.

Несмотря на материально-технические трудности, связанные с удалённостью базы снабжения, расположенной в 100 километрах к югу в *фортыне 27 ноября*, майору Ирале удалось пополнить запасы топлива и продовольствия, почти исчерпанные ко 2 января, когда он вступил в тесное соприкосновение с противником. Майору даже удалось пополнить ряды своих солдат за счёт раненых и создать небольшой запас боеприпасов. Ирала получил приказ Р.Франко атаковать Санта-Фе 15 января, несмотря на то, что обладал ограниченным количеством войск и отсутствием артиллерии. 14 января в одной из его засад был уничтожен грузовик с боеприпасами, предназначенных для артиллерии противника, испытывавшей недостаток боеприпасов. На следующее утро в 05:00, парагвайские войска атаковали южный фланг отряда Васкеса на нескольких участках и взломали оборону *Хуни*. Артиллерия противника сделала несколько выстрелов и замолчала: у неё закончились снаряды. Затем *патапилас* опрокинули резервы и ворвались на артиллерийские позиции группы. Узнав о начале атаки противника, Табера направил на помощь Васкесу все находившиеся в Каса-Альта части: кавалерийский полк *Ингави* и по батальону из состава пехотных полков *Камперо* и *Парапиту*. На следующий день солдаты Ирала охватили позиции 4 кавполка с тыла и окружили его штаб. 17 января в 4:00 попавшие в окружение кавалеристы капитулировали вместе с командиром полка майором Р.Меркадо. Кроме него в руки парагвайцев попали несколько офицеров и большинство солдат, а также два орудия и грузовики. Потерявшие управление подразделения *Ингави* покинули поле боя, перешли реку Парапиту за городом и были остановлены только в 20 километрах к западу от Санта-Фе. Батальону *Камперо* повезло несколько больше – он был рассеян и был вынужден отступать в горы, а солдаты из *Парапиту* отошли со своих позиций у 8 километра без боя. Их отступление повлекло общий отход, во время которого попал в плен временный командир 5 полка капитан У. Салинас. Отступавшие бежали через реку по мосту у Санта-Фе, а часть из них, побросав винтовки, переправлялись вплавь. Ф.Табере и его штабу удалось собрать несколько десятков солдат. Они подожгли склады, расположенные в Санта-Фе, и отошли на северный берег Парапиту вслед за бежавшими. По мере отступления к отряду присоединялись другие бойцы. В северной части моста им удалось организовать оборону, используя в боевой линии солдат тыловых частей. Вечером они подожгли мост и отступили на север.



Таким образом, 19 января боливийская оборона на южном берегу Парапители рухнула. По приказу штаба корпуса отряд Иралы разделился. Один полк двинулся на северо-запад в направлении Чарагуа, а другой – на юг, обходя боливийские позиции у Карандаити с севера. 23 января он занял Каса Альту и оказался в 37 километрах от Бойюбе. Боливийское командование посчитало этот манёвр противника чрезвычайно опасным и отдало приказ об оставлении Карандаити: оно не могло позволить потерять снова солдат и вооружение. 20 января генерал Куинтинилья отдал приказ об оставлении Карандаити. На протяжении трёх дней город покидали интендантские части, которые перебрасывались в район Бойюбе. За ней последовала артиллерия, расположившаяся на позиции в Итагура, где были выбраны новые позиции. Когда 23 января резервная дивизия атаковала Карандаити, она после незначительных стычек вошла в эвакуированный противником город. Части кавалерийского корпуса отошли на подготовленные позиции, не потеряв ни одного солдата. Успех наступления заставил замолчать всех противников войны, а национальный подъём достиг верхнего предела, несмотря на крайнее материальное истощение. Впервые с начала войны в Асунсьоне возобладало мнение, что в войне за Чако можно одержать окончательную победу. Для этого были, казалось, все предпосылки. Трофеи Ибибобо и Ирендаги позволяли восполнить недостаток в вооружении и боеприпасах, а также сформировать ряд новых пехотных полков и переформировать резервную дивизию в пехотную (получившую N9). К этому времени ряды парагвайской армии сильно поредели. Всеобщая мобилизация была проведена два с половиной года назад и пополнение рядов многочисленных парагвайских дивизий велось, в основном, за счет выздоравливающих и снижения возраста призывников. Другим способом пополнения боевых рядов было уменьшение штата тыловых подразделений и снижение численности войск на спокойных участках фронта. Главным источником резервов для фронта оставалась 3 пехотная дивизия и госпитали.

24 января на аэродроме Вильи Монтеc была сосредоточена все наличные силы Авиационного Корпуса: 11 самолетов (3 *Юнкерса*, 2 *Сайклон Фалькона*, 2 *Оспри*, 3 *Хока* и последний *Скаут*). Они нанесли мощный бомбовый удар по парагвайским позициям в южном секторе

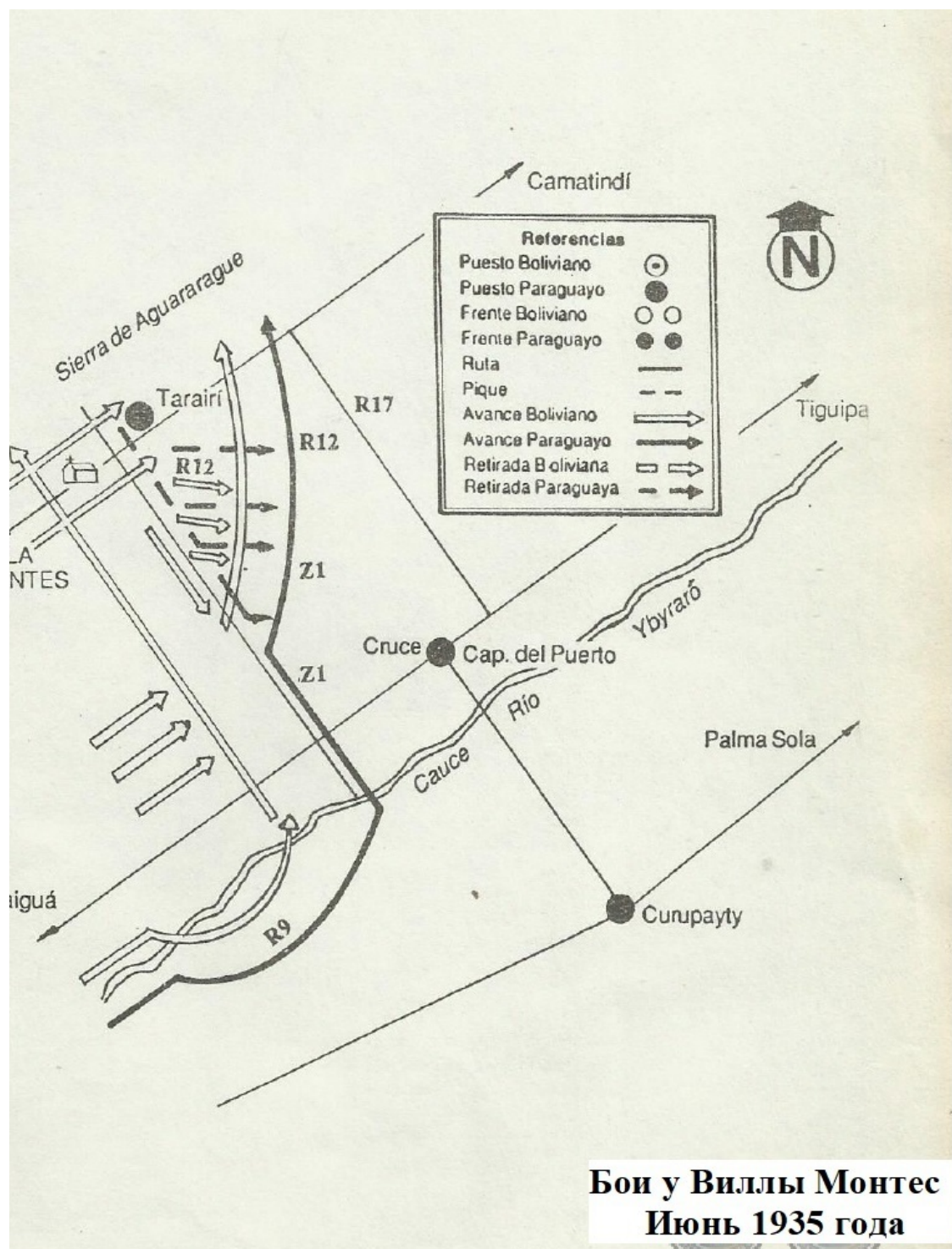
обороны Вильи Монтес. Каждое утро на обеспечение оборонительного периметра вылетало патрульное звено из двух самолетов, которое чрезвычайно внимательно осматривало позиции противника и отгоняло его самолеты от укрепрайона. В конце января главную линию обороны занимали солдаты 8 пехотной и 1 кавалерийской дивизий. Резерв корпуса составила прибывшая из Оруро 1 дивизия. К ней должны были присоединиться 3 пехотная дивизия, переброшенная из Капиренды, а также вновь воссозданная 9 пехотная дивизия. Таким образом, в укрепленный район Вильи Монтес оказались стянуты силы двух корпусов. 28 января авангард II парагвайского корпуса с ходу занял Боуйбе и, тем самым, перерезал дорогу Санта Крус – Вилья Монтес. В результате этого маневра части II боливийского корпуса оказались отрезанными от сектора Карандаити, и путь на Камири был открыт. Однако для продолжения натиска у парагвайцев не хватило сил. Только 7 февраля командование II корпуса подготовило операцию 9 пехотной (бывшей резервной) дивизия по захвату нефтяных промыслов Стандарт Ойл в горах Сьерра-дель-Агуараге. Здесь в районе Нянкорайнцы, расположенной в 35 километрах к юго-западу от Бойюбы, находился пехотный полк *Манчего*.



Сьерра Агуараге тянется с юга на север и резко поднимается с равнины до 600-800 метров. Её гребень представляет собой прекрасный оборонительный рубеж, чтобы остановить армию, наступающую пна запад. 7 февраля рано утром три полка 9 пехотной дивизии атаковала позиции Манчего и сильно потеснила его. В ходе боя один из парагвайских полков провалился в неохранные тылы 12 полка и захватил его обоз. Кроме патронного парка в руки патопилас попал полевой госпиталь, а сним хирург и двенадцать медсестер. Путь отхода на Ипати был перерезан. Тем не менее, полуокруженные боливийцы не дрогнули и продолжали сражаться. Получив известие о бедственном положении солдат у Нянкорайнцы, генерал Кин-

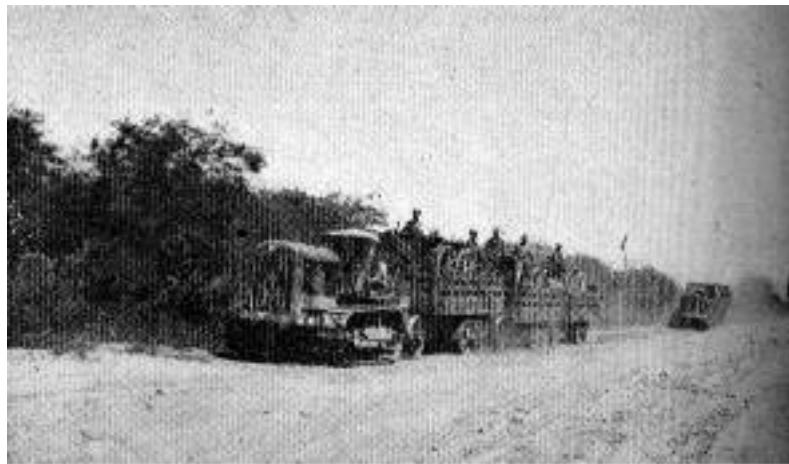
тинилья быстро собрал ударную группу для деблокады. В неё вошли 3 и 7 кавалерийские полки и эскадрон 6 кавалерийского полка. При поддержке 7 артиллерийской группы капитана Хосе Кироги кавалеристы атаковали парагвайцев с двух направлений. Потрёпанные в бою солдаты *Манчего* поддержали своих товарищей огнём. 11 февраля кольцо окружения вокруг них было прорвано, а к концу дня парагвайцы отступили на исходные позиции. За время операции 9 парагвайская дивизия потеряла 350 солдат убитыми, в то время как боливийцы недосчитались только 85. Однако эти операция рассматривалась парагвайским командованием как отвлекающая.

К середине февраля 1935 года Х.Ф.Эстигаррибия сосредоточил у Вилья-Монтес около 5000 солдат III корпуса. Для его пополнения использовались части 3 пехотной и 1 кавалерийской дивизий. 14 февраля части III корпуса перешли в наступление. Чтобы достичь тактической внезапности, его было решено вести без артиллерийской подготовки. Используя завесу дождя, *патапилас* сбили 1 боливийский кавалерийский полк *Абароа* и заняли первую линию траншей. На этом успехи полковника Дельгадо закончились. Безуспешные атаки чередовались с короткими огневыми налетами и продолжались в течение двух дней. Решающий штурм второй линии траншей состоялся 16 февраля. Успех был достигнут на участке 14 пехотного полка *Серро Кора*, который после короткой артиллерийской подготовки вклинился в оборону противника на три километра. Безуспешные атаки с целью расширить место прорыва и продвигнуться вперед повторялись еще три дня. 20 февраля Бильбао Риоха приказал пехотным полкам *Санта-Крус* и *Сукре* ударить по основанию парагвайского клина. Опасаясь за своих солдат, полковник Н.Дельгадо приказал им отступить на исходные позиции.



К 21 февраля боливийцы смогли отразить наступление противника по всему фронту: под Вильей Монтеc и Нянкораинцы. Эти бои дорого обошлись парагвайской стороне, человеческие ресурсы у которой были уже на исходе. Однако штаб Эстигаррибии решил продолжать осаду Виллы Монтеc. Для её обстрела были вытребованы 120 мм пушки с *Умайты* – единственная тяжёлая артиллерия, которую имел Парагвай в своём распоряжении. Эти орудия были демонтированы с потерявшей ход канонерки: в 1934 году её машина была подорвана боливийским диверсантами. Её ремонт затянулся, а орудия бездействовали. По приказу штаба Главного командования орудия и снаряды доставили по железной дороге в Исла Пои, чтобы

дальше их везти по маршруту Муньос-Баливьян-Ибибобо. Тут выяснилось, что 6 метровые тела орудий не помещаются на грузовики. Тогда для их перевозки решили использовать трофейные гусеничные трактора *Катерпиллар*. В результате этой операции по перевозке пушек Умайты затянулась: орудия с Умайты прибыли в зону боевых действий только в июне.



Тракторы в Чако

Боевые действия в январе-феврале 1935 года позволили парагвайцам захватить почти всю территорию Чако. Однако вследствие географических факторов им не удалось до конца реализовать успех и достичь одну из главных целей войны – нефтяные поля Камири. В свою очередь, боливийскому командованию энергичными методами удалось восстановить численность и боеспособность I корпуса и превратить ворота в Чако – Вилью-Монтес в неприступную крепость. С этого момента малочисленным парагвайским корпусам пришлось действовать на параллельных операционных направлениях.

Вторую половину февраля начались проливные дожди, и обе армии продолжали залечивать свои раны. К этому времени людские ресурсы Парагвая иссякли: в армию были призваны 1918 год. Штурм Вильи Монтес привел к истощению запасов оружия и боеприпасов. Так, военному министерству с трудом удавалось наскрести исправное оружие для пополнений, а количество выстрелов на орудие составляло 1-2 в день. Несколько лучше обстояла ситуация с патронами. В Асунсьоне стало ясно, что война должна быть закончена в ближайшее время. Для этого нужен был новый удар по чувствительному месту Боливии – ее нефтяным скважинам. Для этого была проведена перегруппировка войск от Вильи Монтес к северу. 3 пехотная дивизия была переброшена из верховьев реки Парагвай к Бойюбе, сменив на этом участке 8 дивизию. Это был последний оперативный резерв парагвайской армии. Операцию по захвату нефтяных скважин Камири должен был проводить II корпус полковника Р.Франко. Уже в конце января после успешного форсирования Парапители он и майор Кабальеро Ирала предложили штабу Х.Ф. Эстигаррибии провести операцию и овладеть Чарагуа. Захват этого города, расположенного в 40 км к северо-западу, позволял закрепиться в северной части Серра-де-Агуаруге, перерезать дорогу, соединяющую Бойюбе с Санта-Крусом и угрожать нефтяным промыслам Камири.

Неудачные атаки Вильи Монтес и Нянкораинцы заставили Х.Ф. Эстигаррибию вернуться к предложению Р.Франко. Он санкционировал проведение операции по захвату Чарагуа силами группы Парапители, как теперь стал именоваться отряд майора Ирала. 6 марта его солдатам удалось прорвать боливийскую оборону на стыке 1 и 18 пехотных полков и захватить

плацдарм на северном берегу Парапители. Однако противнику удалось своевременно перебраться к месту атаки 6 кавалерийский полк и остановить противника. Парагвайское наступление захлебнулось. Пытаясь расширить плацдарм части Р.Франко несколько раз поднимались в атаку, но были отбиты с тяжелыми потерями и были вынуждены отступить. В ходе боев боливийская сторона потеряла до двухсот солдат, в то время как парагвайская – 500. Кроме того, при отходе солдаты II корпуса оставили в руках противника 84 пленных. Потери боливийской стороны в этих боях составили всего 200 человек. Эта частная победа сильно подняла боевой дух боливийцев, защищавшихся в районе Санта-Фе. Их потери составили всего 200 человек. Причиной неудачи наступления корпуса Франко стали не столько возросшие оборонительные возможности противника, но и изменение характера местности. Боливийские позиции проходили по грядкам холмов, возвышавшихся над равниной до 600-800 метров. Эти складки местности, в отличие от Чако, позволяли проводить скрытый маневр силами и наносить неожиданные огневые удары по противнику. Парагвайцы были более привычны к ближнему бою и засадам в дебрях Чако и в этих новых для них условиях их командиры терялись, оказавшись на непривычном для них ландшафте. Это приводило к неверным тактическим маневрам, что, в свою очередь, делало *патапилас* уязвимыми для огня противника.



2. Последние залпы.

Окончание всеобщей мобилизации в Боливии. Чарагуа. Апрельское контрнаступление боливийской армии. Бои на Парापити и Ингави.

После мартовских боев на Парापити наступило затишье, которым воспользовалось боливийское командование, чтобы реорганизовать находившиеся здесь части. Так, из частей Таберы была сформирована 3 кавалерийская дивизия, командиром которой был назначен подполковник Альфредо Креспо. Ее формирование затянулось из-за отсутствия обученных солдат и нехватки специфического кавалерийского снаряжения. В районе Вильи Монтес формировалась 4 кавалерийская дивизия, которой отводилась роль подвижного резерва. Оборона Камири и линии реки Парापити была возложена на II корпус генерала Гульена. Его штаб разместился в Чарагуа. К апрелю 1935 года боливийская армия закончила свою полную мобилизацию, достигнув максимальной численности за всю свою историю. На фронте находились 12 дивизий общей численностью в 45000 человек. Южный фланг у Вильи Монтес занимал I корпус в составе 1 и 8 пехотных, 2 и 4 кавалерийских дивизий с 38 артиллерийскими орудиями. Далее к северу располагался кавалерийский корпус в составе 1 кавалерийской, 3, 7 и 10 (1 резервной) пехотных дивизий с 10 артиллерийскими орудиями. На реке Парापити заново разворачивался II корпус в составе 2 пехотной и 3 кавалерийской дивизий. Северо-восточный фланг боливийского фронта прикрывался 5 и 6 пехотными дивизиями, которые составили III корпус. В резерве Главного Командования находились 4 и 11 (2 резервная) пехотные дивизии. Всего было развернуто 36 полков, 4 сапёрные группы, 3 пулемётных батальона и 17 артиллерийских батарей. С этими силами боливийское Главное Командование решило перехватить оперативно-стратегическую инициативу из рук противника и стало планировать контрнаступление с целью изгнания парагвайцев из района между Сьеррой Агуарге и Капирендой. В его разработке приняли участие генералы Гильен, Санхинес и Плачек. В начале осени 1935 года они представили его на рассмотрение генерала Пеньяранды, который утвердил его после внесения ряда несущественных корректив со стороны Д.Торо, А.Родригесом и Г.Бушем.



План контрнаступления боливийской армии Осень 1935 года

План наступления состоял из 3 этапов. На первом этапе кавалерийский корпус должен были нанести удар в центральном секторе и прочно овладеть районом Бойюбы. По мнению составителей плана, это должно было привести к изоляции II корпуса противника. Для того, чтобы сковать резервы противника, планировалось также нанести отвлекающие удары в районе Вильи Монтеc и у Санта Фе силами I и III корпусов. На втором этапе кавалерийский корпус и II корпуса должны были наступать в северном направлении в долину Парапити, действуя во фланг и тыл Р.Франко. Затем они должны были овладеть Хуирапитинди и фортином 27 ноября, а части III корпуса из района Роборе нанести удар на Ингави, реализуя старый план полковника А.Родригеса. Он заключался в овладении верхним течением реки Парагвай путём его атаки по направлению Ингави-Питиантута-Фуэрте Олиμπο.

В это время кавалерийский корпус должен был атаковать Карандаити, а I вести активную оборону, сковывая противника у Вильи Монтеc. На третьем этапе II и кавалерийский корпуса должны были овладеть Карандаити и начать наступление на юг и овладеть Капирендой. Затем они должны были продолжать наступление и совместно с I корпусом выйти на рубеж Ибибобо-Эль-Кармен. Авиационный корпус Боливии для поддержки наступления сухопутных войск должен был сосредоточить три боевые группировки: эскадрилью *Оспри*, оперирующую в районе Ингави – Пуэрто-Суарес и две смешанные авиагруппы в районах Куэво – Чарагуа и Вилья Монтеc – Якуиба. В их составе числились 8 *Оспри*, более десятка *Юнкерсов* и оставшиеся *Хоки*.

После неудачного мартовского наступления на Чарагуа штаб Х.Ф.Эстигаррибии решил повторить попытку. Однако, за предыдущий месяц 1935 года произошли два события, которые в корне изменили стратегическую ситуацию на этом участке фронта. Одним из них стало строительство рокадной дороги между Вильей Монтеc и Бойюбе, соединившей южную и централь-

ную группировки. Вторым известным, но неучтённым парагвайскими штабами фактором, стал перманентный рост количественного и качественного состава армии. Если в марте 1934 года боливийская армия оперировала на фронте 18 пехотными полками, то через год их число на фронте выросло вдвое.

Войска II боливийского корпуса располагались к западу от реки Парапители. Ими первоначально командовал генерал Гульен, которого уже в ходе сражения заменил полковник Хосе Э. Анзе. Начальником штаба корпуса был назначен подполковник Дж. Луис Аньес, а начальником оперативного отдела – чилийский майор Пабло Барриентос. В составе корпуса было 5000 штыков и сабель, разделённых две дивизии. 2 пехотная дивизия была сформирована в Ла-Пасе. В неё входили 3 полка, сводный отряд, роты связи и автотранспорта, а также артиллерийская группа, вооружённая 10 орудиями. 3 кавалерийская дивизия состояла из 5 полков, кавалерийский батальон и разведывательный эскадрон. Она развернулась на берегу Парапители только в первых числах апреля и не успела оборудовать свои позиции. Командование III корпуса готовило свои войска к наступлению и не ожидало активных действий со стороны противника, потерпевшего за месяц до этого неудачу на этом участке фронта.

Удар в северном направлении, который согласовал Х.Ф.Эстигаррибия, открывал широкие перспективы для дальнейших операций. Первичной целью операции являлся городок Чарагуа, где размещался штаб и база снабжения II боливийского корпуса. На втором этапе планировался выход на реку Гуапай – дальним подступам к Санта-Крус, столице Восточного Департамента. В случае его падения III боливийский корпус оказывался в оперативном окружении: он должен был прорываться на запад или интернироваться на территории Бразилии. В политическом отношении захвата столицы департамента давала потенциальную возможность активизировать сепаратистские настроения среди *ориенталес* и сформировать марионеточное правительство. Для проведения северной операции была сформирована специальная оперативная группа под командованием полковника Гарая численностью в 2600 солдат и офицеров. В неё вошли отряд Парапители и 2 дивизия. Она имела в своём составе три полка и была переброшена из состава III корпуса. Её новым командиром был назначен майор Ирала. Отряд Парапители состоял из 2 полков. Его командиром был майор Антонио Э. Гонсалес. Наступление оперативной группы готовилось и в разведывательном аспекте. Парагвайские эмиссары всюду вербовали *ориенталес*, говоривших на *чагуанко* – диалекте гуарани. Он до сих пор широко распространён в долине реки Парапители и в южных селениях департамента Санта-Крус. Доказывая свою кровную общность с местным населением, парагвайские военнослужащие подарками и обещаниями привлекали их на свою сторону. Завербованные таким способом агенты в основном использовались при изучении дорог и троп, которых в этом районе было великое множество. Штабу оперативной группы стало ясно, что боливийская оборона сильно растянута и уязвима к югу от местечка Копере.

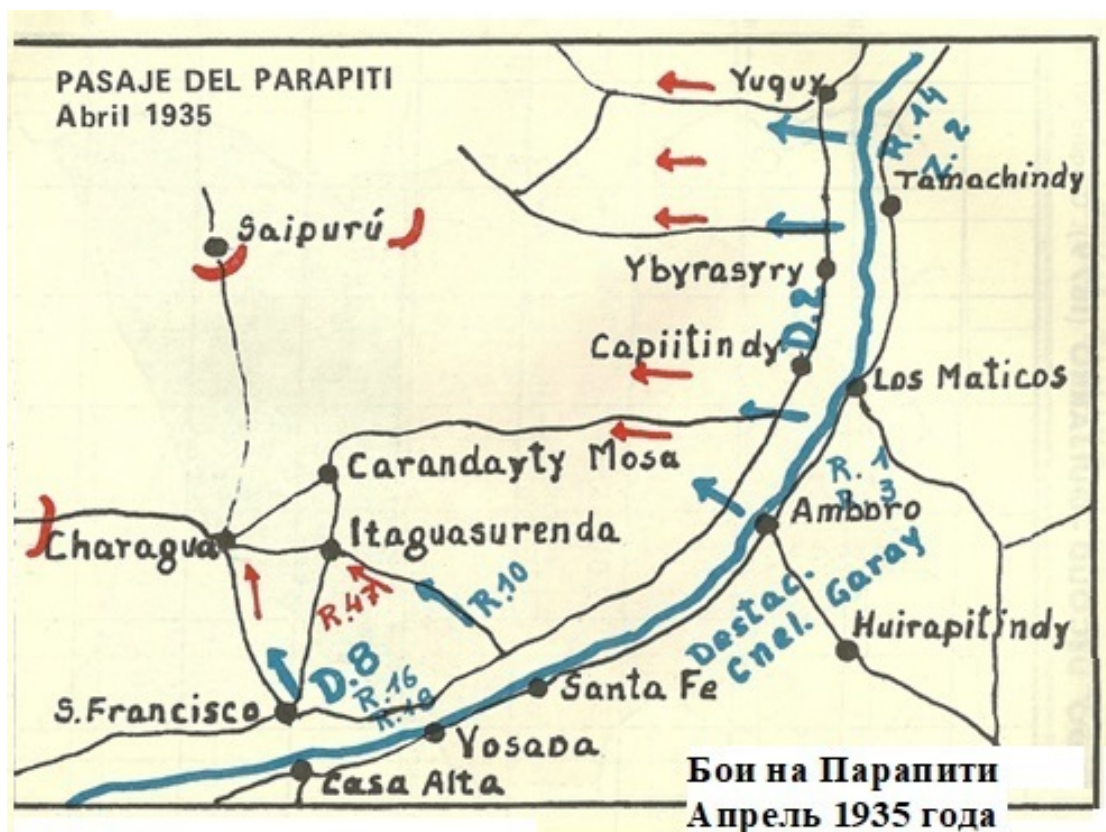


Церковь в Чарагуа

Парагвайское наступление началось 5 апреля налётом всех шести парагвайских *Потезов* на Чарагуа. Объектами бомбёжки стали склады, мастерские, объекты связи и армейские транспортные колонны. В ночь накануне этого 200 лучших пловцов из состава 2 дивизии переправились через Парапители в местечке Накундай и неожиданно атаковали 3 кавалерийский полк противника. Его захваченные врасплох солдаты обратились в бегство, очистив берег. Дивизионные сапёры немедленно навели понтонный мост через реку. По нему на северный берег были переброшены 1, 3, 10 пехотные полки 2 дивизии. Они атаковали во фланг и тыл, расположенный к северу кавалерийский полк *Якума* и почти полностью уничтожили его. Разгром 10 кавполка открыл фланг его соседа – *Ингави*, защищавший Санта Фе. Не снижая темпа наступления, 2 дивизия стала энергично развивать успех. В результате в районе Санта-Фе оказалась отсечена от основного корпуса большая часть 3 боливийской кавалерийской дивизии. Вслед за 2 парагвайской пехотной дивизией на северный берег Парапители переправилась 8 дивизия II корпуса. Её командир майор Медина получил приказ блокировать все пути отхода группы А.Креспо на юг. Бои в районе Санта Фе затянулись. Части 3 кавалерийской дивизии удерживали основную переправу и упорно сопротивлялись группе полковника Гарая. Только получив из штаба корпуса известие, что помощи не будет, они вырвались из мешка на северо-восток. Сопротивление частей А.Креспо оттянуло значительные силы от Чарагуа и позволило боливийскому командованию подтянуть резервы.

Расположенная левее полосы наступления дивизии майора Иралы 2 боливийская дивизия оказалась неспособной организовать контратаку вследствие недостатка боеприпасов и стала отступать к северу. В условиях полной неразберихи генерал Ж. Гульен потерял управление войсками – в его распоряжении оставалась только часть 3 кавалерийской дивизии. В панике он отдал приказ об эвакуации Чарагуа. Свою лепту к общей панике, охватившей боевые порядки II боливийского корпуса, внесли интенсивные авианалёты. Парагвайские самолеты помимо бомб сбрасывали листовки с призывом сдаваться в плен. Не имея представления об обстановке, генерал Гульен был не в состоянии организовать оборону. В его распоряжении оказались только отошедшие к Амборо остатки 3 и 10 кавалерийских полков и 40 пехотный полк *Оруро*. Под общим командованием майора Армандо Телеса они медленно отступали в направлении Сан-Лоренцо. Тем временем, 2 пехотная дивизия стабильно удерживала свои позиции в районе Сан-Франсиско, загибая фланг. 15 апреля в 18:00 отряд Дуаре Сосса из состава 8 дивизии занял Мачипо, расположенный в 9 километрах к югу от Чарагуа. Узнав об этом, штаб корпуса отдал приказ об эвакуации. На следующий день отряд Сосса вошёл в город, где встретился

с солдатами 10 пехотного полка *Coysa* из группы Парапити. 17 апреля авангард оперативной группы полковника Гарая был остановлен у Агуас Калиентес. Здесь оборону держал 47 пехотный полк, усиленный батальоном 18 пехотного полка и батареей 75мм пушек. Боливийская пехота заняла все господствующие высоты и сделал невозможным дальнейшее продвижение вперед. В тот же день к корпусу Гульена присоединились солдаты 3 кавалерийской дивизии, вышедшие из мешка. На следующий день в штаб корпуса пришло распоряжение о назначении командиром корпуса полковника Анзе.



Агуас Калиентес стало наивысшим пределом продвижения парагвайской армии вглубь Боливии. Против уставших и ослабленных предыдущими двухмесячными боями солдат Р.Франко развернулась свежая, правда необстрелянная, боливийская армия. Особенно сильно в войсках II корпуса стала ощущаться нехватка боеприпасов, растраченных в боях 5-15 апреля. Пользуясь тем, что парагвайские войска завязли в боях за Чарагуа, боливийское командование приступило к реализации плана контрнаступления. Согласно ему, первым должен был действовать Б. Бильбао Риоха, который получил приказ атаковать III парагвайский корпус. Боливийская группировка у Вильи Монтес насчитывала 15000 солдат при 80 орудиях и минометах, которым противостояли только 5000 *matapilas* с 25 артиллерийскими стволами. 15 апреля боливийские войска атаковали части Н.Дельгадо и после ожесточённого фронтального боя отбросили их к югу. В ходе операции боливийские войска освободили Таирири, городок в окрестностях Вильи Монтес. Его занятие создавала угрозу Каприренде с юга. Эта частная операция в южном секторе фронта сильно встревожила штаб Х.Ф.Эстигаррибии, которое направило в этот район ряд подкреплений, предназначенных для поддержки корпуса Р.Франко. Парагвайской разведке так и не удалось остановить, что атака Таирири была демонстративной, поскольку главная боливийская операция планировалась в полосе кавалерийского корпуса.

Боливийское контрнаступление у Боюйбы началось 17 апреля. Главный удар наносили 8 полков 1 кавалерийской и 7 пехотной дивизий. Пехотинцы нанесли фронтальный удар у Ла Пенсы, а кавалерийскты – у Каматинди. Их удар пришёлся по 3 парагвайской пехотной дивизии, переброшенной из Баия Негры. Она состояла из 8 кавалерийского *Ген. Дуарте* и 26 пехотного *Сьерра Леон* полков и не имела боевого опыта. После короткого боя 7 боливийская дивизия прорвала парагвайскую оборону, заняла Боюйбе и продолжила наступление на восток. У Мандеяпекуа её наступление попыталась остановить 9 пехотная дивизия. Боливийцы сбили её с позиций и, преследуя противника, двинулись на Карандаити. 1 кавалерийская дивизия смогла прорвать оборону и выйти в тыл противника. Ее патрули стали продвигаться к северу от Боюйбы в направлении Камбейнти. Таким образом, первый этап плана контрнаступления был успешно реализован. На втором этапе боливийское командование для продолжения операции сосредоточило 15000 солдат и офицеров. Главная задача была возложена на 10 дивизию: она должна была перерезать дорогу Вилья Монтес – Боюйба и ударить в тыл корпуса Р.Франко. В это же время 3 кавалерийская дивизия должна была атаковать противника у Чарагуа, а 1 и 7 дивизии атаковать Капиренду. Энергичная реализация этого плана могла бы привести к оперативному окружению II парагвайского корпуса, который к моменту наступления насчитывал 8000 человек и 30 орудий. Половина из них была задействована в районе Чарагуа Полковник Р.Франко быстро осознал опасность, нависшую над войсками его корпуса и приказал 8 пехотной дивизии и отряду Дуарте Сосса срочно оставить Чарагуа и сосредоточиться в Каса Альта. Оборона Чарагуа была возложена на оперативную группу Гарая, насчитывавшую только 2200 бойцов. Им противостояли 4500 штыков и сабель полковника Анзе. 20 апреля парагвайцы без боя оставили Чарагуа, в который на следующий день вошел 10 кавалерийский полк из состава II корпуса. Боливийская кавалерия продолжила преследования отступающего противника и настигла его арьергард у селения Карандаити Мозо и попытались с ходу разгромить его. Разгорелся жаркий бой, в ходе которого местечко несколько раз переходило из рук в руки. С огромными усилиями, жертвами и жертвами части полковника Анзе вытеснили парагвайцев за Парापити. 28 апреля последние части К.Иралы отошли на её западный берег между Сан-Антонио и Ибарендой. Таким образом, III корпус вследствие упорного сопротивления противника не смог выполнить поставленную перед ним задачу вовремя.



Неожиданное появление 8-й дивизии и отряда Парагвая Дуарте Соса в районе Камбейти остановило наступление 1 кавалерийской дивизии. Тем временем, 7 боливийская пехотная дивизия прорвала оборону 9 (резервной) пехотной дивизии и отсекала часть её сил (18 пехотный полк *Питиантута*) и отряд Дуарте Сосса. Корпус Р.Франко в очередной раз оказался отрезан от основных сил. Попытки деблокировать окруженных к успеху не привели, но заставили командование кавалерийского корпуса перебросить 2 дополнительных полка на внешний фронт окружения. Тем самым, боливийцы повторили свою прежнюю ошибку, растянув линию окружения. В течение четырех дней, с 23 по 27 апреля в районе Камбейти шли напряжённые бои. Попытки деблокировать окруженных к успеху не привели, но заставили командование кавалерийского корпуса перебросить 2 дополнительных полка на внешний фронт окружения. Тем самым, боливийцы повторили свою прежнюю ошибку, растянув линию окружения. 25 апреля части 2 и 9 парагвайских пехотных дивизий смогли вновь вырваться из кольца, прорвав тонкую линию блокадных сил противника. Парагвайские части навсегда очистили северный берег Парапити, оставив в руках противника 475 пленных и некоторое количество оружия. Отступление противника и освобождение ряда населенных пунктов были использованы пропагандой для подъема боевого духа боливийских солдат и гражданского населения. Хотя успех операций оказался частичным оперативная инициатива в третий раз в ходе войны перешла к боливийской стороне, которая стала готовить операцию по форсированию реки и возвращению в Чако. Внешнеэкономическая конъюнктура также стала складывалась в пользу Ла-Паса. Накануне освобождения Чарагуа деловые круги Канады предложили кредит в 20 миллионов долларов США и смогла оплатить очередную партию оружия, присланного из Чехословакии. Условием его предоставления стала фиксация экспортной цены на олово в размере 50 фунтов стерлингов за тонну. Таким образом, боливийское правительство располагало ресурсами, позволяющими ему вести военные действия еще два-три месяца и разместить новые заказы на оружие.

Посчитав, что силы II парагвайского корпуса завязли на Парапити активизировал свои действия III корпус. Его командир генерал Раймундо Гонсалес Флор сосредоточил в Роборе 6 пехотную дивизию численностью в 3000 человек, которой командовал полковник Ангел Айроа. Основной костяк дивизии составили два полка 2 кавалерийский *Баливьян* под командованием подполковника Л.Бретеля и 12 пехотный полк *Флорида* подполковника Х.Бретеля. После овладения фортином *Ингави* полки должны были разделиться и наступать по расходящимся направлениям: юго-запад (*фортин 27 ноября*) и юго-восток (к Ароме и *Питиантуте*). Так, совершив громадный круг, война прикатилась туда, откуда начиналась – к берегам затерянного озера.



Верхний Парагвай защищал сводный отряд подполковника Хосе Касаля Риваролы силою примерно в малочисленных два полка. Они были укомплектованы ветеранами предыдущих кампаний, вернувшимися из госпиталей. Они были разбросаны между несколькими *фортинами*, расположенными вдоль реки и на дороге, ведущей от Роборе к Питиантуте. Сектор Ингави обороняли всего 265 солдат, которые снабжались через Питиантуту по колёсной дороге длиной 220 километров. Февральские дожди сделали её непроходимой для автомобилей: колея до фортина Мадрехон была залита водой. Поэтому на снабжение Ингави были поставлены местные повозки, представлявшие точную копию арбы.

27 апреля авангард 6 боливийской дивизии атаковал передовую парагвайскую заставу в Позо Тигре, расположенную в 14 километрах к северу от Ингави и после короткого боя заставил её защитников отступить. Подполковник Айороа приказал своим солдатам на плечах отступающих ворваться в фортин Ингави. Однако, когда боливийцы пошли на штурм, они были остановлены пулемётным огнём и откатились, потеряв до сотни человек. Начальник штаба 6 дивизии подполковник Альфредо Санчес предложил выманить защитников Ингави ложным отступлением, а потом охватить их с двух сторон, но штаб корпуса не утвердил этот проект. Тем временем, подполковник Риварола перебросил из Питиантуты подкрепления, увеличив силу своего отряда до 370 штыков. Он выслал множество мелких патрулей, которые должны были имитировать наличие крупных парагвайских сил. Закрепившись в Позо Тигре 6 дивизия остановила наступление так и не добившись успеха. Несмотря на минимальные достижения появление крупных сил противника встревожило штаб Х.Ф.Эстигаррибии, которому подполковник Риварола подчинялся на прямую. В район Питиантуты был переброшен из резерва полк *Риццельо*. С его прибытием число защитников Ингави выросла до 850 штыков. После нескольких нерешительных атак полковник Айороа не считая возможным продолжать бессмысленные атаки оттянул полк *Флорида* к Позо Тигре и приказал укрепить свои позиции. Недовольный его действиями штаб корпуса освободил его от занимаемой должности и назначил на его место полковника Арриету.

В это время генерал Кинтинилья решил форсировать Парапети. Его штаб отказался от первоначального плана: он посчитал, что 7-я дивизия (5 полков, 5500 человек) под командованием полковника Деметрио Рамоса обладает достаточными силами для того, чтобы занять восточный берег реки Парапети у Санта-Фе. Поэтому 1-я кавалерийская дивизия, которая первоначально должна была поддержать атаку Рамоса, была направлена на север к высотам Кебрада-де-Куэво. Здесь она провела успешный бой с частями противника. Вместе с тем её манёвр ослабил центральную ударную группировку боливийцев, атаковавших 8 парагвайскую дивизию. Войска обеих сторон были измотаны длительными маршами, стычками и засадами. Форсирование реки началось 4 мая наступлением 3 кавалерийской дивизии у Каса Алты. При планировании наступления боливийское командование решило использовать своеобразный водный режим этой реки, берущей начало в Андах. Уровень воды в ней ежедневно повышается к полудню, когда дневная жара приводит к таянию снегов в горах, а затем начинает спадать. На рассвете уровень воды достигает минимума, обнажая в некоторых местах дно. Ранним майским утром солдаты обходной колонны 10 пехотной дивизии, наступая по одному из таких бродов без разведки, неожиданно подверглись пулеметному огню и были отброшены на северный берег реки. Это произошло потому, что Франко, не имея возможности создать плотную линию обороны, вследствие больших потерь в людях во время наступления на Чарагуа, постарался прикрыть все наиболее удобные места для переправы сильными заставами. Каждая такая застава была вооружена автоматическим оружием, которое в условиях открытого пространства, компенсировало малочисленность обороняющихся. Благодаря очаговому характеру обороны фронт корпуса удалось растянуть и прикрыть почти весь берег реки. Оставшиеся силы командующий II корпусом свел в единый кулак для парирования атак противника. Несмотря на то, что боливийские атаки во многих местах удалось отбить, сил полковнику Франко все равно не хватало и его оборона держалась на волоске.

В результате упорных атак боливийцам удалось занять ряд плацдармов на берегу Парапети. Наиболее большими из них были плацдарм 19 пехотного полка 7 пехотной дивизии и тет-де-пон 3 кавалерийской дивизии. Используя их, боливийцы при поддержке артиллерии и авиации постоянно атаковали Санта Фе, героически оборонявшийся парагвайцами. 14 мая на помощь атакующим на 45 грузовиках прибыли 900 солдат 5 кавалерийского полка. На следующее утро вся 7 пехотная дивизия боливийцев перешла в наступление и охватила с фланга Санта Фе. Ее 1 пехотный полк, действовавший в авангарде, за этот день продвинулся северо-восток и занял Посо Бланко в 13 километрах от линии фронта. 16 мая защитники Санта Фе оказались в окружении: половина 7 дивизии атаковала их с тыла, в то время как остальные ее части развернулись для отражения попыток деблокировать окруженных. В тот же день боливийцы овладели Ибарендой и продвинулись на 9 километров к востоку от неё. Здесь, у Хуирапитинды развернулась сводная полковника Гарая, которая отразила все атаки противника и удержала стратегически важный перекрёсток дорог. Потеряв за сорок дней непрерывных боёв пятую часть своего первоначального состава III боливийский корпус остановил своё наступление, так и не выполнив своей задачи. План генерального наступления боливийской армии был сорван, а парагвайцам удалось удержать важный в оперативном плане узел дорог.

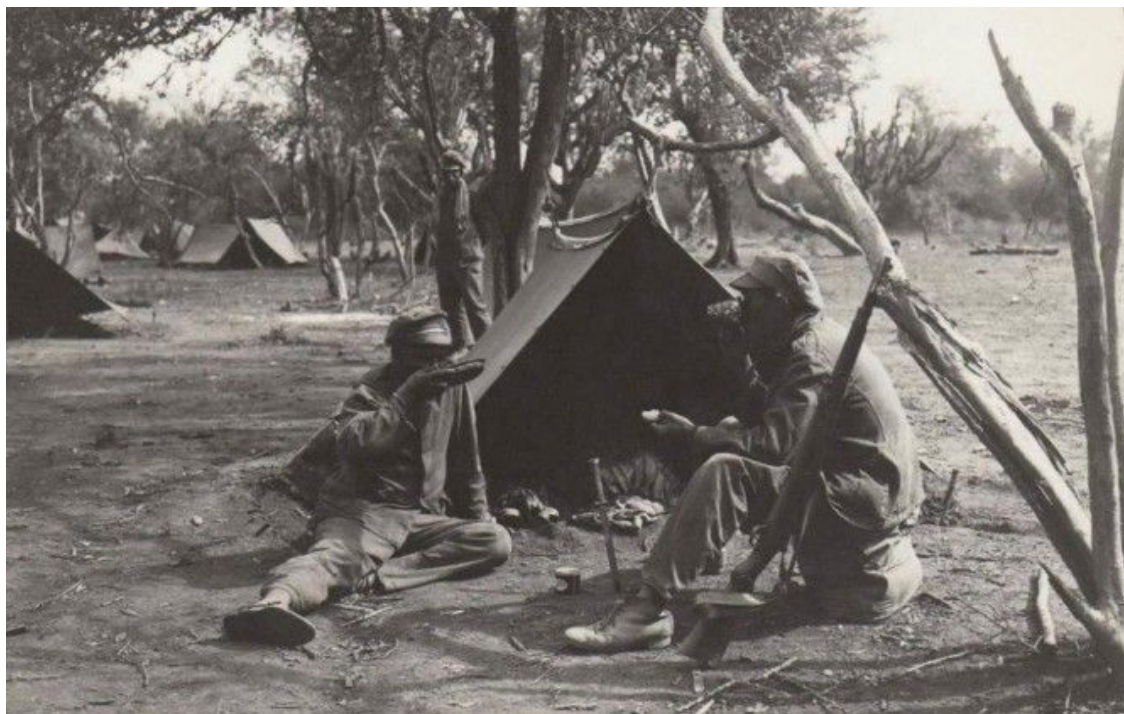


В этих условиях единственным возможным выходом для полковника Р.Франко и его штаба могла стать организация флангового контрудара. Его целью стал полк Кастрильо, прикрывавший сектор Кебрада де Куэво, в котором предположительно имелись большие залежи нефти. Войска 3 и 6 парагвайских дивизий имели на участке прорыва трехкратное преимущество в живой силе и быстро достигли успеха. Солдаты 6 дивизии овладели городом Мандейпекуа и восстановить связь с окруженными защитниками Санта Фе. День спустя в прорыв был введен кавалерийский полк *Валуа Риварола*. Он должен был отсечь от основных сил два полка противника с частями усиления. Однако боливийцам удалось ускользнуть: переправившись на северный берег Парापити, они заняли жесткую оборону вдоль него. Из-за утомления своих войск командир III корпуса полковник Р.Франко отдал приказ перейти к обороне по северному берегу реки Парापити. Положение северного парагвайского фронта было восстановлено дорогой ценой: защитники Санта-Фе понесли значительные потери, боеприпасы были на исходе. Боливийцы также были измотаны за семь недель непрерывных боёв, но они рассчитывали на подкрепления и пополнение припасов. О состоянии их войск к середине июня может свидетельствовать доклад командира 2 дивизии. 14 июня он представил в штаб корпуса справку о наличии в его частях оружия. В 40 пехотном полку имелось 576 чешских винтовок Маузера, 36 лёгких пулемётов Брно и такое же количество пистолетов-пулемётов Штейр. В 47 полку было 695 винтовок, 6 станковых (в т.ч. 4 Виккерса, 1 Кольт) и 37 лёгких пулемётов (33 Брно и 4 Мадсена), 44 пистолета– пулемёта (1 Шмейссер, остальные – Штейр) и 2 81-мм миномёта Стокса-Брандта. Всего в его дивизии в строю было около 2000 человек.

Остаток мая прошёл в противостояние на фронтах свелось к постоянным перестрелкам и стычкам патрулей вдоль всей линии фронта от Вильи Монтес до Парापити. Парагвайцы ждали тяжёлых пушек для обстрела Вильи Монтес, а боливийцы пополняли свои войска и готовились к новому наступлению. В последние дни осени резко активизировалась парагвайская авиация. В течение всего июня 1935 года четыре, оставшихся в боевой линии *Помеза*, не менее 15 раз бомбардировали позиции боливийцев, которые отвечали противнику тем же.

Положению в районе Ингави генерал Х.Ф.Эстигаррибия придавал исключительное значение. Такое внимание к периферийному сектору было вызвано опасением того, что противник сможет осуществить быстрый прорыв к реке Парагвай и существенно повлиять на послевоенное разграничение. В начале июня парагвайская служба радиоперехвата получила данные о смене командования 6 боливийской дивизии и решило воспользоваться неразбирихой, возникающей в таких случаях. Ознакомившись с ситуацией, сложившейся под Ингави, новый командир 6 боливийской дивизии обнаружил, что его войска, растянутые вдоль дороги Позо Тигре-Равело окружают патрули парагвайцев. Несмотря на предыдущий опыт ведения боев в дебрях Чачо, его предшественник не распорядился прорубить новые тропы для снабжения войск. К 4 июня почти все пути сообщения с Посо дель Тигре оказались перехваченными. 5 июня солдаты полковника Риваролы скрытно перешли в наступление и обошли позиции 14 пехотного полка с тыла: все оставшиеся пути сообщения между Позо Тигре и тылом. Недавно вступивший в должность полковник Арриете направил на выручку *Флориде* кавалерийский полк *Баливьян*. Помимо того, что парагвайцы лучше ориентировались в окрестных дебрях и свободно маневрировали по просекам, их служба радиоперехвата прочла переписку штаба 6 дивизии. Вследствие этого, 2 боливийский кавалерийский полк не смог прийти на выручку 14 пехотного полка и попал в окружение. 11 июня, потеряв 24 человека убитыми, израсходовав продовольствие, воду и боеприпасы, гарнизон Позо Тигре сдался. К парагвайцам попали в плен 361 солдат, 2 старших и 7 младших офицеров во главе с командиром полка. Среди пленных офицеров было два чилийца – майора Марсиаль Менахо Паес и Умберто Берндт Виванко, поступившие на боливийскую службу в январе 1935 года.

В руки подполковника Риваролы попало всё оружие, припасы и транспорт *Флориды*. Он решил воспользоваться предоставленной ему возможностью и начал наступление в направлении Равело, где имелось несколько действующих нефтяных скважин. Стремительное наступление *пататилас* не давало дезорганизованным частям 6 дивизии возможности закрепиться ни на временных оборонительных рубежах, обустроенных на 25 и 35 километрах дороги, ни у *Позо ди барбаро*, где имелись долговременные укрепления. За три дня солдаты Риваролы прошли 32 километра и остановились в 15 километрах от цели, поскольку 14 июня в 12:00 вступило в силу соглашение о прекращении огня.



3. Перемирие.

Путь в Каса Росада. Соглашение о прекращении огня. Взаимное сокращение вооруженных сил. Переговоры и постоянное перемирие. Результаты войны.

Путь к прекращению огня оказался очень коротким. Несмотря на двойное превосходство над противником в силах и полном молчании пушек парагвайцев из-за отсутствия снарядов, боливийскому командованию летом 1934/35 года не удалось переломить ход войны. Причиной этому стали пораженческие настроения, охватившие старших армейских офицеров. Бои на Парапители показали, что командиры дивизий и корпусов остро реагируют на любую, пускай мнимую угрозу с тыла или фланга. Решительность, доходящая до безоглядной храбрости, перетекла в осторожность, более напоминающую трусость. Вследствие этого бешенные наскоки конницы Торо превратились в медленное наползание пехотных цепей на парагвайские пулеметы. Этот дорогостоящий способ войны не приносил победы, но позволял избегать в ряде случаев поражений. Боливийские солдаты в этих условиях более предпочитали отсиживаться в окопах, чем идти в убийственные атаки. Другим фактором, останавливающим наступательный порыв боливийцев, как солдат, так и офицеров, было нежелание вновь возвращаться в «зеленый ад», где противник себя чувствовал, как дома. Согласно обобщенным данным Боливия поставила под ружье чуть больше четверти миллиона солдат. Из них было убито 57 тысяч, попало в плен – 23100, а дезертировало – 7200. По ранению и болезни было демобилизовано 101400 человек, а на излечении в госпиталях находилось 13300. В строю на момент перемирия оставалось 56800 человек. Бывший министр финансов в кабинете Саламанки доктор Хоакина Эспада оценил общую сумму военных расходов своей страны в 53 миллиона долларов США, из которых не менее 35 пошли на приобретение военных материалов, продовольствия и обмундирования.

В условиях постоянных неудач цель войны теряла смысл как для офицерского корпуса Боливии, так и ее генералитета. В этом плане чрезвычайно показателен доклад одного из «поджигателей» войны генерала Э.Пеньяранды военному министру Боливии Гуачалье, в котором он честно обрисовал катастрофическое падение морали войск и осознание генералитетом собственной некомпетентности. Полковник Родригес в своём майском докладе президенту подсчитал, что для перехода в наступление потребуется ещё 50000 солдат и 500 грузовиков. К этому времени в боливийском конгрессе окончательно оформилась антивоенная оппозиция под руководством Овидио Уриосте, что еще больше осложняло позиции президента Л.Техады Сорсано, который стоял перед лицом нового призыва.

В Асунсьоне тоже стали понимать неизбежность прекращения военных действий. Истощение людских резервов: в феврале были призваны рекруты 1917 года, эмбарго на поставки оружия и нарастание интенсивности боев в Северном Чако, ясно показали, что ресурсы страны на исходе. Все запасы иностранной валюты истрачены, а внутренний государственный долг достиг астрономических размеров. По данным парагвайского историка А.Гонсалеса парагвайские закупки за рубежом составили 6417600 долларов США в период с 1927 по 1932 годы и 6659262.26 долларов США в период с 1932 по 1935 год.

В 1932-1935 годах Парагвай призвал под ружье 140000 человек, из которых 36000 погибли на поле брани, 2500 попали в плен, а 1600 дезертировали, сбежав за границу. Из оставшихся ста тысяч 47300 были демобилизованы по ранению или болезни, а пять тысяч лежали в госпиталях. В армии оставалось 47600 военнослужащих. Неудачное наступление на Чарагуа стало очередным звонком к прекращению войны: стало ясно, что полная победа в войне недостижима, поскольку боливийская армия восстановила свою боевую мощь. Уже в начале

апреля Э. Айяла на очередной встрече с Х.Ф. Эстигаррибией указал на необходимость и неизбежность перемирия. В этот раз командующий, готовивший наступление на Парапители, уклонился от прямого ответа, указав на обязанность президента отстоять завоевания, достигнутые ценой жизни тысяч *патапилас*.

Понимание необходимости прекращения войны правящими кругами обеих стран встретило ответную реакцию их американских коллег. В деле заключения соглашения по прекращению огня согласились участвовать представители Аргентины, Бразилии, США, Перу, Уругвая и Чили. Военный министр Аргентины Родригес даже надавил на президента Айялу, намекнув при очередной встрече, что настало время заключить мир. 1 мая в Буэнос-Айресе открылась мирная конференция. Для ее проведения аргентинским правительством была предоставлена президентская резиденция Каса Росада. На ней интересы Парагвая представлял Луис Риат, сменивший Херонимо Зубизаретта на посту министра иностранных дел. Боливийскую делегацию на переговорах представлял тоже министр иностранных дел Томас Мануэль Элио, сопровождаемый полковниками А.Родригесом и Ф.Риверой.

Позиция боливийской делегации формировалась под влиянием их коллег из Вашингтона на основе доктрины Мендосы, которая была неприемлема для Парагвая. В дополнение к этому Ла Пас продолжал настаивать на предоставлении ему портов в судоходной части рек Парагвай и Пилькомайо южнее болот Эстерос де Патиньо. Понимая необходимость уступок противнику, Ла Пас предоставлял своим делегатам широкие полномочия в центральной области Чако. Гарантией дальнейшего умиротворения боливийской стороне виделось заключение пакта о ненападении между воюющими сторонами. Однако внутри боливийской делегации существовали разногласия о путях достижения перемирия. Военные, Родригес и Ривера считали необходимым ужесточить позицию на переговорах. Однако мнение министра общественных работ, оловянного барона Карлоса Виктора Армайю, указавшего, что дальнейшее продолжение войны приведет к закладу Канаде всех доходов от экспорта боливийского олова. Интересы национальной олигархии оказались выше престижа страны: уже 5 июня боливийские представители согласились на условия посредников.

Несмотря на внешнеполитическую изоляцию и сложность внутреннего положения парагвайская делегация стремилась к двусторонним переговорам и рассмотрению причин, породивших войну. Ее положение осложнялось тяжелыми боями на Парапители и Посо дел Тигре, в которых ни одна из сторон не могла добиться перевеса. Однако в конце концов был найден взаимоприемлемый компромисс, который был впоследствии разрекламирован как торжество американского единства. Протокол о прекращении огня, подписанный в Буэнос-Айресе, предусматривал следующие пункты:

1)

прекращение огня вдоль всей линии фронта при сохранении войск противников на своих позициях под контролем комиссии нейтральных государств;

2)

подписание пакта о ненападении;

3)

одновременная демобилизация противостоящих армий до 5000 человек каждая.

Основным вопросом стало разграничение в Чако. Обе стороны ясно осознавали, что решение суда в Гааге не устроит стороны. Однако, если Элио старался рассмотреть вопрос о границе при участии иностранных посредников, то Л.Риарт настаивал на двусторонних переговорах. Отстаивая свою позицию, Ла Пас справедливо надеялся на поддержку Белого Дома, который по мере сил и возможностей старался поддерживать своего давнего клиента. Кажется, переговоры зашли в тупик, но, неожиданно, представители двух крупнейших государств Южной Америки Сааведра Ламас и Маседо Соарес дали свои личные гарантии, что протокол будет дополнен. 11 июня боливийский конгресс по представлению кабинета Л.Техады Сорсано,

несмотря на протесты Саламанки, интернированного в Кочабамбе, незначительным большинством голосов акцептировал условия прекращения огня.

В тот же день, Л.Риарт постарался использовать сообщения о победе при Ингави для изменения условий протокола в пользу Асунсьона, однако его попытки встретили серьезное сопротивление со стороны Элио и натолкнулись на стену непонимания посредников. Особенно, жесткой была позиция Аргентины, президент которой Хусто лично разговаривал по телефону с президентом Айялой. В этом разговоре, при котором присутствовал Сааведра Ламас, аргентинский президент упрекнул парагвайскую сторону в попытке срыва переговоров в Буэнос-Айресе. Возможно, это был первый в истории дипломатии случай, когда переговоры между двумя главами государств прекратили войну. Столь неприкрытое давление со стороны, пожалуй, единственного союзника позволило президенту Айяле подрезать крылья асунсьонским ястребам, и парагвайский конгресс в тот же день акцептировал условия прекращения огня. Таким образом, именно Буэнос-Айрес остановил войну, длившуюся три года. За эти свои действия Сааведра Ламас получил Нобелевскую премию мира, чем еще более разозлил своих оппонентов из Вашингтона. Впервые за всю историю южноамериканского континента дипломатия страны третьего мира оказалась эффективнее политики Белого Дома, который извлек серьезный урок. На следующий день в Каса Росада был подписан протокол положивший конец трехлетней войне.



**Луис Риарт и Мануэль Элио подписывают
протокол о прекращении огня**

По условиям протокола огонь по всей линии фронта должен был прекратиться в полдень 14 июня 1935 года, а войска бelligерентов оставаться на позициях, достигнутых ими к этому времени. В соответствии с протоколом о прекращении огня его соблюдение возлагалось Военную комиссию нейтралов. Вошедшие в неё представители Аргентины, Бразилии, Чили, США и Уругвая должны были прибыть в Карандаити, где располагался штаб Х.Ф.Эстигаррибии, а перуанский офицер – Вилью Монтеc. Побывав в боливийской крепости, он на следующий день должен был присоединиться к своим коллегам. В последующие дни члены комиссии обязаны были зафиксировать позиции сторон, убедиться в реальности прекращения огня и проследить за демобилизацией.

В этот день исполнилось ровно три года после первых выстрелов у Питиантуты. В канун вступления в силу соглашения о прекращении огня боливийское командование отдало приказ обстрелять позиции противника из всех видов оружия 14 июня в 11:30. Причиной столь необычного приказа была, по-видимому, боязнь неожиданной парагвайской атаки тактически важных пунктов обороны боливийцев. По-видимому, боливийское командование руководствовалось событиями, происшедшими полутора годами раньше, когда наступавшие парагвайцы неожиданно перешли в наступление и заняли боливийские форты в долине Пилькомайо. Парагвайцы им ответили, и последние полчаса по всему фронту шла беспорядочная стрельба. Ее последней жертвой, как и всей войны, стал боливиец Мартин Тудела, погибший от случайной пули за несколько минут до полудня. Однако ситуация была уже не та: уставшая от войны победоносная парагвайская армия после боев у Вильи Монтеc и на Парапители была не в силах наступать. В 12:00 огонь по всей линии стих и на линии фронта наступила тишина, которая через некоторое время перешла в шумное братание солдат противоборствующих сторон. В отличие от предыдущего краткого перемирия обе стороны понимали, что боевые действия окончились. Вслед за этим стали служить благодарственные молебны, и заиграли полковые оркестры. В 13:00 в Карандаити прибыли военные из комиссии по прекращению огня и приступили к своей работе.



Согласно протокола боливийцы и парагвайцы должны оставаться на позициях, достигнутых ими к полудню 14 июня 1935 года в полдень. Хотя прекращение огня предусматривалось соглашением только на двенадцать дней ни одна из сторон не стремилась продолжать военные действия: народы Боливии и Парагвая устали от войны. Перемирие было продлено, а с 10 июля стороны обязывались в течение 90 дней отвести войска от линии соприкосновения. После этого обе стороны приступили к демобилизации своих армий. Они должны были в течение 90 дней отвести войска от линии соприкосновения и сократить их численность до 5000 человек каждая. По экономическим причинам парагвайская сторона была заинтересована в быстрой демобилизации: началась уборочная страда и их сельскому хозяйству банально не хватало рабочих рук. Боливия разоружалась медленнее, в первую очередь, из-за логистиче-

ских причин. Комиссия нейтралов определила шесть пунктов для демобилизации боливийской армии (Кайза, Вилья Монтес, Лагуна Каматинди, Санта-Фе, Равело и *фортин Сан-Хуан*) и 8 для её бывших противников (*фортины Гальпон, Ингави*, перекрёстки дорог у Хуйрапитинди и Санта-Фе, Карандаити, Капиренда, Санта-Тересита и Оруро). Транспортировка военнопленных боливийцев на родину должен был проходить через Формозу, по реке Парагвай, Якуибу, Вилья Монтес, Пуэрто Суарес, Асунсьон, Корумба или Пуэрто-Суарес. Немногочисленные парагвайцы возвращались на родину через Ла Куаку, Формозу и Асунсьон. Тяжелобольные и калки вывозились на самолётах. Возвращение бывших солдат и военнопленных шло под контролем комиссии нейтралов. Она прокладывала маршруты так, чтобы бывшие противники по дороге не сталкивались. Тем не менее, обе стороны установили специальные пропускные пункты в д'Орбиньи и Куруренде. На первом этапе (с 10 по 30 июля) стороны должны были распустить одну восьмую своих вооруженных сил. К 30 июля 6000 боливийцев и 4000 парагвайцев вернулись домой. С 31 июля по 9 августа должны были быть распущены вдвое больше. Всего Боливия демобилизовала 54 105 офицеров и солдат, а Парагвай – 40 515 человек.



Обе стороны встречали ветеранов войны. Кто побогаче нанимал музыкантов, кто победнее готовил праздничный ужин. В Асунсьоне парад победы был омрачен воспоминаниями о многих жертвах. В Ла Пасе говорили о войне без победителей и побежденных. По совету генерала Плачека демобилизованные солдаты были сразу зачислены в Легион, представлявший собой военизированную милицию. Демобилизация и переход к армии мирного времени в Парагвае проходили под руководством дивизионного генерала Н.Ф.Эрна, получившего пост главного военного инспектора. Согласно его задумке военное командование сохраняло кадры боевых частей сведя полки в роты. Полностью боеготовыми оставались три пехотные дивизии:

1я дивизия в составе 2 и 4 пехотного полков базировалась размещалась в Камачо и Пуэрто Касадо, а 2я перемещалась в Консепсьон. Она тоже состояла из 2 пехотных полков – 1 и 3. В северном Чако оставалась 6я дивизия. Оба её полка (1 кавалерийский и 5 пехотный) размещались в Капиренде. Здесь же находилась 1 артиллеристская группа и 1 сапёрный полк. Кроме этого вдоль реки Пилькомайо была развернута сводная кавалерийская группа. Ее главной задачей стала организация патрулирования новой границы с Аргентиной Сохранился и корпус береговой обороны. Все оставшиеся части были сформированы таким образом, чтобы в случае роста военной опасности быстро развернуться: рота и эскадрон переформировывались в полки, а батареи – в группы. В случае возобновления войны Парагвай мог быстро мобилизовать 4 артиллерийские группы, 7 кавалерийских, 4 инженерных и 22 пехотных полков.

Многие *патапилас* в последний раз прошли по “зеленому аду”, обильно политому их кровью. Они возвращались победителями, одолев лучше вооруженного, превосходящего числом, но не духом. Их победы позволили пополнить арсенал страны и повысить ее обороноспособность. Благодаря своему фатализму они стояли насмерть даже тогда, когда, казалось, это было невозможно и одержали победу, реабилитировавшему их в собственных глазах. О географических рубежах, достигнутых парагвайскими солдатами за три года войны, в Асунсьоне не могли даже помыслить тревожной зимой 1932 года. Это и многое другое сказал президент Э.Айяла своим солдатам на параде Победы, состоявшемся 22 августа 1935 года в Асунсьоне. В нем было приняты участие 10000 ветеранов последней кампании, представлявших все части парагвайской армии. По улицам столицы пронесли знамена полков, принявших участие в военных действиях. По окончании праздника *патапилас* вернулись к своим родным очагам и обнаружили мало перемен. Это стало одним из побудительных мотивов недовольства новым режимом.

Их боливийским оппонентам не следовало возвращаться домой опустив голову. В тяжелых боях с сильным и умелым противником они проявили стойкость в обороне и храбрость в атаках. За годы войны 250000 *чоло* и индейцев были призваны в ряды армии. Пятая часть из них не вернулась домой уже никогда. Уцелевшие возвращались домой полностью разочаровавшись в своем руководстве. Многие офицеры винили правительство страны, не позволившему им выиграть войну. Всплыл избитый лозунг о “предательстве тыла”, что настроило ветеранов против *роски*. Многие представители последней оставались также недовольными результатами переговоров, которые отражали только интересы «оловянных» баронов и крупных торговцев, заинтересованных в скорейшем прекращении военных действий. Недовольной оставалась и буржуазия, наживавшаяся на поставках армии. Война, целью которой была консолидация нации, привела к ее еще большему расколу.

15 июня два *Потеза* и *Бреда* 44 доставили парагвайскую делегацию по прекращению огня в Вилью Монтес. Начинался процесс разоружения сторон. Продолжились и переговоры в *Каса Росада*. 1 июля в Буэнос Айресе открылась мирная конференция, на которой интересы США представлял Гисон, который, лоббируя интересы Боливии, стал настаивать на рассмотрении возможности выхода Боливии к реке Парагвай и “справедливого” раздела Чако. Однако представитель Асунсьона Херонимо Зубизаретта отказался вести переговоры на этих условиях. В отличие от Л.Риарта, который был склонен к компромиссам, этот парагваец был, пожалуй, наиболее стойким и последовательным борцом за интересы своей родины. Родившийся в 1880 году Х.Зубизаретта на протяжении трех десятилетий являлся столпом Либеральной партии и ярым патриотом своей страны. В условиях военной победы он под влиянием патриотических чувств занял чрезвычайно жесткую позицию на переговорах, не желая под влиянием военных уступить хотябы пядь земли, завоеванной кровью парагвайских солдат.



Д.Горо, Х.Ф.Эстигаррибия, Э. Пеньяранда и А.Мена
Встреча командующих и начальников штабов враждебных армий

До 15 октября переговоры топтались на месте. Тем временем, бывшие противники, опасаясь превращения конференции в Буэнос Айресе, в подобие Берлинского Конгресса, сами начали сближать свои позиции. 19 июля бывшие противники Эстигаррибия и Пеньяранда впервые встретились в Пуэсто Мерино для определения нейтральной зоны, которая должна была окончательно разъединить обе армии.

Переговоры закончились общей фотографией, шампанским и взаимными комплиментами, которые в устах парагвайцев звучали несколько иронически. По мере спада эйфории, связанной с прекращением, в общем, бессмысленной войны, на повестке дня стали все чаще появляться вопросы, решение которых вызывало определенные трения между бывшими противниками. Одним из них стал вопрос обмена военнопленными. Переговоры по этому вопросу затянулись по ряду причин. Одной из них было несоответствие количества пленных парагвайцев (2491) и боливийцев (17112). Главным стоял вопрос компенсации пребывания их в плену. Первоначально протоколом о прекращении огня от 12 июня предусматривалось обмен военнопленными один-к-одному и передачу остальных только после подписания мирного договора вместе с выплатой Боливией компенсации за их содержание. Например, парагвайские представители настаивали на включение в эту сумму расходы на содержание 8 офицеров, 1 курсанта и 194 солдат, отправленных по линии Красного Креста на родину в Ла Пас. Боливийская сторона возражала против этого, ссылаясь на Гаагскую конвенцию.

Когда на родину были отправлены все тяжелобольные и увечные, переговоры постепенно сдвинулись с места. Обе стороны осознавали, что наличие военнопленных может легко стать объектом политического давления друг на друга. Поэтому в скором времени Боливия стала настаивать на обмене военнопленными по принципу “всех-на-всех”. Принципиально согла-

шаясь с этой позицией, Асуньсьон стал настаивать на немедленной компенсации стоимости содержания боливийских пленников. Переговоры сопровождались различного рода демонстративными действиями и демаршами. Например, Асуньсьон в одностороннем порядке отпустил несколько сот пленников, уроженцев департаментов Бени и Санта-Крус, ясно намекая на направление дальнейшей территориальной экспансии. Под давлением нейтралов стороны начали обмен пленными ещё в сентябре.

На переговорах вторым по своей остроте оказался вопрос контроля за вооружениями противников, ибо госдепартамент старался жестко контролировать Парагвай, делая поблажки Боливии. Уже 6 июля посол США в Буэнос-Айресе Уэдделл докладывал Белому Дому на позицию Сааведры Ламаса, который с одинаковой строгостью требовал выполнения всех условий протокола от 12 июня обеими противниками. Дипломатический успех в *Каса Росада* поднял его авторитет на недостижимую высоту, что позволило ему не считаться со своими коллегами-посредниками. Представитель США на конференции в своем сообщении от 20 июля подтвердил сложившееся положение. Госдепартамент оказался перед угрозой потери своих дипломатических позиций в Южном Конусе. Необходимо было что-то предпринять. Первоначально позиция США, а вместе с ним и Боливии, ужесточилась. Это привело к демонстративной мобилизации Парагваем призывников 1915-1917 годов рождения 15-20 сентября. Несмотря на то, что этот шаг Асуньсьона вызвал негативную реакцию: в рядах оппонентов Х.Зубизаретты оказался даже его аргентинский коллега, позиция Парагвая показала его решимость стоять в Чакском споре до конца. Следствием жесткой позиции парагвайских дипломатов стало понимание представителями стран-посредников невозможности прийти к миру на основе доктрины Мендосы. И 15 октября стороны начали искать новый принцип решения Чакского вопроса. Это дало свои плоды. Уже 1 ноября многие спорные вопросы были принципиально разрешены и было провозглашено прекращение Чакской войны. Однако до стабильного мира было еще очень далеко. Многие проблемы, решение которых было только намечено, оставались висеть в воздухе.



5 октября в 16:00 специальный поезд доставил старших офицеров и генералов верховного командования боливийской армии во главе с Э.Пеньярандой в Ла Пас. Они были встречены громадной молчаливой толпой, огороженной кордоном солдат. Только одинокий крик: «Слава павшим у Пикуйбы!», – нарушил молчание. Офицеры проследовали на машинах вслед за небольшими колоннами ветеранов 4 и 5 кавалерийских полков, чьи оркестры громко играли бравурные марши. Возвращение войск с войны толпа встретила улыбками и громкими криками. Громадное количество белых платков взвилось в воздух: так обыватели Ла Паса выразили свое отношение к героям войны – солдатам, игнорируя виновников поражения – старших офицеров, которые больше занимались политикой и интригами, чем военным планированием.

Конец 1935 года протекла в бесплодных прениях в *Каса Росада* по вопросу обмена пленными. Только 21 января бывшие противники и представители шести государств-посредников подписали соглашения об обмене военнопленными по принципу «всех на всех», компенсации за их содержание и восстановлении дипломатических отношений. В результате окончательно подсчета, включая неучтенных интернированных гражданских лиц, Боливия возвратила Парагваю 2498 человек. По её данным 52 парагвайца умерли за время пребывания в плену, 16 бежали, а 23 предпочли остаться в Боливии. Асунсьона заявил о взврате 17037 бывших военнопленных. В Парагвае решили остаться несколько тысяч боливийских граждан, 1097 боливийцев умерли в плену, а более 2000 бежали в Аргентину. Последним боливийским военным, покинувшим лагерь военнопленных был капитан Марсана, комендант *Бокерона*. Он пробыл в парагвайском плену целых 45 месяцев. 10 июля 1936 года он приехал на родину, где его встречали как героя. Только в 1936 году Парагвай и Боливия смогли полностью провести обмен, причем Расходы Парагвая на содержание пленных были оценены в 2800000 аргентинских песо, а Боливии в 400000. Разница была полностью уплачена Ла Пасом в середине июля 1936 года.



После обмена пленными ситуация на конференции понемногу стабилизировалась. Однако ни одна из сторон не была готова идти на уступки. Парагвайские дипломаты под давлением военных продолжали настаивать на проведении границы в Чачо по линии фронта. Эта позиция позволила бы им с началом новой войны сразу же угрожать боливийским нефтепромыслам, что, по их мнению, гарантировало им преимущества в начальный период войны. Боливийская позиция оставалась прежней. Нежелание политиков искать компромисс не могло не сказаться на росте антивоенных настроений их народов и армий.

С военной точки зрения в войне победил Парагвай. Его армия на протяжении трех лет громила войска противника, захватывая трофеи и пленных, отвоевывая спорную территорию. В результате он фактически овладел большей частью спорной территории, а также захватил почти двадцать тысяч пленных и богатые трофеи. Среди них было 50 пушек разных калибров, от 100 до 150 минометов с 50 тысячами снарядов к ним, 4 единицы бронетехники, включая два танка, 250 грузовиков, 350 станковых и 1800 ручных пулеметов, 3,600 пистолетов-пулеметов, от 40 до 50 тысяч винтовок и миллионы патронов. В свою очередь, в ходе боевых действий парагвайская армия отдала боливийцам 7 75мм пушек (3 *Шнейдера* и 4 *Виккерса*), 4 миномета, 20 станковых и 100 ручных пулеметов, 4000 винтовок и 80 грузовиков.

Несмотря на столь значительные показатели Чакская война не была выиграна Парагваем окончательно. Боливийская армия не была уничтожена. Даже в конце войны она и технически, и численно превосходила противника, который были обескровлен и уже не могли наступать. Подобная ситуация возникла в конце русско-японской войны, сходство с которой очевидно. Основное различие заключалось в том, что за спиной Японии стояли великие державы – США и Великобритания, а Парагвай был один против всего мира. От Асунсьона в какой-то момент отвернулся даже благожелательно настроенный «старший брат» – Буэнос-Айрес. Этим можно объяснить дипломатический итог войны: Боливия сохранила за собой нефтеносные земли на севере Чачо и получила доступ к судоходству по реке Парагвай. Ее противник, получив гораздо больше земли, приобрел пустыню. Единственным реальным результатом победы стал перенос

границы на 300 километров к северо-востоку от реки Парагвай и аргентинских квебраховых разработок на ее правом берегу.

«Веселая прогулка» в Чако дорого обошлась Боливии: она углубила «комплекс неполноценности» среди боливийских военных, привела к милитаризации страны. и Революции 1952 года, семена которой были посеяны в лагерях военнопленных. Поражение в дебрях Чако лишила офицерскую военную касту и правящий класс ореола защитников интересов и хранителей традиций Андской республики. *Колоко*, оказавшиеся в одних окопах с *чоло*, утвердились в собственном равенстве с ними. Это стало причиной Революции 1952 года, изменившей социально-политическое лицо Боливии. Милитаризация коснулась и Парагвая, который ожидали очередные бурные десять лет истории. Падение авторитета правящего класса привело к росту социальной напряженности внутри обоих государств. Война дала сильный толчок к изменению социально-политических структур бывших противников. Именно она является начальной точкой отсчета Революции 1952 года в Боливии и диктатуры Стресснера в Парагвае.

Бесплодная война принесла обеим сторонам только разруху. Расчет на наличие нефти в Чако не оправдался. Парагвай, заняв большую часть «зеленого ада», не смогли извлечь никакой экономической выгоды от этого.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что они защищали интересы англо-аргентинских скотопромышленных и квебраховых компаний, действовавших на правобережье Парагвая, и немецких меннонитов, которые не пошевелили пальцем, чтобы помочь *пататилас* отстоять фортин Толедо – западную границу их автономного округа. Прекращение огня еще не означало прочного мира. Угли конфликта продолжали тлеть на протяжении многих десятилетий. Даже через тридцать лет после окончания войны обе страны продолжали с подозрением наблюдать за военными маневрами и приготовлениями друг друга и содержать значительные по численности вооруженные силы.



Три генерала: Эстигаррибия, Фуэнтес (Чили), Пеньяранда

4. ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ.

Финансы. Мобилизация экономики и военное производство. Подготовка резервов. Снабжение.

Незадолго до войны в мае 1932 года президент Д.Саламанка принял закон, который обязал экспортеров олова передавать 65% иностранной валюты, получаемой по контрактам, в Центральный банк Боливии. Он стал единственным органом, уполномоченным оперировать с нею. В апреле 1932 года цена тонны олова упала на 30% и составила 102 британских фунта за тонну. В результате боливийское производство олова резко снизилось вдвое. В своем желании иметь здоровую валюту, необходимую чтобы оплачивать военные поставки, боливийское правительство в декабре 1932 года приняло новый декрет, по которому вся иностранная валюта и золота должны были быть помещены в Национальный Банк. Эта мера позволила казначейству получить от четырёх банков 470586 фунтов стерлингов (240 586 из Центрального, 60 000 из Национального, 120 000 из Горного и 50 000 из Коммерческого). Тогда же был установлен единый обменный курс в размере 20 боливийских песо на стерлинг, что существенно повлияло на национальную горнодобывающую промышленность в президентство Д.Саламанки. Эти меры в значительной степени сняли тяжесть военных расходов с *чоло*, переложив их на плечи крупной буржуазии и горных рабочих. В 1932 и 1933 годах на военные нужды тратилось ежегодно по 11408835 боливийских песо, а в 1934 году – 11399985.

Политика Техады Сорсано не сильно отличалась от его предшественника. Одной из его первых мер в январе 1935 года стала девальвация боливийского песо сразу в 4 раза: 20 песо за 1 доллар США или 80 песо за 1 фунт стерлингов. В конце ноября 1934 года долги Боливии иностранным банкам выросли до 1402711 фунтов, а национальным составили 3234672 британских фунтов, то есть в общей сложности 4 637 383 фунта стерлингов. К этому надо добавить задолженность в национальной валюте в размере 177 147 724 песо. В начале 1935 года Центральный банк представил правительству закупок материалов и других расходов. Кредитные операции боливийского правительства в 1935 году достигли в общей сложности около 50 миллионов долларов США в размере 5 золотых боливиано за 1 доллар США, а долг в национальной валюте был эквивалентен 7,142,857 долларов США по ставке 4,2 боливийских песо за 1 доллар США. По оценкам национальных экспертов, на ведение войны в Чако требовалось ещё примерно 50 миллионов долларов США. Более того, инфляция так повлияла на экономику, что боливийское правительство попросило и получило весной 1935 года от Центрального банка Боливии новый кредит в размере 50 миллионов боливийских песо.



Над правящими кругами Асунсьона на протяжении всего Чакского конфликта довлел фатальный исход войны с Тройственным Альянсом. С самого начала война с Боливией рассматривалась парагвайской общественностью как борьба за выживание нации. Это привело к единению и безболезненной мобилизации всех ресурсов страны. Предпринимая меры по перестройке тыла на военный лад Э.Айяла и его фракция либералов не только апеллировали к патриотизму своих граждан, но и сделали иностранных инвесторов заложниками возможного военного поражения. В случае неудачного исхода войны квебраховые и скотоводческие компании, чьи основные владения располагались в Чако потеряли бы значительную часть собственности. Удар наносился бы и по менонитским колониям в районе Филадельфии. Таким образом, оказалось довольно несложно заставить иностранный капитал раскошелиться для обороны страны.

Парагвайское правительство до 1934 года не имело в своём составе министра экономики: этот пост появился только в 1934 году. До этого военными поставками занимался Генеральный директорат по экономии и интендантству при Министерстве благосостояния. Главная задача этой организации заключалась в поддержании и, по возможности, повышении уровня производства сельского хозяйства, особенно животноводства, и промышленности. В его ведении находился контроль за поставками всех видов сельскохозяйственной продукции, как для армии, так и на экспорт. Директорат стимулировал производство сахара, большая часть которого экспортировалась в Аргентину, хлопка, кукурузы и табака. Особенное внимание уделялось разведению крупного рогатого скота. Несмотря на контрабанду, его экспорт ежегодно приносил стране 530 000 золотых песо в иностранной валюте. Большим подспорьем для парагвайской экономики было наличие аргентинского рынка.



Падение стоимости песо фуэртэ к аргентинской валюте за годы войны в четыре раза стимулировало экспортное производство. Одним из наиболее важных механизмов приобретения средств для покупки за границей военных материалов стала работа Комиссии по сбору золотых предметов для национальной обороны, созданная в декабре 1932 года специальным декретом правительства. В декабре 1932 года Парагвай хотел получить у иностранных банков кредитную линию в размере 5 миллионов аргентинских. По два из них гарантировал *Банк Лондона и Южной Америки* и *Немецкий Банк для Южной Америки*, а один – Аргентинский Банк Хогар. Кредит был гарантирован пошлинами на экспорт пшеницы и муки. Он был прибавлен к внешнему долгу страны, который в конце 1932 года составил 650 000 британских фунтов. Первые два упомянутых банка отклонили запрос на предоставление кредита, утверждая, что предыдущая кредитная линия еще не закрыта полностью. В сентябре 1933 года обязательства по кредиту в полном объёме перенял Национальный банк Аргентины. Он предоставил правительству Э.Айялы требуемую сумму и немедленным перевёл 1 миллион. В феврале 1934 года аргентинский поставщик электроэнергии для Парагвая, американская компания *Light & Traction*, предоставила кредит в размере 500000 аргентинских песо при годовой ставке 6%. В июне того же года *Industrial Paraguaya SA* предоставило Асуньсьону такой же кредит. В период с 26 октября по 26 декабря 1934 года министр финансов Риварола получил из Министерства

финансов Аргентины три платежа на сумму 2875375 американских долларов. Эти финансовые вливания сопровождались поставкой большого количества медикаментов (тысячами инъекций от столбняка) и 32 ящиками мин из Франции. Они были выгружены в порту Буэнос-Айреса и отправлены в Парагвай, несмотря на эмбарго. Парагвайский экономист Ангел Риос оценивает расходы своей страны в 3247686266 песо фуэрте, из которых 665926666 представляют собой довоенные закупки оружия и военных материалов, а 400000000 – стоимость боливийских трофеев. Таким образом, фактическая стоимость военных расходов Парагвая в годы войны составляет 2181760000 песо фуэрте.

Парагвай перед войной не обладал военной промышленностью. В ее канун для военных нужд могли быть использованы флотский арсенал Сайония, авиаремонтные мастерские, локомотиворемонтное депо и небольшие верфи в Консепсьоне и Энкарнасьоне. С началом конфликта эти предприятия приступили к выполнению заказов по производству и ремонту вооружения и боеприпасов. Основные работы проводил флотский арсенал Сайония. На нем строились небольшие суда, производились ручные гранаты, фугасы и минометные мины. Отливки их корпусов выдвельвались в примитивных кустарных печах. Простота изготовления позволила прекрасно наладить это производство. Арсенал использовался и для переделки трофейного оружия под парагвайские стандарты и смог собирать из неисправных деталей пулеметы и винтовки. Механические мастерские арсенала чинили неисправные винтовки или собирали из двух одну. При армейских корпусах были развернуты небольшие предприятия по набивке патронов из использованных гильз. На нем было занято 150 человек, которые производили по 8000 патронов в день. Цена их производства была высока и составляла 80 золотых песо за сотню. Мощности *Сайонии* и армейские мастерские позволили обеспечить боеприпасами парагвайскую пехоту. Авиамастерские, расположенные Нью-Гуасу (Кампо-Гранде), казалось, делали невозможное: в 1933 году они из обломков двух боливийских *Скаутов* и двух парагвайских *Потезов* собрали два новых самолета. Позже им удалось отремонтировать поврежденный *Фиат*. Столкнувшись с трудностями обеспечения армии изделиями из кожи министерство финансов еще до войны вложило деньги в сыромятную фабрику. В ходе войны была построена еще одна такая фабрика, а также кирпичный и металлообрабатывающий заводы. Их продукция была низкого качества, но удовлетворяла армейские нужды

Государственный долг Парагвая на 30.11.1935 года

Внутренний долг в т.ч.	
Консолидированный долг	2312959 зол. песо и 31357539 песо фуэрте
Документированная задолженность	342400 зол. песо
Текущая задолженность по платежам	468954 зол. песо и 69420886 песо фуэрте
Проценты по займам	480922 зол. песо и 1156089 песо фуэрте
Итого	3594984 зол. песо и 102334856 песо фуэрте
Иностранные займы в зол.песо	
Займы 1871-1872 гг.	2312959
Займ 1912 года	955382
Просроченные проценты по займам	294145
Боны	20544
Займ Национального Банка Аргентины	56856
Облигации военного займа	3679665
Займствования по Закону 940	3956000
Итого	11275552
В августе 1932 эта сумма составляла	3345742 зол. песо

В годы войны ряд гражданских предприятий стал выполнять военные заказы. На эфирных заводах стали производить порох и взрывчатые вещества, а ткацкие фабрики начали шить обмундирование. Мелкие мастерские Асунсьона тачали башмаки и собирали повозки, производили металлические отливки и ремонтировали автомобили. С 1933 года министерство экономики Парагвая поставило под контроль работу всех частных предприятий. Это было легко сделать – девять десятых мелких мастерских находилось в окрестностях столицы, а работающие на экспорт предприятия были сконцентрированы в руках дюжины олигархов. В этих условиях контроль за выполнением правительственных заказов сильно облегчался.

В целом, организация военной промышленности Парагвая на порядок превосходила боливийскую. Значительную роль в этом сыграло министерство экономики. Его усилия, как и многочисленные военные трофеи, позволили резко снизить военные затраты и обеспечить армию необходимым минимумом оружия и экипировки. Всего к выполнению оборонных заказов министерства экономики было привлечено 8 швейных и обувных, 18 текстильных и 12 хлопчатобумажных фабрик и мастерски. Четыре типографии также выполняли военные заказы. Дюжина химических фирм производила или ввозила мыло, кожи, медикаменты и керосин. На нужды обороны работали 9 механических и 13 металлообрабатывающих предприятий с 669 рабочими. Тысячи рабочих производили винтовки и патроны в четырех цехах арсенала Сайония. С начала конфликта индекс военного производства в Парагвае вырос в десять раз. Всего на предприятиях оборонного сектора работало 22000 человек, которые получали паек, составлявший 75% от величины военного.

Использование частного сектора, с которым правительственные учреждения расплачивались обесцененными песо и предоставляло пайки, позволило частично решить проблему обеспечения войск обмундированием и вспомогательным транспортом. Недостающую часть военного снаряжения и почти все вооружение обеспечивали зарубежные поставки. Решение вопроса их оплаты было решено путем принудительного обмена половины валюты, поступающей от экспорта. Разумная обменная политика позволяла иметь в условиях тяжелого экономического кризиса в своем распоряжении постоянный источник валюты. Работа Бюро обмена валют в годы войны также увеличилась. Первоначальной его задачей было всего лишь поддержание курса песо фуэрте на определенном уровне. Теперь же оно контролировала всю наличную валюту в стране. Соответственно, выросли и его доходы. Если во время своего основания Бюро зарабатывало на обмене только миллион золотых песо, то в годы войны эта цифра выросла в пять раз. Замена призванных в армию мужчин военнопленными в значительной степени компенсировали нехватку рабочих рук в экспортных отраслях экономики. От нее пострадали, в основном, мелкие товарные хозяйства, производящие табак и хлопок, значительно сократившие объем своего производства.

Боливийские военные усилия за исключением транспорта и ремонтных мастерских до конца 1934 года не затрагивали хозяйственный сектор. Военная промышленность страны находилась в зачаточном состоянии. Только авиационные мастерские и чугунолитейный завод постоянно производили продукцию для военных нужд. Нефтеперерабатывающие заводы в Камири и у Вильи Монте также работали на войну, поскольку большая часть автотранспорта оказалась в армии. Усилия фискальных органов Боливии были направлены на изъятие доли от экспортной выручки для закупки необходимого оружия и боеприпасов. Переориентация промышленности на войну началась только после объявления всеобщей мобилизации. Это коснулось, текстильных и обувных предприятий, получивших военные заказы, поскольку обмундирования и обуви для новых призывных контингентов не хватало. В 1935 году стала очевидна полная зависимость боливийской армии от поставок оружия и боеприпасов из-за рубежа. Перебои в этих поставках ставили под угрозу ведение боевых операций. При помощи чешских

специалистов из *Зброёвки Брно* боливийскому министерству обороны удалось наладить производство патронов в значительном объеме (до 150000 в день), ручных гранат и авиационных бомб. Однако этого количества не хватало, и закупка патронов за границей продолжалась. С грехом пополам был налажен и ремонт поврежденного или бракованного стрелкового оружия, скопившегося за первый год войны. Окончилась неудачей и попытка производства артиллерийских снарядов. Зато удалось наладить ремонт техники и артиллерийских систем за счет привлеченных иностранных специалистов. Так, *Кэртис-Райт экспортс* прислала нескольких своих техников для работы в авиамастерских Эль-Альто, а немецкие специалисты помогали ремонтировать негодное вооружение.

Пополнение действующей армии в ходе войны осуществлялось противниками двумя основными способами – путем пополнения действующих частей и формированием новых подразделений. Боливийское военное командование пошло исключительно по первому пути. Задолго до объявления войны, в самом начале конфликта стратеги из Ла-Паса развернули 35 новых пехотных полков. Поскольку это развертывание не сопровождалось массовой мобилизацией эти части оказались крайне малочисленными (по 400-500 человек) и после незначительных потерь быстро теряли боеспособность. Только после событий весны 1934 года эти полки были доведены до необходимой для ведения боевых действий численности. Подготовка резервистов проводилась боливийцами в депо, развернутых в центрах военных округов. Там формировались маршевые отряды, которые направлялись на фронт. Их численность варьировалась в зависимости от количества призывников из данного департамента. Наиболее многочисленными были контингенты, присылаемые с Альтиплано. Однако именно среди них был высок процент симулянтов и дезертиров, достигавший в боливийской армии 30% от общего количества призывников.



Каждое резервное депо боливийской армии могло содержать до трех тысяч солдат, куда входили как призывники, так и выздоравливающие. В каждом из них военное обучение могли проходить до 400 человек. Программа обучения новобранцев занимала до трех месяцев. Часть из них задерживалась еще на несколько недель на пулеметных курсах. В критические моменты

на фронте длительность боевой подготовки сокращалась до трех недель. По мере завершения подготовки, рекруты дополнялись выздоравливающими и разбивались на маршевые роты, численностью от 100 до 150 человек. Ежемесячно каждый военный округ направлял одну – две таких роты в действующую армию. Таким образом, фронт в 1932-34 годах получал от шестисот до двух тысяч пополнений в месяц. По пути маршевые роты объединялись в более крупные подразделения – отряды. Иногда их даже использовали как отдельные. Однако их боевая ценность была невысока.

Помимо обучения в тылу, кое-какая боевая подготовка проводилась на фронте. Однако в боевых условиях она носила спорадический характер. Так, во второй половине 1933 года по приказу генерала Г. Кундта готовили солдат штурмовых групп, которые осваивали новую тактику и новое оружие – огнеметы. Другим примером может служить повсеместное обучение солдат полевых частей боливийской армии саперным работам и маскировке, проведенная в начале 1935 года. В конце войны ситуация коренным образом изменилась. Общая мобилизация дала армии более 50000 плохо обученных солдат. У главнокомандующего Б.Бильбао Риохи не было времени организовать их обучение в местах сбора, поскольку противник приближался к Андам. Поэтому он отдал распоряжение провести обучение прямо в боевых частях. Ветераны Чако справились со своей задачей: резервисты были равномерно распределены по отделениям и за два месяца обрели боевой опыт. Однако уровень подготовки различных частей был неодинаков, что часто сказывалось на их боеспособности. Тем не менее, именно этим войскам удалось остановить победоносное продвижение парагвайцев.

Отличившиеся солдаты направлялись на курсы унтер-офицеров. На них было занято 430 офицеров и солдат, которые обеспечивали процесс подготовки 1500 унтер-офицеров. Всего существовало девять таких пунктов, обучение в которых продолжалось от шести месяцев до года. Выпуск сержантов был невелик – всего до тысячи – тысячи двухсот человек в полугодие. После мобилизации, когда резко выросло количество обер-офицерских должностей, стала сказываться нехватка офицеров. Подготовкой младших офицеров занимались военный колледж, школа офицеров резерва и ее филиал, развернутый при университете Ла-Паса. Уровень подготовки младших офицеров был низок, ибо они проходили 2-3 летний курс обучения за год. Количество подготовленных на этих курсах командиров за годы войны оказалось невелико – всего около шести сотен человек.

Наиболее сложной оказалась подготовка технических и медицинских специалистов для боливийской армии. Летчиков готовила Авиационная школа, которой постоянно не хватало тренировочных самолетов. Но если авиационных специалистов более или менее хватало, то в остальных сферах – артиллерии, автотранспорте и, особенно, в сфере связи на протяжении всей войны сказывалась их нехватка. Курьезным можно считать случай, когда для управления первым боливийским танком был привлечен уголовник – австрийский эмигрант, ибо никто из боливийцев не хотел лезть в танк. Тем не менее, наличие подготовленного до войны резерва и неплохая система образования – при провинциальных университетах были развернуты четыре училища, готовивших медиков, интендантов, техников и связистов, позволили боливийской армии укомплектовать к концу войны свои многочисленные подразделения.

При демобилизации солдаты боливийской армии – индейцы получали комплект европейской одежды. Многие очевидцы описывали изменение облика боливийской глубинки: если в начале тридцатых мужчины, как и их перуанские кузены, носили исключительно *пончо*, то через пять в деревнях Альтиплано лет европейский стиль одежды стал преобладать. Изменения культурного плана затронули не только индейцев. Военная подготовка молодежи из средних слоев города, из которых рекрутировалось младшее офицерство, привела к повышению образовательного уровня и расширению политического кругозора. На протяжении следующих лет внутриполитическая страна определялась именно ими. Таким образом, система военной под-

готовки боливийской армии способствовала социально-политическому и культурному росту народных масс.

Парагвайская армия в силу специфики формирования и подготовки резервов развертывалась по-иному. Поскольку с самого начала конфликта была проведена всеобщая мобилизация, перед управлением Генерального штаба стояла задача боевой подготовки больших военных контингентов. Как уже отмечалось, в июне 1933 года в парагвайской армии и флоте были 501 офицер, 200 кадетов военных училищ, 690 унтер-офицеров и только 2365 солдат, а флот 67 офицеров и 600 матросов. В первый день мобилизации под ружье было призвано 4000 человек обученного резерва. На четвертые сутки армия насчитывала уже 14400 солдат. Еще через месяц ее численность достигала 24000 человек. Примерно, 10000 из них держали ружье первый раз в жизни и поэтому в центрах военных округов были развернуты лагеря начальной военной подготовки, где работало 10 офицеров. Во II (Парагуари) и IV (Энкарнасьон) округах обучалось 4 офицерами-инструкторами одновременно 2500 новобранцев, в I (Пилар) округе – 1500 человек, а в V (Фуэрте-Олиμπο) – тысяча. В это время парагвайское командование испытывало дефицит исправного стрелкового оружия для обучения выделяли старые пулеметы и испанские винтовки с минимальным количеством патронов.

Центр подготовки командного состава в Кампо-Гранде объединил все парагвайские учебные заведения. В качестве учебных пособий ему были оставлены только 2 пушки и несколько пулеметов. Унтер-офицерская школа выпускала примерно по 2000 сержантов в год. Младших офицеров готовили Военный колледж и школа офицеров резерва. В год они обучали до 350 кадетов. Ежегодно около сорока человек обучалось при университете на военных врачей и инженеров. Авиационная школа готовила пилотов и авиатехников. При постоянной нехватке боевых самолетов парагвайское командование старалось обеспечить ее нужным количеством учебных машин. Для этого из состава действующей авиации даже выводились устаревшие модели. Таким образом, подготовка командных и технических кадров была налажена основательно. Всего за войну Нью-Гуасу подготовил свыше 1200 офицеров и чиновников, более 6000 сержантов и несколько сот техников.



Маршевые пополнения для действующей армии готовили округа. Примерно половина из них проходила начальную военную подготовку в гарнизонах Энкарнасьона и Пилара, где

кроме изучения ружейных приемов они принимали участие в охране объектов, а затем отсылались в Нью-Гуасу. Два других центра располагались в Нью-Гуасу и Фуэрте-Олиμπο. Наиболее важную роль в подготовке парагвайских солдат сыграл лагерь в Нью-Гуасу или Кампо-Гранде, через который прошли 85% всех парагвайских военнослужащих. По качеству подготовки с ним могла сравниться только 3 дивизия в Фуэрте-Олиμπο, игравшая роль последнего резерва Верховного командования. Несмотря на то, что она не участвовала в боевых действиях напрямую, ее солдаты получали подготовку прямо в поле, занимая фортины в северо-восточном углу Чако и подвергались постоянным налетам авиации и набегам патрулей. Подразделения 3 дивизии, перебрасываемые на фронт, в отличие от остальных контингентов новобранцев считались обстрелянными. Через Фуэрте-Олиμπο в годы войны прошел каждый шестой рекрут. Как правило, он некоторое время находился в фортиках Северного Чако, а затем направлялся на фронт в состав ударной группировки.

По мере готовности маршевые подразделения направлялись из Нью-Гуасу на фронт, который ежемесячно получал по 2500 свежих пополнений. Часть солдат сразу направлялась на комплектование новых военных формирований, а остальные на кораблях и по железной дороге прибывали в Исла-Пой. Прибывшие подкрепления распределялись между дивизиями лично командующим. В начале войны при формировании новых дивизий военным министерством недостаточно тщательно производился отбор командных кадров, мало внимания уделялось и совместному обучению личного состава, поскольку считалось, что земляки итак будут воевать вместе. Это в первые месяцы войны наряду со слабой тактической подготовкой привело к атакам в плотном строю и к значительным потерям в парагвайской пехоте. В связи с этим во время боевых операций потери вновь сформированных подразделений доходили до 50% состава, в основном больными и отставшими, при норме в 10-20% для старых, обстрелянных частей.

Потребность фронта в снарядах и боеприпасах в ходе Чакоской войны исчислялась в среднем по 3 снаряда на орудие и 10-20 патронов на винтовку в сутки. Эта среднестатистическая норма не отражала действительности. Как правило, противники в течение боя тратили по 50 патронов на винтовку и 200-300 на пулемет. Расход артиллерийских снарядов и мин зависел от местности и характера боев и исчислялся в боекомплектах. За редким исключением боливийская артиллерия следовала приводимым выше нормам, расходуя не менее 5 боекомплектов в месяц, в то время как парагвайцы такую роскошь себе позволить не могли и довольствовались 1-2 боекомплектами при минимальной месячной потребности пять-семь.

Обеспечение частей боеприпасами в боливийской армии производилось дивизионными парками. Они состояли из 2 парковых взводов по 4 отделения и автотранспортной роты с 33 грузовиками. Головной взвод парка располагался примерно в 20-30 километрах от передовой и обеспечивал пункт боепитания полка или артиллерийской группы примерно четвертью боекомплекта. Вторая четверть располагалась на дивизионном складе, который обслуживался тыловым парковым взводом. Каждый транспортный взвод дивизии осуществлял примерно два кругооборота в сутки, обеспечивая каждую боевую единицу половиной боекомплекта в сутки. Фактически, в среднем в сутки на боливийскую передовую доставлялось до 110-120 патронов на штык, 70-75 снарядов на действующее орудие и 14-15 мин на миномет. В абсолютных цифрах это составляло до полумиллиона патронов, пятьсот снарядов и сотню мин в сутки в 1932-33 годах и, соответственно, до двух миллионов патронов, полутора тысяч снарядов и трехсот мин в 1934-35 годах.



Слабость собственного военного производства и бесперспективность их расширения вынуждало Асунсьон и Ла-Пас искать необходимые им военные материалы за границей. Если у Боливии были налаженные связи с Виккерсом, Шкодой и Кэртис-Райт экспорте, то Парагвай рассчитывал на Мадсена, Льеж, Шнейдер и аргентинские военные арсеналы. Удачные сражения обеспечили Парагваю еще один источник оружия – трофеи. Их количество превзошло арсенал страны накануне конфликта. Для вторичного использования требовался ремонт значительной части трофеев, и большая часть военных мастерских занималась «доводкой» трофейного оружия до парагвайских стандартов. Опыт вторичного использования трофеев у Асунсьона был – опыт гражданской войны в России. В конце войны с проблемой переделки винтовок столкнулось и Ла-Пас. Как минимум, известен один случай поставки Боливии некондиционных винтовок. К концу войны ремонт и переделка винтовок были налажены в обеих странах. По некоторым оценкам, в Боливии собиралось и ремонтировалось свыше 800 винтовок в месяц, в то время как в Парагвае около 500. При сборке парагвайских винтовок, в основном, использовались детали, снятые с негодного оружия. Есть свидетельства о том, что в Ла-Пасе имело место производство пулеметов, достигавшее нескольких сотен в год. (По нашему мнению, речь идет о сборке оружия из контрабандных деталей).

Главным видом военного производства обеих стран было обеспечение войск боеприпасами. Наличие пороховых заводов, построенных еще до I мировой войны позволяло организовать вторичное использование стреляных гильз. Сразу же после начала конфликта в 1927 году как Боливия, так и Парагвай стали строить гильзовые, снаряжательные и пороховые заводы, приобретая оборудование для них за границей. Мощность этих заводов в Боливии и Парагвае была первоначально незначительна, но со временем, она возросла в несколько раз. Вследствие более низкого уровня жизни, себестоимость производства патронов в Парагвае была в полтора раза ниже и составляла примерно 8 аргентинских песо за сотню. Если боливийская промышленность производила в 1933 году до 20000 патронов в день, то к концу войны их производство возросло до 150000 штук. В Парагвае рост был более значителен: с 8000 в 1932 году до 300000 в начале 1934 года. Качество боеприпасов было низким: на первых порах до 40% патронов давали осечку. Со временем, по мере освоения технологии производства, положение

исправилось. Однако запасы снаряжательных материалов и гильз не были достаточно велики, чтобы полностью обеспечить вооруженные силы воюющих сторон боеприпасами собственного производства.

С 1933 года на парагвайском арсенале *Сайония* началось изготовление минометных мин. Поскольку для их производства не требовалось тонких технологий, месячный объем их производства уже в 1934 году превысил полуторатысячный рубеж. Гораздо хуже дело обстояло с производством снарядов. Столкнувшись с их нехваткой военное на шестой месяц войны, министерство Парагвая приобрело несколько станков для их производства. Первоначально, производственные мощности были невелики – всего 10-15 снарядов в сутки. Однако угроза остаться без снарядов, поскольку запасы и трофеи закончились к середине 1934 года заставило принять экстренные меры. Даже захват новых трофеев не снял артиллерию с голодного пайка (в 1934 году требовалось до 150 снарядов в день). К концу войны, когда потребность в них вдвое выросла, производство могло удовлетворить нужды артиллеристов только на треть, хотя оно выросло в десять раз (в 1935 году производилось до 100 снарядов в день). «Снарядный голод» в парагвайской армии сохранялся до конца войны: каждое орудие могло делать только один выстрел в день вместо «среднестатистических» трех.

Единственным видом боеприпасов, который полностью производился собственными силами, стали ручные гранаты, поскольку их можно было производить кустарным способом. Как уже отмечалось выше, Парагвай производил до 300 ручных гранат в день, используя для их корпусов примитивные чугунные отливки и использованные гильзы мелкокалиберных снарядов. Хотя Боливия имела свой чугунолитейный завод, она достигла меньшего прогресса в этой области.

Снабжение войск в Чако у обеих сторон заставляло всегда желать лучшего, ибо лучшее враг хорошего. Парагвайская армия потребляла ежедневно в течение всей войны 30-35 тонн продовольствия и 110 тонн фуража в сутки. Боливийские нужды в 1932-33 годах составляли, соответственно, 10 и 60 тонн. На втором этапе войны потребности боливийской армии резко возросли – до 75 тонн продовольствия и 250 тонн фуража в сутки. Однако уменьшилось и «плечо» снабжения с 500 до 150 километров. Несмотря на то, что парагвайские коммуникации растянулись, это слабо сказалось на их снабжении: в тех случаях, когда доставка скота своим ходом была затруднена, ее заменяли мясные консервы, в большом количестве производимые на мясохладобойнях.

Продукты боливийским солдатам поступали из интендантских парков, организованных по штатам аналогичному артиллерийским. Парагвайские войска обеспечивались за счет интендантств, развернутых при штабах корпусов. Они ведали вещевыми и продовольственными складами, пополняемые через заготовительные конторы военного министерства. Нормативы снабжения войск продовольствием и фуражом обеих сторон несколько различались. Это объясняется не только разным традиционным рационом *гуарани*, *чоло* и *колоко*, но и тем, что довольствие войск определялось разными уставами (немецким и французским). В силу естественных обстоятельств нормы довольствия выполнялись на театре военных действий редко. Это было связано не только с ходом военных действий, но и необходимостью доставки воды и боеприпасов, которые играли более важную роль. Однако при сравнении рациона боливийских и парагвайских солдат следует отметить, что питание вторых было значительно лучше. Это было связано с тем, что корпусные и дивизионные интенданты могли довольно легко приобрести необходимые продукты в Аргентине или менонитских колониях, в то время как большую часть продуктов для боливийских солдат (особенно II корпуса) требовалось везти из Юнгаса. Несмотря на запрет и пограничные посты многие жители аргентинских провинций Формоса, Гран-Чако и Сальта с риском доставляли продовольствие боливийской армии – это был очень выгодный рынок сбыта для их продукции. Некоторые аргентинские торговцы даже умудрялись доставлять боливийцам парагвайские товары. Так, известны случаи премирования боливий-

ских солдат сигаретами, произведенными в Парагвае. Следует отметить, что эти же торговцы посредничали при продаже боливийского бензина противнику. На последнем этапе войны ситуация несколько изменилась в пользу боливийцев, поскольку в связи с отступлением их армии в предгорья Анд, вдвое сократилось транспортное плечо для подвоза продовольствия. Однако это не высвободило транспортные средства, поскольку численность армии, в свою очередь, выросла в четыре раза. У парагвайской стороны, особенно среди войск, действовавших в труднодоступной местности у Ингави и на Парапити остро ощущался недостаток продуктов.

Снабжение обувью, обмундированием, саперным инструментом и медикаментами было на порядок выше в боливийской армии. Потребности солдат по этим видам довольствия в ней удовлетворялись на пять шестых. Парагвайское интендантство смогло обеспечить своих солдат только обмундированием. Примерно две трети армии оказались уже в первые месяцы босыми. Для того, чтобы снабдить обувью хотя бы кавалерию, артиллерию и офицерский корпус. Парагвайские интенданты вынуждены были ежемесячно приобретать в Аргентине не менее 5000 пар обуви, расходуя на нее драгоценную валюту. Всего за годы войны по неполным данным было приобретено 180000 пар обуви общей стоимостью 55 тысяч долларов США. Это позволило обуть, вместе с трофеями и обувью местного производства, не более половины парагвайских солдат. Остальные проходили всю войну босиком. Парагвайские и боливийские ткацкие предприятия в достаточном объеме обеспечили обмундированием войска. Шорные и седельные мастерские смогли только на треть обеспечить кавалерию сбруей. Этот вопрос удалось частично решить за счет ее изъятия у частных лиц, а остальную ее часть пришлось приобретать за границей (в Аргентине) или захватывать у противника.

Финансовое довольствие боливийских и парагвайских солдат и офицеров также различалось. Парагвайцы воевали более за идею, чем за деньги, в то время как у боливийцев материальный стимул, особенно на первом этапе войны, играл большую роль.

Жалование офицеров парагвайской армии

	1924-28 \$ с/л.
General de División	8.000.
General de Brigada	7.000.
Coronel	6.000.
Tte. Coronel	5.000.
Mayor	4.000.
Capitán	3.500.
Teniente 1º	2.350.
Teniente 2º	2.000.

5. Военные берут власть.

Либералы маневрируют. Отставка полковника Р.Франко. Фебристинская революция. Реформы и падение Р.Франко. 18 брьюмера Х.Ф.Эстигарриби. Военные правительства Д.Торо и Г.Буша.

Народные массы Парагвая были недовольны войной, росло недовольство в армии, особенно среди демобилизованных солдат. Победители, возвратившись домой после жестокой войны не увидели никаких изменений у себя дома. Либеральное правительство Э.Айялы, несколько раз реформированное в течение войны, проявило близорукость, полагая, что после победы все вернется на свои места. Его состав накануне подписания перемирия был следующим: Рауль Касаль Рибейро (вице-президент), Белисарио Риварола (внутренние дела, ранее юстиция), Луис Риарт (иностранное дела), Виктор Рохас (оборона), Бенджамен Бэнкс (финансы) и только что назначенный Хусто Прието (юстиция). Трехлетняя кровопролитная война сильно повлияла на самосознание народных масс, и многие солдаты и офицеры стали ставить под сомнение монополию Либеральной партии на власть. В тот момент ее политику определяли люди, чьи взгляды и понимание интересов страны сформировалось задолго до Чакского кризиса: средний возраст всех 15 членов исполнительного комитета Либеральной партии составлял 50 лет. Во второй половине 1935 года была создана Национальная Ассоциация фронтовиков (ANEC – Asociación Nacional de Ex-Combatientes), которую возглавил отправленный в отставку Рафаэль Франко, объединившая в своих рядах 106 тысяч человек. Часть армейских офицеров оказалась в оппозиции к главнокомандующему – генералу Эстигарриби. Ситуация обострилась, когда парагвайский конгресс отклонил законопроект о выделении ветеранам пенсий, но по настоянию президента выделил «победителю в Чакской войне» ежегодную пенсию в 1500 песо, больше чем выделялось на содержание парагвайского посла.



С самого начала войны этот честолюбивый полковник старался так организовать свое подчинение, чтобы непосредственно сношаться с президентом, минуя оманующего и военного министра. Хосе Феликс Эстигаррибия родился 21 февраля 1888 года. Будучи армейским майором, он отличился в гражданской войне 1922-23 годов, когда примкнул к победившей фракции либералов. Тогда же он установил близкие отношения с Эусебио Айялой. Подполковник и командир дивизии в Чако (1931), полковник и командир I корпуса (с конца 1932) – вот основные ступени карьеры Х.Ф.Эстигаррибии. В 1933 году он становится командующим Южной группы войск и получает возможность прямого сношения с президентом, минуя командующего и министра обороны. После победы у Кампо Гран он был произведен в генералы, а после отставки М.Рохаса стал командующим армией. Безусловно, как полководец Х.Ф.Эстигаррибия был талантливее других парагвайских офицеров за исключением, быть может полковника Р.Франко, к которому питал антипатию. Однако, следует обратить внимание, что именно в штабах Х.Ф.Эстигаррибии и командиров корпусов постоянно находилась группа белоэмигрантов. Эти военные профессионалы имели десятилетний опыт боевых действий в разных условиях. Многие из них сражались в русско-японскую войну, а за плечами большинства остальных были четыре года позиционной войны, кошмар революции и пять лет маневренных, полупартизанских действий на бескрайних просторах России.

Пользуясь безоговорочной поддержкой президента Э.Айялы, Х.Ф.Эстигаррибия в течение войны старался обеспечить себе место единственного военного лидера либералов. Его соперники на полях сражений – заслуженные старшие офицеры: полковники Луис Иррасабаль, Артуро Брей, Карлос Фернандес были отстранены от занимаемых должностей. Первые двое, несмотря на проявленный героизм, были даже преданы военному суду, который стал любимым способом устранения конкурентов парагвайского Бонапарта на военном поприще. Вместе с военной полицией, возглавляемой И.Мориниго, Х.Ф.Эстигаррибия создал инструмент для контроля за офицерским корпусом. Он стал наиболее эффективным, после того, как генерал М. Рохас оставил пост командующего. Он некоторое время числился в резерве, а потом отправлен в отставку. Вследствие амбиций либералы не воспользовались способностями

М.Скенони, прекрасного организатора и учителя Х.Ф.Эстигаррибии. Следует отметить, что с декабря 1934 года Х.Ф.Эстигаррибия был и оставался единственным генералом действительной службы в парагвайской армии. Как вскоре объяснил полковник Фредерико Смит, возглавивший путч, приведший к свержению Э.Айялы, узурпация генеральского звания Эстигаррибией была одним из мотивов, побудивших многих старших офицеров поддержать переворот 17 февраля 1936 года.

Поскольку приближались президентские выборы президент Э.Айяла решил, опираясь на поддержку Х.Ф.Эстигаррибии и фракцию Луиса Риарта, вновь выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Это стало сигналом к началу действий оппозиционеров. К ним присоединился ряд патриотически настроенных либеральных офицеров, недовольных сокращением армии и снижением обороноспособности страны. Тем временем, к недовольным политикой либералов присоединились и националисты из партии *Колорадо*. Признавая популярность Р.Франко и зная его верность интересам страны, Э.Айяла вернул его на военную службу и даже назначил начальником Военной Академии. Однако Х.Ф. Эстигаррибия начал настаивать на отправке Р.Франко «для продолжения образования» за границу. Р.Франко отреагировал на это резкой антиправительственной речью, после чего был арестован и выслан из страны. Неустойчивое политическое положение заставило правительство перебросить 4 пехотой полк *Кирунаити* в Кампо Гранде, расположенный всего в 9 км от столицы. К февралю правительство Айялы потеряло опору и было достаточно небольшого толчка, чтобы его опрокинуть. Это сделал полковник Фредерико В. Смит, комендант Кампо-Гранде.



Вторичное увольнение из армии и высылка популярного среди офицерского корпуса полковника из страны была крупнейшей внутривнутриполитической ошибкой Э.Айялы за всю его долгую политическую карьеру. По-видимому, этот склонный к сглаживанию острых углов человек оказался под давлением генерала Ф. Эстигаррибии и радикально настроенных либералов из фракции Л. Риарта, видевших в председателе ANEC опасного соперника. Они не учли широкую известность и высокую репутацию опального полковника среди военных, заложенную еще во время инцидента в Вангардии. Р.Франко был на девять лет моложе Х.Ф.Эстигаррибии и был в чине майора, когда был послан в верховья Парагвая, чтобы прогнать боливийцев. Тогда ему было всего тридцать лет. В декабре 1933 года подполковник Р. Франко был командиром Первой Дивизии и принял капитуляцию полковника К.Банцера у Кампо Виа. В следующем году он отличился в качестве командира корпуса во время борьбы за север Чако. Он заботился лучше о своих подчиненных, чем его коллеги. В начале февраля 1936 года оказалось, что многие его товарищи по оружию оказались в окрестностях Асунсьона: на базе флота *Сайониши*, авиабазе *Кампо-Гранде*, арсенале и артиллерийском полку, расположенном на другом берегу реки напротив Асунсьона. Организацию путча взял на себя близкий друг Франко полковник Камило Рекалде, превративший военный госпиталь в штаб заговора. Роль адъютанта при нем выполнял его младший брат Факундо, выполнявший обязанности главного редактора

армейской газеты. Он установил связь с комендантом Кампо-Гранде полковником Ф.В.Смитом и убедил его возглавить заговор против правительства. Так, политически неграмотный, но энергичный и амбициозный офицер встал во главе популистского мятежа. Для того, чтобы обеспечить себя надежной и боеспособной силой заговорщики воспользовались переброской 4 пехотного полка *Курупати* из состава 1 дивизии.

16 февраля в 22:30 солдаты Ф.В.Смита выступили из Кампо Гранде на столицу. Через пять часов они контролировали пригороды Асунсьона. Полицейские казармы, в которых укрылся при первых выстрелах мятежников Э.Айяла, после короткого боя были взяты штурмом, и президенту пришлось искать убежища в министерстве флота. Оттуда он перебрался на канонерку и связался с Эстигаррибией, находившемся с инспекцией в Чако. Понимая, что военный поход на Асунсьон невозможен, генерал решил остановить путч мирным путем и вылетел в столицу. Однако он переоценил свой авторитет среди подчиненных: как только он сошел с борта самолета, он тут же был отправлен на гауптвахту. Там же находились и другие высокопоставленные деятели Либеральной партии, включая и бывшего командующего генерала М.Рохаса. Подавленный этими событиями Э.Айяла, не исчерпавший до конца возможностей сопротивления, снял с себя полномочия президента. Элитарная демократия, господствовавшая в стране на протяжении шести десятков лет пала. Через пять дней, 21 февраля Эстигаррибия, Э.Айяла и ряд видных либералов, в соответствии с парагвайской политической традицией, отправились в изгнание. Э.Айяла поселился в Буэнос-Айресе и навсегда отошел от активной политической деятельности. Генералы Х.Ф.Эстигаррибия и М.Рохас надеялись на то, что их вновь призовут для спасения страны.

События 17 февраля 1935 года в Асунсьоне были не простым военным переворотом, которыми изобилует история Парагвая. Февральская революция ознаменовала новый этап в истории страны: переход к популизму и национализму, основе как коммунистической, так и фашистской идеологий. Одновременно с этим завершился длительный период развития страны по пути либерализма. Тотальная война, которую была вынуждена вести страна с втрое сильнейшим противником, изменила идеологию ее главного носителя – парагвайской элиты и интеллигенции. Несмотря на многочисленные революции и пронунсиаменто, борьбу каудильо и гражданские войны парагвайское общество в либеральную эру 1870-1935 годов было самым свободным на протяжении всей истории страны. Сподвижники Рафаэля Франко открыли новый этап в истории Парагвая, определивший его дальнейшее развитие во второй половине XX века. Эти события отразились на мировоззрении не только самих парагвайцев, но и их соседей, особенно аргентинцев. Среди них был юный Эрнесто Че Гевара, проживавший некоторое время со своей семьей в Сан-Исидоро на границе аргентинской провинции Мисьонес с Парагваем.

Рафаэль Франко был провозглашен президентом через два дня после успеха путча. После этого он стал национальным героем. Уже 19 марта 1931 года он возглавил выступление против Гуджиари, выступая за оборону Чако. В ходе войны он являлся лучшим командиром дивизии, а затем корпуса. После прихода к власти тридцативосьмилетний полковник создал коалиционное правительство, составленное из оппозиционно настроенных к Айяле либералов и собственных сподвижников. Программа *февристов* была обнародована в «Прокламации Освободительной Армии», в которой клеймились «деклассированные продажные политики, заложившие страну иностранцам». Согласно Прокламации, армия становилась гарантом и волеизъявителем интересов нации, что было недалеко от истины, поскольку еще недавно все мужчины этой страны находились под ружьем и в любой миг могли быть призваны под знамена снова. Для полной институализации власти офицерская хунта провела, так называемый, декрет о плебисците, который должен был установить «новую, современную форму организации». В качестве примера своей деятельности новый президент провозгласил последнего диктатора страны – маршала Ф.С.Лопеса. Буквально через несколько дней после вступления

в должность он совершил поездку в Серро-Кора, место гибели маршала, и перевез его прах, который был торжественно захоронен в Пантеоне Героев. Этот шаг правительства определил его приоритеты.

Вновь сформированное правительство Р.Франко состояло из политически наивных, честных людей, которые не осознавали опасности контрреволюции: братьев Гомеса и Луиса Фрейре Эстевес (соответственно, внутренние дела и финансы), Хуана Стефанича (иностран-ные дела и оборона, Лига Национальной независимости), Ансельмо Ховера Перальта (юсти-ция, лидера Федерации парагвайских студентов), полковник Педро Дуарте Ортельядо (здраво-охранение) и Бернардино Кабальеро (сельское хозяйство, партия *Колорадо*). Следует отметить, что братья Эстевес, Х.Стефанич и Р.Франко изменили традиционную структуру правитель-ства. Вместо министерства экономики было создано министерство сельского хозяйства, а из министерства юстиции было выделено министерство здравоохранения. Только двое из них имели до этого участвовали в политической жизни страны (Л. Эстевес и Х.Стефанич). Форми-руя правительство реформ, Р.Франко переоценил свой авторитет среди армии и обидел своих товарищей: организаторы и участники переворота не получили никаких выгод от революции: Ф.В.Смит ушел в отставку, а Рекалде стал послом в Чили. Все это сильно отразилось на отно-шении офицерского корпуса к Февральской революции.

Декретом от 10 марта 1936 года была отменена конституция 1870 года и был принят ряд демократических законов: об аграрной реформе (осуществленный в скромных размерах, поскольку предусматривал выплату компенсаций латифундистам), о восьмичасовом рабочем дне, о минимальной заработной плате. В силу своей популистской сущности правительство Р. Франко не пошло дальше предоставления номинальных демократических свобод. Оно не было последовательно и обязательно в своих обещаниях. Первые месяцы правительство нахо-дилось под влиянием министра внутренних дел Гомеса Фрейре Эстевеса, которому импони-ровал Муссолини. Разработанный им новый Трудовой Кодекс Парагвая в точности копировал итальянский. Даже департамент занятости был создан при министерстве внутренних дел по римскому образцу. Кабальеро также симпатизировал фашизму, однако его коллеги по партии *Колорадо*, требовали, чтобы он сопротивлялся попыткам аннигиляции традиционных партий.

Х.Стефанич и А.Х.Перальта, придерживавшийся крайне левых взглядов, отстаивали идею создания однопартийного государства во главе с создаваемой Национальной Револю-ционной партией, поглотившей Лигу национальной независимости, Национальную Конфед-ерацию рабочих, Федерацию парагвайских студентов и ANEC. Склонность к тоталитаризму и усиление влияния НРП привели к скорому смещению братьев Фрейре Эстевес и замене их Германом Солером (внутренние дела) и Эмилио Гарделем (финансы). Послом в Мексику был назначен Ховер Перальта, а его место занял Кресценцио Лечано, давний сподвижник Х. Стефанича. В это же время Аристидес Ривас Ортельядо стал военным министром. К концу июня все правительственные посты за исключением министерства сельского хозяйства кон-тролировались людьми Х. Стефанича. Единственным, кто мог как-то противостоять давлению ветеранов Лиги, был Кабальеро, который к этому времени смог начать проведение аграрной реформы. Она предусматривало распределение 2 миллионов гектаров среди 10000 ветеранов Чако. С июня 1936 года по февраль 1937 года комиссией под председательством Кабальеро было распределено 84825 гектаров. Однако он также не смог удержаться на своем посту под давлением сторонников Стефанича. С начала июля Солер приступил к закрытию независимых газет: *El Liberal* (органа Либеральной партии), *El Studente* (органа Студенческой Федерации), *Verde Olivo* (орган ANEC) и *Patria* (орган *Колорадо*). Страна шла к тоталитаризму. 25 августа 1936 года *La Nación*, печатный орган Лиги провозгласил создание Национального Революци-онного Союза (НРС) на базе НРП. Его целью стало объединение всех политических партий для возрождения нации. Следствием этого шага стал выход партии *Колорадо* из состава пра-вительства: Б.Кабальеро был сразу же заменен Гильермо Тель Бертони. Впоследствии, он и

интендант Асуньсьона Фелипе Молас Лопес, тоже член *Колорадо*, были посажены под арест. 15 ноября в Национальном Театре состоялся первый съезд НРС, на котором были представлены 38000 его членов. Это означало, что подавляющее большинство из 106000 членов АНЕС не поддерживало курс правительства на создание нового государства. Большинство ветеранов вошли в НРС больше из-за личных симпатий к герою войны полковнику Р.Франко, чем из-за поддержки столичных ультрарадикалов Х. Стефанича.

Директорат НРС, сформированный 15 ноября, достаточно четко отобразил расклад сил, на который пробовали опереться фебреристы: 9 мест получили представители АНЕС. Из 30 членов директората НРС 23 из них не было еще 33 лет, а 16 из них были студентами, участвовавшими в событиях 23 октября, приведших к падению Гуджиари, и Чакской войне. Молодости свойственен экстремизм и самонадеянность: жесткий прессинг НРС разрозненных и деморализованных политических оппонентов привел к тому, что они под угрозой полной политической смерти начали консолидироваться. Важную роль в этом сыграли противоречия между столицей и провинцией. Асуньсьон с момента падения последних иезуитских редуций стал играть роль метрополии по отношению к остальному Парагваю, высасывая из деревни все соки, рекрутируя наиболее талантливых ее представителей. Это усугубилось централизаторской политикой диктаторов и либеральными правительствами. Не блестящим было и экономическое положение страны. Если инфляцию удалось обуздать: обменный курс песо фуэрте снизился с 333,33 за доллар США до 238,1, то индекс цен подскочил за два года на 80%. Когда к началу 1937 года стало понятно, что правительство Р. Франко не отражает чаяний ни правящей олигархии, ни простого народа, произошло временное совпадение интересов парагвайского крестьянства и сельской буржуазии. База фебреристов резко сокращалась.

Первым показателем потери популярности президента среди его основной опоры – военных, стало участие в заговоре либералов, в котором был замешан полковник Рамон Паредес, командующий войсками в Чако и личный друг Р. Франко. Связанный давней дружбой с Э.Шерером, одним из лидеров либеральной партии, он получил от него значительную финансовую помощь. Другой участник заговора комендант Пуэрто Пинаско полковник Дамасо Соса Вальдес планировал поднять по тревоге своих солдат, чтобы идти на Асуньсьон и спасти Франко от клики Х. Стефанича. За их спиной стояли аргентинцы, боявшиеся потерять свои латифундии. Заговор офицеров-либералов не пошел дальше разговоров привело к тому, что пальма первенства в оппозиции среди офицерского корпуса перешла к партии *Колорадо*. За год фебреризма националистам удалось распространить свое влияние на широкие крестьянские массы, чему особенно способствовала аграрная реформа Б.Кабальеро. К середине 1937 года партия *Колорадо* обладала широкой базой, представляя собой союз крестьян со средней и мелкой провинциальной буржуазией, чрезвычайно агрессивной настроенной против столичных интеллигентов. Во главе нового заговора встали полковник Эмилио Диас де Вивар, бывший начальником штаба у Паредеса, и капитан Рамон Мартино, командующий речной флотилией.

К этому времени в правительстве стал назревать раскол между номинальным лидером – Р. Франко и фактическим руководителем правительства – Х.Стефаничем. Причиной этому стали разногласия в вопросе о получении германской военной помощи. В мае 1937 года Асуньсьон получил официальное предложение из Берлина, согласно которому немцы были готовы оказать содействие в организации и оснащении парагвайской армии. Вопреки мнению президента и парагвайских военных, проамерикански настроенный Х.Стефанич и его сподвижники старались торпедировать это предложение. Воспользовавшись расхождением между Р.Франко и его советником военные круги стали требовать отставки бойкого профессора. Июнь прошел в поисках компромисса. 5 июля всем стало ясно, что выбора нет. Р.Франко созвал заседание кабинета, на котором планировал отправить Стефанича в отставку. Однако последний дезинформировал кабинет заявлением о том, что Боливия готовится возобновить военные действия. Немедленно в Чако из Асуньсьона были отправлены 2 пехотных и кавалерийский

полки. События 5 июля показали высшим армейским офицерам отсутствие политической воли у президента. Падение авторитета Р.Франко стало началом конца фебреристской революции.



Несмотря на то, что он пришел на армейских штыках, президент был вынужден сокращать армию. К этому времени её численность снизилась до 4090 солдат и 299 офицеров. Так, была расформирована 6 пехотная дивизия полковника Карлоса Фернандеса: 5 пехотный полк был демобилизован, а 1 кавалерийский полк переведен в Кампо-Гранде. Вскоре сюда прибыли кавалеристы из долины Пилькомайо. В 1937 году они были сосредоточены в Вилье-Айес, где начал формироваться 2 кавалерийский полк *Коронель Толедо*. Этим было положено начало формированию кавалерийской дивизии, сыгравшей значительную роль в дальнейшей судьбе Парагвая. Офицерский состав этих частей находился под сильным влиянием русских офицеров, которые за редким исключением считали режим Р.Франко пробольшевистским. Исключение составил только И.Т.Беляев, получивший ряд назначений, связанных с реализацией программ интеграции индейцев.

Позиция кавалеристов стала решающей для фебреристского режима, а солдаты 2 кавалерийского полка стали движущей силой нового военного переворота. Чтобы нейтрализовать сопротивление сторонников Р.Франко, верный ему полк *Курупаити* были возвращен в состав 1 дивизии.

2 августа полковник Паредес прибыл в столицу для того, чтобы передать президенту ультиматум: отправить Стефанича и его клику в отставку и передать власть армии, сохранив за собой пост президента. Р.Франко отказался встречаться с Паредесом, поскольку уже был информирован о его требованиях. Однако, он не предпринял никаких мер по его аресту, рассчитывая на его верность присяге и дружбу. и путч стал неизбежен. 12 августа подготовка к

нему закончилась и утром следующего дня выстрел орудия канонерки *Умайта* возвестил о начале мятежа. Попытка Р. Франко и его помощника Э. Йергоса привлечь на свою сторону части в Кампо-Гранде не увенчалась успехом, и им пришлось возвращаться в президентский дворец, где кабинет фебреристов в полном составе ушел в отставку для того, чтобы развязать президенту руки. Однако, когда Паредес прибыл во дворец и предложил Р. Франко возглавить новое правительство, последний отказался это сделать. Тогда он и все члены его кабинета были арестованы. Фебреристская революция закончилась.



Через несколько часов после свержения Р. Франко полковники Паредес и Соса Вальдес стали уговаривать декана юридического факультета Феликса Пайву, бывшего сподвижника Шерера, временно занять пост президента Парагвая. Новый кабинет составили: полковник Паредес (внутренние дела), полковник Х.Б. Айяла (оборона), патриарх Либеральной партии С. Баес (иностранные дела) и коллеги Пайвы по факультету Л.П. Фрескура (финансы) и Ф. Ролон (экономика), Л. Арганья (юстиция и образование). Ключевой пост начальника столичной полиции занял ветеран Чакской войны подполковник А. Рамос. Несмотря на «внепартийный» характер кабинета Пайвы ему сразу пришлось столкнуться с сопротивлением сторонников фебреристов и тихой оппозицией *Колорадо*. Это привело к резкому усилению влияния либералов в коалиционном правительстве. После неудачной попытки контрпереворота, совершенной 7 сентября майором Иваном Мартынкичем, овладевшим полицейскими казармами и отброшенным конницей полковника Вальдеса, военный министр и префект полиции были заменены сторонниками либералов среди военных: капитаном флота Хосе Боцано и полковником Артуром Бреем. В ноябре из Чако начался вывод 2 пехотной дивизии: ее штаб и полк *Корралес* передислоцировались в Консепсьон. Зимой 1938 года в Восточный Парагвай были переведены артиллеристы и саперы.

С приходом либералов к власти экономическое положение страны резко ухудшилось. Это было вызвано неожиданным падением курса аргентинского песо. Финансовый кризис, охвативший Аргентину, сказался на хозяйстве Парагвая. Вследствие этого курс *песо фуэртэ* упал в полтора раза с 238,1 до 322,58 за доллар США. Это повлекло рост цен на еще треть. В следующем году они вновь подскочили на 10%. Правительство Пайвы воспользовалось обесценением *песо фуэртэ* для того, чтобы расплатиться с внутренним военным долгом. Практически весь внутренний долг был конвертирован в новый заем, расчеты по которому велись в

иностранной валюте. За счет экспортной выручки удалось рассчитаться и с Аргентиной. Эти меры вызвали сильное неудовольствие у держателей военных займов, большинство из которых составляли горожане и крупные землевладельцы. Получив от либерального правительства в три раза меньше, чем дали, многие граждане посчитали это крупным надувательством со стороны фракции *гондристов*.

Полковник Артуро Брей, легендарный командир 6 пехотного полка *Бокерон*, а позже командир 4 дивизии, считался «сильным» человеком среди либералов еще до войны. Сразу после своего назначения на пост префекта он стал притеснять оппозицию, создав в столичной полиции специальное подразделение, функции которого не отличались от гестапо. Решительные шаги А.Брея по укреплению позиций либералов в администрации Пайвы вызвали сопротивление со стороны националистически настроенных полковников Сосы Вальдеса и Ихинио Мориниго. Они опирались на поддержку уцелевших фебреристов, партию *Колорадо*, а также часть либералов – фракция «младолибералов». В нее вошли, в основном, политики, родившиеся между 1900 и 1912 годами. Многие из них, также, как и фебреристы прошли через курсы подготовки офицеров резерва, и были ветеранами войны в Чако. При ближайшем рассмотрении их взгляды на устройство парагвайского общества не сильно различались с мнением их главных оппонентов – *фебреристов*. Главное различие заключалось в приоритетах и вождях. Таким вождем, который мог объединить все фракции *Колорадо*, либералов и националистов, по их мнению, мог стать Хосе Феликс Эстигаррибия. Прославленный генерал использовал свой шанс, несмотря на скрытое противодействие полковника Э.Брея, который был сам не прочь стать президентом.

Выдвижение единым кандидатом в президенты от Либеральной партии генерала Х.Ф.Эстигаррибии, по мнению «младолибералов», должно было модернизировать политическую систему Парагвая. Казалось, первый кабинет «героя Чако», сформированный в августе 1939 года, восстанавливал старые традиции. В его состав вошли 3 «младолиберала» – Э.Кардосо (юстиция), Х.Прието (МИД), П.М.Инсфран (экономика), 2 либерала – генерал Дельгадо (МВД) и полковник Торреони Вера (оборона), а также два неполитика – С.Кодас (финансы) и А.Давалос (здравоохранение). Внешняя политика нового президента была направлена на сближение с Бразилией и США, которые оказали Парагваю некоторую финансовую помощь. Внутриполитическая линия «младолибералов» была направлена на создание коалиционного правительства с участием фракции Колородо. По-видимому, переориентация Эстигаррибии на Рио-де-Жанейро и Вашингтон была вызвана его поездкой в США в начале 1939 года.

Внешнеполитическая ориентация президента вызвала недовольство у части офицеров, многие из которых по-прежнему испытывали симпатии к свергнутому полковнику Р.Франко и были связаны с военными кругами Буэнос-Айреса, всецело симпатизировавшими нацистам. Благодаря усилиям генерала А. Швейцера, аргентинское влияние в парагвайской военной среде были чрезвычайно сильно. Оно опиралось на личные связи и сотрудничество между разведками, укрепившееся в годы Чакской войны. С началом Второй мировой войны Аргентина стала открыто претендовать на роль гегемона в странах Южного Конуса. Ее военные круги были экспансионистски настроены в отношении соседних стран. Не избежал этой участи и Парагвай. Аргентинские военные круги считали, что помощь, оказанная Асунсьону, должна быть возмещена, и Парагвай должен стать не только экономическим, но и политическим сателлитом Буэнос-Айреса. Для этого они использовали свои связи в офицерском корпусе и пробовали вновь разыграть карту полковника Франко.

Новый президент явно не хотел плясать под их дудку. Он взял курс на налаживание отношений с США и Бразилией, главными конкурентами Аргентины на юге континента, сильно обеспокоило Буэнос-Айрес, который считал, что Парагвай находится перед ним в неоплатном долгу. Тайные и явные сторонники Буэнос-Айреса начали предпринимать действия, направленные на изоляцию президента. Первые трения между сторонниками разных политических

курсов проявились уже в конце 1939 года. 13 февраля 1940 года группа армейских офицеров ультимативно потребовала вывода либералов из правительства и намекнули на повторение событий 1936 года. Президент Х.Ф. Эстигаррибия не мог проигнорировать намёк своих офицеров, которые требовали коренного изменения политической системы страны. Воспользовавшись случаем, Х.Ф.Эстигаррибия поставил председателя Либеральной партии Л.Риарта перед выбором: или переворот, или изменение конституционного строя. Собравшийся вскоре директорат партии выбрал последнее. 17 февраля 1940 года парагвайский Конгресс на объединённом заседании Сената и Палаты представителей принял резолюцию об «интегральной реформе» Конституции 1870 года и самораспустился. Так, без единого выстрела закончилась семидесятилетняя либеральная эпоха в истории Парагвая. На следующий день маршал Х.Ф.Эстигаррибия, опираясь на верные ему части, объявил о принятии на себя всей полноты власти для «защиты страны от анархии». Инициаторы ультиматума почти сразу оказались разочарованы: костяк нового кабинета составили либералы. Они получили шесть портфелей, еще два места получила партия «Колорадо» и одно – *тиемпистас*, католические националисты. Общественное мнение было настолько отрицательно настроено против Либеральной партии, что Х.Ф.Эстигаррибии через месяц пришлось вывести из своего кабинета своего старого друга командира III корпуса генерала Дельгадо и заменить его младолибералом генералом Инигио Мориниго. Вынесенная на референдум новая конституция страны сильно отличалась от своей предшественницы: в ней были забыты все принципы либерализма. Плебисцит 4 августа сделал Парагвай корпоративным государством, глава которого – президент обладал диктаторскими полномочиями. Принятие Конституции 1940 года открыло новую эпоху в истории страны.



15 августа Х.Ф. Эстигаррибия и его кабинет присягнули на верность новой конституции. Внешнеполитическая ориентация нового главы государства на США и Бразилию не устраивала верхи парагвайского общества, традиционно ориентированные на Аргентину. Это явно не нравилось аргентинским военным и политикам, рассматривавших Парагвай как своего сателлита. Выход Асунсьона из орбиты Буэнос-Айреса в случае военного конфликта с Бразилией мог серьезно осложнить положение аргентинской армии в провинциях Корриентес и Мисьонес. Через три недели, 7 сентября, президент погиб в авиакатастрофе. Официально это было объявлено несчастным случаем, но многие факты указывают на злой умысел. Кем бы стал Х.Ф.Эстигаррибия для Парагвая? Новым Франсией или Лопесом? Может быть он пошел бы по пути А.Стресснера? Сейчас это невозможно выяснить. В любом случае, у него перед глазами были примеры Жетулиу Варгаса и Нового государства в Бразилии, позволявшие модернизировать страну. Переориентация нового парагвайского лидера на Бразилию и США не могла нравиться и либералам, тесно связанным с аргентинской олигархией. Хотя они и считались союзниками Х.Ф. Эстигаррибии, их отношение к нему было настороженным. Об этом свидетельствует «невозвращение» Э.Айялы из изгнания, а также обвинения, выдвинутые впоследствии И.Мориниго против Либеральной партии.

Неожиданная гибель президента, в условиях, когда не была избрана Палата представителей, сделала военных хозяевами положения. Поддерживаемый двумя главными сотрудниками Х.Ф. Эстигаррибии полковниками Паредесом и Сосой Вальдесом, комендантом Кампо-Гранде, военный министр И.Мориниго оттеснил от власти министра внутренних дел генерала Торреани, сочувствовавшего либералам. 1 октября 1940 года И.Мориниго официально стал президентом страны. Его первым актом стало посмертное производство его предшественника в маршалы. Так, посмертно Х.Ф.Эстигаррибия стал вторым маршалом в истории Парагвая. Будучи военным диктатором страны, он постарался сосредоточить в Восточном Парагвае верные ему части. Так, сразу же подписанием мира последовал перевод артиллеристов и саперов. Артиллеристский полк с 1940 года квартировал в Парагуари, а саперный – в Кампо-Гранде. Вторая дивизия продолжала дислоцироваться в окрестностях Консепсьона: только первая дивизия охраняла Чако. Для охраны правительства был развернут 14 пехотный полк *Серро Кора*.

Приход к власти И.Мориниго сопровождался изгнанием из правительства всех фракций либералов, обвинённых в заговоре против маршала. В своем интервью, много лет спустя, бывший диктатор рассказал, что он осознавал, что является компромиссной, промежуточной фигурой на посту президента. Как только одна из фракций усилилась бы, она моментально сместила его с поста главы государства. Именно по этой причине он и решился на дворцовый переворот. Новое правительство состояло из военных и *тиемпистас*. В последующие несколько месяцев многие офицеры-либералы были выведены из кабинета. В течение года были подавлены попытки военных выступлений против диктатора, организованных либералами, *Колорадо* и фебреристами. Кульминационным моментом стал арест 17 апреля 1941 года 13 высших армейских офицеров, высказавшихся на совещании в пользу полковника Р.Франко. Так, используя дворцовые интриги и закулисные маневры пришел к власти новый парагвайский диктатор.

Пока Парагвай раздирали политические противоречия ситуация в Боливии также накалялась. Руководство армии и страны жаждало реванша и стало к нему готовиться. Несмотря на то, что в последние месяцы войны в Боливию поступила новая партия оружия, включавшая 16 спаренных 20мм зениток Oerlikon, 2200 чешских пулеметов ZB.53 и BRNO и 5000 винтовок, за границей были размещены новые заказы. Предусмотренное перемирием сокращение вооруженных сил до 5000 человек было обойдено: остальные 55000 солдат боливийской армии были демобилизованы только формально, и составили, так называемый, «легион военной полиции». С окончанием войны чешская военная миссия приняла участие в «демобилизации» боливий-

ской армии. По завершении формирования Легиона чехи в полном составе отправилась на родину, куда прибыли в октябре 1935 года. На их место должны были прибыть испанская. Однако, они не успели добраться до Ла Паса, как их отозвали на родину – в Испании началась гражданская война. Поэтому обучением армии занялись чилийцы.

Поражение в Чацкой войне, со всей очевидностью, показавшей гнилость политической и социально-экономической структуры страны, обусловило резкое обострение классовых противоречий, ускорило поляризацию боливийского общества. Прогрессивные силы страны все настойчивее требовали от правительства проведения социально-экономических преобразований в интересах широких народных масс, ограничения деятельности в стране иностранного капитала, изъятия из его рук национальных богатств. Неудачно закончившаяся для Боливии война, дорого обошлась Андской республике: она понесла громадные материальные потери и потеряла десятки тысяч граждан. Несмотря на оживление оловянного рынка последствия войны сказались на бюджете страны. Правительство Л.Техады Сорсано, находившееся под контролем военных, главным заправилой среди которых был генерал Д.Торо, не могло удовлетворить требования демобилизованных ветеранов. Не оправдывались надежды местных политиков на поддержку Вашингтона: попытки усиления внешнеполитической позиции страны на конференции в Буэнос-Айресе успешно парировались аргентинским министром иностранных дел Ламасом.

В условиях полного политического бессилия Л.Техады Сорсано нарастала волна протеста против его курса. Наиболее активными противниками существующего в стране режима были антиамерикански настроенные студенты и мелкая буржуазия. Эти настроения получили широкий резонанс в армии, которой фактически начальника Генерального Штаба Д.Торо. В боливийском офицерском корпусе стало распространяться мнение «об ударе кинжалом в спину», который нанесло гражданское правительство страны, бросив своих солдат на произвол судьбы в дебрях Чако. Поэтому, когда Торо воспользовался сложившейся ситуацией и организовал заговор. 13 мая 1936 года президент Техада был смещен и его место заняла военно-гражданская хунта, которую поддержала армия. Наиболее последовательными ее сторонниками стали младшие офицеры, остро осознававшие необходимость перемен на своей родине. 16 мая 1936 года кавалер Большого креста за военные заслуги полковник Герман Буш Бесерра с группой офицеров сместил Л.Техаду Сорсано с поста президента и временно занял его место. 31 мая он передал бразды правления генералу Давиду Торо Руилова.



«Тигр Чакó» еще при президенте Э.Силесе слыл был признанным мастером политической интриги. Захватив власть, он подхватил модную в то время социалистическую риторику и взял курс на построение тоталитарного режима. Поэтому одним из первых его декретов было объединение карабинеров с полицией в Национальный Корпус карабинеров (Cuерро Nacional de Carabineros), административно подчиненный министру внутренних дел, но во главе которого стоял армейский офицер. В рамках этой новой организации, призванной защищать внутренний порядок, была создана школа полиции (Escuela de Policia), позже переименованная в Национальную Академию полиции (Academia Nacional de Policias). В Корпус карабинеров вошли военная полиция, корпус жандармерии (Cuерро de Gendarmeria), военизированная полиция безопасности (Policia de Seguridad) и армейский полк карабинеров (Regimiento de Carabineros).

У Торо было много примеров: Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Жетулио Варгас, генерал Хусто. Даже у соперника Боливии Парагвая традиционная политическая элита была отстранена гражданскими и военными радикалами. В этих условиях Торо и его окружение взяли курс на построение «военного социализма», провозгласив своей целью создание корпоративного «социалистического» государства по итальянскому образцу. Главной целью нового режима была верхушечная перестройка общественного строя Боливии и передел собственности на природные богатства страны.

Поэтому, одновременно с усилением карательного аппарата Д.Торо попытался расширить свою социальную базу путем привлечения рабочих в свою администрацию и поддержки профсоюзного движения. Так, созданное одним из первых декретов президента министерство труда возглавил опытный профсоюзный функционер Вальдо Альварес. Важным шагом «социалистического» правительства Боливии стала конфискация имущества *Стандард Ойл оф Боливия* (СОБ) в марте 1937 года. Предлогом для этого послужил факт поставки через Аргентину двух небольших партий бензина (1000 и 800 тонн) парагвайской армии во время войны. Имущество СОБ было передано государственной компании «Yacimientos Petroliferos Fiscales Bolivianos», созданной в декабре 1936 года. Задачами YPFB стало обеспечение потребностей страны нефтью и нефтепродуктами. После передачи ей имущества СОБ государственная компания полностью монополизировала добычу, переработку и экспорт нефти. Таким образом, Боливия стала первой латиноамериканской страной, осуществившей национализацию целой отрасли промышленности (в данном случае нефтяной).

Национализация СОБ резко улучшила финансовое положение правительства. Однако основные вопросы, терзавшие общественное мнение страны, не были разрешены. Правительство не всегда вело себя последовательно и наряду с прогрессивными мерами проводило антидемократические мероприятия. По-видимому, Торо не считал себя вправе решать краугольные вопросы без общественной поддержки и поэтому затягивал принятие многих важнейших решений до созыва конституционного конгресса, который, по его мнению, должен был включать помимо традиционных партий, представителей профсоюзов и реформистов, объединенных по испанскому образцу в рядах Боливийской Социалистической Фаланги (БСФ). Эта партия была создана группой интеллектуалов, которые взяли за образец действия испанского диктатора Primo de Rivera. Группа имела мало связей в армии, но оказывала значительное влияние на полковника Торо. Рост влияния БСФ привел к заговору группы офицеров, недовольных половинчатыми реформами правительства Торо, при молчаливой поддержке армии, недовольной урезанием оборонных фондов.

Демобилизованная боливийская армия состояла из 6 пехотных и 2 кавалерийских дивизий, число которых могло быть с легкостью удвоено. Пехотные дивизии состояли из 2 пехотных и кавалерийского полков, артиллерийского полка (3,4 и 5 дивизии) или группы (1, 2 и 6 дивизии), инженерного батальона и роты связи. Кавалерийские дивизии составляли отдельный корпус. Каждая из них состояла из 2 кавалерийских (на автомобилях) и мотопехотного полков и моторизованной артиллерийской группы. Отдельные части включали в себя 1 пехотный полк *Колорадос*, охранявший президента и Генеральный штаб в Мирафлоресе, и группу артиллерии ПВО. Штабы дивизий размещались в Кочабамбе (1 кав.), Санта-Крус (2 кав.), Виаче (1 пех.), Потоси (2 пех.), Вилья-Монтес (3 пех.), Камири (4 пех.), Роборе (5 пех.), Тринидаде (6 пех.) ВВС состояли из 4 авиагрупп по 2 эскадрильи каждая. В их составе числились 5 последних Оспри, 2 – Веспы, 6 – Юнкерсов, 5 – Сайклон Фалькон, 5 – Хок. В нарушение соглашения о перемирии численность боливийской армии приближалась к 16000 человек. Ее сохранившийся со времени войны арсенал был пополнен новыми поставками из Чехословакии 20000 маузеров и 650 ружей-пулеметов. Военные желали возобновления войны. Генеральный Штаб извлекл из опыта неудачной войны уроки и постепенно перевели пехоту на новые штаты. В октябре американский военный атташе в Сантьяго сообщал, что боливийский пехотный полк

теперь состоит из командования, рот тяжёлых пулемётов (6 единиц) и миномётов (9 единиц) и двух двухротных батальонов. Пехотная рота состояла из 2 или 3 взводов, разделённых на 3 группы. Каждая из них имела в своём составе 14 человек, 12 из которых имели ружья, один – лёгкий пулемёт и один с пистолет-пулемёт.

Экономические трудности вызвали постепенное сворачивание правительственных программ и отказ от некоторых радикальных требований. Это привело к недовольству в военных кругах. 13 июля 1937 года генерал Д.Торо был смещён полковником Бушем. Экс-президент эмигрировал в Чили, где умер в 24 июня 1977 года. Герман Буш Бессера был сыном немецкого эмигранта и индианки. Будучи лейтенантом, он отличился у Бокерона, где проводил диверсии в тылу противника, затем в долине Пилькомайо в звании капитана командовал 5 элитным кавалерийским полком, а получив майора стал начальником 8 пехотной дивизией. Во время событий в Каса Стад он лично разоружил генерала Лансу. Популярность Буша среди военных была сродни авторитету Р.Франко в Парагвае. Однако в отличие от своего парагвайского коллеги Герман Буш не попал в зависимость от группы радикально настроенных интеллигентов и не пошел на сотрудничество с нацистами.



Во время своего правления он предоставил нескольким тысячам германских евреев, бежавших от Гитлера, убежище в Боливии. Они приезжали в Ла Пас под видом «фермеров» и получали правительственные дотации «на обзаведение хозяйством». Однако не прошло и пяти лет, как большинство из беженцев переселились в города Ла-Пас и Кочабамбу, где до сих пор существуют крупные еврейские общины.

Для укрепления своей власти Герман Буш реализовал старый проект Торо и провел в марте 1938 года выборы в Учредительное собрание, которое выработало новую конституцию страны. 27 мая он был избран президентом на четыре года. В правительство вошли несколько

молодых политиков, которые в последующие годы сыграли важную роль в образовании Национального революционного движения: Виктор Пас Эстенсоро, Аугусто Сеспедес, Вальтер Гевара Арсе. Благодаря им имя Германа Буша стало символом революции 1952 года. В Боливию вернулся и лидер коммунистов Густаво Наварро (Тристан Мароф), который организовал рабочую партию Боливии. Несмотря на троцкистский уклон, она пользовалась широкой поддержкой горняков. С ней конкурировала Революционная партия, ориентированная на Москву. Возглавляемая профессором из университета Ла Паса Хосе Антонио Арсе и опиралась на рабочих промышленности и железных дорог, объединенных в профсоюзную конфедерацию. Новая конституция страны предусматривала преобладание общественных интересов над частными и предоставляла широкие возможности для государственного вмешательства в частную жизнь, она также признавала индейские общины и впервые за всю историю страны содержала в себе Трудовой Кодекс, известный в стране как *Codigo Busch*. Эти мероприятия вызвали резкое недовольство *роска*, которая стала оказывать давление на правительство. К этому времени им полностью удалось захватить руководство БСФ, мыслившейся ранее основной опорой нового режима. Встретив сопротивление своим реформам со стороны *роски*, через полгода после выборов Герман Буш понял, что не сможет править Боливией конституционными методами и стал готовить переворот. 24 апреля 1939 года президент, опираясь на группу верных офицеров, распустил парламент. Он отменил конституцию и провёл ряд экономических реформ. Первым его шагом стала национализация Центрального и Горного Банков. 7 июня диктатор издал декрет, ограничивающий вывоз прибыли от добычи полезных ископаемых за границу страны. Согласно новым правилам вся валютная выручка от экспорта горнорудной продукции должна была сдаваться в Центральный Банк. Эти меры были горячо поддержаны широкими кругами боливийского общества. Вместе с тем, они сделали большую тройку – Патиньо, Армайю и Хохшильда и *роску* смертельными врагами Германа Буша.

Конечной целью внутренней политики обеих военных правительств был, по-видимому, реванш за Чако.

Эти планы имели под собой реальную основу: за счет доходов от нефти и олова армия могла закончить перевооружение и быть готовой к войне в 1940 году. Вмешательство мирового сообщества также не было опасно: Испания, Албания, Чехословакия, Эфиопия за эти четыре года стали жертвой агрессоров. Лига Наций практически распалась, силы европейских держав были связаны нацистской агрессией. США при всем своем желании не могли вести активную политику, ибо их сковывали фашиствующие режимы Аргентины и Бразилии. Косвенно подтверждающим это фактом является то, что боливийские войска полностью сохранили свою кадровую структуру и легко могли быть развернуты до штатов военного времени. В стране имелось до 180000 обученных резервистов, большинство из которых были ветеранами 1932-1935 годов. Армия получила на вооружение новую технику – 40 20мм спаренных Эрликонов и дюжину итальянских танкеток CV3/33, неплохо зарекомендовавших себя в Абиссинии. Стало уделяться много внимания и военной пропаганде: с 1938 года она появилась в учебном курсе Военного колледжа. Поход 16 полнокровных дивизий в Чако мог изменить результат предыдущей войны. Однако, дни Г.Буша были сочтены: старшие офицеры армии, за которыми стояла *роска*, в августе 1939 года потребовали изменения политического курса или созыва конгресса. По официальной версии, оказавшись в изоляции и политическом тупике, Г.Буш покончил 23 августа жизнь самоубийством. Тайна его гибели осталась нераскрытой. Даже Пас Эстенсоро, ближайший сподвижник диктатора, уже будучи президентом Боливии не рискнул приподнять над ней завесу. Наиболее вероятными являются две версии трагической кончины Германа Буша, связанные с нацистским заговором во главе с майором Ахимом фон Крейсом или интригами военных, связанными с *роской*. Последнее более вероятно, поскольку временным президентом после смерти полковника-реформатора стал генерал Карлос Куинтанилья, командир кавалерийского корпуса в конце войны.



Кинтанилья, как и многие его товарищи по оружию, устал от режима «социалистического милитаризма» и желал возвращения прежней стабильности. Он сразу же пошёл на стовор с оловянными баронами и отменил декрет от 7 июня. Режим военных правительств закончился и в стране восстановился прежний режим.

В следующем году президентом страны стал бывший командующий боливийской армией генерал Энрике Пеньяранда. Ещё занимая эту должность, он поддерживал контакты с традиционными партиями. После самоубийства полковника Буша генерал Пеньяранда возглавил коалиционный блок реформистских партий *Согласие*. «Военный социализм» Торо и Буша заставил *роску* в этот раз забыть про внутриклановые распри и сосредоточить свои усилия на модернизации боливийского общества и борьбе с «красной опасностью», поэтому на президентских выборах 1940 года партия *Согласие* выдвинула его своим кандидатом. Для обеспечения победы на выборах своего прежнего начальника Кинтанилья отправил в ссылку многих активных лидеров и деятелей оппозиции, среди которых был и слишком популярный к этому моменту командир I корпуса генерал Бернардино Бильбао Риоха. Несмотря на внутреннюю слабость режимов Д.Торо и Г.Буша, военные правительства заложили основу для дальнейшего развития боливийского общества. Их реформы активизировали инициативу среднего класса, способствовали его политической активности и возникновению центристских движений, которые поддержали кандидатуру Хосе Антонио Арсе.

В жестокой конкуренции с ним Пеньяранда победил на выборах. Решающим для него фактором стала поддержка армии и *роски*, а также благосклонное отношение американцев. Мировая война несколько изменила планы олигархов, которые в погоне за сверхприбылью отдали свою страну на откуп горнодобывающим компаниям США. Это стало причиной нового витка социального напряжения. Поэтому кабинет Э. Пеньяранды оказался в крайне тяжёлых экономических и политических условиях. Президент и его партия не обладали большинством в законодательном собрании страны, и поэтому вынужден был искать компромиссы со всеми парламентскими фракциями. Страну сотрясали стачки и забастовки, которые зачастую подавлялись силой. Особенно жестокой была расправа над горняками в Катави в 1942 году. Во внешней политике Э. Пеньяранда придерживался проамериканской ориентации, поддерживая усилия антигитлеровской коалиции. Правление, как всегда, нерешительного Э.Пеньяранды оправдало надежды олигархии и разочаровало сподвижников Буша. Вследствие катастрофической экономической ситуации, в Боливии росло недовольство режимом. Его противники организовали Национальное революционное движение, в которое вошли почти все оппозиционные силы, начиная от националистов президента Э.Силеса и заканчивая некоторыми деятелями Боливийской рабочей партии. В конце 1943 года генерал Пеньяранда был смещён с поста президента группой левоориентированных молодых офицеров под руководством майора Гуальберто Вильярроэля. После переворота Э. Пеньяранда ушёл из политики и навсегда уехал из Боливии. Прожив в эмиграции долгие годы, он скончался в Мадриде 22 декабря 1969 года.



6. Через тернии к миру.

Гонка вооружений продолжается Мирный договор. Дипломатическое поражение США и рост влияния стран оси. Нарастание напряженности в Южном конусе. Ленд-лиз и ОАГ.

Политические бури потрясавшие Ла Пас и Асунсьон безусловно не способствовали прогрессу на мирных переговорах в Буэнос-Айресе. Использование угрозы возможности возобновления боевых действий в Чако для давления на своих оппонентов применялись обеими сторонами. Одновременно с этим меняющиеся военные правительства Боливии и Парагвая должны были идти на уступки друг другу для того, чтобы получить признание у своих традиционных партнеров и союзников. Среди позиций наблюдателей конференции также произошли изменения. Госдепартамент стал постепенно отходить от позиции безоговорочной поддержки требований Ла Паса, в то время как Аргентина под воздействием немецкой дипломатии стала сближаться с Боливией. Этому способствовала жесткая позиция министра иностранных дел Парагвая Стефанича, ориентировавшегося на США и не желавшего принимать помощь от нацистов, и национализация правительством Торо имущества СОКОБ. Правительство Р. Франко провозгласило заключение мирного договора одной из своих первостепенных задач. В мае 1937 года Боливия и Парагвай, согласно условиям перемирия, восстановили дипломатические отношения, однако не аккредитовали своих послов. На вялотекущих переговорах оба военных правительства твердо стояли на своих позициях: Боливия требовала решения спора на базе доктрины Мендосы, а Парагвай требовал признания существующей линии разграничения, как основы для проведения переговоров. Кабинет Торо заморозил все контакты и стал вести переговоры о закупке оружия в Италии. Два соперника на поле брани теперь конкурировали в политике.



**Встреча полковников Торо, Гарая и Франко
в Санта Фе после заключения перемирия**

Нового представителя Белого Дома С.Брэйдена особенно раздражало полное доминирование на переговорах Сааведры Ламаса, получившего в 1936 году Нобелевскую премию мира за прекращение Чакской войны. Американский дипломат открыто обвинял аргентинского министра в попытке установить протекторат Аргентины над обоими соперниками. Сам Брейден открыто защищал интересы Стандард Ойл. Еще в феврале 1935 году во время боев

на Парапители он, будучи послом в Аргентине, использовал все свое влияние, чтобы остановить наступления парагвайской армии на Камири. Под его прямым давлением Буэнос-Айрес сделал политический демарш, вследствие которого дальнейшие военные операции в этом районе были приостановлены. С установлением режима Р.Франко он стал его активным противником. Однако понимая, что продолжение войны – усиление Парагвая и ослабление Боливии, чревато расколом межамериканской системы, и усилением европейского, в первую очередь германского, влияния Белый Дом старался найти компромиссное решение. Ради его достижения дипломатия США даже смирились с конфискацией имущества СОКОБ. По-видимому, вопрос принесения в жертву интересов этой компании, был делом давно решенным, тем более, что непротиводействие национализации имущества «Стандард Ойл» немало способствовало доказательству непричастности Белого Дома к развязыванию войны.

Пожертвовав интересами одной компании США, помимо политических дивидендов, обеспечили интересы своего бизнеса в горнодобывающей промышленности, что было гораздо существеннее: Боливия в то время была крупнейшим неконтролируемым британцами источником олова в мире. Еще одним существенным фактором, повлиявшим на позицию администрации Ф.Д. Рузвельта, стал рост фашистского влияния в странах Южного Конуса. Деятели «нового порядка» в Бразилии, генералы Хусто в Аргентине, члены военных правительств Д.Торо и Р.Франко не скрывали своего восхищения успехами фашизма в деле консолидации нации. Боливию связывали давние связи с Германией, заложенные еще в 20е годы, Парагвай больше ориентировался на Италию. Так, Асуньсьон сразу после прекращения огня приобрел у итальянской компании СИМА (Consorzio Italiano de Materiale Aeronautiche) два истребителя Fiat CR.30В (за 57000 US\$) и четыре тренировочных самолета Breda Ba25. Два из них имели стандартное вооружение и стоили 30760 US\$, третий был оснащен как учебный самолет (цена 17197 US\$), а четвертый был исполнен в морском варианте (19197 US\$). Представители СИМА вели переговоры с обеими сторонами, но боливийцы отказались приобретать самолеты у итальянцев, узнав о том, что идут переговоры с их потенциальным противником.



Периодическая конфронтация на линии прекращения приводила к тому, что на рынке вооружений то неожиданно возникали заказы на оружие как Ла Паса, так и Асуньсьона. Как только напряжённость в Чако спадала они также быстро исчезали или по крайней мере уменьшались. Так, в 1937 году представители СИМА получили предложение о поставке штурмовиков Breda Ba 65, а затем 20-30 бомбардировщиков Caproni Ca 101s в Парагвай. Однако вследствие изменения политических причин переговоры закончились ничем. С мая по 19 октября 1937 года вновь проводились переговоры о поставке 11 бомбардировщиков Caproni Ca 111s. Впо-

следствии требования Асунсьона изменились и речь пошла о 12 многоцелевых Caproni с 740-сильными двигателями. Поставка этих самолетов позволила бы парагвайской авиации бомбить Ла Пас. Переговоры закончились только к 1938 году подписанием контракта. В него вошли 15 самолётов: три бомбардировщика Caproni Ca 309 Ghibi (ценой 126500 US\$), 5 истребителей Fiat CR.32s (ценой 187500 US\$) и 7 штурмовиков Bergamaschi (Caproni) AP-1 (ценой 273 300US\$, 2 из них в варианте гидропланов).



Ла Пас тоже не сидел сложа руки. После отказа от переговоров с СИМА, его представители вошли контакты с немецкими самолетостроителями. Первыми в Боливию поступили в середине октября 1936 года три тренировочных самолета Klemm K125 с 80 сильными двигателями. Тогда же начались переговоры о поставке *Юнкерсов* 160s. Всего к 1937 году ВВС Боливии получили 4 *Юнкерса* 86. Фирма *Фокке-Вульф* также поставила свои самолеты в Андскую республику: уже 17 ноября 1937 года первый Fw44M поступил на вооружение базы ВВС в Кочабамбе. В 1938 году авиационный парк пополнился еще одним Fw 56A, служившим самолетом связи. Однако основными поставщиками боливийцев оставался *Кэртис-Райт экспортс*, который, наверстывая упущенное, поставил к 29 июня 1938 года 10 своих истребителей-бомбардировщиков серии CW19R.



Гонка воздушных вооружений стала одним из средств давления противников друг на друга. Приобретение самолетов, способных бомбардировать столицу противника, являлось фактором более психологического воздействия, чем серьезной военной угрозой. Те несколько самолетов, способных атаковать с воздуха Ла-Пас или Асунсьон, не могли бы нанести серьезного ущерба. Другим звеном в гонке вооружений стало приобретение Боливией итальянских танкеток CV33, улучшенной модели британского Карден-Ллойда.



Удачное их использование в горах Эфиопии и относительная дешевизна заставили боливийское командование вновь обратить свое внимание на бронетехнику. Оснащение сухопутных войск Боливии танками должно было оказать сильное впечатление на Парагвай, который не по ряду причин не обладал такой возможностью. На 23 октября 1937 году по данным американского военного атташе в Сантьяго боливийская армия располагала 75000 винтовками и 16000 карабинами VZ24, 2700 пистолетами и 2000 пистолетами-пулемётами, 500 станковых и 2700 ручных пулемётов.

Надежда сохранить собственную безопасность путем запугивания принадлежит к числу древнейших инстинктов. Достижение мира через демонстрацию превосходящей силы является постоянным приемом “миротворчества”, известным с незапамятных времен. Однако с течением времени в обеих странах все настойчивее давали о себе знать проблемы перехода экономики к мирной жизни. Это сильно ограничивало милитаристские потребности и возможности военной машины в обоих государствах.

Для достижения паритета в воздухе правительство Р.Франко пошло на беспрецедентный шаг: продало часть трофеев Чакоской войны испанским республиканцам через частного торговца оружием Торвальда Эриха. Деньги испанских республиканцев, вырученные от продажи, пошли в оплату военных поставок итальянцев, воевавших против них. Партия оружия включала:

- 7 75мм пушек *Круппа* 1907 года с 2000 снарядов к ним,
- легкий танк Виккерс 6-тонн (модели В: вооруженный 47мм пушкой и пулеметом),
- 85 станковых пулеметов (75 Максима и 10 Виккерса),
- 233 ружья-пулемета Бертье-Виккерса,
- 7119 винтовок Маузера 7.65мм,

– 175500 винтовочных патронов калибра 7мм.

Точная сумма сделки неизвестна, она колеблется в пределах 300 до 400 тысяч долларов. Эта партия оружия представляла собой примерно пятую часть военных трофеев парагвайцев и состояла из устаревшего и частично неисправного хлама. Она была отправлена через Таллинн и прибыла по месту назначения только осенью 1937 года. Приобретение в Италии новых самолетов за деньги испанских республиканцев позволила резко укрепить ВВС. Аналогичные операции проделывала со своим оружием и Боливия, которая не только продала оружие испанским республиканцам, но и умудрилась в 1940 году продать часть патронов бельгийскому правительству.

Отставка генерала Хусто с поста президент Аргентинской республики в январе 1938 года привела к смене администрации. Сменивший его на посту главы государства Ортис немедленно вывел Сааведру Ламаса из состава аргентинской делегации на Буэнос-Айреской мирной конференции. Причин для этого было много, но главной являлось недовольство военных кругов миротворческой деятельностью министра иностранных дел и ростом его авторитета среди народа. В результате этих перестановок перед госдепартаментом впервые за три года открылись возможности взять под контроль процесс мирного урегулирования в Чако. В феврале 1938 года председателем конференции стал С.Брэйден, который откровенно заявил о своем кредо:

«Сохранение межамериканской системы мирного урегулирования представляет для нас большую важность, чем сам конфликт в Чако и вытекающие из него позиции двух воюющих сторон. Еще одна война может серьезно подорвать эту структуру и вновь подчинить европейскому влиянию те разочарованные элементы в Латинской Америке, которые под руководством США в настоящее время склоняются к панамериканизму».

Новый министр иностранных дел Аргентины Мануэль П. Альварадо оказался более податлив влиянию С.Брэйдена и частично разделял его точку зрения: она заключалась в поиске «компромисса», приемлемого для Боливии. Понимая, что Парагваю надо во что-то уступить, Брэйден секретно встретился с полковником Бушем в апреле 1938 года и убедил его принять «формулу Рузвельта». Она подразумевала раздел Чако на несколько зон, часть из которых подлежала арбитражу, а другие нет. Из конфигурации линии прекращения огня следовало, что порт на Парагвае и промыслы Камири останутся за Боливией. Недавние события в Боливии – свержение Д.Торо, обвиненного в «игнорировании проблемы Чако», и инициатива Брэйдена убедили нового президента Боливии к окончательному урегулированию спора. Брэйден заверил его в том, что остальные участники конференции полностью разделяют эту позицию. Оставалось только сломить сопротивление председателя Либеральной партии Х.Зубизаретты, восстановленного временным президентом Парагвая Пайвой на посту председателя парагвайской делегации.

Для оказания давления на парагвайскую делегацию полковник Буш начал демонстративно готовится к войне. Насколько реальной была угроза войны сегодня судить трудно. Парагвайская армия к тому времени насчитывала 4389 солдат и офицеров в составе 4 пехотных, 2 кавалерийских, артиллерийского и инженерного полков. Ее реорганизация и стандартизация ее вооружения к этому времени закончилась. Были частично восполнены людские резервы страны, подорванные войной. К концу тридцатых годов в распоряжении военного министерства числилось до 60000 резервистов и не менее 100000 человек Национальной Гвардии (второй очереди). На складах находились 106 минометов и 45 артиллерийских орудия (8 105мм горных гаубиц (M28) и 14 горных пушек Шнейдера, 2 105мм полевых, 8 75мм пехотных и 6 47мм противотанковых пушек *Виккерса-Армстронга*, 7 20мм Эрликонов). В случае мобилизации Парагвай мог быстро развернуть три корпуса в составе 2 кавалерийских и шести пехотных дивизий (пять по 3 полка, а одна – 2 полка и корпус береговой обороны), 4 инженерных полка и 3 артиллерийские группы. На втором этапе развертывания планировалось мобилизовать части второй очереди. Речная флотилия, состоявшая из 5 вооруженных пароходов и 2 канонерских

лодок, не снижала своей боеготовности. Воздушное пространство защищалось ПВО и авиацией в составе 1(4 Потеза, 3 Капрони) и 2(7 Бергамаки) бомбардировочных, 11 истребительной (7Фиатов: 5 CR32 и 2 CR20) и двух звеньев гидропланов (6 итальянских машин разных типов). Кроме того, летная школа располагала тремя десятками учебных самолетов, ограничено годных для военных действий. Однако, большая часть военных грузов еще не достигла Асунсьона, а на помощь Аргентины было трудно рассчитывать. Казначейство республики было пусто, общественное мнение расколото, наиболее талантливые офицеры – Р. Франко и Х.Ф. Эстигаррибия пребывали в эмиграции. Следовательно, как по внутривнутриполитическим, так и по военным соображениям Асунсьон не мог пойти на риск возобновления военных действий. Зреющее внутри страны недовольство нуждой и лишениями, связанными с постоянным военным напряжением и распрями внутри правящей верхушки страны, растянута коммуникаций и очевидная бесперспективность наступления на Альтиплано не позволяли Парагваю рассчитывать на быстрое успешное завершение войны. В этих условиях правительство Пайвы не готово было идти на конфликт.

В мае совершенно неожиданно для себя глава парагвайской делегации Х.Зубизаретта обнаружил, что его коллега Эфраим Кардосо, зять министра обороны Боццано, ведет секретные переговоры с противником, опираясь на «формулу Рузвельта». Дразги между членами парагвайской делегации зашли столь далеко, что они начали общаться через своего формального шефа – министра иностранных дел Сесилио Баеса. В этих условиях С.Баес обратился к вернувшемуся на родину Х.Ф.Эстигаррибии с просьбой определить отношение армии к условиям мира, сформулированным Кардосо, и неожиданно получил благоприятный ответ. Как только стало ясно, что вооруженные силы согласны с «формулой Рузвельта», правительство Пайвы нанесло удар по фракции Х.Зубизаретты: он был отстранен от ведения переговоров (на его место назначили Х.Ф.Эстигаррибию) и смещен с поста председателя Либеральной партии. 21 июля окончательный проект договора был вынесен на конференцию, в которой приняли участие все партии, принимавшие участие в правительстве. На заседании только сторонники Х.Зубизаретты – *гондристи* выступили против подписания договора на базе «формулы Рузвельта». Они были достаточно влиятельны, чтобы остальные фракции Либеральной партии могли проигнорировать их позицию. В этих условиях текст договора был вынесен на народный плебисцит. Уставший от войны парагвайский народ подал 135385 голосов за мир и только – 13204 против него. Побочным результатом референдума стало полное поражение старых фракций Либеральной партии и переход контроля над ней к молодым либералам, которые выдвинули Эстигаррибию своим кандидатом на президентских выборах.

После этого прогресс на мирной конференции стал налицо: Парагвай согласился отказаться от окрестностей *Вильи Монте* в обмен на область в глубине Чако. Единственным камнем преткновения стал вопрос о предоставлении Боливии свободного порта на реке Парагвай. Положение на конференции обострилось настолько, что боливийский конгресс вотировал один миллион фунтов стерлингов на закупку вооружений, правительство получило право собирать по подписке крупную сумму для приобретения оружия, а гражданам было запрещено покидать страну. Явственно ощущая поддержку США боливийские правящие круги вновь были готовы прибегнуть к оружию. Однако антивоенные настроения в народе сохранялись. Нежелание простых боливийцев воевать за интересы «оловянных» баронов и ради «славы боливийского оружия» стало важным фактором, который должен был учитывать Герман Буш.

Твердая позиция нового аргентинского представителя Х.М.Кангильо, поддержавшего Парагвай, и антивоенные настроения, широко распространившиеся среди простых боливийцев, заставили правительство Буша пойти на попятный. Ла Пас не пошел на риск войны. В инструкции от 28 июня 1938 года указало своим делегатам, что «ради сохранения мира» от суверенного выхода к судоходной части реки Парагвай приходится отказаться. 21 июля 1938 года был подготовлен окончательный проект мирного договора, в котором Парагвай «обязу-

ется обеспечить свободный транзит боливийских товаров вниз по реке Парагвай». На следующий день боливийская столичная газета *El Diario* констатировала:

“Мир, этот результат несчастной войны, получен Боливией с ясным чувством понимания, что он далеко не так благоприятен, как это преподносится официально”.



Гораздо более тепло встретили сообщение о заключении мира в Парагвае, где в ряде мест прошли манифестации. 10 августа 1938 года боливийский конгресс утвердил условия мира большинством в 102 голоса против 9. Правительство Пайвы не рискнуло вынести договор в Конгресс, где преобладали старые либералы, и вновь провело референдум, на котором 132000 граждан выступили за договор и только 9000 против.

Завершающим этапом мирной конференции стало проведение международного арбитража в Чако. В состав арбитражной комиссии вошли представители Аргентины, Бразилии, Перу, США, Чили и Эквадора. 10 октября 1938 года комиссия вынесла решение, по которому Парагвай получил примерно вдвое большую территорию – 247 328 квадратных километров из 406752, чем это предусматривалось договорами 1879, 1887 и 1891 годов с Боливией,

однако вынужден был оставить Боливии нефтеносный район Камири. Вместо территориального доступа к судоходной части реки, Парагвай предоставлял Боливии свободный порт в Пуэрто-Касадо. Подписывая мирный договор, обе стороны понимали, что спор за Чако далеко не решен и искры военного пожара готовы вновь вспыхнуть, в случае изменения расстановки сил в Южном Конусе.

Идеологическое проникновение фашизма в страны Южного Конуса началось задолго до прихода Гитлера к власти. Каналы его проникновения были различны – это и сохранившиеся со времен Первой мировой войны политические и экономические позиции, местные итальянские и немецкие переселенческие колонии, военные и культурные связи и многое другое. Основной тезис пропаганды фашизма в Латинской Америке – национализм, стремление ее народов к освобождению от иностранной зависимости. Англо-американское засилье позволяло нацистам выдавать себя за освободителей. Одновременно с этим возрастала экономическая зависимость континента от Германии: она заняла третье место по объему инвестиций в страны Латинской Америки. Уже в 1935 году торговля этих стран с Берлином возросла на 260%. Одновременно с нацистами, Италия и Япония заняли важные позиции в экономике Эквадора и Перу. Страны оси стремились потеснить ослабленных Великим кризисом конкурентов. Захват экономических плацдармов способствовал активному воздействию на политику и идеологию правящих кругов Южной Америки.



Многие лидеры континента с удовольствием перенимали опыт Муссолини, а затем и Гитлера. Так, президент Бразилии Варгас, пришедший к власти под популистскими лозунгами, установил свою диктатуру еще в 1930 году. На первом этапе его внутренняя политика была направлена на подавление провинциальной олигархии. С этой целью он стал проводить чистку

армии, выводя ее из-под контроля губернаторов штатов и французской военной доктрины. Всего из рядов армии было уволено 9 (из 11) генерал-лейтенантов, 20 бригадных генералов и почти 2000 солдат и офицеров, сопротивлявшихся реформам. Ее реорганизация проводилась под руководством немецких инструкторов. Вследствие ряда причин, в частности восстания паулистов, она затянулась на долгие годы. К 1940 году она увеличилась до 93000 человек и представляла собой серьезную боевую силу. 10 ноября 1937 года Ж.Варгас, опираясь на созданную с помощью немецких инструкторов армию, организовал новый переворот и основал «Новое государство» с фашистской конституцией. В стране открыто действовала фашистская партия интегралистов. В штате Санта-Катарина представители немецкой общины занимали все ключевые посты. Однако сближение Нового государства с Третьим рейхом было недолгим. Недовольные половинчатой политикой президента 10 мая 1938 года интегралисты подняли против Варгаса мятеж, который был подавлен верными режиму войсками. После этого последовало резкое охлаждение отношений между Берлином и Рио-де-Жанейро. Несмотря на такое изменение внешней политики, бразильский офицерский корпус продолжал симпатизировать Германии по-старому.

Отношения стран оси и Буэнос-Айреса были гораздо теплее. Задолго до разрыва Версальского договора нацистское руководство отводило этой стране роль плацдарма в Новом Свете. Этому способствовал целый ряд факторов. Еще в годы президенства Урибуру был основан Гражданский легион, носивший по примеру штурмовиков коричневые рубашки. Его члены были вооружены и обучены, они принимали участие в военных маневрах и должны были послужить опорой нацистам на аргентинской земле. Им руководили немецкие офицеры-инструкторы, служившие в аргентинской армии. Общее руководство военным проникновением в Аргентину руководил советник Франко генерал Фаупель. В то время, как миссией немецкого посла в Вашингтоне было «культивирование духа изоляционизма», его коллега в Буэнос-Айресе фон Терманн налаживал связи с офицерским корпусом аргентинской армии, расходуя на «представительство интересов» в шесть раз больше, чем его коллега из США.

К 1940 году в Аргентине действовала самая сильная нацистская организация: по столице ежедневно распространялось по 30000 листовок, действовали местные филиалы НСДАП и Гитлерюгенда, 1389 предприятий, торговая палата и сеть школ и больниц. В стране проживает миллион триста тысяч этнических немцев, которые должны стать дисциплинированной армией, необходимой для установления нового порядка. Прямые капиталовложения Германии в 1939 году достигли 540 миллионов долларов и превысили инвестиции Англии (445 миллионов) и США (348 миллионов). Так или иначе, к началу Второй мировой войны аргентинская армия сменила хозяина место двухсот скотоводов-олигархов заняли нацисты. Их влияние на высший офицерский состав армии осуществлялось через организацию ГОУ, одним из руководителей которой стал полковник Перон. Влияние на армию усиливалось за счет военных поставок. Гитлер обещал Аргентине современную военную технику. По некоторым данным, в Монтевидео были в канун начала Второй мировой войны были разгружены полсотни *Messerschmittов* вместе с обслуживающим персоналом. По какой-то причине этот транспорт был задержан и не дошел до получателя.

Колоссальный успех нацистов в Буэнос-Айресе скрасил медленный прогресс и явные провалы фашистской идеологии в других странах. Так, Берлин приложил большие усилия для закрепления своего влияния в Чили. До 1938 года он поставил Сантьяго 15 боевых самолетов, 112 артиллерийских орудий со 120 зарядными ящиками и 13000 гранат. Чилийские немцы также были сорганизованы по аргентинскому образцу под руководством местного фюрера Г. фон Марееса. Однако президент Алессандри расценил стычку местных нацистов с полицией, как попытку путча, и запретил их деятельность в 1938 году. В июле 1938 года немецкие послы в Бразилии, Чили, Уругвае и Аргентине констатировали: «... в Южной Америке, и в особенности

в Бразилии, в настоящее время убеждены, что Германия преследует ... империалистические цели, и именно такое мнение возобладало также в авторитетных политических кругах...».

Промахами нацистской политики воспользовался госдепартамент, которому удалось одержать крупную дипломатическую победу, собрав в декабре 1938 года конференцию в Лиме, которая приняла «Декларацию американской солидарности». Пункт 3 этой декларации гласил: «Если возникнет угроза миру, безопасности и территориальной ценности американских стран, то они во имя общих интересов и ради наибольшей эффективности своего союза должны координировать пожелания каждой суверенной страны путем консультаций...».

Зафиксированный этим документом принцип немедленного созыва консультативных совещаний министров иностранных дел давал юридическую основу всем странам Американского континента для выработки единой точки зрения в связи с международными конфликтами. Впоследствии он был использован дипломатией США в качестве эмбриона Организации Американских Государств.

После начала военных действий в Европе правительства стран Латинской Америки официально заявили о своем нейтралитете. Однако их нейтралитет был разным. В силу зависимого положения стран региона в системе мирового капитализма противоречия между великими державами неизбежно отражались на их внешней политике. С началом Второй мировой войны борьба США и Германии за политическое влияние в Южной Америке приняла новые формы. Основной задачей нацистской дипломатии было сохранение странами Латинской Америки строгого нейтралитета. В этом случае за Германией оставались рынки Бразилии, Чили и Аргентины. Определенном смысле ей этого удалось достичь, несмотря на морской бой «Графа Шпее» с англичанами у Монтевидео и начало неограниченной подводной войны. Политические маневры нацистов совпали со стратегией госдепартамента в регионе, который 23 сентября 1939 года на конференции министров иностранных дел Америки в Панаме, инициировал принятие «Общей декларации о нейтралитете американских республик».

Падение объемов торговли Латинской Америки с континентальной Европой привело к увеличению в ней доли США. Воспользовавшись этим, госдепартамент попробовал вышибить из латиноамериканских республик старые долги. Этому способствовало учреждение в Панаме МФЭКК (Межамериканского финансового и экономического консультативного комитета). Представители Вашингтона в Панаме отказались рассматривать почти 30 предложений своих коллег по вопросам о займах, торговле и товарообороте, до решения вопроса долгов. Эти попытки госдепартамента навязать обременительные условия предоставления займов и кредитов, а также решить в свою пользу накопившиеся конфликты, вызвали ответную реакцию стран Южного конуса. Так, они никак не отреагировали на предложение США заключить соглашения о совместном морском патрулировании.

Попытка финансового диктата со стороны США привела к очередному усилению влияния стран оси. Так, Бразилия начала вести переговоры с Круппом о строительстве сталелитейного завода. Отношения между Вашингтоном и Рио-де-Жанейро обострились настолько, что генерал Маршалл предполагал под предлогом проведения маневров десантировать 10000 американских солдат в устье Амазонки с «целью предотвратить нападение Германии на Американский континент. Эта операция была отменена вследствие протеста военного атташе в Рио-де-Жанейро бригадного генерала Миллера.

«Это похоже на историю с волком в овечьей шкуре; это очень опасное дело, способное вызвать весьма неблагоприятную реакцию не только в Бразилии, но и во всей Латинской Америке», – писал он в Вашингтон.

Деловые круги Аргентины, Уругвая и Чили были недовольны ограничением доступа их товаров на рынки США. Следствием этого стало расширение их экспорта в Японию. Даже союзник Вашингтона Ла-Пас обиделся на него за отказ предоставить очередной заем: взамен госдепартамент требовал вернуть «Стандард Ойл» ее конфискованное имущество. Нажим на

Латинскую Америку со стороны ее северного соседа вызвал заметное обострение обстановки во всем Западном полушарии. Естественно, это затрудняло военно-политическое сотрудничество этих стран. События лета 1940 года заставили администрацию Ф.Д. Рузвельта отказаться от прямолинейной тактики нажима и перейти к маневрированию. Этому изменению способствовали действия германской дипломатии, которая старалась экономически привязать страны Южной Америки к оси.

Победа немецкого оружия над Францией широко отмечалась среди высшего офицерского состава Аргентины. Тем не менее, ее президент Ортис выслал в июне германскую военную миссию. Глава Бразилии Жетулиу Варгас втайне от своего министра иностранных дел вел переговоры с немцами. Колебания внешней политики Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро, связанные с победами гитлеровских войск в Европе, были присущи и другим государствам Южного Конуса. Правящие круги Перу, Парагвая, Чили и Боливии, пораженные «комплексом выжидания» опасались занять четкую позицию. Однако они ощущали исходившую от крупных империалистических хищников угрозу своему нейтралитету. Именно в этот период, многие страны Латинской Америки потребовали от Вашингтона поставок оружия в обмен на свою поддержку. Исходя из новой обстановки Конгресс США принял закон, разрешивший продажу оружия странам Латинской Америки.

Аргентинские правящие круги наотрез отказались от предложения США о создании американских баз и аэродромов для отражения фашистской агрессии. Они в большей степени опасались Вашингтона, чем отдаленную угрозу агрессии из Европы. Бразилия, соглашаясь в принципе на сотрудничество, авансом потребовала у Вашингтона экономической и военной помощи. Антигермански настроенный министр иностранных дел Бразилии 18 июля 1940 года предупредил американского посла, что, если США не предоставят оружие Бразилии, она приобретет его у Германии и пригласит немецких инструкторов. Подобные настроения росли, и для того, чтобы как-то удержать за собой инициативу госдепартамент в июле 1940 года созвал новую Панамериканскую конференцию. Этой конференция открыла новый этап в региональной политике. Самым важным её документом этой конференции стал Гаванский акт и Конвенция о временном управлении колониями европейских держав в Америке. Для того, чтобы уговорить всех членов Панамериканского союза присоединиться к нему, американские дипломаты пошли на подкуп целых стран. Так, Бразилия получила первые 25 миллионов долларов на строительство сталелитейного завода, а Аргентине был разрешен импорт в США шерсти и кож. Несмотря на то, что акт и конвенция объективно способствовали предотвращению распространения фашистской агрессии на Западное полушарие, они обеспечивали политическое господство США над Новым Светом. После подписания заключительных документов Гаванской конференции, наиболее тесные отношения сложились между Рио-де-Жанейро и Вашингтоном.

Весь 1941 год чаша симпатий у Ж.Варгаса Бразилии колебалась между Германией и США. Это было связано с тем, что несмотря на соглашение о поставках оружия, армия Варгаса ничего не получила от своего союзника вплоть до 7 декабря 1941 года. Согласно этому соглашению бразильская армия должна была получить оружия на 80 миллионов долларов, а флот – на 20. На этом ловко играли немецкие дипломаты, которые использовали каждый транспорт с оружием, направляемый в Бразилию, как политический козырь. Росту прогерманских настроений способствовал перехват англичанами корабля с оружием «Сикейру Кампус» и запрет на выход в море второго такого судна «Баже». Вступление в силу закона о ленд-лизе 28 октября 1941 года резко изменило отношение военных к США. Всего за годы II мировой войны Бразилия получила оружия на 230 миллионов долларов (вся помощь Латинской Америке оценивается в 324 миллионов). В период мировой войны внешняя политика Бразилии носила активный характер, особенно в ее взаимоотношениях со странами Американского континента. Вместе с тем война усилила ее экспансию в соседние страны: с Уругваем, Боливией, Перу, Парагваем,

Эквадором, Венесуэлой и Чили была подписана серия экономических соглашений. Однако от Уругвая до Перу влияние Рио-де-Жанейро наткнулось на соперничество с Буэнос-Айреса.

Аргентина оказалась единственной страной, отказавшейся заключить соглашение о военно-политическом сотрудничестве с США. Однако согласованность независимых политических курсов Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса осложнялась взаимным соперничеством в бассейне рек Параны и Уругвая. Этому в значительной степени способствовала военная конъюнктура. В 1943 году экспорт страны превысил на 1250 миллионов песо импорт, который составлял 942 миллиона песо. Аргентинские сельскохозяйственные продукты приобретали как союзники, так и державы оси при посредничестве Испании и Португалии. В 1944 и 1945 годах сальдо внешней торговли сохранялось на уровне 1346 миллионов песо. В силу такого небывалого экономического положения Аргентина отказалась принять помощь Вашингтона по ленд-лизу, поскольку американцы требовали подписания вышеуказанного соглашения. Аргентинские дипломаты попытались создать в районе Южного Конуса союз, в который должны были войти Чили, Парагвай, Уругвай и Боливия. Однако попытки создания региональных таможенного (в феврале 1941 года) и военного (ноябрь 1941 года – январь 1942 года) союзов провалились, натолкнувшись на противодействие США. Взамен поставок оружия из США аргентинская армия стала получать военную технику из Великобритании, оправившейся от Дюнкерка к 1942 году.

Активизация Бразилии в зоне интересов Буэнос-Айреса положило начало военной конфронтации между двумя самыми крупными странами Южной Америки. Бразилия уже с 1940 года считала Аргентину своим потенциальным противником: именно тогда был утвержден план превентивного нападения на нее). Занятие Каса Росада 4 июня 1943 года генералом Раусоном, утверждение у власти военных, разрыв отношений с державами оси и последующая отставка под давлением США генерала Рамиреса с поста президента Аргентины наложились на широкие антиамериканские настроения по всей Аргентине, связанные с объявлением Вашингтоном дипломатической и экономической блокады страны. Великобритания, Бразилия, Уругвай, Парагвай и Боливия отказались присоединиться к этой инициативе США. Ситуацией воспользовался новый аргентинский диктатор – генерал Э.Фаррель, который начал частичную мобилизацию и размещение войск вдоль границы с Бразилией. Военное напряжение позволяло снять напряжение внутреннее.

Перспектива войны определялась не столько реальной готовностью Аргентины и Бразилии к ней, сколько интересами великих держав, отстаивавших свои сферы влияния. Начальник штаба аргентинской армии фон дер Бек продемонстрировал бразильскому послу Р.Альвесу готовность своих войск и поинтересовался мобилизационной готовностью Бразилии. Это было воспринято как попытка примирения. Президент Варгас, в свою очередь, запретил генералу Г.Монтейру, командующему бразильской армией, осложнять отношения с Аргентиной. Тем не менее, интриги вокруг возможного конфликта между Буэнос-Айресом и Рио-де-Жанейро продолжались. «Внезапное появление трещин в панамериканской системе было воспринято как настоящее потрясение» – писал «Нью-Йорк Таймс» о событиях на границе Бразилии и Аргентины. В конце концов конфликт, инспирированный госдепартаментом и Форин Офисом, закончился компромиссом. Блокада Аргентины прекратилась, в обмен на это Буэнос-Айрес формально объявил войну Германии 27 марта 1945 года.

Накануне этого события США окончательно закрепили свою гегемонию в Латинской Америкой. Этому послужила Чапультепекская конференция по вопросам войны и мира, проходившая с 21 февраля по 8 марта в Мехико. Хотя было совершенно ясно, что мировая война идет к своему логическому концу, главное внимание на конференции было уделено мерам по оформлению военно-политического блока США и стран Латинской Америки. Самым главным результатом конференции стало построение базиса для регионального союза с четко обозначенными военно-политическими функциями. Госсекретарь США Стеттениус в выступлении

на конференции заявил: «Мы должны... рассмотреть, какие шаги необходимо предпринять для укрепления межамериканской системы, чтобы в будущем она сыграла важную роль...».

Наиболее важным результатом этой конференции стало принятие, внесенного на обсуждение представителями Бразилии, Уругвая и Колумбии «Чапультепекского акта о взаимной помощи и солидарности», ставшего ключевым документом Организации Американских Государств. Таким образом, несмотря на дипломатическое поражение в Чакской войне Вашингтон спустя десять лет смог добиться полного господства на Американском континенте, воспользовавшись отвлечением внимания великих держав II мировой войной. Военно-политическая и экономическая экспансия США проходила под лозунгом борьбы против фашистской агрессии. Идеологическое прикрытие обновленной доктрины Монро тем, не менее было шито белыми нитками, поскольку дядя Сэм не обращал внимания на дружественно настроенные к нему фашистские режимы Дювалье и Трухильо, Сомосы и Убико. Упомянувшийся выше С.Брэйден теперь выступил как защитник интересов «Мамиты Юнай» (*Юнайтед Фрут компани*). Позже он заявлял, что «... не следует рассматривать как интервенцию действия вооруженных сил иностранной державы против какой-нибудь страны, которая ... представляет ... угрозу для безопасности Соединенных Штатов...»



7. Тоталитарный Парагвай

Генерал Инихио Мориниго. Создание Нового государства. Расширение связей с США. Революция. Гражданская война 1947 года. На пути к диктатуре А.Стресснера.

Генерал Инихио Мориниго родился в 1897 году в бедной крестьянской семье в Парагуари. В возрасте 25 лет он окончил в 1922 году Военную Школу с первым выпуском. Последующие годы он состоял на разных должностях в армии, специализируясь в области разведки. В 1936 году он президент Франко доверил ему доставку останков Маршала Лопеса в Асунсьон. Являясь ярким националистом, И.Мориниго всегда был в оппозиции к Либеральной партии. Его приход к власти стал концом влияния либералов (независимо от фракционности). Для инициации их гонений был использован стандартный тезис о предательстве интересов страны в ходе Чакской войны, а также твердое внутреннее убеждение ветеранов войны, что «либералы убили их любимого маршала». Падению престижа последних способствовала публикация протоколов Чакской мирной конференции в конце 1940 года. Среди ее документов было напечатано предложение группы эмигрантов – либералов к правительству Боливии организовать поход на Асунсьон с целью свержения режима Р. Франко. Еще тогда даже министр иностранных дел Боливии Э. Фино скептически отнесся к этому предложению, указав, что инициаторы похода не обладают необходимым авторитетом внутри Либеральной партии. Тем не менее, этот документ был использован И.Мориниго в качестве доказательства «предательства» всех либералов, учитывая их «легионерское» прошлое. Широкую поддержку диктатору оказали молодые армейские офицеры, лейтенанты Чакской войны. Засилье ветеранов войны – полковников на майорских должностях, тормозило карьеру офицерской молодежи. Смещение множества либералов и увольнение их из армии позволили провести быстрое производство целого ряда военных. Среди них был потомок баварского переселенца Альфредо Стресснер, получивший чин майора в 28 лет. Молодые офицеры оказали поддержку Мориниго в игнорировании претензий фебреристов на руководство армией и политическую власть.



Генерал Ихинио Морнинго

Практически сразу после создания нового кабинета, президент провозгласил создание Нового революционного националистического государства. Экономическая, политическая и общественная жизнь страны была поставлена под строжайший контроль правительства. Девиз правительства «Порядок, дисциплина и иерархия» послужил основой для вмешательства государства во все сферы парагвайского общества. Началась политические репрессии, был расширен концентрационный лагерь на *Пенье Эрмоса*, введена казнь за политические преступления. Либеральная партия в 1942 году была объявлена вне закона «за измену Родине», ее членов без суда и следствия заключали в Пенье Эрмосе. Подверглись гонениям и другие партии. Опорой режима Мориниго стала *кавалеристы* – группа националистически настроенных полковников, бывших младшими офицерами в Чакскую войну. Она возглавлялась командиром кавалерийской дивизии В.Б. Верой и начальником штаба армии Б.Арандой. В нее также входили начальник ВВС П. Стагни, командующий военным округом Консепсьона Х. Флорентин, начальник столичной полиции М. Виласбоа и начальник секретной полиции М. Фустер. Идеология *кавалеризма* сформировалась под влиянием фебреристов и Р.Франко, экспансии фашизма режимов в Европе и Америке и антикоммунизма русских белоэмигрантов. В политико-идеологическом плане эти офицеры ориентировались на державы оси и Аргентину и

активно противодействовали проникновению США в Парагвай. К 1944 году им удалось окончательно вытеснить гражданскую фракцию *тиемпистас* из правительства и установить военно-фашистскую диктатуру, образцом которой стал режим Муссолини. После вывода *тиемпистас* из состава правительства Мориниго начал сближаться с партией *Колорадо*. Одновременно с этим был создан департамент пропаганды, основной задачей которого стал контроль за идеологической жизнью страны.

В конце января 1942 года правительство Парагвая во исполнение решений Панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро было вынуждено разорвать дипломатические отношения со странами оси. Внешняя политика правительства генерала И. Мориниго вопреки планам аргентинских военных не следовала в фарватере Буэнос-Айреса. В 1943 году Мориниго, стараясь следовать политическому курсу маршала Х.Ф.Эстиггрии, установил контакты с государственным департаментом и по его приглашению совершил официальный визит в США.



Он стал первым президентом Парагвая, официально посетившим эту страну и встретившимся с её президентом. Платой за дружественный нейтралитет в политическом споре с Аргентиной стала поставка в 1944 году из США средств связи, шести 15-тонных патрульных катеров 701 серии (P1-6), вооруженных спаренными 20мм *Эрликонами*, 30 самолетов (2 Beech UC-45, 10 Vultee VT-13, 18 Fairchild PT-19), 3 тысячи винтовок M1903 Спрингфилд и дюжина станковых пулеметов M1917 *Браунинг*. Это оружие позволило переоснастить вновь сформированные полки: 14 пехотный полк *Серро Корра*, 3 кавалерийский полк *Коронель Монгелос* и полк связи.

Реформа лишь частично затронула флот и авиацию. Под влиянием опыта мировой войны они превратились в самостоятельные рода войск. Во флотилии числилось 1900 военнослужащих, из которых только половина состояли в экипажах судов, гидроавиации и корпусе береговой обороны. Флотилия состояла из 4 авизо, 3 канонерских лодок, 6 сторожевых катеров, военный транспорт и 2 драги. В ее составе находилось два авиазвена (по 3 самолета в Баия

Негре и Сайонии), батарея береговой артиллерии в Фуэрто-Олимпо, батальон морской пехоты *Ричарльо*, корпус охраны реки.

Парагвайские ВВС насчитывали 800 человек, из которых более 2/3 составляли боевой и обслуживающий персонал 3 боевых, транспортной и учебной эскадрилий. Несмотря на наличие в летной парке 53 машин современным требованиям отвечали только 18 машин (Fairchild PT-19).



Из остальных летательных аппаратов (в основном итальянского производства) около десятка не могли подняться в воздух.

Одновременно с формированием новых частей бюрократизировалось управление армией. Вот полный список парагвайских военных учреждений: Генеральный штаб, Главное командование, Главное инженерное управление, Главное управление связи, Главные дирекции: авиации, флота, интендантства, военных материалов, снабжения, военной медицины, гидрографии, Арсенал, военная школа *Маршал Ф.А.Лопес*, Военно-морская школа, Высшая военная школа, Школа субфицеров, Школа флотских специалистов, Школа Генерального Штаба, Школа военных летчиков, префектура портов, военная полиция. Армейские учреждения насчитывали 1319 чиновников, в то время как в составе армейских частей числилось 5277 солдат и офицеров. Из боевых частей в составе сухопутных войск имелось кавалерийская и две пехотные дивизии, три кавалерийских и 5 пехотных полков, подразделения сапёрные, артиллерийские и связи

Состав парагвайских вооруженных сил накануне революции характеризуется следующей таблицей.

			«Солдаты	арт.орудия	миномёты	ст.плм.	ручн.плм.
Отдельные части	14 пп Свэро Кора	Асунсьон	577		2	4	36
Арт. полк	1 ген.Бругес	Виньяс-Куэ	332				
	1 арт.группа	Парагуари	284	12			4
Сеп.полк	Ген.Акино	Виллья-Айес	336		2	2	24
	Уч.бат.	Там же	245		2	2	24
Попк.связи		Асунсьон	332		2	2	12
	Уч.бат.связи	Там же	245		2	2	12
1 пехотная		Камачс	1273		4	8	80
Дивизия	Штаб	Там же	124				8
2 пехотная	2 пп	Камачс	577		2	4	36
	Ит.ороро	Чакó	577		2	4	36
	4 пп Курупаги	Консепсьон	1273		4	8	80
Дивизия	Штаб	Консепсьон	124				8
	1 пп 2 мяя	Сан-Педро	577		2	4	36
	3 пп Коррагес	Консепсьон	577		2	4	36
Кавалерийская дивизия		Кампо-Гранде	1513		6	12	57
	Штаб	Там же	124				
	1 кп Велуа	Вилла-Айес	464		2	4	19
	Ризарола 2 кп голкТ.оледо	Виньяс-Куэ	464		2	4	19
	3 кп полк Монгелос	Кампо-Гранде	464		2	4	19
ВМС и ВВС			2700				
Военные учреждения			1319				

Следствием расширения контактов с Белым Домом стало довольно быстрое охлаждение отношений с *Каса Росада*, где накануне сменился хозяин. Аргентинское военное правительство в это же время стало уделять больше внимания Боливии.

Это напугало асунсьонских политиков, которые вплоть до 1946 года послушно следовали курсу своего южного соседа. Формально поддерживая нейтралитет правительство Моринигочерез Аргентину экспортировало парагвайские товары в Германию, а деятельность профашистских организаций не прекращалась вплоть до объявления войны Германии в феврале 1945 года. Во время аргентино-бразильской конфронтации в 1943-44 годах Асунсьон занимал выжидательную позицию, хотя существовали планы использования его территории для создания агрессии в бассейн Амазонки. Согласно этому плану, разработанному нацистским генералом Фаупелем в 1943 году, аргентинские провинции Корриентес, Мисьонес и Восточный Парагвай должны были стать районом сосредоточения армии вторжения. Одновременно, с сотрудничеством с США Парагвай сохранил определённые отношения со странами оси. В 1946 году он предоставил убежище беглым нацистским преступникам. Всего же за годы мировой войны в страну въехало около 12000 лиц немецкого происхождения, а также несколько сотен пособников нацистов русской национальности и колаборционистов.

С 1941 по 1945 год *несо фюзрте* был жестко привязан к аргентинскому (паритет 175 к 1). Министерство экономики стимулировало исключительно экспортные отрасли сельского хозяйства. Война в Европе превратила Парагвай в рынок сбыта продукции аргентинской и бразильской промышленности. Это сказывалось на индексе цен за первые три года диктатуры подскочили на 80%. Только в 1943 году диктатуре удалось достичь некоторых успехов в стабилизации цен. Это было вызвано тем, что стране удалось почти полностью ликвидировать внешний долг. В этом году был принят первый пятилетний план экономического развития страны, а

также ряд законов, регулирующих торговлю потребительскими товарами. Через два года была введена новая денежная единица – гуарани, который обменивался на 100 *песо фьюэрте*. Рос экспорт традиционных продуктов Парагвая – мяса, танина, хлопка и табака. Увеличилось количество предприятий, росло благосостояние населения. Эти экономические успехи были во многом вызваны военной конъюнктурой. В 1946 году обменный курс гуарани вырос на 10% (с 3,38 до 3,06 за доллар).

Поражение держав оси вызвали активизацию движения за демократизацию страны. 9 июня 1946 года против засилья *кавалеристов* в правительстве и протекционизма в армии выступили части столичного гарнизона. Они были поддержаны видными политическими деятелями. Под давлением общественности и посольства США диктатор удалил из правительства и армии наиболее одиозные фигуры. Ротация армейских кадров привела к тому, что Альфредо Стресснер был переведен в Генеральный Штаб. В Дании была приобретена партия пистолетов-пулемётов *Мадсен* М-46, а год спустя после подписания договора в Рио-де-Жанейро США передали Парагваю 500 автоматических винтовок *Гаранд* М1, поступившие на вооружение кавалерийских полков.



Одновременно, с изменениями в вооруженных силах началась демократизация политической жизни страны, в частности, была разрешена деятельность всех партий. Деятели фебристской партии вместе с представителями партии *Колорадо* составили коалиционное правительство. Однако благодаря демагогии, подкупу и посулам самому генералу удалось удержаться на посту президента. Наступил краткий девятимесячный период демократии. Коммунистическая партия Парагвая, основанная в 1928 году, осудила Чакскую войну, как империалистическую. В 1936 году ей удалось поставить под контроль два крупнейших профсоюза страны. При диктатуре Мориниго, несмотря на преследования полиции, она достигла численности в 5000 человек и приобрела авторитет лидера в борьбе за свободу. Этому способствовали ленинские принципы построения партии, превратившей ее к 1946 году в мощную силу, неожиданно появившуюся на политическом горизонте страны. Шатающийся режим И.Мориниго не мог ее игнорировать: так единственный раз в истории страны ее деятельность была легализована.

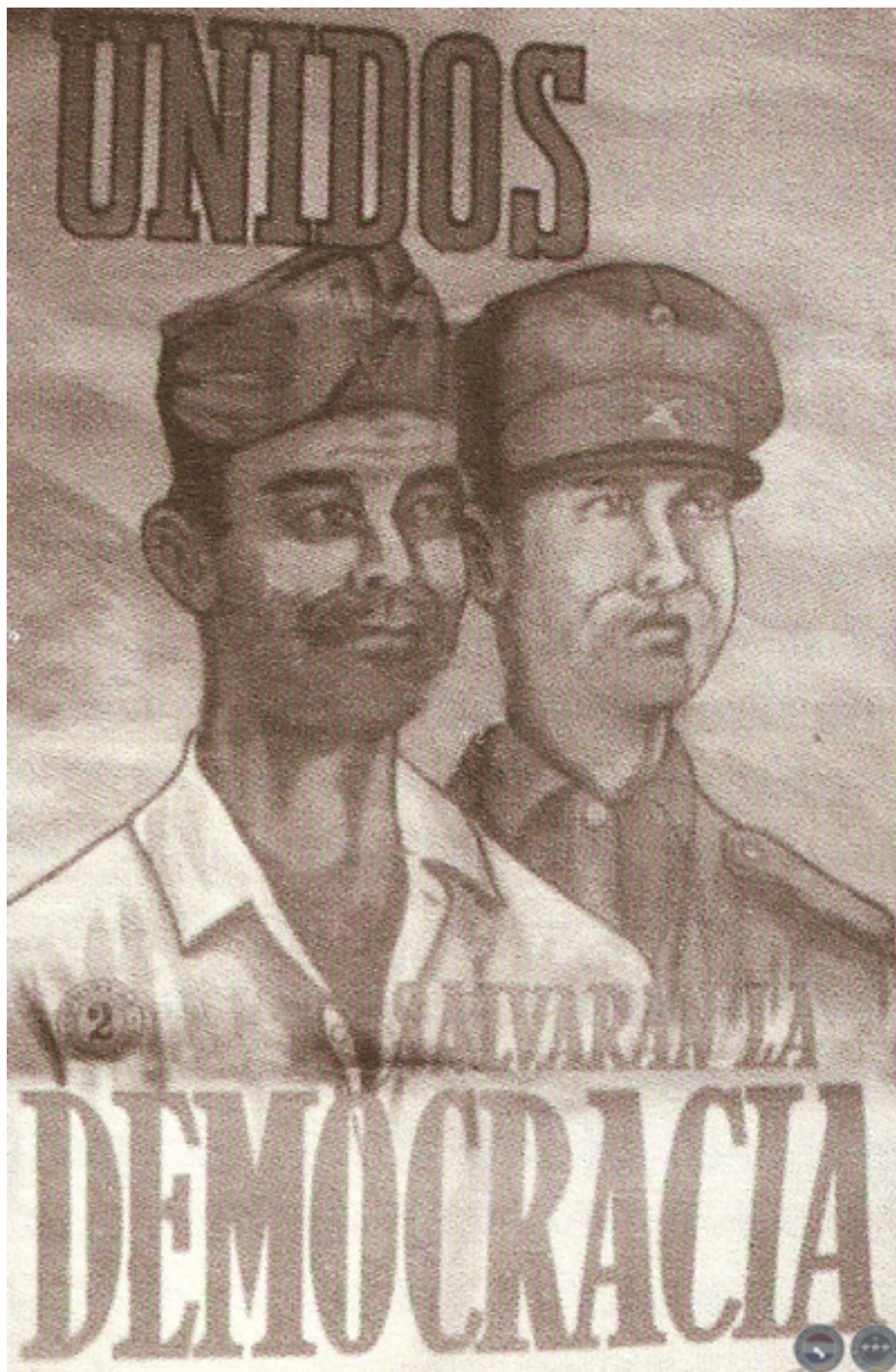


Манифестации против правительства генерала Мориниго

Период свободы длился недолго: спустя несколько месяцев началось новое «закручивание гаек». 11 января 1947 года фебреристы были выведены из кабинета министров. Большая часть старших офицеров не одобрили этих действий: они предпочитали, чтобы Мориниго сформировал чисто военное правительство. Однако члены *Колорадо* – новый командир кавалерии подполковник Э. Хименес и начальник столичной полиции полковник Р.Бенитес, ввели войска в Асунсьон и заставили замолчать недовольных. С этого момента власть в кабинеете перешла в руки крайне правого крыла *Колорадо* – *Гион Рохо* (Красное Знамя), возникшей в 1942 году. Ее лидер Н. Гонсалес постепенно оттеснил И.Мориниго от реальной власти. Главной причиной возмущения послужили террористические действия военизированных формирований *Гион Рохо*. Ответное нападение фебреристов 7 марта на столичный полицейский участок стало прологом к очередной гражданской войне, унесшей жизнь еще 50000 парагвайцев. Последовавшая за этим политика репрессий, ликвидация демократических свобод, резкое ухудшение экономического положения и невыполнение обещаний, данных в июне предыдущего года вызвали массовое вооруженное восстание.

8 марта 1947 году капитан Х.Б. Араухо поднял восстание в гарнизоне Консепсьона. Его лозунгом была борьба с засильем *Гион Рохо*. Немного спустя к восставшим присоединились части подполковника Ф.Сальдивара Вильягры и майора С.Агирре, расквартированные в Чако. К ним присоединились герой войны в Чако полковник А.Рамос и подполковник А. Галлеано, бывший командир кавалерийской дивизии, бежавший из Пеньи-Эрмосы. Восстание охватила почти все части 1 и 2 пехотных дивизий, в рядах которых преобладали фебреристы и либералы. К ним присоединились экипажи канонерок *Умайта* и *Парагвай*, находившиеся в Буэнос-Айресе на ремонте, а также часть ВВС. В начале апреля в лагерь повстанцев прибыл Р.Франко,

получивший под свое командование одну из дивизий. С самого начала восстания проявились разногласия между гражданскими и военными лидерами. Офицеры, присоединившиеся к восстанию, были, в основном, службистами недовольными расцветшим при И.Мориниго протекционизмом: до 1946 года по службе быстро продвигались сторонники *кавалеристов*, а после него сторонники *Гион Рохо*. Большинство военных, участвовавших в Революции 1947 года, выступали под лозунгом: «Армия вне политики». Опасаясь, что после победы политическая гегемония в стране перейдет к ферберистам или либералам, они очень осторожно относились к включению в свои ряды сторонников политических партий. Поэтому, они не смогли создать армию, способную победить многочисленных *ру nandy* (босоногих) И.Мориниго, на вербованных *Гион Рохо* из среды беднейшего крестьянства. Для контроля за жителями столицы, сочувствовавшим в большинстве революционерам, президентом была создана специальная Городская Гвардия, терроризировавшая жителей столицы в течение многих месяцев.



Присоединение к ферберистам и либералам Коммунистической партии Парагвая, поднявшей на восстание рабочих квебраховых компаний, позволило правительству использовать лозунг о «чертовом альянсе» трех партий, целью которых должно стать разорение страны. Альянс либералов и ферберистов с коммунистами оттолкнул от повстанцев русских белоэми-

грантов, воздействовавших на значительную часть офицерской элиты Парагвая. Именно под их влиянием элитная часть – кавалерийская дивизия приняла сторону правительства. Начальник Южноамериканской секции РОВС генерал-лейтенант Эрн использовал свои связи в Сан-Паулу, экономической столице Бразилии, для организации помощи правительственным войскам. Сыграв на антикоммунизме правительств США и Аргентины, правительству удалось получить кредиты и оружие из этих стран, включая артиллерию. Несмотря на тайную поддержку режима Мориниго, официальный Буэнос-Айрес не рискнул открыто выступить против восставших и интернировать два самых крупных судна парагвайского военного флота. Проводя свою хустисиалистскую политику, генерал Перон не мог игнорировать мнение аргентинского народа.

Апрель прошел в накоплении сил обеими сторонами. Правительство использовало паузу лучше, чем повстанцы. Правительство располагая 7 полками (инженерным, 1, 2 и 3 кавалерийскими, 14 пехотным, артиллерийским и связи), составившими 2 корпус. Вновь сформированный 1 армейский корпус был укомплектован *пи нанди* и сотрудниками военных учреждений. Он включал 2 кавалерийскую (4 (*Ака Карайя*) и 5 (*Ака Вера*) уланские) и 3 пехотной (5 (*генерал Диас*) и 6 (*Бокерон*) пехотные полки. В стадии формирования находились 7 пехотный (14 мая), 4 саперный (*Акибадан*) и 6 кавалерийский (*Генерал Кабальеро*) полки, которыми планировалось включить во 2 армейский корпус. Остальные отряды *пи нанди* были сведены три пехотные бригады (по три батальона). К концу апреля в их составе оказалось свыше 10000 бойцов, большинство из которых были крестьяне Восточного Парагвая.



Попытка наступления революционеров на юг к Сан-Педро была отражена *пи нанди*, шедших в бой под лозунгами борьбы «бедной деревни» с «богатым городом». Постепенно численность правительственных войск в Сан-Педро увеличивалась. К концу апреля количество *пи нанди* в этом районе достигла 4000 бойцов, в то время как ряды восставших не превышали 2-2,5 тысячи. Пользуясь случаем правительственные войска перешли в наступление. Ход операции складывался для правительства неудачно, и вскоре фронт стабилизировался по реке Ипане. Причиной провала наступления стало восстание речной флотилии, происшедшее 26-29 апреля. К ней присоединился формирующийся 7 пехотный полк. Этот мятеж под руководством полковника К. Фернандеса был с трудом подавлен Городской Гвардией и отрядами *пи нанди*, переброшенными с фронта. Выяснилось, что мятеж тайно поддерживал командующий правительственными войсками полковник Ф.В.Смит, основное действующее лицо событий февраля 1936 года. Он был вынужден подать в отставку и уехать за границу.

25 мая армию восставших возглавил подполковник А. Мендоса. Командирами дивизий у него были полковники Рамос и Франко, ветераны войны в Чако. 11 июня революционеры разгромили противника при Такуати, причем в их руки попала значительная часть артиллерии правительственных войск. Отразив в июле атаки канонерок, прибывших из Буэнос-Айреса, правительство развернуло 2 армейский корпус в составе трех бригад милиции. 14 июля у Консепсьона 8000 *пи нанди* перешли в наступление против 2300 солдат революционной армии. 21 июля под натиском правительственных войск пала Оркета, 24 – Белен, а 1 августа капитулировал Консепсьон. Понимая, что его войскам не удержаться против превосходящих сил противника, подполковник Мендоса направил дивизию А.Рамоса прямо на столицу в обход боевых порядков *пи нанди*. Наступил заключительный этап гражданской войны.

Двигаясь по вниз реке, повстанцы отбили Ибапобо и Сан-Педро, а 2 августа высадились в 35 километрах севернее столицы. Городская Гвардия и немногочисленные *пи нанди* отразили три атаки противника, вышедшего на ближайшие подступы к Асунсьону. Положение спасли прибытие 3 кавалерийской дивизии майора А.Канаты и транспорта с оружием, присланных президентом Пероном. Кроме стрелкового оружия он доставил 35 пушек Бофорса L40 образца 1935 года. После того, как семьсот сабель майора Канаты отбросили авангард повстанцев из пригородов столицы, военный баланс сил в окрестностях столицы резко изменился в пользу правительства. В ночь с 14 на 15 августа его войска перешли в контрнаступление и через день нанесла решительное поражение повстанческим войскам. 18 августа основные силы революционной армии, прижатые у Вильеты к реке Парагвай, сдались. Генерал Рамос перешел на территорию Аргентины и еще долго жил в соседнем с Парагваем городе Саенс-Пенья на правительственную пенсию.

Победа в гражданской война партии *Колорадо* спровоцировало массовые репрессии против либералов, фебреристов и коммунистов по всей стране. В ходе них погибло 6000 человек, еще 5000 парагвайских граждан были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Более 300000 жителей, опасаясь репрессий, бежали за границу в Аргентину. Этот страшный террор ненадолго обеспечил праворадикальному крылу *Колорадо* и отрядам *пи нанди*, безраздельное господство в политической жизни страны.

Армия была очищена от неблагонадежных элементов и была призвана служить опорой новому режиму, а ее высший командный состав исключительно формировался из офицеров – сторонников *Колородо*. Тем не менее, она сохранила свою автономию и получила широкую поддержку со стороны военных кругов США и Бразилии, поставивших своей задачей вывод Парагвая из сферы влияния Аргентины. И Бразилия, и Аргентина периодически подбрасывали своему соседу партии оружия. Так, в 1953 году Парагвай создал первый бронетанковый отряд

из двух аргентинских танков DL-43 *Науэль*. Антикварные системы, снимавшиеся с вооружения Парагвая, также находили сбыт – их широко применяли в Африке.

Многие офицеры, участники гражданской войны получили повышения. Так, Альфредо Стресснер стал бригадным генералом уже в 1947 году. По его инициативе были распущены мятежные (1-4) пехотные полки: их заменили 5 и 6 пехотные полки, укомплектованные *ми нанди*. Вслед за этим была выведена в резерв 3 кавалерийская дивизия, 7 пехотный и 4 саперный полки. В начале 50-х годов парагвайская армия состояла из кавалерийской дивизии (1, 2 и 3 кав. полки), 3 пехотных и полков и 2 пехотных батальонов. Они служили гарнизонами военных округов: 5 пехотный – Камачо (V округ), 6 – Консепсьона (I), 14 – Парагуари (II), а пехотные батальоны – Пилара (III) и Энкарнасьона (IV). Инженерные части были представлены полками связи и инженеров. Слияние *Гион Рохо* с армией численность вооруженных сил мирного времени возросла вдвое и достигла беспрецедентных за всю историю Парагвая размеров. Эта акция лишила гражданское крыло *Колорадо* его вооруженной опоры. Новая военная организация использовала прежнюю структуру военных округов, как основу военного управления. Штатная численность частей и соединений была увеличена. Пехотные полки разместились в Консепсьоне, Чако и Парагуари представляли собой кадр для развертывания дивизии. Артиллеристы, связисты и саперы вернулись на места прежней дислокации, а кавалерия была размещена в Кампо-Гранде. Последствия этого процесса стали тем фундаментом, на котором была установлена диктатура генерала Альфредо Стресснера, более тридцати лет правившим Парагваем.



8. Боливия на пути к революции.

Роска у власти. Восстановление связей с США. Американский контроль над недрами страны Антиамериканский переворот. Реформы революционных националистов.

После того как генерал беспрепятственно передал власть другому «герою» войны в Чако генералу Энрике Пеньяранде, начался процесс демилитаризации боливийского общества. Легион – основа военных правительств Д.Торо и Г.Буша был распущен, а армия вернулась к довоенной организации и дислокации. В связи с территориальными потерями некоторые части были расквартированы в других местах. Так, 3 дивизия была выведена из центрального Чако и переведена в Вилью Монтес, 4 – из Пилькомайо – в Камири, а 5 – из Роборе в Пуэрто-Суарес. Раздел Чехословакии и начало II мировой войны отрезали Боливию от прежних источников снабжения военными материалами: ее новым главным поставщиком оружия стали США, Аргентина и Бразилия. В 1942 году в её арсенале числились 44486 винтовок и карабинов, 1114 пистолетов и 1570 пистолетов-пулемётов, 327 станковых и 242 лёгких пулемётов. По-видимому, остальное вооружение было распродано военным правительствами и растеряно во время переворотов.

Во внешней политике Э.Пеньяранда всецело ориентировался на США. В обмен на кредит в 25 миллионов долларов он согласился компенсировать СОВ стоимость конфискованного у нее имущества (17 млн. долларов). В следующем году он предоставил США на пять лет преимущественные права на экспорт из страны всех видов стратегического сырья по цене ниже мировой. Для более удобного выполнения этого соглашения в январе 1943 года была создана американо-боливийская «Корпорация по развитию Боливии», которая выкачала из ее недр цветных металлов на сумму в 868 миллионов долларов США, уплатив при этом только 198,3 миллиона долларов США. Общие потери страны при реализации данного соглашения, по оценке экспертов, составили 670 миллионов долларов. Таким образом, США перекладывали свои усилия во Второй мировой войне на плечи своих младших партнеров, присваивая все победные лавры себе. Являясь послушным проводником внешней политики Вашингтона, Э.Пеньяранда 26 января 1942 года разорвал отношения со странами оси, а в апреле следующего года объявил им войну. Немецкие граждане были интернированы, а их собственность оказалась под секвестром. За это Пеньяранда получил доступ к американским поставкам по *ленд-лизу*. Для определения потребностей армии в 1942 году прибыли американские военная и авиационная миссии. На вооружение армии поступили винтовки *Спрингфилд* М1903, легкие пулеметы М3А1 и 8 37мм зенитных пушек М1А2, а также средства связи и транспорта. Благодаря американским поставкам и росту экспортных доходов из-за благоприятной военной конъюнктуры численность кадровой армии страны была увеличена до 15000 человек. Правительство Пеньяранды использовало армию не для борьбы с фашизмом, а для жестокого подавления рабочего движения. Уже в 1941 году был принят закон, запрещающий забастовки. В декабре 1942 года правительственные войска расстреляли бастовавших рабочих оловянных рудников и членов их семей в окрестностях Оруро. Этот расстрел получил в истории Боливии название «побоище в Катави» и показал классовый характер армии. События в Оруро получило столь широкий резонанс, что Белый Дом был вынужден как-то реагировать. Вашингтон прислал специальную миссию в Боливию для предупреждения подобных инцидентов: олово Боливии было единственным доступным источником этого вида сырья для союзников по антигитлеровской коалиции: Малайя к этому времени была захвачена Японией. Американское вмешательство расширило права рабочих, но вместе с тем дало толчок к консолидации оппозиционных сил вокруг Революционно-националистического движения. Позиции Пеньяранды внутри армии

сильно пошатнулись. 2 декабря 1943 года Революционно-националистическое движение при поддержке некоторых армейских частей совершило бескровный переворот. Воинские части возглавляли офицеры из секретной организации Радепы, аналогичной аргентинской ГОУ, организованной Пероном в Аргентине. Приход к власти хунты в составе 8 представителей РНД и 5 армейских офицеров был инспирирован из Буэнос-Айреса, где незадолго до этого к власти пришел к власти генерал Педро Рамирес.



Хунту возглавил ветеран Чако майор Г. Вильяроэль, давний ненавистник генерала Д.Торо. В своей внешней политике он ориентировался на Аргентину, которая в то время находилась в изоляции. Укрепление связей между Ла-Пасом и Буэнос-Айресом сильно встревожило соседей: Бразилию, Чили и Парагвай. Вашингтон, который «получил вместо дружественного генерал, неизвестного майора», был очень озабочен развитием событий в Боливии. Для изоляции новой хунты была пущена «черная легенда» о пронацистских симпатиях РНД, которое рассматривалась как наследник Буша и прямая угроза интересам монополий США. Ее поддержали и промосковские коммунисты в Боливии, которых не включили в состав правительства. Так, локальные интересы боливийского народа были принесены в жертву глобальной стратегии мировых держав.

Под внешнеполитическим давлением Вильяроэль вывел из состава своего правительства деятелей РНД в обмен на признание своего режима Вашингтоном. Оставшиеся у власти офицеры из Радепы гораздо в большей степени сочувствовали нацистам. Через некоторое время часть деятелей РНД возвратилась в правительство. Так, Пас Эстенсоро занял пост министра финансов. Под руководством Хуана Лечина был создан профсоюз горняков, который стал одной из главных опор РНД. Были проведены реформы среди индейцев. Так, был отменен институт личной зависимости индейцев – *pondagaje*, который был наследием колониальных времен, и проведен национальный индейский конгресс. В 1945 году Боливия установила дипломатические отношения с СССР. Вместе с тем хунта предоставила в Боливии убежище большому количеству нацистских преступников, бежавших из Европы.

Правительство Вильярояля огласило целую программу реформ, обещав ввести новое рабочее законодательство и провести передел земли. Несмотря на благие намерения правительства, они проводились слишком медленно. Тем временем социальная напряженность, подогреваемая американской разведкой, нарастала. В рядах оппозиции режиму Г.Виллароэля объединились либералы, республиканцы и коммунисты. Лидеры *роски* также не были удовлетворены режимом: он не смог обеспечить стабильность и более того, покушался на изменение уклада боливийского общества. В этих условиях хунта перешла к репрессиям. Группа офицеров расстреляла видных деятелей оппозиции, среди которых были генерал Деметрио Рамос, бывший министр Рубен Террасас, сенатор Луис Кальво, и Карлос Салинас Армайо. 21 июля 1946 недовольство вылилось в восстание, инспирированное базарными торговками. Возбужденная толпа подошла к дворцу Квемадо и буквально растерзала президента, вышедшего навстречу к ней. После этой трагедии была образована новая хунта, обещавшая проведение свободных выборов. В течение года сменились два временных правительства и проведены обещанные «демократические» выборы. Они проходили под неусыпным надзором госдепартамента, чиновники из которого не желали повторения парагвайских событий.

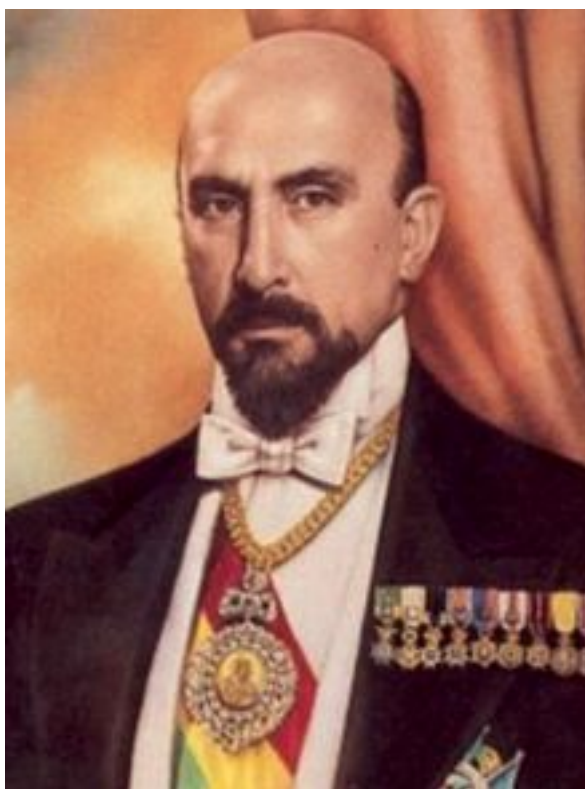


На очередных президентских выборах победил Энрике Эрцог, кандидат Национально-социалистического союза. НСС возник как наследник республиканской партии в 1946 году и опирался на поддержку католической церкви и американских монополий. Врач по специальности, Эрцог вступил в Республиканскую партию в 1920-х годах и был давним сподвижником Д.Саламанки. Одно время во время Чакской войны он занимал пост министра обороны и поэтому был известен многим военным. В 1947 году баллотировался на пост президента и выиграл у либерала Фернандо Гаучаллы и реформиста Виктора Паса Эстенсоро.

На выборах в парламент, состоявшихся 5 января 1947 года, НСС получил 45 мест в палате представителей (из 110) и 14 мест в Сенате (из 27). В Конгрессе он блокировался с

Либеральной партией, имевшей 15 мест в палате депутатов и 6 мест в Сенате. Образование буржуазно-клерикального блока стало последней победой роски. Этот блок, по мнению ее лидеров, должен был стабилизировать ситуацию в стране. Правительству Эрцога стало сотрудничать с Коммунистической партией Боливии. Ее лидер Хосе Антонио Арсе стал председателем палаты представителей, а многие ее члены заняли ключевые должности в министерстве труда. На посту президента Эрцог столкнулся со многими препятствиями, прежде всего с многочисленными восстаниями рабочих, шахтеров и профсоюзных работников, а также с падением военной конъюнктуры. В течение последующих шести лет коммунисты Боливии сотрудничали с правительством. Это очень скомпрометировало их в глазах трудящихся. Вследствие этого компартия перестала пользоваться авторитетом среди трудящихся на протяжении нескольких последующих десятилетий. Поражение отряда Эрнесто Че Гевары на берегах Ньякасу является прямым результатом сговора коммунистов и НСС.

В качестве платы за поддержку Договора в Рио США передали правительству Эрцога значительное количество современного вооружения: автоматические винтовки Гаранд М1, пулеметы *Браунинг* М1919 калибра 0,3” и М2 0,5”, автотранспорт и средства связи. Впервые после мировой войны в Боливию поступило тяжелое оружие: 75мм полевые пушки М116 и 105мм гаубицы М2А1. Ожидались поставки бронетехники на замену устаревших итальянских танкеток танков М3А1 и бронетранспортеров. Благодаря такой щедрой военной помощи армия Боливии резко повысила свою боеспособность. Однако не прошло и года, как она была вновь брошена против собственного народа. Президент уже в первые два года своего срока был вынужден дважды вводить военное положение. Нестабильность внутривнутриполитического положения Боливии привела к двум последовательным восстаниям крестьян, происшедших в течение 1948 года, и последовавшие за ними забастовки горняков. После парламентских выборов 1949 года, во время которых республиканцы потеряли большинство голосов, руководство партии приняло решение о замене Эрцога на более решительного и уверенного в себе вице-президента. В 1949 году «из-за плохого состояния здоровья» Э. Эрцог подал в отставку и через несколько месяцев был назначен на пост посла в Испании. После революции 1952 года экс-президент остался в Мадриде, где жил до самой своей смерти в декабре 1981 года.



Новый президент был профессиональным дипломатом и долгое время занимал пост консула в Лондоне. В 1937 году он вернулся на родину и вступил в ряды Республиканской партии, от которой был избран сенатором. После того, как Мамерто Уриологойтия возглавил правительство, он немедленно усилил репрессии. В ответ на это в августе того же года НРД поднял восстание, и захватил на несколько дней департаменты Кочабамба и Санта-Крус. Армия подавила мятеж, но в 1950 году НРД организовал всеобщую забастовку, целью которой была отставка правительства. Против нового кабинета объединились члены реформистских движений: [Виктор Пас Эстенсоро](#), [Хуан Лечин](#), [Эрнан Силес Суасо](#) и другие. Оппозиция организовала по всей стране ряд мощных восстаний в мае-сентябре 1949 года. Президенту едва удалось удержать контроль над ситуацией, но это стало началом конца правления старого олигархического режима, который был восстановлен в 1940—1943 и 1946—1952 годах. В мае 1951 года, по истечении полномочий Э.Эрцога, состоялись новые президентские выборы. Пяти кандидатам традиционных партий, среди которых были экс-коммунист Хосе Антонио Арсе и герой Чакской войны генерал Бернардино Бильбао Риоха, противостояли кандидаты НРД, которые возглавили В. Пас Эстенсоро и экс-президент Э.Силес. Их партия отражала интересы средних слоев населения – *чоло*: ремесленников, интеллигенции, торговцев, государственных служащих, мелких и средних предпринимателей. Используя растущее недовольство НРД сумело довольно быстро расширить свою социальную базу, превратившись в одну из самых крупных и влиятельных партий страны. Раскол *роски* был вызван различием интересов различных групп олигархов и невозможностью сохранения статус-кво в Боливии. При этом различие взглядов на дальнейшее развитие страны делало их непримиримыми конкурентами. Их объединяло только одно – желание удержать власть.

На второй этап выборов прошли кандидат от НСС посол в Буэнос-Айресе Габриэль Гонсалвес и В. Пас Эстенсоро. Становилось очевидным, что перевес на стороне последнего. Тогда М. Уриалагойта, который не хотел допустить победы НРД, предложил военному командованию взять власть в свои руки. С молчаливого согласия *роски* в мае 1951 года была создана

военная хунта во главе с генералом Хосе Бальвильяном. Она отменила второй этап выборов и объявила о подготовке к новым. Даже некоторые видные деятели *роски* были недовольны столь грубым политическим маневром. Боливия переживала глубокий кризис. Для его преодоления хунта обратилась в ООН с просьбой о присылке миссии для изучения экономического потенциала страны. В ответ на этот запрос была прислана группа экспертов во главе с американским экономистом Кинлисайдом. Он добросовестно отнёсся к поручению и представил доклад, в котором указал на главные проблемы страны – политическую нестабильность и сырьевую ориентацию экономики.

Хунта генерала Бальвильяна смогла удержать власть в течение года. В начале 1952 года в Боливии возникла революционная ситуация. В условиях нарастающей классовой борьбы 9 апреля в столице и главных центрах горнодобывающей промышленности началось восстание во главе с Э. Силесом и Х.Лечином, ставшее началом буржуазно-демократической революции. К ним присоединилась опора режима – карабинеры во главе с генералом Антонио Селеме. Эта была 179-я по счету революция. Она стала первой, коренным образом преобразовавшей основы традиционного боливийского общества. В восстании принимали участие широкие народные массы, наиболее активную роль среди них играли шахтеры, мелкая буржуазия и средние городские слои. В какой-то момент армейские части перешли в наступление и сильно потеснили восставших в столице. Но на второй день боев в Ла-Пас прибыли отряды шахтеров, которые восстановили положение. В ожесточенных боях повстанцы разгромили армию и низложили хунту. Во время боёв за столицу часть военных, сподвижников Буша и Вильяроэля, поддержали революцию. Одним из них был будущий диктатор тогда еще лейтенант Авиационного корпуса Рене Баррьентес Ортуньо, который сделал свою карьеру на том, что привез на своем самолете изгнанного В. Паса Эстенсоро из Буэнос-Айреса в Ла-Пас. После победы революции президентом страны стал Виктор Пас Эстенсоро, который начал коренную реформу боливийского общества.

Новое правительство ввело в стране отменило образовательный и имущественный ценз и ввело всеобщее избирательное право. Опираясь на поддержку профсоюзов, оно национализировало оловянные рудники и создало государственную Горнорудную компанию, а также ввело рабочий контроль с правом вето. В то же время правительство установило контроль над судебной системой, подвергало преследованиям политических оппонентов, в том числе с помощью образования специальной полиции. Армия была дополнена милицией горняков, получившей на вооружение 20000 винтовок. Их наличие позволяло НРД контролировать армию, которую усиленно зачищали от «реакционеров». В январе 1953 года была подавлена неудачная попытка переворота, после которой из НРД были исключены представители её правого крыла. В 1953 году кабинет Паса Эстенсоро принял декрет об аграрной реформе, который запрещал латифундии – «эксплуатируемые архаичными методами крупные земельные владения, в которых сохранилось феодальное угнетение». Они подлежали экспроприации с возмещением бонами за 25 лет по номинальной стоимости. Со временем инфляция и девальвация валюты обесценили компенсацию. В конце 1953 началось сближение Паса Эстенсоро с США, которые предоставили его правительству значительную экономическую помощь. В 1955 году был принят Нефтяной кодекс, способствовавший иностранным инвестициям в этот сектор экономики при несовершенной системе контроля со стороны государства.

Президент Боливии К.Меса дал такую оценку своему предшественнику:

«Пас Эстенсоро, принадлежащий к числу самых знаменитых каудильо в истории Боливии, который изменил не только экономическую политику, но и стиль руководства, и его имя ассоциировалось уже не с образом популистского лидера, произносящего зажигательные речи с балкона, а с фигурой умудрённого опытом государственного деятеля, в чьих выступлениях и действиях, быть может, уже нет былого задора, увлекающего массы, зато налицо стремление построить более зрелое демократическое общество.»

Режим, возникший вследствие буржуазно-демократической революции, продержался до 1964 года, провел ряд прогрессивных реформ. В 1952 году были национализированы рудники, введено всеобщее избирательное право, в августе следующего года началась аграрная реформа, нанеся сильнейший удар по латифундистам. Реформы способствовали уничтожению пережитков феодализма и развитию товарно-денежных отношений. Осуществлялись реформы и в других областях: просвещения, социального и трудового законодательства, государственного и административного управления. Реформы, проведенные Эстенсоро в первый срок его пребывания на посту президента Боливии, ликвидировали власть горнопромышленной и земельной олигархии, значительно расширили государственный сектор в экономике страны, способствовали ее экономическому развитию на базе свободного предпринимательства и политической независимости. Изменение политической структуры боливийского общества определило новые пути его социального прогресса.



Вместо заключения: уроки и последствия Чакской войны

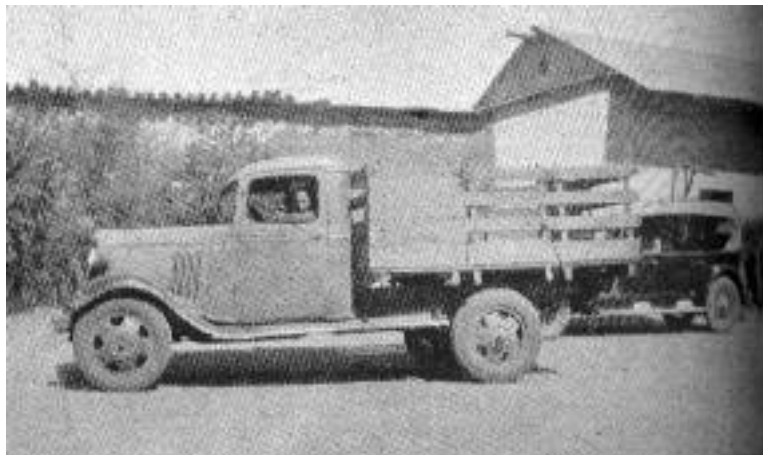
Оперативное искусство, оснащение и организация. Тактика. Новые виды оружия. Цена конфликта.

Итоги Чакской войны с военной точки зрения весьма примечательны. Особенности театра военных действий показали ограниченность теории темпа операций рамками «цивилизованных» стран. Здесь скорее пригодился бы «метод потенциалов», определяющих ту или иную позицию во время сражения. В джунглях Чачо были развиты новые тактические принципы ведения войны в джунглях. Если присмотреться к ним повнимательнее, то выяснится, что у них много общего с тактикой Леттова-Форбека в джунглях Германской Восточной Африки и некоторыми эпизодами русской гражданской войны. Она наглядно доказала, что не существует стратегии измора и стратегии сокрушения в чистом виде. Оперативно-тактическое искусство после этой войны пополнилось опытом боев в окружении, пожалуй, наиболее наглядно проявившимся на втором этапе войны. К сожалению, большинство военных из стран, вошедших впоследствии в антигитлеровскую коалицию, не обратили на него внимание, что привело к «котлам» и «мешкам» Второй мировой войны.

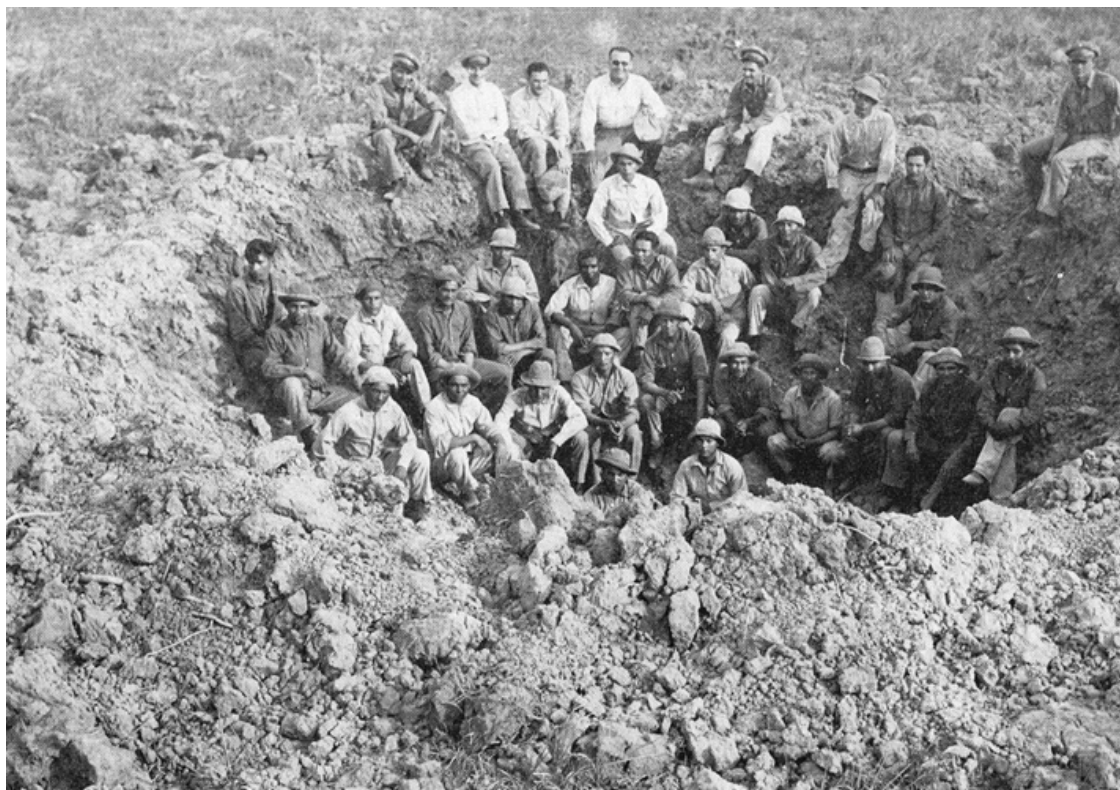
В Чачо вследствие особенностей местности невозможным оказалось и создание сплошной линии фронта. Исследуя операции Х.Ф. Эстигаррибии, можно выделить два основных фактора, определивших его победы – маневренность и инженерное обеспечение коммуникаций. Парагвайские дивизии, которые по своей численности являлись скорее бригадами, были организационно гибкими и маневренными. Они не тащили за собой больших обозов, а проводили операции налегке. Это достигалось за счет резкого уменьшения тыловых парков соединений и передаче основных функций снабжения в корпуса. Отсутствие тылов приводило к тому, что в парагвайские дивизии при осуществлении маневра должны были стремиться достичь быстрого разгрома или хотя бы дезорганизации противника. В тех случаях, когда этого достигнуть не удавалось (например, на Парапити) и парагвайские соединения втягивались во фронтальные бои, они несли адекватные потери, а иногда терпели поражения. Несмотря на то, что боливийцы постоянно пытались создать непрерывную линию фронта с зимы 1934 года, это у них не получилось. Здесь дело было не столько в нехватке войск, сколько в характере ТВД – предгорья Анд, поросшие лесом, всегда оставляли лазейку для проникновения в тыл противника.

Первые оперативно-стратегические выводы из опыта Чакской войны сделали японцы, которые первые осознали, что маневренность частей стала фактором, определяющим исход многих военных операций. Страна Восходящего Солнца внимательно присматривалась к Парагваю, как одному из рынков. Одновременно с этим изучался и опыт Чакской войны. Театр военных действий по своему характеру был принципиально схож с регионом Южных морей: Филиппинами, Малайей, Индонезией. То же бездорожье, испепеляющая жара и проблемы снабжения. Даже физиологически индеец – гуарани близок к японцам. Впоследствии, проводя операции в Малайе и на Филиппинах, японское командование также максимально облегчало свои наступающие войска. Другим важнейшим условием успешного маневрирования в условиях Чачо было строительство путей сообщения. Количество инженерных войск в парагвайской армии к концу войны достигло 11%, что является беспрецедентным в практике маневренных войн. Впоследствии, это повторилось в годы Второй мировой войны во время операций на необорудованных ТВД островов Тихого Океана. В ходе войны выяснилась необходимость моторизации. Лошади и мулы переносили отсутствие воды даже хуже людей, вследствие чего ей подверглись не только службы снабжения, но и некоторые мобильные (бывшие

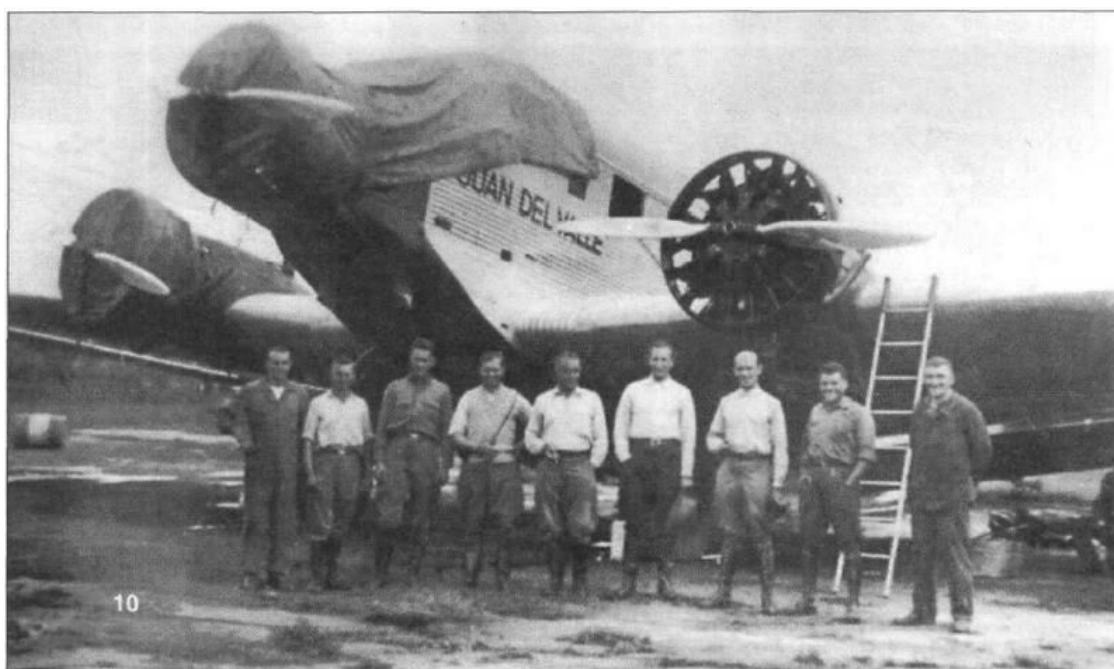
кавалерийские) полки. Обе воюющие стороны на собственном опыте убедились в исключительной ценности такого вроде бы неприметного, но совершенно незаменимого средства для ведения военных действий, как армейский грузовик – надежный, неприхотливый, с хорошей проходимостью.



Попытка применения теории генерала Дуэ о возможности выигрыша войны при помощи господства в воздухе оказалась нереализованной по двум причинам. Первой была слабость авиация, а второй – пространство. Закрытая местность и вмешательство сильного соседа резко ограничило возможности боливийской авиации и тем самым лишили Боливию важного оперативно-стратегического преимущества. Фактически, демарш Аргентины обезопасил парагвайские коммуникации в первый период войны.



Использование тяжёлых бомб против полевых укреплений оказалось весьма дорогостоящим занятием вследствие использования неприятелем средств маскировки. Зато авианалёты на транспортные колонны и тылы с использованием большого количества осколочных бомб давало лучший эффект. Особенно хорошо это проявилось на втором этапе войны – под Альгодоналом и у Чарагуа. Решение приступить к стратегическим бомбардировкам городов Парагвая принятое боливийским Главным командованием в 1934 году оказалось невыполнимым из-за потери передовых ВПП. Авиация могла бомбардировать только второстепенные объекты в верховьях реки Парагвай и уничтожить одно *авизо*. Производство дальних бомбардировщиков с большим радиусом действия затянулось, и эти самолеты не смогли попасть в Боливию вовремя. Однако следует отметить, что четырех таких самолётов всё равно бы не хватило бы для разрушения портов и городов на реке Парагвай. Для достижения эффекта необходимы были десятки самолетов, а на такое количество у Ла Паса не было ни денег, ни кадров.



Летчики и техники, главным образом немцы, позируют на фоне Ju-52/3m de «JUAN DEL VALLE» (CB-17, Werk Nr. 4008), Вилла-Монтес, Боливия. Аэродром Вилла-Монтес являлся основной операционной базой ВВС во время боливийско-парагвайского конфликта в Гран-Чачо 1932-1935 г.г. Самолет был потерян в результате летного происшествия 3 ноября 1940 г. остатки разбитой машины до сих пор лежат в восточной Боливи.

Тактика авиации также обрела новые приемы. Так, новым становится использование истребителей для штурмовки аэродромов, колонн и артиллерийских позиций противника. Разведчики начинают использоваться для бомбардировочных целей. В Авиационном Корпусе появляется новый тип самолета истребитель-бомбардировщик. Тогда, это явление было отнесено военными экспертами к случайному сочетанию технических характеристик – исключительно высоким скоростным данным боливийских Оспри. Однако не прошло и пяти лет, как во всех ВВС мира появился класс самолетов, сочетавших качества истребителя и бомбардировщика. Расширился спектр применения транспортной авиации. Если корпус морской пехоты США использовал свои самолеты для антиповстанческих операций, не имея противодействия со стороны повстанцев Сандино, то в Чачо транспортная авиация летает в сопровождении

эскортных истребителей. Она играет важную роль, особенно на первом этапе войны 1932-33 годах, когда иногда только на ней держится вся устойчивость боливийского фронта. За время войны они перевезли в общей сложности 3-4 тысячи человек и 700-900 тонн грузов. Происходят изменения и в принципах базирования авиации. В начале войны командование боливийского Авиационного корпуса стремилось концентрировать все свои боевые самолеты на одном аэродроме, то в 1934-35 годах оно их рассредоточивает по 3-4 полевым аэродромам и собирает их вместе только в случаях крайней необходимости.

Тактические приемы, примененные в ходе войны сухопутными войсками, были чрезвычайно разнообразны. Их можно разделить на две основные группы в зависимости от характера операций: маневренные и позиционные. При маневренной войне практиковались обычные методы – охват и обход боевой линии противника. Наряду с этим появились такие виды маневра как просачивание, деблокада и прорыв из окружения. Эти тактические приемы были обусловлены как характером ТВД, в частности дефицитом источников водоснабжения, так и спецификой организации обороны – завес и застав в промежутках между узлами сопротивления. Наступление обеими сторонами проводилось колоннами, в которых значительную роль играло охранение: головные и боковые заставы. Иногда выделялся передовой отряд, который выдвигался далеко вперед от основной колонны. Разделение самой колонны на авангард, главные силы и арьергард, как правило, сохранялось. Причем соотношение сил в этих частях колонны было примерно равно. Войска в колонне располагались таким образом, чтобы быстро можно было развернуться для встречного боя с противником. Эта тактика была усовершенствована в ходе противостояния полковников Торо и Франко на Пикуибе и Парапители.

Наиболее поучительными с тактической точки зрения являются маневры полковника Р.Франко у Кампо Гран и Ирендаги, сражение у Ибибобо, где сквозь позиции противника выдвинулись два кавалерийских полка. Все эти операции можно разбить на четыре этапа:

- 1) скрытое выдвижение в тыл противника группы войск, целью которой становится тактически важная позиция;
- 2) фронтальное наступление парагвайских войск, сковывающее войска противника, и установление связи с группой прорыва;
- 3) отсечение части войск противника и их окружение;
- 4) уничтожение окруженных и отражение атак противника с целью деблокады окруженных войск.

Неудача подобных операций приводила к частичному поражению групп прорыва, как это произошло под *каньядой* Стронгест. Операции полковника Д. Торо под Алгодоналом и Пикуибе носили несколько другой характер. Пользуясь более высокой маневренностью своих частей кавалерийский корпус окружал парагвайские части и соединения, отрезая их от тылов и источников воды. Однако «тигру Чако» не хватало сил удержать кольцо окружения и это приводило к тому, что основные силы противника благополучно избегали мешка. Попав в окружение под Ирендагой, кавалерийский корпус в свою очередь успел вырваться из окружения, совершив семидесятикилометровый марш по безводной дороге. Более успешно, чем их противник, боливийские командиры использовали складки местности.

Если в области маневренной тактики воюющие стороны находили новые решения и приемы, то при прорыве подготовленной обороны они терпели неудачи. Традиционная тактика немецких войск, приведшая к прорыву французской обороны в 1918 году, примененная Кундтом под Нанавой, оказалась неэффективной, поскольку разрыв боевой линии не приводил к отходу противника. Следствием ее применения стали неоправданные потери пехоты и бесполезный расход артиллерийских снарядов. Для преодоления подготовленной обороны в ходе Чакской войны был успешным только один способ – ее обход. Все случаи лобовых штурмов укреплений как боливийцами во время кампании 1933 года, так и парагвайцами при атаках

Баливьяна и *Вильи Монтес* приводили к большим потерям и, в конечном счете, неудаче наступления.

Другие тактические приемы и правила Первой мировой войны в условиях Чако вообще оказались неприемлемы. Так, использование танков и огнеметов для поддержки пехоты при прорыве укрепленных позиций выяснилась ограниченная пригодность бронетехники на закрытой, труднопроходимой местности. Этот фактор оказался незамеченным в годы II мировой и корейской войн. О нем вспомнили только во времена Вьетнама.

Анализируя применение танков в Чако, немецкие офицеры уяснили, что тогдашняя английская концепция танкостроения не выдерживает критики. Британские танки «Виккерс шеститонный», закупленные Боливией имели противоположное бронирование, противопехотное вооружение и слабую проходимость, особенно, в сезон дождей. К тому же экипажи из-за их плохой вентиляции и слабой термоизоляции внутри машин при сорокаградусной температуре сильно страдали от жары. Одна из них во время боя была попросту брошена своим экипажем, доставшись в неприкосновенности противнику. Неудивительно, что из опыта Чако немцы сделали для себя необходимые выводы:

для будущей войны нужны совершенно другие боевые машины, чем те, которые строит Британия,

танки должны применяться массированно, а не поштучно,

их должна поддерживать обученная пехота,

для противодействия танкам противника требуется специализированная скорострельная пушка, которую легко перемещать по полю боя.

Основным тактическим нововведением при наступлении стала небывалая концентрация огня автоматического оружия и массированное применение миномётов. Маневр огнем очень часто компенсировал нехватку живой силы у обоих противников. В условиях безлюдной, пересеченной, закрытой местности важнейшим становилась организация снабжения и темп операций в этих условиях не играл никакой роли. Особенностью боевых действий в Чако стало то, что почти каждый глубокий прорыв войск приводил к разрыву коммуникаций и, в конечном счете, потере боеспособности.

Герман Буш в центральном Чако



Существенным элементом тактики обеих сторон стали диверсионные действия в тылу противника, зачинателем которых оказался будущий боливийский президент Герман Буш. Глубокие разведывательные поиски, засады на транспортных коммуникациях, уничтожение линий связи – все это играло важную роль в боевых действиях, где потеря управления или прекращение снабжения на короткий срок были чреваты потерей боеспособности. Например, угроза коммуникациям со стороны патрулей при недостатке автотранспорта заставили 1 пехотную дивизию парагвайцев отойти от Балъивиана в ноябре 1932 года. Действия 2 кавалерийской дивизии во время второго штурма *Нанавы* привели к срыву боливийских закупок продовольствия в Аргентине. Уничтожение средств связи, перехват штабных эстафет и обозов

на всех этапах войны приводил к дезорганизации противника. В связи с этим выяснилась необходимость насыщения войск радиосвязью даже на батальонном уровне. Своевременная, пускай односторонняя связь с командованием, позволяла войскам быстро выходить из-под удара и принимать адекватные меры для противодействия войскам противника. Особенно в этих действиях преуспели парагвайцы, первыми осознавшие важность радиосвязи на поле боя. Ещё одним важным явлением Чакоской войны стало широкое использование радиоразведки. В 1932-35 году криптографическая служба и анализ перехваченных сообщений давали заметное преимущество парагвайской стороне. Естественно, что об этой части военных действий долгое время было мало известно. Впервые о них поведал мировому сообществу американский военный историк Д.Зук, поведавший об этом миру в 1960 году. Так что этот опыт при всей своей важности не мог быть использован.

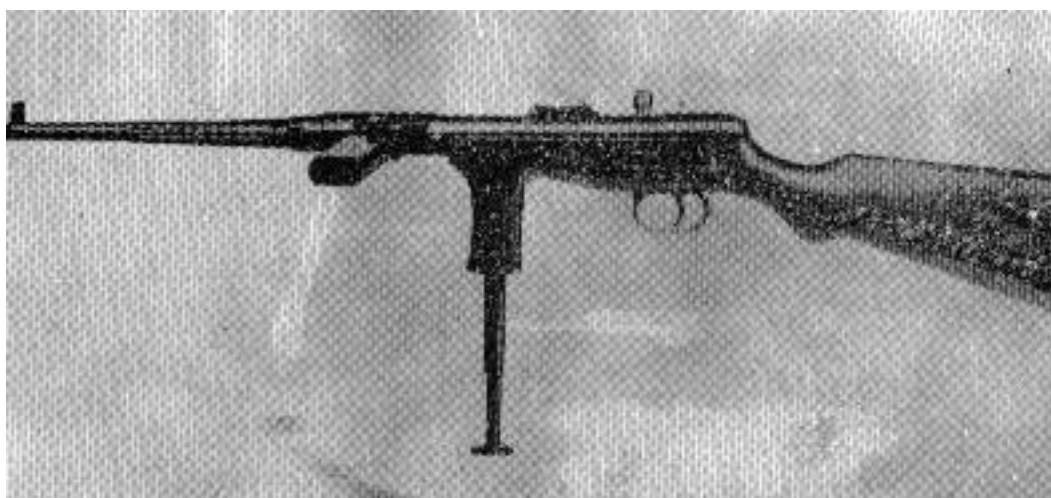
При организации обороны опыт I мировой войны использовался гораздо шире. Фугасы и колючая проволока, траншеи и блиндажи в три наката все это широко применялось при создании долговременной обороны. Закрытая местность способствовала развитию работы снайперов и созданию укрепленных пулемётных гнёзд. Учитывая специфику ТВД в этом больше преуспели парагвайцы более привычные к миру насекомых Чако. Причем в распоряжении укрывшихся в засадах стрелков часто находились не только карабины и винтовки, но и пулеметы. Наличие высоких, прочных деревьев и *ислас* в *каньядах* породили новые тактические приемы в обороне: строительство *чапанас* – пулеметных площадок в кронах деревьев, создание фланкирующих опорных пунктов, наподобие фортов (например, *Isla fortificada* под *Нанавой*).



Еще одним тактическим нововведением при организации обороны стало создание опорных пунктов вокруг артиллерийских позиций. Опираясь на них, боливийское командование в условиях нехватки живой силы смогло создать устойчивую оборону (например, на *7 километре* от Сааведры). Подобная система обороны с 1942 года применялась немцами на Восточном фронте. Применение артиллерии показало выявленную еще мировой войной необходимость

создания подразделений поддержки пехоты. Причем минометы показали себя в условиях закрытой местности гораздо лучше, чем импровизированные пехотные пушки – устаревшие крупновские орудия 1896 и 1907 года без прицелов. В конце войны артиллерия обеих противников работала только с закрытых позиций, замаскированных с воздуха.

Помимо тактических и оперативных нововведений Чакская война дала путевку в жизнь новому, специфическому виду оружия – пистолету-пулемету. Его триумфальное шествие по фронтам II мировой войны началось именно с Чако. Начало применению пистолетам пулеметам положило малочисленность боливийской армии, занявшей обширные пространства Чако накануне войны. К середине 1934 года потребность в автоматическом оружии ощущалась повсеместно. Природная специфика Чако не требовала стрельбы на дальние дистанции, боливийское министерство обороны посчитало возможным заказать большую партию пистолетов-пулеметов в Австрии и Швейцарии.



Они оказались чрезвычайно эффективными при отражении атак парагвайцев под *Сааведрой*, *Бальивианом* и Вильей Монтес. В конце войны ручной пулемет и пистолет-пулемет стал излюбленным видом автоматического оружия в обеих армиях. Высокое насыщение войск автоматическим оружием резко снизило численность поисковых групп и патрулей. Так, полковник К. Фернандес в своих мемуарах пишет, что в последние дни войны парагвайцы высылали патрули всего из четырех человек, но обязательно в них включали двух автоматчиков или пулеметчиков.

Применение пистолетов-пулеметов в дебрях Чако оказало сильное влияние на военную мысль Европы. До Чакской войны пистолеты-пулеметы в небольшом количестве производились на Таллинском арсенале (МП-18) с 1923 года и в Бельгии (митральета) с 1930 года. Кроме того, существовал психологический фактор внедрению нового вида оружия: с пистолетом-пулеметом невозможно выполнять столь приятные глазу генералов ружейные приемы. Несмотря на то, что высокий расход боеприпасов и малая эффективная дальность, вызывали определенный скепсис у военных теоретиков, целый ряд фирм приступает к конструированию пистолетов-пулеметов (заводы Сент-Этьена во Франции, Брно в Чехословакии, Т.Бергмана в Австрии). Появляются новые модели пистолетов-пулеметов. Японская армия приобретает у швейцарской фирмы SIG пистолеты-пулеметы и начинает их широко использовать в Китае. Следом за ней, гоминьдан приобретает пистолеты-пулеметы Шмайсера и Эмиля Бергмана (MP.34/I в Дании и MP.35/I в Германии). В австрийской армии каждому стрелковому отделению передается на вооружение пистолет-пулемет в дополнение к ручному. Императорская

гвардия Эфиопии, в составе офицерского корпуса которой было несколько белых офицеров, также принимает их на вооружение. Покупка Эфиопией пистолетов-пулеметов была прямым следствием боевого опыта Чакской войны, поскольку главный военный советник императора Хайле Селассие, полковник Коновалов вел переписку с генералом Н.Ф. Эрном и получил от него рекомендации по применению пистолетов-пулеметов на труднопроходимой и закрытой местности. В начавшейся итало-эфиопской войне германское оружие успешно применялось против войск его стратегического партнера.

Приход в Германии к власти нацистов изменили отношение германской военной верхушки к пистолетам-пулеметам. Неудачливый соратник Кундта, майор В.Брандт, популяризируя идею внедрения автоматического оружия в войска, писал:

« ... Постепенно пистолет-пулемет получает все более широкое распространение... Пистолет-пулемет позволяет окончательно решить вопрос «последних 200 м» в том направлении, что всякая атака может быть приостановлена на дистанции последних 200 м, если оборона располагает к этому моменту еще достаточным количеством готовых к действию пистолетов-пулеметов. Именно на ближайших расстояниях удобный в обслуживании превосходит ручной пулемет причем он может быть использован и в рукопашном бою. Стрелок, вооруженный пистолетом пулеметом, может иметь при себе от 500 до 800 патронов, вследствие от чего не зависит от подносчика патронов ни при атаке, ни при обороне.»

Принятие на вооружение армиями Финляндии, Венгрии и Австрии, а следом за ними Германии, влечет за собой серьезные изменения в тактике и перестройку военной промышленности. Тогда же германские военные специалисты приходят к выводу о необходимости вооружения 30% личного состава пехоты пистолетами-пулеметами. Однако потребовалась испанская война для того, чтобы сделать пистолет-пулемет основным оружием немецкой пехоты.

Применение других видов оружия, появившиеся в годы мировой войны, также получило свое дальнейшее развитие. Несмотря на неудачный опыт использования танкеток на закрытой местности, им было найдено лучшее применение – охрана тактически важных объектов, использование в обороне как подвижных огневых точек и транспортировка артиллерии. Опыт их применения под Вильей Монтес был настолько удачен, что боливийское командование, несмотря на недостаток средств, приобрело новую партию танкеток в Италии. Другим видом оружия, получившим широкое распространение, стал миномет Брандта-Стокса. Маневренный характер операций сделал этот вид оружия незаменимым в парагвайских войсках. Недостаток артиллерии и трудность транспортировки пехотных пушек сделали миномет главным оружием огневой поддержки пехоты. Вслед за парагвайцами миномет стали широко использовать и боливийцы, правда, не столь успешно.



В качестве противотанковых средств парагвайцы стали использовать устаревшие крупнокалиберные пушки и бронебойные пули, специально заказанные в Европе, однако эффект от их применения вследствие отсутствия необходимой оптики был невелик.

Война дорого обошлась обоим противникам в демографическом плане. К счастью, «зеленый ад» Чако в одном смысле оказался почти идеальным ТВД: в зоне военных действий практически отсутствовало гражданское население и какие-либо военные объекты. Боевые потери Боливии и Парагвая в ходе Чакской войны суммарно оцениваются в 100000 человек. Из них 62 тысячи были боливийцами. Тридцать пять тысяч из них полегли на полях сражений, девять – от ран, а тринадцать – от болезней. Последствия боевых действий сказывались и после войны, когда похоронили ещё пять тысяч комбатантов. Парагвай потерял около тридцати восьми тысяч своих сыновей. Три пятых из этого числа полегли на поле брани, а остальные умерли в госпиталях. При этом число погибших вследствие болезней оказалось вдвое меньше, чем у противника. Если добавить количество нетрудоспособных раненых, то окажется, что Парагвай потерял примерно четверть всего своего мужского населения, в то время как Боливия – только десятую часть. Следовательно, в ходе войны трудовые ресурсы Парагвая уменьшились почти на 15%, в то время как Боливии на 5%. Это не могло не сказаться на уровне производства, особенно после того, как 17000 боливийских пленников вернулись на родину. Демографические изменения, вызванные войной, привели к снижению физических объемов производства продукции народного хозяйства обеих стран, в первую очередь Парагвая.

Боливийская армия несла большие небоевые потери вследствие плохой адаптации горцев к условиям тропических дебрей Чако. Руководство обеих армий накануне войны практически не уделяло внимание медицинской части, вследствие чего обе стороны понесли неоправданные потери. Большой ошибкой боливийских интендантов стало игнорирование добавок соли в рационах солдат. Это вело к быстрому обезвоживанию организма, истощению и, как следствие этого, распространению болезней среди личного состава. Парагвай потерял относительно большое количество солдат, погибшими от ран и болезней, в силу недостаточного снабжения войск медикаментами и слабости медицинской части. Отсутствие необходимого количества медикаментов и квалифицированных врачей привело к тому, что более 20% парагвайских раненых (почти 10 тысяч человек) и 2% больных (3000 человек) остались на всю жизнь калеками.



Ликвидация финансовых последствий Чакской войны в обеих странах состояла из выплаты компенсаций ветеранам и раненым и ревальвации валют, бывших одним из основных источников самофинансирования войны. Девальвация валюты, которую провели обе страны в годы войны дала возможность покрыть большую часть военных расходов. Так, Асунсьон получил около 6 миллионов долларов внешних займов из Аргентины и местных компаний. Остальную сотню миллионов он добыл за счет принудительного обменного курса и при помощи печатного станка: за годы войны курс парагвайского песо по отношению к доллару США снизился в 5 раз, а количество песо в обороте достигло 740 миллионов. Это вместе с принудительным обменным курсом валюты позволило аккумулировать необходимые средства для ведения войны и оплаты военных поставок из-за рубежа. Боливийское правительство гораздо в меньшей степени прибегало к выпуску необеспеченных денежных знаков: количество боливийский песо в обороте выросло до 3860 миллионов. Вследствие этого курс песо упал за годы войны всего в полтора раза. Сохраняя стабильность своей валюты, Ла-Пас для финансирования военных операций прибегнул к внутренним и иностранным займам, покрывшим до трети военных расходов Боливии.

Следствием гигантских по местным меркам военных издержек стал рост государственного долга обеих стран. Так, государственный долг Боливии к 1942 году, когда уже основные последствия войны были преодолены, составлял 5,7 миллиардов песо, из которых на долю иностранцев приходилось 5,2 миллиарда песо или почти 120 миллионов долларов. В это время бюджет страны не превышал 10-12 миллионов долларов США. Впоследствии, в годы II мировой войны он удвоился и достиг 25 миллионов долларов, что позволило сократить внешнюю задолженность страны почти вдвое. Более катастрофической была ситуация в Парагвае, бюджет которого колебался в начале сороковых годов в районе 5-6 миллионов долларов США и часто сводился с дефицитом. Государственный долг Парагвая в 1942 году составлял 5,7 миллиарда песо (около 17 миллионов долларов), из которых 3,2 миллиарда (почти десять миллионов) составляли внешний долг. Военная конъюнктура вызвала значительный рост цен на продукцию парагвайской экономики. В военные годы бюджет страны достиг 15 миллионов долларов. Это

позволило снизить внешнюю задолженность страны до двух миллионов долларов. При этом из Парагвая ежегодно вывозилось свыше полумиллиона долларов прибыли иностранных компаний. Эти финансовые усилия сказались на жизненном уровне населения: к 1938 году индекс потребительских цен в Парагвае вырос в 6 раз по сравнению с 1932 и продолжал повышаться. Это привело к миграции значительной части трудоспособных парагвайцев в Аргентину, куда они выезжали на заработки. Снижение уровня жизни наблюдалась и в Боливии. Не смотря на явное ухудшение положения народа, обе стороны наращивали свои вооружения, приобретая за границей все новые и новые образцы техники. Это закладывало основу для будущих социальных потрясений. Если правительство Парагвая предпринимало попытки ревальвации местной песо, то Ла-Пас намеренно шел на девальвацию местной валюты, полагая таким образом избавиться от части военных долгов. Это приносило определенный эффект, особенно при условии жесткого валютного контроля со стороны правительства, национализировавшего Центральный Банк. Только исключительно благоприятная конъюнктура накануне и в ходе II мировой войны, позволили бывшим противникам успешно преодолеть социально-экономические последствия войны.

С точки зрения военной экономики конфликт в Чако наглядно показал возможности, открывающиеся перед страной, при организации тотальной войны. Другой, уникальный опыт этой войны – самофинансирование войны и модернизация вооруженных сил за счет трофейного оружия. Это явление более присуще для гражданских или национально-освободительных войн, чем для межгосударственных. Не в силах обеспечить себя достаточным количеством вооружений собственного стандарта Парагвай пошел на беспрецедентный шаг, частично унифицировав свое вооружение с противником. Элементы тотальной войны можно было заметить и раньше, например, в Японии и России, но, именно в Чако, получился «чистый» эксперимент. Слаборазвитая, аграрная страна, практически не имеющая собственной военной промышленности, смогла в течение трех лет вести войну против армии, оснащенной гораздо более современным оружием. Чакская война доказала, что ставка на техническое превосходство войск, не всегда может привести к победе, подтверждая известное изречение Наполеона о соотношении морального фактора с силой войск.

С политической точки зрения эта война нанесла чувствительный удар Версальской системе, показав истинную сущность Лиги Наций – орудия держав-победительниц. Как ни странно, эта война укрепила Панамериканскую систему и нанесла серьезный удар по британским позициям в Южном Конусе. Сохраняя свои экономические позиции, Лондон все более уступал влияние на политику южноамериканских стран европейскому фашизму и американскому империализму. Здесь дело не только в военно-политическом ослаблении Британской Империи. Усиление влияние фашизма кроется в самой идеологии латиноамериканского общества, одной из главных ценностей которого является свобода в самом широком понимании этого слова. Отсюда проистекает присущие этому континенту явления: каудильизм и демократия, насилие и зависимость, революция и диктатура. Переход от одной крайности к другой может длиться веками, а может занять сутки. По-видимому, это связано с высоким уровнем пассионарности жителей вулканического континента по сравнению с холодной рассудочностью гринго из США и Европы.

Поздно вечером 27 апреля 2009 года президенты Боливии и Парагвая Эво Моралес и Фернандо Луго подписали в Буэнос-Айресе договор о демаркации международных границ и формально закончили Чакскую войну. Церемония подписания документа прошла в присутствии президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер в Доме правительства. Договор о демаркации границ был согласован спустя 71 год.



Военные наблюдатели на линии прекращения огня

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЛИ АПОЛОГИЯ АВТОРА

Военные события почти столетней давности, вероятно, малоинтересны для широкой публики. Идея этой книги зародилась около сорока лет назад, когда информационное поле было чрезвычайно узким и весьма идеологизированным. На протяжении многих лет данные об этой войне собирались, уточнялись и синхронизировались, поскольку большинство источников, описывающих Чакский конфликт являются мемуарами или специфическими исследованиями, связанными с конкретными событиями или людьми. Воспоминания политиков и военных о войне, которых существует довольно много не могут быть основой для объективной информации в силу своей предвзятости, а военные отчёты грешат «военным числом пи» – преувеличением потерь противника и занижением собственных. Многие внешние исследования также имеют определённую идеологическую или политическую подоплеку. Например, прекрасные исследования о войне, написанные Зуком и Фарко, неожиданно замолкают, когда заходит речь о позиции американского госдепа, а Янчук и Фостер всюду видят «звериный оскал империализма». Однако, следует отметить, что никто из вышеперечисленных и многих других авторов не сделал полного и подробного описания Чакского конфликта с точки зрения военной.

Современные русские журналисты во многом полагаются на мемуары и рассказы своих соотечественников, вследствие чего происходят досадные ошибки, доходящие до гротеска. Чего стоят упоминания в современной прессе о тысячах казаков, сражавшихся в Боливии с сотнями немцев, рассказы о сотнях миллионов золотых боливиано, выплаченных немецким наёмникам, массовых бомбардировках и грандиозных танковых атаках. В этой книге автор попытался объективно и непредвзято описать события той далёкой войны, максимально отобразив истину. Поскольку книга рассчитана на русофонов в приложении III излагается список белоэмигрантов, служивших в парагвайской армии и вся доступная и достоверная информация о них. Он недостаточно полон, поскольку данные о военной службе целого ряда белогвардейцев, таких как полковники И. Астраханцев, Е. Лукин, Прокопович, Рапп, Чистяков, есаул Храпков, капитан Ардатов, Грушкин, Миловидов, Богданов и ротмистр Киевского гусарского полка барон Бломберг автору найти не удалось.

Бригадные генералы Николай Шимовский и Николай Щёголев, как и полковник Н. М. Пивень действительно служили в парагвайской армии, но в Чакской войне не участвовали, поскольку прибыли в Асунсьон только после Второй мировой войны.



**Генерал Н.Ф. Эрн и капитан Я. Туманов с семьями
Асуньсьон, 1958 год**

Приложение

I. Список и нумерация сухопутных частей и соединений парагвайской армии

Корпуса: 1, 2, 3

Дивизии: 1,2,3,4,5,6,7,8 пехотные, резервная(9 пехотная), 1,2,3 кавалерийские.

Пехота

1 «2 мая» 9 «Соце» 17 «Итаити Кора»
2 «Итороро» 10 «Ита ибате» 18 «Питиантута»
3 «Корралес» 11 «Ятаити Кора» 19 «Генерал Эскобар»
4 «Курупаити» 12 «Рубио Ну» 20 «Ака Юаса»
5 «Генерал Диас» 13 «Туитици» 21 «Умайта»
6 «Бокерон» 14 «Серра Корра» 26 «Серро Леон»
7 «24 мая» 15 «Ломас Валентинас» 27 «Полковник Гарай»
8 «Пиребебуй» 16 «Маршал Лопес» 40 батальон «Куарента»
батальон Ричуэльо (морская пехота)

Кавалерия

1 «Валца Риварола» 6 «Генерал Кабальеро»
2 «полковник Толедо» 7 «Генерал Сан-Мартин»
3 «полковник Монгелос» 8 «Генерал Дуарте»
4 «Ака Карайя» 9 «Капитан Бадос»
5 «Ака Вера» 10 «Коронель Овьедо»
1 и 2 пограничные батальоны
Разведывательные эскадроны в пехотных дивизиях
отдельный отряд Дуарте Сосса

Инженерные части (батальоны, позже – полки)

1 «Генерал Акино» 2 «Генерал Генес» 3 «Лейтенант Перейра» 4 «Акибадан»

Артиллерия (группы)

1 «Генерал Бругес», 2 «Генерал Роа», 3 «Коронель Эрмоса», 4 «Альберто Заяс», 5 (без названия)

Артиллерийские гарнизоны в Фуэрто-Олиμπο и Баия-Негре, отдельная батарея пушек
Крупна

Батальон ПВО в Нья-Гуасу (Кампо-Гранде)

Приложение

2. Список и нумерация

сухопутных

частей и соединений боливийской армии

Корпуса: 1, 2, 3, кавалерийский, резервный

Дивизии: 1,2,3,4,5,6,7,8,9,10 пехотные, 1,2,3 кавалерийские, 1(11 пехотная) и 2(12 пехотная) резервные

Всего во время войны было сформировано 74 полка: 50 пехотных, 17 кавалерийских, 3 артиллерийских и 4 технических. Однако на фронте действовало от 18 до 36 полков.

Пехотные полки (выборочно): 1 (Колорадос), 2 (Сукре), 3 (Перес), 4 (Лоа), 5 (Камперо), 6 (Кампос), 7 (Азурдуй), 8 (Аякучо), 9 (Варнес), 10 (Пари), 11 (Баге), 12 (Флорида), 13 (Монтес), 14 (Хордан), 15 (Мургуи), 16 (*Бени*), 18 (Хунин), 20 (Кочабамба), 22 (Манчого), 24(?), 25 (Сокобаи), 27(?), 31 (Роча), 33 (Чорлоки), 34(?), 35(?), 36(?), 37(?), 38(?), 40(?), 41 (Колорадос), 45(?), 47 (Парапити)

Кавалерийские полки: 1 (Абароа), 2 (Баливьян), 3 (Арома), 4 (Ингави), 5 (Ланса), 6 (Кастрильо), 7 (Чичас), 8 (Чукисака), 9 (Санта Крус), 10 (Стрелки Якумы)

Технические полки: 1 полк связи (генерал Пандо), 2 железнодорожный полк (Генерал Падилья), 3 сапёрный полк (Пауркапата), 4 сапёрный полк (?),

Артиллерийские полки: 1 (Камачо), 2 (Боливар), 3 (Писагуа)

Приложение

3.

Беломигранты – участники Чакской Войны

В списке указывается последняя должность в парагвайской армии

Генералы дивизии (Generales de Div.)

Juan Belaief – Н.С.– Иван Тимофеевич Беляев, начальник Генерального Штаба (1933), советник президента, представитель при комиссии Лиги Наций

Генерал-майор артиллерии РИА, ВСЮР, РА

Nicolás Ern – Н.С. – Николай Францевич Эрн, профессор Военной школы, дежурный генерал Генерального Штаба, генерал-инспектор парагвайской армии (1935)

Генерал-майор ГШ РИА, ВСЮР, помощник дежурного генерала при штабе ВСЮР и РА

Estefan Visokolan – Степан Леонтьевич Высоколян, командир резервной дивизии

Прапорщик РИА, ВСЮР, РА, Пражский университет, Чехословацкая Военная академия

Бригадные генералы (Generales de Brigada)

A. Andreef – А. Андреев, командир 1 артиллерийского полка
Полковник ВСЮР и РА

Dr. Eugenio Timchenko – Евгений Тимченко, директор Военного Госпиталя
военный хирург РИА

Dr. Arturo Weis – Артур Фёдорович Вайс, начальник службы медицинского снабжения,
Тайный советник, санитарный инспектр Области Войска Донского, на ответственных
постах медслужбы ВСЮР и РА

Nicolás Zimovsky – Николай Фёдорович Зимовский, начальник артиллеристской части
арсенала *Сайония*

мичман РИФ, в войсках Северной Области: флотилия СЛО, командир тральщика

Полковники (Coroneles)

Jorge Butleroff – Георгий Михайлович Бутлеров, командир 5 кавалерийского полка
поручик РИА, в отряде особого назначения ВСЮР, РА, капитан французского ИЛ

Serjio Ern – Н.С. – Сергей Францевич Эрн, профессор Военной Академии

Полковник инженерных войск РИА, ВСЮР, РА

Boris Frey – Борис Фрей, начальник картографического отдела Генерального Штаба
Кадет, в эскадроне 6 уланского полка, ВСЮР и РА

F. Fleishner – Анатолий Николаевич Флейшнер – начальник отдела Военного министер-
ства

выпускник Крымского кадетского корпуса, РА

Ivan Grablevsky – Н.С.– Иван Граблевский

Capitan de Navio Vsevolod Kanonicoff – Всеволод Канноников, командир отряда авизо
Речной флотилии

Старший лейтенант РИФ

Serjio Kern – Сергей Николаевич Керн, начальник разведывательного отделения Гене-
рального Штаба

Подпоручик РИА, войсковой разведчик. ВСЮР, РА, участник подавления восстания в
Болгарии

León Orangireeff – Р.С.– Л.Д. Оранжереев – профессор в Военной Школе, начальник
производственного отдела Сайонии

артиллерист Сибирских стрелков РИА, Вост. фронт, ДВА

Leonidas Ossovsky – Леонил Викторович Оссовский, полковник артиллерии
ВСЮР прапорщик на бронепоезде.

José Puchikarevich – Н.С.– Иосиф Пушкаревич

Capitan de Navio Jason Tumanoff – Н.С. князь Язон Туманов, начальник гидрографиче-
ской службы Речной флотилии

капитан II ранга РИФ, Начальник Волжско-Каспийской флотилии, капитан I ранга
ВСЮР, РА

Jorge Schmagailoff – Георгий Шмагайлов, начальник авиационного парка
полковник технических войск(авиации) РИА

Alejandro Von Eckstein-Dmitriev – Александр фон Экштейн-Дмитриев, сотрудник разве-
дывательного отдела Генерального Штаба, позже личный секретарь президента А.Стресснера

Вольноопределяющийся РИА, прапорщик СЗА

Подполковники (Tte Coroneles)

Nicolas Kermanoff – Н.С. Н.П. Керманов – профессор Военной Школы
Полковник ВСЮР, начальник Корниловского училища
Nicolás Kolinowowsky – Н.С. – Арсений Калиневский, начальник железнодорожных сообщений
полковник, начальник этапно-транспортного отдела военных сообщений ВСЮР и РА
Sergio Stchekin – Н.С. – Сергей Щёкин, помощник командира 7 кавалерийского полка
Сан-Мартин
полковник ВСЮР и РА
Sergio Salaskin – Сергей Сергеевич. Салазкин, командир 4 пехотного полка
ротмистр Текинского полка РИА, ВСЮР и РА

Майоры (Mayores)

Eugenio A. Bauer Von Lucinchaussen – Н.С.– Евгений А. Бауэр фон Лучинхаузен
(Veterinario) Nicolás Butchevic – Николай Буткевич, начальник ветеринарой службы корпуса
Dr. Juandes Irne – Ян Дзирне, начальник эвакуационного госпиталя в Восточном Парагвае
Nicolás Chircoff – Николай Ширков, командир батальона Куарента
корнет Архангельского гусарского полка РИА
Nicolás Hodoley – Н.А.Ходолей, командир 10 кавалерийского полка
Лейб-гвардии поручик РИА
Boris Kassianoff – Борис Касьянов, командир разведывательного эскадрона
ротмистр Псковского драгунского полка РИА
Nicolás Korsakoff – Н.И. Корсаков, командир 9 кавалерийского полка
ротмистр 3 уланского полка РИА
Leonido Lesch – Леонид Леонидович Лещ, командир 1 артиллеристкой группы, позж –
инспектор артиллерии
полковник артиллерии РИА, начальник артиллерии Марковской дивизии, ВСЮР и РА
Igor Orangireff – Н.С. – Игорь Дмитриевич Оранжевев, преподаватель в Военной Школе,
инженер в Сайонии
Артиллерист Сибирского корпуса, РИА, Вост. Фронт, ДВА
Dr. Mitrofan Retivoff – Митрофан Ретивов
Basilio Serebriakoff – Василий Фёдорович Орефьев-Серебряков – командир батальона 6
пехотного полка
есаул Донского казачьего войска РИА, ВСЮР, РА

Капитаны (Capitanes)

Ernst Altman – Н.С.– Эрнст Альтман
Bauer von Ekarschaussen – Н.С. -Бауэр фон Экартшаузен.
Vladimir Bashmakoff – Н.С.– Владимир Башмаков, военный инженер-мостостроитель
Serjio Belovsky – Сергей Беловский (медицинской службы)
Nicolás Brinoff – Н.С. – Николай Блинов, командир батальона
капитан РИА, ВСЮР, РА
Pedro Vulygin – Н.С.– Петр Петрович Булыгин, преподаватель Военной Школы.
Поручик РИА, ВСЮР, Вост. фронт, ДВА.
Victor Cornilovich – Н.С. -Виктор Корнилович, получил назначение в батальон, убит
Капитан РИА, Полковник ВСЮР, РА

Boris Dedoff – Н.С.– Б.А.Дедов, помощник генерала Эрн
ротмистр 18-го драгунского полка РИА, ВСЮР, РА
Micael Dolgacheff – Н.С. -Михаил Долгачев, командир эскадрона
юнкер Атаманского казачьего военного училища ВСЮР, РА
Nicolás Emillanoff – Н.С.– Николай Емельянов, командир батальона
есаул Донского казачьего войска РИА, ВСЮР, РА
Alejandro Gaidukoff – Александр Гайдуков, военный врач в Кампо Гранде
Capitàn Nicolas Goldsmit – Николай Иосифович Гольдшмидт, командир 3 полка, началь-
ник штаба 8 дивизии
штабс-капитан РИА, ВСЮР, РА
Dr. Constantino Gramtchicoff – Константин Граматчиков, военный врач
Sergio Hodorovich – Н.С. – Сергей Ходорович
Boris Jurakosky – Н.С. – Борис Жураковский, командир батареи
Полковник конной артиллерии РИА, ВСЮР и РИА
Tte de Navio Nikolaj Kunakoff – Н.С. – Николай Николаевич Кунаков, капитан авизо
Лейтенант РИФ, Вост. Фронт, СФ, ДВА
Basilio Malutin – Н.С.– В.П.Малютин, командир роты батальона *Куарента*
Хорунжий Кубанского казачьего войска, сотник ВСЮР и РА
Jorge Ozol – Н.С.– Георгий Озол, командир сапёрной роты
поручик РИА
Serjio Schetinin – Н.С. – Сергей Щетинин.
Paolo Shaposhnikoff – Н.С.-Павел Шапошников
Ladimir Srevalin – Н.С.– Владимир Срывалин, командир батальона
Штабс-капитан РИА, комендант штаба Марковской дивизии ВСЮР и РА
Rasoropoff – Распопов, получил назначение в батальон
Juan Tarakus – Н.С.– Иван Таракус, командир эскадрона
Jorge Tchirkin– Н.С.– Георгий Чиркин, командир батальона
Constantino Ungern Sternbrng – Н.С.– барон К.А. Унгерн фон Штернберг, командир бата-
льона
Подпоручик конной артиллерии, ВСЮР
Michael Zelenkoff – Н.С.-Михаил С. Зеленков, командир эскадрона
Есаул ВСЮР

Старшие лейтенанты (Tenientes Primeros)

Boris Ern – Борис Сергеевич Эрн, офицер для поручений Военного Министерства
Вахмистр РИА, корнет РА
de Marina Nociñás Eujenio Gjers – Евгений Гьерс, Речная флотилия
Nicolás Golushnevich – Н.С. – Николай Голушкевич
Constantino Malinovsky – Н.С. – Константин Малиновский.
Wenceslao Joloff – Н.С. – Вячеслав Холоф, инструктор в Кампо-Гранде
Dr. Nicolás Popoff – Николай Попов, военный врач
(Aviador) Vladimir A. Porfenenko – Владимир Парфёненко
Dra. Vera Restivoff de Popoff – Вера Ретивова (Попова), военный врач
Dr. Vladimir Sadoff – Владимир Садов, военный врач
Dra. Barbara Sadoff – Варвара Садова, военный врач
V. Saharoff – Вадим Николаевич Сахаров, начальник связи Речной флотилии
лейтенант РИФ, ст.лейтенант ВСЮР
Alejandro Taranchenco – Александр Таранченко, командир эскадрона

Arsenio Vaesken – Арсений Ваёскин, военный лётчик
Emilio Zajarchuc – Н.С. – Эмилий Захарчук, инструктор в Кампо-Гранде

Вторые лейтенанты (Tenientes)

Juan Bardick – Иван Бардик
Boris Hogol-Yanovsky – Борис Гоголь Яновский
Jorge Von Horoch – Н.С.– Георгий фон Гороч
Dr. Alejandro Latkovisy – Александр Латковский), военный врач
Ladimir Schetina – Н.С. – Владимир Щетина.
Rostslao Vicins – Н.С.– Ростислав Викинс.
Ladislao Voroniecki – Владислав Воронежский

Лица, не имевшие офицерских чинов:

Serjio Velichev – Сергей Величев, оружейник.

Примечание

Вост. Фронт – Белые армии к востоку от Волги в 1918-1920 гг.
ВСЮР – Вооружённые Силы Юга России (Деникин)
ДВА – Дальневосточная Армия (Семёнов и Приморье, 1920-1922)
Н.С. – расшифровывается honores causa и означает *почетный случай*
РА – Русская Армия (Врангель)
РИА – Российская императорская армия
РИФ – Российский императорский флот
СЛО – флотилия Северного Ледовитого Океана
СФ – Сибирская флотилия
ЮЗА – Юго-Западная Армия (Юденич)

Приложение

4.

Карта боевых действий

Библиография

- Abou S. The Jesuit “republic” of the guaranis (1609-1768) and its heritage. A crossroad herder book. The crossroad publishing company, NY, UNESCO Publishing, 1997.
- Alexander R. J. Bolivia. Praeger, Westport, Co., London, 1982.
- Antezana Villagrán, Jorge (1982). *La Guerra del Chaco: análisis y crítica sobre la conducción militar*. La Paz (Bolivia): Talleres Gráficos Mundy Color.
- Arze Quiroga, Eduardo (1974). Documentos para una historia de la guerra del Chaco: seleccionados del archivo de Daniel Salamanca Vol. 4. La Paz (Bolivia): Don Bosco.
- Bernhardson W. Argentina, Uruguay & Paraguay. Hawthorn, Au: Lonely planet, 1996.
- Breve resumen de la campaña del Chaco. Ministerio de la defensa nacional. Asuncion: imprenta militar, 1934.
- Casabianca, Ange-François; Boselli Cantero, Cristina (2000). *Una guerra desconocida: la campaña del Chaco Boreal, 1932-1935*. Vol. 1-7. Asunción (Paraguay): El Lector. [ISBN 9992551917](#).
- Delgado N. Historia de la guerra del Chaco. 2 vols, Asuncion: Imprenta nacional, 1943.
- Enciclopedia Britanica, L: 1924.
- Estigarribia, José Félix (1950). *The epic of the Chaco: marshal Estigarribia's memoirs of the Chaco War, 1932-1935* (en inglés). Austin (Texas): University of Texas Press.
- Farcau B.W. The Chaco war. Praeger, Westport Co., L., 1996.
- Farcau B.W. The ten cents war. Praeger, Westport, Co., London, 2000.
- Fernández, Carlos José (1973). *La guerra del Chaco Vols. 5*. Asunción (Paraguay): Talleres Gráficos Zamphirópolis.
- Florentín, Heriberto (1958). *Batalla de Strongest*. Buenos Aires (Argentina): Editorial Asunción.
- Hagedorn D., Sapienza A.L. Aircraft of the Chaco War, 1928-1935. Schiffer military, Atglen, PA, 1997.
- Howson G. Arms for Spain, St.Martin's Press, N.Y., 1999.
- Gen. E. Kalniņš. Artilerijas taktika. Rīga, 1928.
- Lewis P.H. Political parties & generations in Paraguay's liberal era, 1869-1940. University of NCA press, Chapel Hill & London, 1993.
- Melgarejo, Juan E. (1969). *Transmisiones en la guerra del Chaco, Volumen 1*. Asunción (Paraguay): Editorial “El Grafico”.
- Nickson R.A. Historical Dictionary of Paraguay. 2nd edition. The Scarecrow Press, Metuchen, N.J., 1, 1993
- Nunn F. Yesterday's Soldiers: European Military Professionalism in South America. Lincoln.; L., 1983
- Querejazu Calvo, Roberto (1981). *Masamaclay. Historia política, diplomática y militar de la guerra del Chaco*. Cochabamba-La Paz (Bolivia): Los Amigos del Libro.
- Root L.B. the politics of the Chaco peace conference, 1935-1939. University of TX press, Austin, 1970.
- The Statesmen's yearbook, 1998-1999, edited by B.Turner, L., McMillan, 1999.
- Thompson R.W. An Echo of Trumpets. Woking & London: Unwin bros. ltd, 1964.
- Tovar Villa R. Campaña del Chaco: el general Hans Kundt. Oruro: Editorial de la Uniersidad Tecnica, 1969.
- Vergara Vicuña, Aquiles (1944). *Historia de la Guerra del Chaco*. Varios volúmenes. La Paz (Bolivia): Litografías e Imprentas Unidas.

- Vidal, Gerónimo (1968). *Misión de la patrulla Teniente Vidal para la maniobra de El Carmen*. Buenos Aires (Argentina): Gráficas Negri.
- Vittone, Luis (1988). *La Guerra del Chaco Volumen 2*. Asunción (Paraguay): Sin indicación editorial.
- Wood Bryce. *The US and Latin American Wars, 1932-1942*. N.Y.; 1, 1966.
- Zook D.H. *Conduct of Chaco War*. Bookman ass., N.Y., 1960.
- Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. В 2 кн. М. – Изд.дом «Русская разведка», 1998.
- Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки. М. – Высшая школа, 1981.
- Артиллерия XX века. Спр. М. – Изд-во АСТ, 2001.
- Бандейра М. Проникновение США в Бразилию. М.:Прогресс, 1982.
- Ген. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии. М: Воениздат, 1948.
- Бастос А.Р. Я, Верховный. М: Прогресс, 1980.
- Беляев И.И. Финансы и стратегия. Париж, 1937.
- Бипланы, трипланы, гидросамолеты: свыше 300 бипланов, трипланов и гидросамолетов всего мира/ Перевод с англ.Т.Горшковой.-М.: ООО Изд-во АСТ, 2001.
- Военная мысль в изгнании М.– Военный университет, Русский путь, 1999.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства, Р-н-Д: Фокус, 2000.
- Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны., Спб.: Изд.дом Нева, М.: ОЛМА-пресс, 2003 г.
- Галактионов М. Париж, 1914 (Темпы операций). М. – АСТ, 2000.
- Ганзелка И., Зикмунд М. Там, за рекою, Аргентина. Прага: Артия, 1958.
- Гевара Э. Че Я– конкистадор свободы. М. – Эксмо-пресс, 2000.
- Ген де Голь Ш. За профессиональную армию. М. – Олма-пресс, 1998.
- Дюпюи Р.Э. и Т.Н. Всемирная история войн в 4 т. М. – Полигон, 1993-1997.
- Жук А.Б. Стрелковое оружие. М. – Воениздат, 1991.
- Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.– Воениздат, 1989.
- Керсновский А.А. История русской армии, М. – Воениздат, 1999.
- Клавинг В.В. Белая Гвардия. СПб., изд-во «Ольга», 1999.
- Константинов О.К. Боливия. М. – Мысль, 1979.
- Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. М. – Молодая Гвардия, 1978.
- Латинская Америка. Справочник. М. – Изд-во полит. лит-ры, 1962.
- Латинская Америка. Энциклопед. Справочник, в 2 т. М. – Изд-во «Сов.энциклопедия», 1979.
- Латинская Америка в международных отношениях. Глинкин А.Н. и др. М. – Наука, 1988.
- Локальные войны. История и современность. Под ред.ген.Шаврова Е.И. М. – Воениздат, 1981.
- Мартынов Борис. Русский Парагвай. М: Воениздат, 2006. – 239 с.
- Мелья Б., Миралья Л., Мюнцель М. и К. Агония индейцев аче – гуаяки. М.– Прогресс, 1982.
- Мировые экономические кризисы. Под ред. Е.Варга. М. – ОГИЗ, 1937.
- Окороков А.В. Русские добровольцы. М.– Авуар-консалтинг, 2004.
- Окороков А.В. Русская эмиграция. М. – Авуар консалтинг, 2003 г.
- Пако Игнасио Тайбо II. Гевара по прозвищу Че. М. – ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Пасо Л. Исторические корни аргентинской зависимости. М.– Прогресс, 1981.
- Политическая система общества в Латинской Америке. Под ред. А.Ф.Шульговского. М. – Наука, 1982.

- Полная энциклопедия танков мира 1915-2000 гг. Справочник, сост. Г.В.Холявский. Мн: Харвест, 1999.
- Русская армия на чужбине. Сост.С.В.Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
- Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной Армии. М.– Русский путь, 2002.
- Сармьенто Д.Ф. Варварство-цивилизация. Избранные произведения. М. – Наследие, 1995.
- Свечин А. Постигание военного искусства. М.: Русский путь, 2000.
- Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. М. – ГИЗ Иностранной литературы, 1947.
- Сен-Морис. Банки и займы – орудия иностранной политики. М. – Госиздат, 1925.
- Ген. В.Сикорский. Будущая война. М. – Воениздат, 1936.
- Скворцов В. Старейшие полки зарубежья. М. – Кода-Пресс, 2002.
- Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры. // Часовой. – 1936. – NN 174, 176.
- Страны Латинской Америки. Под ред. Ф.Н.Петрова. Справочник.М. – ОГИЗ, 1949.
- Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. М.– Из-дво ин.лит-ры, 1955.
- Харботл Т. Битвы мировой истории. М. – Внешсигма, 1993.
- Харитонов В.А. Парагвай. М. – Мысль, 1976.
- Хогг Я. И Уикс Д. Все пистолеты мира. М. – Эксмо-пресс, 1999.
- Цыпкин Г.В. Эфиопия в антиколониальных войнах. М.– Главная редакция восточной литературы, 1988.
- Шунков В.Н. Оружие пехоты 1939-1945. Мн.:Харвест, 1999.
- Флот в белой борьбе. Под ред. С.В.Волкова. – М.:ЗАО Центрполиграф, 2002.
- Энциклопедический словарь. Спб: Брокгауз и Эфрон, 1902.
- Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке. М.– Наука, 1982.